

ФГБОУ ДО «Федеральный центр дополнительного образования
и организации отдыха и оздоровления детей»
Центр детско-юношеского туризма и краеведения
МОО «Международная академия детско-юношеского туризма
и краеведения им. А.А. Остапца-Свешникова»

ХОДИЛИ МЫ ПОХОДАМИ НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ О ТУРИЗМЕ

Сборник

МОСКВА
2021

УДК 379.85
ББК 76.8

X – 69

Ходили мы походами. Невыдуманные рассказы о туризме: сборник / автор-составитель Ю.С. Константинов. – М.: ООО «Сам Полиграфист», 2021. – 288 с.: ил.

ISBN

В сборнике представлены воспоминания ветеранов туризма, имеющих большой походный и педагогический опыт. Их рассказы, в большинстве своем написанные с изрядной долей юмора, – не выдумки, а воспоминания о событиях и ситуациях, имевших место во время туристских походов, слетов, соревнований.

Книга будет интересна не только специалистам в области туризма и педагогики, но и широкому кругу читателей – любителей путешествий и активного образа жизни.

ISBN

© Ю.С. Константинов, 2021

К читателям

Появление этой книги вызвано желанием внести хоть малую лепту в пропаганду нашего любимого вида деятельности — туризма, особенно детского, внимание к которому в последние годы не только со стороны государственных органов, но, к сожалению, и общества, значительно упало. При огромном количестве материалов, пропагандирующих коммерческий туризм, особенно зарубежный, в настоящее время практически отсутствуют материалы о спортивно-оздоровительном, детском, самодеятельном видах туризма, которые имеют в нашей стране многолетние традиции.

Подавляющее большинство публикуемых в данном сборнике материалов написано ветеранами, имеющими большой туристский и педагогический опыт. Их рассказы, в большинстве своем, — не выдумки, не туристские байки, а воспоминания о событиях из реальной жизни. Как правило, это какие-то курьезные или чрезвычайные события. Через много лет, когда встречаются участники походов, вспоминают именно такие моменты. И чаще всего плохое забывается, а забавные случаи вспоминаются с доброй улыбкой.

Многие из помещенных в книгу материалов были опубликованы ранее в различных изданиях, выражаем искреннюю благодарность их издателям. Мы старались минимально редактировать представленные материалы, чтобы сохранить авторский стиль, поэтому они разные как по содержанию, так и по манере изложения. Как у Булата Окуджавы:

«Каждый пишет, как он слышит,
Каждый слышит, как он дышит,
Как он дышит, так и пишет,
Не стараясь удивить».

Сердечно благодарен авторам рисунков и фотографий, помещенных в сборнике, но, к сожалению, не могу назвать их фамилии, так как эти материалы публиковались в различных изданиях без указания авторства. Хочется также сказать большое спасибо моим многолетним товарищам и коллегам Е. Д. Зорковой, В. А. Лосевой, А. С. Лосеву, которые приняли активное участие в подготовке текста и иллюстраций и в издании книги.

Уважаемые читатели! Хороших вам туристских походов, слетов, соревнований, о которых потом можно по-доброму вспомнить и рассказать.

С уважением к вам

автор-составитель Юрий Сергеевич Константинов

*доктор педагогических наук, заслуженный учитель Российской Федерации,
заслуженный путешественник России, вице-президент
Международной академии детско-юношеского туризма и краеведения*

Тёмкин Вениамин Яковлевич

Санкт-Петербург

Родился в 1950 г. Работает учителем физкультуры в школе. Много лет занимается с детьми спортивным ориентированием. В течение почти трех десятилетий собирал и записывал смешные высказывания своих воспитанников. Это происходило на соревнованиях, на тренировках, в школе. А сколько «перлов» можно услышать в условиях полевого лагеря, у вечернего костра, когда ребята раскрываются полностью, рассказывая о школе, о своих друзьях, о себе.

Мы не стали отбирать «смешарики», непосредственно связанные с туризмом и ориентированием, а поместили почти всю подборку, опубликованную в книге «Ориентирование как образ жизни, или с улыбкой об ориентировании».

СМЕШАРИКИ

- *Выполоскалась в болоте выше пояса.*
- *У меня нет сил, даже которые в запасе.*
- *На мою записку Ленка ответила пенделем.*
- *Ты как думаешь? — Да никак!*
- *Больше всего я люблю горелую кашу: приятно смотреть, как все морды корчат.*
- *Меня догнал парень из ЛДП, и мы друг у друга спросили, где мы находимся.*
- *Раньше, до того как я родился, я ничего не умел.*
- *У меня бутерброд никогда не падает маслом вниз, потому что я масло всегда закрываю колбасой.*
- *У меня спортивная злость перешла от мамы, поэтому она добрая.*
- *Я выбрался из ямы и увидел вокруг себя окружающую среду.*
- *Когда солнце на юге, оно светит в сторону севера.*
- *Больше всего я люблю спать сладкими снами.*
- *Я сегодня не побегу, у меня снова заболела другая нога.*
- *Мне все равно, что с мылом, что без мыла мыться, все равно я сразу пачкаюсь.*
- *Завтра будет дождь — солнце село не в той стороне.*
- *Создалась очередь на наряды вне очереди.*

Макаренко Антон Семенович (1888–1939)

Украина, Москва

Родился в Харьковской губернии. Окончил педагогические курсы, а также с золотой медалью учительский институт. В 1917–19 гг. работал заведующим железнодорожной школой. В 1920 г. создал трудовую колонию им. Горького для несовершеннолетних правонарушителей. В 1927–35 гг. был одним из руководителей детской трудовой коммуны ОГПУ имени Ф. Э. Дзержинского (под Харьковом). Вместе со своими воспитанниками совершал многодневные походы-путешествия, которые стали важным звеном учебно-воспитательного процесса и рассматривались выдающимся педагогом как «перспективная точка впереди». В 1937 г. переехал из Киева в Москву, где занимался в основном литературной деятельностью, публицистикой, много выступал перед педагогическим активом. Автор нескольких книг, среди которых ведущее место занимает «Педагогическая поэма». В 1939 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Случай в походе

Впервые рассказ опубликован в журнале «Колхозные ребята», 1937 г., № 10. Случай, который лежит в основе сюжета, произошел во время летнего похода коммунаров-дзержинцев в 1939 году.

Несколько лет назад, закончив полугодовой план на своем заводе, коммуна отправилась в поход. В этом году был большой поход, к нему готовились с самой осени. Поход — дело сложное.

В начале июля четыреста коммунаров маршем прошли к вокзалу, взволновали город звоном своего могучего оркестра. За последним взводом малышей шумели три грузовика обоза. На грузовиках сложено все наше имущество: провизия, корзинки с костюмами, чемоданы, даже мелкие вещи, в строю ведь не полагается нести что-либо в руках. Однако в первом взводе все-таки несут чемодан. А в чемодане деньги. За зиму каждый коммунар накопил из заработка несколько десятков рублей чи-

- *Я завтра не приду, меня причина не пускает.*
- *Я местный разрядник.*
- *Я преодолел все, остались трудности.*
- *Высоко в небе порхали насекомые.*
- *К финишу меня сильно толкали преследователи*

стых сбережений, а некоторые и больше сотни. Деньги эти еще не были выданы коммунарам, а общее собрание так и решило: не нужно их сейчас раздавать, а то растрагим, а на Кавказ приедем без денег. Поэтому деньги находились на моей ответственности. Я сложил их в чемодан среднего размера, и они насили-насили в нем поместились — пятьдесят пять тысяч рублей и все пятерками и тройками. С большим трудом закрыл я крышку чемодана, а потом посмотрел на него с грустью:

— Что же это выходит: я должен весь поход носить этот чемодан?

Председатель совета шестнадцатилетний Шурка Неварий попробовал чемодан на вес и завертел головой:

— Действительно; тут пуда полтора. А как же быть?

И другие ребята задумались. Кто-то сказал:

— Пятьдесят пять тысяч рублей — не шутка. А у нас народ разный есть.

Народ в коммуне был и в самом деле разный. Почти все пришли в коммуну из беспризорности, а некоторые и тюрьмы попробовали. В коммуне все были хорошими товарищами, но случалось, нет-нет, да и пропадет у кого-нибудь рубль или три — украли. А здесь большие деньги — большой соблазн.

Думали старшие и решили: отдать чемодан с деньгами на хранение первому комсомольскому взводу, пускай как хотят, так и управляютя с ним.

Первый взвод не уклонился от ответственного поручения, и поэтому в их рядах всегда болтался у кого-нибудь в руках черный чемодан среднего размера.

Поход был большой. Девятьсот километров проехали поездом до города Горького, в Горьком дня четыре гуляли, побывали в Балахне, на автомобильном заводе, по городу сделали маршей не меньше, как километров на сорок. И всегда в первом взводе немного портил строй этот самый чемодан.

Потом мы заарендовали пароход и поплыли вниз по Волге. Плыли долго, не спешили, останавливались в каждом городе. На пароходе я начал ребятам выдавать деньги. Выдавал понемножку, чтобы и на Кавказ осталось, но все же за десять дней плаванья роздал восемнадцать тысяч пятьсот сорок один рубль двадцать пять копеек. При каждой раздаче составлялся список, и в нем ребята расписывались. Списки эти я складывал в другой чемодан, в котором находилась наша походная канцелярия. Этот чемодан тоже на-

ходилса при первом взводе, только его не носили в строю, а сдавали в обоз.

В Сталинграде мы распрощались с пароходом и сели в поезд, чтобы ехать в Новороссийск. Поезд нам дали плохой и почему-то без освещения. Я поместился в вагоне первого взвода. Проверив караулы в каждом вагоне, я заснул. А разбудили меня рано утром общее волнение и крики в вагоне. Меня тормозили, и я еще не успел проснуться, как мне все хором закричали: только что, когда поезд отошел от какой-то станции, один человек вскочил в вагон, закричал что-то, пробежал к другому выходу, по дороге схватил чемодан и выпрыгнул вместе с ним на ходу.

— Чемодан?

— Да, чемодан. Только не тот. Он хотел, видно, с деньгами, а ухватил другой... с канцелярией.

— А где это ребята?

— Да почти все попрыгали.

— Куда попрыгали?

— А за ним. За вором попрыгали.

Поезд шел на последнем перегоне к Новороссийску. В этом городе мы стояли два дня, собирались сесть на пароход. И два дня с нетерпением ждали возвращения первого взвода. Ребята пришли только к вечеру второго дня, голодные, уставшие и подавленные неудачей. Вор, как только спрыгнул с поезда, бросился в лесок и как сквозь землю провалился. Коммунары исследовали все окрестности Новороссийска, сделали не меньше сотни километров, но ничего не нашли.

Собственно говоря, грустить было мало основания. В чемодане ничего особенно ценного не было. Но вдруг я вспомнил, что в нем лежали списки на полученные ребятами деньги. Выходило так, что я не мог отчитаться в расходе восемнадцати тысяч рублей.

Я собрал совет и объяснил ребятам затруднительность моего положения. Ребята задумались. Шурка сказал:

— Да. Дело скверное. Надо новые расписки взять... только много есть таких... неправильно напишут... как будто меньше получили... напишут.

Но у меня другого способа и не было. На общем собрании я просил ребят, чтобы каждый написал на отдельном листке бумаги расписку на все деньги, полученные в дороге.

Поздно вечером в совете стали приводить эти расписки в порядок. Все-таки их было четыреста.

Расписки разложили в маленькие папки по взводам и отдельно под-

- *Когда мне начать думать?*
- *Костик не только грубиян, но и любит обзыватья.*
- *Анечка, поздравляю тебя с днем рождения и желаю тебе кучу этих дней в этом году.*
- *Еле теплая вода.*

- *Мы с тобой как одна палка с двумя концами.*
- *Мои мысли не для слуха.*
- *Смотрел про гангстеров, так у нас в школе интересней.*
- *Знаешь, я был на КП и видел, как ты его не видел..*
- *Простите меня, я больше никогда ничего не буду делать.*

считывали каждый взвод. Шурка сидел как на иголках и шептал:

— От интересно... все ж таки... советские люди... а накроют, честное слово, накроют.

Помолчит немного и опять волнуется:

— Я так думаю, рублей на пятьсот накроют вас, Антон Семенович.

Кто-то возразил ему:

— Нет... рублей на сто, больше не накроют.

Перед Шуркой на столе лежит чистая тетрадь и на ней огромными цифрами написано: 18 541 р. 25 к.

Эта цифра была взята из моей записной книжки, где я записывал все расходы по походу.

Скоро взводные итоги были проверены и записаны. Шурка взял карандаш, чтобы подсчитать общий итог, раза два просчитал цифры копеек и вдруг бросил карандаш:

— Не могу, честное слово, не могу. Считай ты, Колька!

Колька взгромоздился на стул и начал вслух:

— Три да четыре — семь, да пять — двенадцать, да девять — двадцать один...

Он записал первую цифру итога: 5

— Правильно! — заорал кто-то. Все промолчали. Через две минуты рядом с пятеркой появилась новая цифра 2.

— Здорово, — закричал тот же голос.

— Да чего ты орешь? — рассердился Шурка. — Подумаешь, здорово! В копейках никто не наврет. Считай дальше!

Колька просчитал и прошептал чуть слышно:

— Шесть.

— Сколько?

— Шесть.

— Не может быть, считай сначала, да считай правильно! Чего ты с ногами на стуле сидишь? Сядь как человек!

Колька сел как человек и осторожно, нажимая на каждом итоге, просчитал цифру единиц.

— Шесть.

— От сволочи! — сказал Шурка. — Ну, черт с ними, пиши шесть.

Колька написал рядом с копейками: 6.

— Ну, и народ же какой поганый! — произнес со злостью Шурка и глянул за окно. Там стояла толпа коммунаров, и один поднял к Шурке напряженное лицо:

- *Лес немного позеленел и ожелтился.*
- *Если я вернусь, то вы меня не ищите.*
- *Как быстро кончилось лето: только разделся, а уже пора одеваться.*
- *Больше всего я хорошая во сне.*

— Шура, ну что? Правильно?

— Где там правильно? У вас разве может быть правильно. Сказано, беспризорники!

За окном затихли.

У Кольки вдруг рядом с шестеркой появился дикий и неожиданный ноль.

— Что такое? — Шурка бледнел все больше и больше. — Считай еще раз.

Но и проверка не изменила ужасной картины: ноль. Шурка махнул рукой и поднялся из-за стола:

— Я не могу. Я уйду.

Я удержал его за руку. Он стал в безразличной позе за спиной Кольки и боком следил за его карандашом. Карандаш вдруг медленно и слабо начертал в столбике сотен: 2.

Колька вспотел и откинулся на спинку стула:

— Два. Двести, значит.

— Еще раз! — громовым голосом заорал Шурка. Колька стремглав бросился к бумаге, но считал основательно, медленно, громко:

— Три да семь — десять, да еще четыре — четырнадцать, да девять — двадцать три, да четыре — двадцать семь, да пять — двадцать девять.

Шурка быстро поднял руку и стукнул Кольку по голове:

— Да что же ты со мной делаешь? Каких девять, каких девять? Два.

Никто не возразил против расправы. Колька встряхнул головой и пошел дальше. Под цифрой сотен стала пятерка.

— Фу! — вздохнул Шурка. Все улыбнулись.

Все остальное было правильно. Общая цифра вышла: 18506 р. 25 к.

Все устало замолчали. Кто-то сказал:

— Значит, тридцать пять рублей. Ну, это еще ничего.

Грустно все-таки задумались. Колька мечтательно смотрел на свой итог и как будто про себя сказал:

— А все отдали бумажки?

Шурка скучно посмотрел на него:

— Все.

И вдруг открыл глаза и хлопнул себя по лбу:

— Ах я, старый дурак, ах сволочь какая! На!

Из бокового кармана он выхватил бумажку и бросил Кольке. На ней была написана расписка в том, что Александр Неварий получил в счет заработка тридцать пять рублей.

- *Я так крепко спала, что не помню, зачем проснулась.*
- *Лешка! Помоги! — Сейчас, только сам выучусь!*
- *КП поставили в угол, у болота.*
- *Маленький мальчик тихо молчал.*
- *Почему вкусно всегда не хватает?*

Все громко и радостно засмеялись. Шурка подбежал к окну и заорал:
 — Правильно! Тютелька в тютельку! Копейка в копейку!
 За окном дико заверещали «ура!». Шурка сидел и улыбался, а потом сказал спокойно и уверенно:
 — Собственно говоря, иначе и быть не могло.

Портреты путешественников

XIX век

XX век

XXI век

Ротштейн Людмила Марковна (1928–2008)

Москва

В 1949 г., работая пионервожатой в школе, совершила свой первый трехдневный туристский поход на лыжах. В 1959 г. перешла работать в туристский кабинет Ленинского дома пионеров г. Москвы, который возглавляла 41 год. Вместе с кружковцами, учителями совершила различные категорийные походы по многим регионам Советского Союза, мастер спорта СССР по туризму. Автор нескольких книг и программ, более 30 публикаций в различных журналах и сборниках.

О Валентине Михайловиче Куликове

Людмила Марковна много лет работала с Валентином Михайловичем Куликовым — видным практиком и теоретиком детского туризма, и эта совместная не только служебная, но и семейная деятельность оказалась результативной. Ленинский район в течение 1960–80 гг. в туристском отношении был одним из лучших не только в Москве, но и в Советском Союзе. В. М. Куликову довелось быть директором Московской городской станции юных туристов, заместителем директора Центральной детской экскурсионно-туристской станции СССР.

100 километров за сутки

Валентин Михайлович Куликов был большой придумщик и очень любил все новое. Услышав что-то интересное, схватывал на лету и тут же перерабатывал на свой лад. Прочитал где-то, что в Чехословакии проводятся походы «100 километров за сутки». Выходят более 200 человек, организованы пункты подкормки, где можно выпить чашку горячего кофе, съесть бутерброд. Идущих сопровождает несколько машин «скорой помощи», которые подбирают упавших и пострадавших. И загорелся. Собрал желающих. Условие было такое, с маршрута каждые 10–15 километров можно было уехать. И если ты дальше идти не можешь — уезжай, не будь обузой для товарищей. В те времена было не страшно ходить и ездить в одиночку в любое время суток.

- Видишь там КП? Ну, смотри прямо, видишь КП? Ну вот, их уже два!
- У нас дистанция для неумех! Можешь попробовать! Но лучше постой тут. Дай скорее убежать!
- Во время сильного ветра палатка сильно хлопала дверью.

- Он меня обманул! Там никакого КП не было!
- Олечка, дай написать отметку!
- Этой зимой я каталась не только на лыжах, но и на мазях тренера.
- У меня в ухе трещало мотоциклетом.

С родителей бралась расписка, что они не возражают, что их ребенок будет участвовать в таком походе и, если нужно, самостоятельно уедет с маршрута.

В первый поход отправилась большая группа, но они осилили примерно 42 километра, сбили ноги и дружно решили, что хватит — никто дальше не пойдет. Заночевали в лесу.

Во второй поход пошли семь человек. Они осилили 104 километра за 26 часов. Это далось нелегко — стертые ноги, учащенный пульс и различные побочные явления.

Третий раз желающих было всего три человека. Прошли 100 километров за 26 часов.

Четвертый раз группа была большая, но маршрут неудачный и погода плохая — не удавалось выдержать режим движения.

Пройдя 40–45 минут, мы не могли найти место для привала — кругом была вода.

Увеличивая переходы, теряли силы, сбивали ноги. А сохранить ноги было главной задачей. Нарушение режима и перегрузки сказались. Мы прошли 75 километров. Но какой ценой? Я застудила нерв и целый месяц могла ходить только с поднятой вверх правой рукой. В другом положении пальцы немели и рука не работала.

И Валентин Михайлович понял: нужна отработанная стратегия. Так как нас сопровождать машины «скорой помощи» не будут, надо все предусмотреть и полагаться на свои силы. Он предполагал, что необходимо:

1) хорошо продуманный маршрут. Движение по шоссе или вдоль шоссе только в ночное время;

2) четкий режим движения: 40–45 мин движения, 15–20 отдыха, чтобы проветрить ноги;

3) нужна группа обеспечения, которая где-то после 45–50 километров обеспечит горячий обед и часовой отдых у реки, где можно побродить в воде, давая полный отдых уставшим ногам;

4) идущим нужны только теплые вещи для привала, подстилки, соки, шоколад — никаких больших рюкзаков.

И до чего же он был доволен, когда, следуя этому, все 13 человек, вышедшие на маршрут, за 26 часов (включая отдых) прошли 113 километров.

Правда, у Маши отказали ноги и последние 10 километров ее букваль-

но тащили под руки. Кто-то потерял голос и потом не мог разговаривать несколько дней — это сказывались перегрузки.

Конечно, это была победа над собой. Но, в общем-то, эти жертвы были ни к чему и, пожалуй, доставляли мало удовольствия.

Пропадало главное: удовольствие от увиденного, наслаждение красотой.

Суд

Место, которое мы выбрали для проведения одного из первых смотров готовности групп к летним многодневным походам, привлекло нас тем, что это была не обычная большая поляна, а небольшие пятачки-залысины. На каждом из них могла автономно разместиться группа, показав умение планировать лагерь. Так как там было множество туристских стоянок с горами мусора, которые мы добросовестно очистили, наивно решили, что никакого разрешения получать в лесничестве не надо. В этом «проходном дворе» постоянно останавливались туристы.

Провели смотр. Как водится, всю территорию тщательно убрали.

И вдруг, спустя какое-то время, я (а я была главным судьей) получаю повестку в суд — меня обвиняют в потраве 20 га луга и рубке 20 деревьев.

Явились в суд в назначенное время я, Валентин Михайлович Куликов, три очень авторитетных наших свидетеля и один из милиционеров, который все дни был на смотре. Со стороны обвинения явились инженер лесничества и лесник.

Допросили меня, трех свидетелей. Судьи угрюмо молчали. Свидетельство милиционера о том, что у нас был полный порядок, порубок не было; луга, как такового, вообще не было, а значит, нечего было топтать, тоже не произвело на судью никакого впечатления.

Но вот вызвали Валентина Михайловича. Внимательно посмотрев на судью, он тихо сказал: «Что же получается? Приехала в лес Ротштейн, взяла топор и пошла рубить. Уничтожила двадцать деревьев, но этого ей показалось мало. Тогда она легла на траву, стала кататься туда-сюда и таким образом потравила двадцать гектаров луга».

Зрители в зале хохотали в голос. Судьи закрывали лицо руками, не в силах сдержать улыбку.

«Когда выступил ваш Валентин Михайлович, — сказал после суда главный инженер, — я понял, что дело проиграно».

Суд признал иск необоснованным.

- *В вывернутых карманах лежала куча барахла.*
- *У нас сегодня тренировка прошла на высоком уровне. Никто ни разу не упал.*
- *Думаешь, я плохой спортсмен? Зря! Я могу и лучше!*
- *На КП мы с Андреем долго удивлялись!*

- *У Валентина вредная привычка. Он не видит КП.*
- *Что сегодня на ужин? Если принохаешься, то каша, а если нет, то чай.*
- *Сашка! Иди к нам! Мы тут кое-что нашли! Это, наверно, КП!*

Так лесничеству не удалось свалить на нас свой недосмотр за порубками диких туристов.

«Надо уметь ориентироваться!»

Валентин Михайлович был влюблен в ориентирование и топографию. Ориентировался он потрясающе на любой местности, в любое время суток.

Наш туристский лагерь 36-й школы размещался в глухом лесном массиве, на реке Воре, в нескольких километрах от села Ахтырка. Холодная и довольно глубокая река исключала всякие неожиданные визиты, жили мы безбоязненно. В этот день все группы ушли в поход. В лагере остались я и десять ребят. Близилась полночь. Спать не хотелось. Мы сидели у костра и при его свете читали вслух острую приключенческую повесть. В самый пик события, когда все были напряжены и ждали «что дальше», на книгу упала шишка. Все удивленно переглянулись, деревьев над нами не было. Мы сидели на большой поляне. Вечер был тихий, безветренный. Откуда шишка?

Продолжаем читать. Напряженно вслушиваемся в тишину. Тихо. Вокруг ни шороха. И вдруг опять шишка. «Сережка, тащи топор и лопату!» — решительно говорит кто-то, и тогда из темноты выходит к костру Валентин Михайлович.

- Я что, вас испугал?
- Господи! Ночью? Как вы нас нашли?
- По компасу, — смеется он. — Надо уметь ориентироваться!

«Опростоволосился»

Лишь однажды был случай, когда Куликов «опростоволосился». Наш маршрут проходил по Архангельской области, по глухой тайге Онежского полуострова. Местность почти ненаселенная. В годы коллективизации сюда ссылали кулаков, большинство из которых многосемейные, своим трудом сколотившие крепкие хозяйства, не одобряющие советскую власть и ее желание «всех уравнивать». В годы «оттепели» выжившим в суровых условиях Севера разрешили вернуться на «Большую землю». И они, побросав свои хозяйства, уехали, чтобы начать новую жизнь.

Наш маршрут начался с приключения, которое едва не закончилось трагедией. Пароход «Вацлав Воровский» доставил нас, группу учителей, на Онежский полуостров, в поселок Усть-Наволоки. Из-за мелко-

восточный берег пароход не причаливал к берегу, а вставал на якорь далеко от него. Пассажиры на берег доставляли на моторных лодках «Дорис», которые местные называли «Дора».

И вот мы в поселке. До выхода на маршрут необходимо было сделать два дела: отметить маршрутную книжку нашего похода и сделать запас хлеба на несколько дней пути (после чего перейдем на свои запасы сухарей, так как магазинов на пути, как и населенных пунктов, не будет много-много дней).

Купили хлеб, уложили его в свои рюкзаки и пошли искать учреждение, где можно поставить печать, подтверждающую наше пребывание в Усть-Наволоке.

Неожиданно на нашем пути встал военный в плащ-палатке: он (как нам показалось вначале) очень игриво стал интересоваться, кто мы и откуда да куда держим путь. Нам бы сразу догадаться, что он начальник, но плащ-палатка скрывала погоны. Он явно был недоволен нашим появлением, сухими ответами и потребовал документы. Пришлось предъявить маршрутную книжку и разрешение пограничных войск на въезд в этот район.

Мужчина со всех сторон повертел наши бумаги и сказал решительно: «В течение часа покинуть территорию!» Мы почему-то решили, что он пьян, и засмеялись. «Вацлав Воровский», дав прощальный гудок, отчалил и уже успел отплыть довольно далеко; с одной стороны было море, с другой что-то вроде проходной — войсковая часть. Но военный и не думал шутить и повторил свою команду. Рядом появилось несколько вооруженных солдат, и нам стало ясно, что начальник не шутил.

Нас посадили в «Дору», вернули наши документы. На вопрос, куда нас отвезут, ответили лишь, что вывезут из зоны. Подул ветер. Белое море заволновалось. Моторист был «на взводе». Но как только мы отплыли от берега, достал откуда-то из-под сидения бутылку неразведенного спирта с большой этикеткой, выпил примерно четверть, закусил большим помидором, и мы поплыли дальше. Плыли больше часа. Это был какой-то кошмар. За бортом — большие волны с белыми гребешками. Сверху — дождь, а в «Доре» веселый моторист, который, подморгнув женщинам, после третьего захода опорожнил бутылку.

Наконец мы причалили к берегу у какой-то одинокой избы, ее на нашей карте не было. Где мы? На просьбы ответить, куда он нас привез, моторист ответил беззаботно: «Не положено» — видно, здорово был про-

- *Олечка! Не надо передавать эстафету! Это смотровой КП!*
- *Когда будешь вылезать из палатки, смотри в сторону кухни!*
- *Тренировки проходят в разную погоду и даже когда не хочется.*

- *Мы любим петь у костра и обязательно чего-нибудь есть, чтобы не слышали нашего голоса.*
- *Не буду стирать свои носки! Я еще не нанюхался!*
- *Я либо в карту смотрю, либо спрашиваю куда бежать.*
- *Самой вкусной на обед была добавка.*

инструктирован. И уплыл, а мы, растерянные, остались у избы, пытаюсь понять, где мы.

Карта была плохая — растянутая пятикилометровка, которая совсем не передавала характер местности. Даже Валентин Михайлович не мог найти точку нашего стояния. Дождь шел не переставая. Мы решили заночевать в избе. На счастье, вечером к избе причалила «Дора» с рыбаками и они нам объяснили, куда нас «закинули».

Маршруты высших категорий сложности, которые мы прошли после Онежского полуострова, показались нам значительно легче. Онежский был тяжелым испытанием. Дождь продолжался весь наш маршрут.

Через несколько дней пути мы покинули берег Белого моря и ушли в тайгу. Дремучий лес, где, кажется, до нас не ступала нога человека. (К слову, мы были первой группой, решившийся летом пройти Онежский полуостров).

Глухая тайга. Движение похоже на тренировки бегуна-барьериста. В течение десяти минут на пути в двести-триста метров до сорока препятствий: поваленные огромные стволы деревьев, непроходимый еловый молодняк, бугры, ямы, скрытые в воде, ручьи в глубоких, как траншеи, канавах, скользкие замшелые камни среди болотных пятен. Перешагиваем, перелезаем, обходим эти препятствия, подлезаем.

Мокрые с головы до ног. Особенно мрачен лес по реке Быковке. На скользких горбатых корнях деревьев и на стволах зеленым тряпьем свисают мхи, мы их называли «ведьмины волосы». Мертвые, липкие, рухнувшие когда-то огромные ели оцетинились своими торчащими сучьями. Участки выгоревшей тайги с черными зловещими стволами и березовая сырь, разодетая в зеленые бархатные лохмотья — все это кажется фантастической декорацией к страшной сказке о Бабе-яге.

Скользим, падаем, проваливаемся в ямы. Выйдешь на кромку берега — трава по грудь, не пройти. Пейзаж давит, угнетает. Река Быковка кажется бездонной — черная, пугающая, неподвижная вода вровень с берегом.

Извилистость реки поразительная: словно змея извивается, петляет по болотам. Двигаемся, пытаюсь срезать многочисленные петли Быковки, не теряя ее из виду. Она — наш единственный ориентир.

Вот тут-то и произошла эта история.

Местность выматывает. Идем днями по восемь-девять часов. Скорость движения очень маленькая. Через каждые 30 минут отдыхаем. После

- У вас есть еще компас? А то мой с Лешкой убежал!
- А где мой съеденный бутерброд?
- Вот ты не сказал мне, куда бежать. Так вот я тебе завтра все скажу. Ну, ты у меня тогда побегаешь!
- Он меня опять перелюбил.

обеда сделали четыре перехода и присели на очередной привал. И вдруг кто-то удивленно вскрикнул, потрясая какой-то бумажкой. В руках был фантик от конфеты «Барбарис». Сомнений не было, это был наш фантик, больше здесь людей нет. Мы уже сидели на этом месте! Два часа нас «черт водил» по одной из петель Быковки. Как же переживали наши проводники, а больше всех Валентин Михайлович! Он долго не мог простить себе эту ошибку.

«Беглый каторжник»

Маршрут по Онежскому полуострову (самый трудный маршрут в моей туристской жизни!) закончился в поселке Пушлахта. Отсюда, договорившись с рыбаками, на рыболовецком сейнере поплыли по Белому морю на Соловецкие острова.

На Соловках провели несколько дней — познакомилась с Соловецким монастырем и другими достопримечательностями.

На каком-то военном корабле поплыли в Беломорск. Беломорск нам не понравился — серый, неуютный. Моросил мелкий противный дождь, дул резкий холодный ветер.

Удручали серые бараки за колючей проволокой и гуляющие (почему-то на крышах барачков) заключенные. А над ними проволока — много, много рядов.

Маленький неуютный вокзал. Все ужасно давит. Купили билеты, сели в поезд, в последний вагон. Пока устраивались, Валя вышел в последний тамбур покурить. Туда же к титану вышла проводница.

Вдруг дверь тамбура распахнулась и появилась совершенно белая проводница. Руки трясутся.

— Свят, свят, свят, там беглый каторжник!

— Где?

— Там, — и показывает на тамбур.

И тут из тамбура входит в вагон невозмутимый Валя.

Он в штормовке, в егерской кепочке с козырьком защитного цвета, заросший многодневной щетиной.

— Он, он, — проводница вот-вот потеряет сознание. Кто-то подхватывает ее. А мы хотим:

— Это наш!

Куликов В.М.

- Меня толкнули в нечеловеческое место.
- Если не знаешь, куда бежать, беги к тренеру с глупым лицом.
- Я убежал с КП один, хотя нас было двое.
- Ты чего ходишь тут памятником?

Медленно проводница приходит в себя:

— Ох и напугал. Я думала — беглый. Что же он заросший такой и одет под арестанта? И глаза зыркают, — она долго не могла успокоиться после пережитого ужаса.

Туристский лагерь Костяшкина

С Эдуардом Георгиевичем Костяшкиным мы встречались всего несколько раз и едва были знакомы. Но известно, что о человеке говорят его дела и поступки.

О делах Костяшкина в 1950-е годы буквально «гремела» вся Москва, обычно все разговоры на педагогические темы начинались или заканчивались фразами: «А вот Костяшкин», «знаешь, у Костяшкина», «лагерь Костяшкина» и т. д.

Он очень любил детей, удивительно уважал и понимал их. Видимо, это любовь помогла ему создать первый в стране самостоятельный туристский лагерь.

В июне 1950 года на берегу Пестовского водохранилища, близ деревни Пушкино, был поднят флаг водно-туристского лагеря «Туристская республика» 31-й школы Фрунзенского района г. Москвы.

Моя первая встреча с Эдуардом Георгиевичем была довольно позорной. Даже сейчас, спустя много лет, при воспоминании о причинах этой встречи мне становится стыдно, краска заливает лицо.

Было это летом 1951 года. Наш туристский лагерь 36-й мужской школы размещался на реке Воре, близ деревни Жучки, по Ярославской ж/д. Надо сказать, что состав лагеря (как и контингент школы № 36) был довольно своеобразный. Если я скажу, что чуть ли не каждый день директора школы, Семена Осиповича Горбачевича, начинался с просмотра не менее шестидесяти открыток-приводов в милицию, — я почти ничего не скажу о контингенте 36-й.

В принципе это были чудесные мальчишки, в большинстве из крайне неблагополучных семей, но по-своему благодарные, преданные и удивительные работяги. Но хулиганистые, шkodливые, гораздые на выдумку.

И вот эта выдумка вылилась в идею провести из нашего лагеря поход в лагерь 31-й школы. И не просто провести, а нашkodничать (в нашем понимании это была безобидная шутка). Видимо, духом «шkodничества» здорово пропитались наш молодой начальник лагеря — учитель математики В. Михайлов и я (да и мне было чуть больше двадцати!).

- *Нанюхался цветов до безумства.*
- *Кто тебе ноги зашивовал?*
- *На компостере было много гвоздиков, но я отметилась только одним!*
- *Беги, беги, все равно ты идешь!*

Мы поддерживали идею наших забияк. Не просто провести поход, а ночью «напасть» на лагерь, «снять» дежурных и «похитить красавицу Эллу» — Эллу Краузе, инструктора лагеря.

Уже не помню, как мы узнали, что в эту ночь Костяшкина не будет в лагере и где находится палатка Эллы. Весь наш лагерь сочинял страшно остроумное (по нашему размышлению) письмо «доброму молодцу Эдуарду — властелину и царю республики», то есть Костяшкину.

Было там что-то про любовь к их земле, дружбу, что уводим в «полон» «девицу-красавицу Эллу», какой ждем выкуп и еще какой-то бред. Письмо вложили в конверт, надписали: «Начальнику республики».

Вечером 15 молодых-разбойников с «руководителем», то есть со мной, крадучись подошли к лагерю 31-й.

Как сейчас помню спокойную водную гладь залива, освещенную лунной. В полосе лунного света — стройные ряды палаток. Тишина. В стороне костерок, двое мирно беседующих дежурных.

«Похитители» подкрались из темноты так, чтобы попасть в полосу лунного света, быстро связали дежурных (был строгий уговор — не бить), заткнули рты кляпом.

Нам бы понять, что наша шутка зла и неостроумна, когда один из дежурных хорошо наподдал одному из «похитителей», а другой, испугавшись, всерьез просил: «Не губите, братцы!»

Но мы были поглощены своей «блестящей идеей», спешили, так как знали, что через тридцать минут будет смена дежурных. Быстро разбудили и увели Эллу, оставив около дежурных письмо «Начальнику республики» (верх нашей глупости!), и покинули лагерь 31-й школы, который мирно спал.

Мы были уверены, что дежурные, которые придут на смену «пострадавшим», не только их развяжут, но и прочтут наше письмо и поймут, что это розыгрыш, шутка.

Откуда нам было знать, что в лагере железный порядок, что письма, адресованные начальнику, попадут только к нему; что сразу после подъема соберется совет лагеря, чтобы обсудить ЧП и дежурных, которые не уберегли лагерь.

Когда из Москвы вернулся Костяшкин, лагерь бурлил. Ему сообщили о случившемся и вручили письмо. Очевидно, наше остроумие не произвело впечатления ни на Эдуарда Георгиевича, ни на совет лагеря, где было прочитано наше письмо. Все, что случилось ночью, было оценено так,

- *Он мне мешает мешать!*
- *Пока на КП я облизывал карандаш, Лешка взял и отметился.*
- *Я жду, когда настанет время выигрывать, тут спешить нельзя!*

как увидели это хозяева (и как это было на самом деле), — хулиганство и неуважение к товарищам.

Совет лагеря потребовал, чтобы мы публично извинились. Мы приехали в лагерь: я, Михайлов, три главных «нападающих» и Элла. Помню линейку, на которой выстроился весь лагерь. Несмотря на то, что виноваты были мы (в чем публично признались и раскаялись!), дежурные понесли наказание.

Это было мое первое знакомство с Костяшкиным. Запомнила его молодым, высоким, с насмешливыми глазами (в которых, мне кажется, я прочитала презрение к нашей глупейшей выходке). Он был спокоен, не суетился, не отдавал никаких распоряжений. Он как бы смотрел на все со стороны. В лагере командовали ответственный дежурный и председатель совета лагеря. И хотя нам потом показывали лагерь, ни в чем не укоряли и даже накормили обедом, мы чувствовали себя врагами, нарушившими строгую, красивую и очень дружную жизнь.

Мы увидели живописную бухту Пестовского водохранилища; пристань, где на воде тихо покачивались лодки, шлюпки, байдарки — большой флот лагеря. На высоком берегу, в сказочном лесу среди берез и елей, на поляне, обрамленной кустарником, раскинулся большой палаточный городок. Мы увидели мастерские, электростанцию, радиоузел, пищеблок с погребом, метеостанцию, спортивные и игровые площадки. И даже огород, где весело зеленели лук, укроп, морковь.

Гостеприимные хозяева показывали нам лагерь, где все дышало удивительным порядком, здесь была поразительная аура доброты, дружелюбия, порядка и порядочности. Мы увидели удивительных ребят, своими руками создавших этот лагерь и очень дороживших всем, что в нем было.

Мы увидели Костяшкина, для которого диким было проявление любой анархии (яркими представителями которой были мы). До чего же нам было стыдно! На фоне всего этого мы поняли всю глупость и тупость своей выходки. Поняли, как это выглядит со стороны.

Костяшкин вместе с ребятами создавал этот лагерь, вложил в него не только частицу своего сердца, но и главную «изюминку» — сделал ребят настоящими хозяевами лагеря, создал не «понарошное», а настоящее детское самоуправление.

Валентин Михайлович Куликов, вспоминая о Костяшкине, рассказывал, как попросился побывать на совете лагеря. Сидел, разговаривал с Костяшкиным, а потом посмотрел на часы и спросил: «Совет назначен на 3, а уже 3.20?»

- *Одиноким волком глядел на тушенку.*
- *Анька меня обидела! Она сказала, что я «чайник» да еще и со свистком!*
- *Если бы меня не сняли, то я бы тогда выиграл, а если бы добежал, то меня все равно бы сняли.*

На что Костяшкин спокойно ответил, что совет давно идет.

— А как же вы?

— А я зачем? Они мне скажут, что решили.

Талантливому педагогу каким-то образом удалось запустить в детском коллективе тонкий и капризный механизм самоорганизации. Тех, кто непосредственно занимался воспитанием, больше всего в лагере поражала не форма одежды, не ритуалы — не внешний блеск в организации детского коллектива, а то, что практически на все 100% реализован принцип самоуправления и самообслуживания.

Дежурные у шлагбаума вежливо проводили нас к ответственному дежурному по лагерю — члену совета лагеря. И мы невольно стали свидетелями, как строго и по-деловому он контролировал готовность четырех мальчиков к выполнению наряда по засыпке щебнем колдобины (на единственной лесной дороге к лагерю). Он проверял, помнят ли ребята, где искать лесника, который обещал дать подводу, как его зовут, где и сколько засыпать щебня, какую именно колдобину надо засыпать этим щебнем, и даже как зовут лошадь лесника.

Только после того, как отметив время, сверив контрольные сроки возвращения, мимоходом сделав еще какое-то распоряжение насчет комаров и головных уборов, ответственный дежурный разрешил им наконец идти на задание, а нам предложил задавать интересующие вопросы.

Это случилось в походе

Американские шпионы

Меня вызвали в Городской комитет комсомола, где сообщили, что в Москву приезжает американская делегация: группа девочек — учащихся колледжа со своим преподавателем. Они хотят познакомиться с самостоятельным школьным туристским лагерем.

Принято решение показать им туристский лагерь школы № 589 нашего Ленинского района — один из лучших турлагерей Москвы. Для встречи надо сделать то-то, подготовить то-то и то-то.

И вот подготовка закончена. В назначенный день и час у гостиницы «Метрополь» встречаю автобус с переводчицей-мулаткой. Меня в горьком предупредили, что это — «наш человек», родилась и выросла в Москве, ей полностью можно доверять и решать любые проблемы. Вскоре подходит группа — очень симпатичные девочки, примерно как наши десятиклассницы, и молодая руководительница.

- *Когда сломался компас, я ориентировался по Лешке.*
- *Как только начинаю думать головой, сразу же начинается избыток мыслей, и от этого я путаюсь.*
- *Ты бегаешь как-то странно: ни туда, ни сюда.*
- *На месте КП стоял Вовик с синяком под глазом и улыбкой на лице.*

Разместились, поехали. Гости увлеченно разглядывают пейзаж за окном, поют песни, о чем-то переговариваются. Через переводчицу задаю какие-то вопросы руководительнице, она (как и девочки!) ни слова не знает по-русски. Лагерь, куда мы едем, расположен на западе Московской области, в нескольких километрах от станции Холщевики. Там собрался отличный коллектив учителей-туристов. Лагерь отлично оборудован. Весь учебный год в школьных мастерских будущие жители лагеря под руководством учителя труда Беляева своими руками готовили оснащение для лагеря. Мастерили настилы для палаток, разборные столы и скамейки для столовой-клуба, стеллажи для продуктового склада, ходули, различные игры и т.п. Все в лагере радовало глаз: и красивые «улицы» с рядами палаток, и столовая под навесом, и отлично оборудованная кухня.

В свободное от походов время ребята работали в подсобном хозяйстве Глебовской птицефабрики на прополке овощей. За работу получали курятину и свежие овощи, так что стол был всегда разнообразным и свежим. Но главное, лагерь славился интересными походами, хорошей подготовкой юных инструкторов туризма, веселыми вечерами, интересными затеями. Гостей ждали концерт самодеятельности, рассказ о подготовке и работе лагеря, обед, игры и аттракционы.

Нужно сказать, что контингент учащихся в школе был непростой. В те годы это была окраина Москвы. Дети шли в школу из бараков строителей Комсомольского проспекта, рабочих общежитий завода «Каучук».

Несколько человек из школы занимались у меня в туркружке, где постоянно приходилось бороться с невоспитанностью, грубостью. Была, например, шестиклассница Валя, которая могла двинуть кулаком парня, сидящего на стуле, и сказать: «Ты, подвинь свой таз, я сяду».

В те времена приезд делегации иностранцев был редким явлением. А люди были воспитаны так, что надо не уронить честь Родины, поэтому решили всю «мелкоту» отправить в походы — как бы чего не лягнули, а в лагере оставить только старшекласников.

— Чего нас отправляют? — возмущалась моя Валя. — Что мы, не знаем, как вести себя с американцами? Мы им скажем: «Мы не рабы, рабы — не мы».

Но их все-таки из лагеря отправили.

Короче говоря, лагерь, который славился своей чистотой и идеальной планировкой, был «вылизан» до предела. Кулинары расстарались,

- У Ольги такой язык, что он не мешает ей говорить.
- Ты зачем рассказал ему секретную тайну!
- На смотровом КП Машка смотрелась, а Анька не очень!
- Я повернулась к ней спиной, чтобы быть впереди.
- Если хочешь сделать путь короче, то беги прямо по прямой!

приготовив вкусный обед и даже пироги. В лагерных мастерских были подготовлены подарки-сувениры. Лагерь был готов к встрече.

На 70-м километре шоссе — милицейский пост. Нас остановил веселый милиционер, проверил документы у водителя.

— Должен вас задержать, — сказал он. — Не могу пропустить: команда из Москвы не поступала, а иностранцев дальше 70-го километра не пускают.

— Вы что, серьезно? — возмутилась я. — Их же ждут в лагере. Будет международный скандал.

— Сказал, не положено за 70-й километр. Сейчас запрошу Москву.

— А это долго?

— Может — час, а может — четыре.

— Что же делать? Пойду посоветуюсь с переводчицей.

— Вы что? — теперь возмутился он. — Она же шпионка.

— Какая шпионка? Она москвичка.

— Все равно шпионка. И руководитель их — шпионка. Смотрите — красавица, и какая складная. Это чтобы отвлекать. Нет уж, у меня глаз набит. Точно вам говорю — шпионки.

Милиционер ушел звонить. Вскоре вышел.

— Проверили. Нет пропуска. Будем выяснять. Ждите.

Между тем девочки вышли из автобуса. Поблизости селений не было. Рядом с дорогой раскинулся великолепный луг — высокая трава и много-много ромашек. Девочки были в ситцевых платьях (а у нас тогда в моде был нейлон и капрон). Они разбрелись по лугу, рвали ромашки, плели венки, пели песни.

— Смотрите-ка, — умилялся милиционер, — совсем как наши.

— Это же смешно, — уговаривала я милиционера. — Вы же видите, это дети, пропустите! Подумайте, что я им скажу?

— Скажите, что сломался автобус.

Он ушел, позвонил куда-то.

— Нет разрешения, придется ждать.

— Поймите, — настаивала я. — Это просто глупо. Ну, кто-то не сработал, но дети-то не виноваты. Пропустите!

— Дети? — озлился он.

— Думаете, придумываю?

— Мы тут французов задержали, говорили — артисты. А сами шпионы, все фотографировали. А еще немцев задержали...

- Моя грудь финишировала раньше.
- Рассеивание в эстафетах — это для рассеянных ориентировщиков.
- У меня пальчиковый компас для левой руки, а я правша. Мне что, бежать в обратную сторону?

— Да ладно вам! Вы по-человечески поймите, ну что я им скажу?

— Скажите, что деталь сломалась и ее вывезли в Москву. Надо ждать, когда привезут назад.

Я чуть не плакала от бессилия и стыда. Переводчица была невозмутима:

— Бывает...

А девочки бродили по лугу, будто только сюда и ехали, чтобы полюбоваться ромашками.

Только через два часа в Москве все проверили и дали «добро» на проезд автобуса.

В лагере нас заждались. Были теплые речи на английском языке, вкусный обед, восторги от полученных сувениров, песни. Кажется, гости ничего не поняли. А я кляла милиционера и его шпиономанию. И, конечно же, организаторов поездки, которые забыли, что дальше 70-го километра иностранцев не пропускают без специального разрешения.

Арбуз

Идем по Херсонщине. Вышли к огромной бахчевой плантации, пытаясь ее обойти.

Наконец нашли какую-то тропинку и пошли вдоль вьющихся плетей и огромных полосатых арбузов, блестящих на солнце своими глянцевыми боками.

Нас остановил сторож бахчи:

— Погодите, угощу вас арбузом! Сейчас выберу самый вкусный.

И он сорвал огромный, наверное, килограммов на десять, арбуз.

Наш завхоз по питанию Миша, о патологической жадности которого ходили легенды, отреагировал сразу: «Давайте донесем до обеда! Я несу первый». Наверное, решил сэкономить на обед третье блюдо. Впрочем, зачем я так плохо про парня? Может, он хотел как лучше?

И мы тащили по очереди огромный арбуз до обеда, изнемогая от тяжести.

Каково же было наше разочарование, когда разрезанный арбуз оказался розовым и несладким.

И надо было тащить такую тяжесть? Лучше бы его на бахче съели.

Кукуруза

Остановились на ночлег возле огромного кукурузного поля. Початков не видно. Но высокие сочные стебли выше роста человека стоят стеной,

защищая нас от людских глаз и создавая иллюзию леса.

Разбили лагерь. Поужинали. «Мы в кустики!» — сказали мальчики и убежали.

Вернулись минут через тридцать чрезвычайно довольные — каждый нес за пазухой по несколько больших початков кукурузы.

— А вам не говорили, что нельзя брать чужое? — спросила я.

— Так разве это чужое? Это же колхозное!

— А вы что, колхозники? Утром пойдете к председателю извиняться. Ясно?

Они понуро разбрелись по палаткам.

Утром, забрав сорванную кукурузу, пошли к председателю колхоза. Тот выслушал меня внимательно, улыбнулся. Реакция его была неадекватной:

— Ну и что, захотелось ребятам кукурузы! Кушайте на здоровье! Свои больше воруют. Пойдемте, я вам еще нарву.

Урок не удался, а кукурузу мы сварили и съели на обед.

«А гуси: га-га-га!»

Выехали после уроков. Потом закопались на переправе через речку Воря. Думали вброд — оказалось довольно глубоко, пришлось искать кладви.

Место, где мы вынуждены встать на ночлег пока не стемнело, было неудачным. Спуск к реке (другой воды не было) крутой, глинистый, влажный, нет хвойных деревьев. Вокруг только заросли ольхи и орешника. Но они прикрывали нас со всех сторон и мы остановились на какой-то полянке.

Разбили лагерь. Приготовили ужин: кашу с тушенкой и жидкий кисель. Почти два ведра воды израсходовали на приготовление пищи, а третье, где помыли начерно кружки, миски, ложки, оставили, чтобы залить костер.

Только собрались это сделать, как раздался треск сломанного кустарника, звук упавшего тела, какая-то залихватская песня. И на нашу полянку из кустов буквально вывалились четыре здоровых пьяных парня.

Они назвались туристами какого-то профтехучилища из Мытищ, сказали, что у них большая группа стоит где-то в нескольких километрах от нас. Слегка соображали, были настроены очень дружелюбно и время от времени горланили какую-то песню. Я запомнила только две строчки

- *Вы можете отодвинуться, а то мне не видно, куда бежать!*
- *Ты все КП нашел? — Конечно! Их здесь видимо-невидимо!*
- *У меня было несколько обходных вариантов — слева, справа и по прямой.*
- *Я хохотал не от щекотки, а за компанию.*

- *Тишину нарушила мнимая тишина.*
- *Я на КП какого-то дурака подвинул! Вот он меня и двинул!*
- *Как я сегодня бежала? Хорошо или очень хорошо?*
- *Я утратил свою ориентированность!*
- *Я уже на финиш смотреть не могу!*

припева: «А гуси: га-га-га, ты, парень, зря, зря, зря».

На всякий случай шепнула девочкам Нине и Ларисе, чтобы не показывали нос из палаток.

— Попить есть?

Ответить не успели. Парни увидели ведро, где мыли посуду, зачерпнули и стали пить.

Лариса не выдержала и чуть не выскочила из палатки:

— Они же отравятся!

Но я вовремя успела затолкнуть ее назад и закрыть палатку.

Так, поболтав, попев и попив «водички», они ушли, а мои ребята с удовольствием, действуя мне на нервы, на другой день пели песенку: «А гуси: га-га-га, ты, парень, зря, зря, зря».

1965 год

«Только по лицу не бейте!»

Весенние каникулы. Поход по Молдавии. Руководитель группы — Махова. Я — заместитель руководителя.

Огромные овраги. Страшные оползни. Отваливаются мощные пласты земли, увлекая на дно оврагов скудную растительность.

Белые домики, балконы-галереи, увитые виноградом. Виноградники, виноградники. Над ними несколько раз в день кружит вертолет, распыляя какую-то гадость от вредителей, заодно посыпая и нас. Чихаем.

Добрые, приветливые люди, спросишь про колодец — выносят граненый стакан и трехлитровую банку вина. Здесь пьют его как воду. Ребята смотрят на руководителей с интересом: дадут или нет выпить? Не дали.

Короткий привал в березовой роще. Еще пятнами лежат пласты не растаявшего снега. А там, где он стаял и чуть подсохло, — море синих-синих цветов — крокусов, нет свободного пятнышка. А ставить рюкзаки на такую красоту так жалко.

Сидим на привале немного дольше обычного. До чего же красиво! Не можем налюбоваться! Синее-синее море цветов среди сочной, недавно пробившейся травы и белых берез. И запах! Тонкий, нежный запах весенних цветов. Чудо!

Бивак на берегу какой-то быстрой и мутной реки. Но недалеко хороший родник. На противоположном берегу — большое село. Растительности почти нет. Жидкий кустарник у нас за палатками. А мы — на юру, открыты всем ветрам и глазам. Но люди здесь спокой-

ные — не обидят. А выбрать стоянку с хорошей питьевой водой трудно.

Вблизи — остатки какой-то постройки, и ребята быстро собирают какие-то небольшие дощечки, но они с гвоздями. Ставим палатки. Мальчики уходят на родник за водой. С ними Ира — дежурная по кухне. Это очень красивая девочка. Наверное, в нее влюблены все мальчики в группе. Но они для нее — пацаны. Она знает себе цену, питает слабость к мужскому полу. Но ей нравятся ребята постарше, чем она.

Вскоре мальчики приносят ведра с водой.

— А где Ира? — спрашивает Светлана Михайловна.

— На роднике осталась с местными ребятами.

— Ну, погоди! — Светлана Михайловна хватает первую попавшуюся доску и мчится к роднику. — Сейчас я тебе задам!

А вслед ей несется жалобная просьба мальчиков:

— Только по лицу не бейте!

Спустя какое-то время они появляются в лагере. Еще не совсем остывшая Светлана Михайловна бить Иру ни по каким местам не собиралась.

— Не стреляй глазами и ни шага из лагеря, — говорит она сердито.

Ира капризно надувает губы.

— Подумаешь, нельзя с людьми поговорить...

И идет к костру работать.

Ищем клад разбойника Кудеяра

Лето 1961 года. Идем походом по Брянщине. Собираем материалы о партизанах Великой Отечественной войны и ищем клад разбойника Кудеяра.

О Кудеяре особо. Однажды Валентина Михайловича Куликова пригласили в ЦК комсомола и попросили заняться поисками клада знаменитого разбойника. Ему вручили рукопись — воспоминания известного доктора Дубинина (если правильно помню фамилию), награжденного орденом Ленина. Доктор в толстой тетради передавал рассказ своего прадеда.

«...В те времена служба в царской армии была долгой — 25 лет. Служить прадеду осталось совсем немного, когда его приставили охранять в остроге важного государственного преступника. Прошло несколько дней. Арестант все время пытался заговорить со стражником. Но тот молчал. Знал твердо: в контакт с арестованным вступать нельзя.

Однажды заключенный сказал: “Если ты родом с Брянщины, только кивни мне головой, послушай мой рассказ и запомни, что я скажу”.

- *Сегодня ранняя зима, а завтра неизвестно что будет.*
- *У меня были разборки на втором КП, на третьем, а на четвертом поговорить было не с кем!*
- *Он на мне бежал до самого шестого КП!*
- *Я все время путаю «чипы» с «чипсами»!*

- *Попутный ветер помог мне сообразить, что я бегу не туда.*
- *Гляжу на компас, а он в разные направления показывает.*
- *Леночка, тебе скоро стартовать! Начни разминку! — А я уже поела!*
- *Ориентирование пахнет природой.*

И поведал, что он знаменитый разбойник Кудеяр с Брянщины; что ему вынесли смертный приговор. Но он не хочет уходить из жизни, унося с собой тайну. А тайна — это клад, многопудовое сокровище серебра, которое должно достаться людям, а не лежать в земле. Рассказал, что был он добрым разбойником, грабил богатых и помогал бедным. Однажды в поселке Белая Береза ограбили крупного сахарозаводчика. Там увидел его красавицу дочь и влюбился без памяти. Увез девушку в свой разбойничий стан.

Был он успешным, неуловимым. И хотя за ним все время охотились солдаты, ловко уходил от погони. Украденная красавица не хотела становиться разбойницей. Хотя ее все время охраняли — норовила сбежать. И, выбрав момент, через верного человека сумела передать отцу, где находится стан разбойников.

Окруженный солдатами Кудеяр отбивался до последнего. А когда понял, что ему не прорваться, сложил все награбленное серебро (не менее 60 пудов) в огромные глиняные кувшины и опустил их на дно глубокого колодца.

Кудеяр много раз повторял служивому, как найти клад, потом разбойника увели и больше прадед его не видел.

Точное описание места, где был стан разбойников, не помню. Но что-то примерно так: от Белой Березы идти столько верст по старому тракту. Выйти на большак и по нему пройти такое-то расстояние.

Пройдешь — увидишь большую березу, где из одного корня растут три ствола. Здесь в полдень надо повернуться лицом к солнцу и идти до огромного развесистого дуба... и так далее.

Служивый все запомнил и повторял много-много раз, чтоб не забыть. Вернувшись со службы, отправился с сыном на поиски клада. Шли по тракту, вышли на большак, нашли березу, потом развесистый дуб. Сели передохнуть. Вечерело, и вдруг появились какие-то белые приведения. Все это было так неожиданно и страшно, что мужики в ужасе бежали от дуба. И только через год решились на поиски. И снова все повторилось...

Умирая, прадед завещал сыну найти клад и передать его людям. Сын (дед доктора) вместе со своим сыном (отцом доктора) дважды пытался найти клад. Они дошли до дуба. И история повторилась — страшные привидения будто гнались за ними и не давали подобраться к кладу».

Сам доктор с отцом и братом тоже собирался найти клад. В приведения он не верил и был уверен, что это был мираж. Но их поискам помеша-

ла война. Он просил школьников найти клад и вернуть богатство людям.

И вот мы идем на поиски клада Кудеяра.

Война сильно изменила местность: проложены новые дороги, вырублены большие участки леса, через болота проложены огромные гати из толстых бревен. Где проходил старый тракт? Где от него отходил большак? На эти вопросы требовалось найти ответы. С этого следовало начинать.

Готовясь к походу, мы вели большую переписку с различными местными организациями. И вот у нас в руках список старожилов этих мест — людей, которым за восемьдесят лет. Их набралось 20 человек. Нужно было встретиться со всеми, записать их рассказы о том, где же до войны проходили большой тракт и старый большак.

Работаем двумя группами. Ставим базовый лагерь и из него группы (одна с Валентином Михайловичем, другая со мной) выходят в отдаленные деревни, чтобы встретиться со старожилами.

Наша группа идет в маленькую деревушку, где живут два старика 83 и 85 лет. До нее 13 километров от нашего лагеря. Идем старым еловым лесом по слабонаезженной проселочной дороге. Наконец лес расступается и мы видим деревеньку — десяток небольших домиков, уютно расположенных на опушке леса.

Но что это? На большой поляне, то ли догоняя, то ли убегая друг от друга, с криками носятся какие-то приведения. Видим только ноги, голы и туловища закрыты чем-то серым. Какой-то кошмар!

Ошеломленные останавливаемся. Что это? Сумасшедший дом? Может, мы сбились с пути и вышли к какой-то психбольнице?

Но не идти же назад. Боязливо приближаемся к ближней фигуре.

— Скажите... — договорить не успеваем. Раздается крик и фигура бросается от нас в сторону.

Не успеваем прийти в себя, как наш Толик, а за ним Саша тоже орут что-то невнятное и бегут куда-то.

Куда же мы попали? Оказывается, в нужную нам деревню. И это не психи, а нормальные люди. А укутаны они в серые одинаковые одеяла, которые продавались в сельмаге. А носятся и орут потому, что кто-то спугнул большой пчелиный рой. И все жители покусаны и убегают от взбесившихся пчел. Они будут бегать до тех пор, пока не сядет солнце. Тогда и рой успокоится и сядет на свое место. А пока пчелы заполнили все дома и жалят, и жалят.

- *Грибов в лесу, что спортсменов!*
- *Отдельно стоящее дерево — это тоже лесонасаждение.*
- *Мы сегодня будем тренироваться отдыхать.*
- *Козельский, ты почему опоздал на тренировку? — А я уже давно опоздал, еще когда никого не было.*

- *Я уже преодолел все трудности, осталось только вырасти.*
- *Слезы радости — это когда плачешь с удовольствием.*
- *Я ему не стал уступать тропинку, и он побегал другим вариантом, поэтому он и выиграл.*
- *Я всю дистанцию пробежала кувьром.*

Рассказы старожилых мы записали, хотя тоже пострадали от пчел. Но когда позднее сравнили все рассказы, записанные обеими группами со слов старожилых, единой картины не получилось.

О том, где проходил старый тракт, воспоминания более-менее совпадали. А вот где начинался и шел большак — были очень противоречивы. Требовалась большая работа в архивах — изучение старых карт местности.

Но мы решили, что еще вернемся, будем искать и найдем клад Кудеяра. И даже где-то, на живописной опушке леса (уже не вспомнить где именно!), зарыли бутылку с письмом к потомкам. О чем писали? Почему не вернулись? На эти вопросы теперь не ответить...

Поход на Кольский полуостров, Хибин, 1964 год

Военная тайна

Сколько неприятностей доставляли в походах неточные плохие карты! Сколько сложных ситуаций возникало на маршрутах! Хорошо, что все обходилось.

Поход III категории сложности по Ловозерским и Хибинским тундрам проходил нормально. В Ловозерах немного понервничали. На перевале Чивруай нас накрыл туман, полностью пропала видимость и пришлось ждать, пока распогодится. Первую часть маршрута мы прошли благополучно и вышли к Умбозеру. Здесь планировали переправу через реку Суру, впадающую в озеро с севера, и выход в Хибин.

Но оказалось все не так просто. Про Суру в справочниках писали, что переправа через нее не представляет сложности. Но оказалось, что река, которую местные жители называют «Большая Волга», — бурная, широкая и полноводная. Брод через нее ни в устье, ни в десяти километрах выше по течению невозможен.

Место на Умбозере, куда мы вышли, оказалось бухтой, где стоял «местный флот» — моторки и лодки рабочих уранового рудника в Ревде. Рискованные люди — добытчики урана, казалось бы, никого и ничего не боятся. Но на наши просьбы переправить на тот берег отвечали решительным отказом, пугая ветрами, которые неожиданны и очень вероломны и страшными названиями: «мыс Мертвецов», «Гибельная бухта» и т.п.

Все наши попытки переправиться через Умбозеро были напрасны. Тогда мы решили идти на север в Ревду, на автобусе Ревда — Оленегорск проехать р. Суру и выйти в Хибин не с востока, а с севера. Так и сделали.

- *КП уколол не в это место.*
- *Так и не нашел ничего! Конечно, стоят одни женские КП и так отвлекают...*
- *Хуже всего бегать в дождь: в ушах хлюпает, и говоришь в нос.*
- *Какое у меня время? Длиннее, чем у Оли?*

Кто мог знать, что на карте, которую мы скопировали в городском клубе туристов, шоссе Оленегорск — Ловозеро нарисовано прямой линией через Ревду? А фактически Ревда находится примерно в 15 километрах южнее основной трассы.

По шоссе проехали р. Суру, потом широкую протоку, соединяющую цепь озер, прошли несколько километров к югу и встали на ночлег на берегу безымянного озера. А утром, пытаюсь привязаться к местности, понял, что что-то не так. Протока была на нашей карте, цепь озер была. Но их конфигурация явно не сходилась. Что делать? Жилья нет, людей нет, ясности нет. Где мы?

Неожиданно увидели рыбаков. Но они внятно не могли ответить на наши вопросы, а только твердили, что от озер уходить нельзя, что здесь очень сложное ориентирование, много сходных ситуаций: «Пошли за грибами — пять суток блудили», «Два геолога так и пропали» и т.д.

Единственное, что узнали: в двух километрах отсюда — дом лесника. Решили еще раз заночевать на этом же месте и пошли разведкой к леснику. Нас встретил довольно молодой мужчина, вдребадан пьяный (а было еще утро!). Он радостно снял со стены карту Канады, которая почему-то у него висела, и по ней стал объяснять нам, как лучше выйти в Хибин. Поняв, что все безнадежно, мы вернулись в свой лагерь.

Вечером неожиданно к нашему костру пришли солдаты. Оказывается, рядом затаилась военная часть. Там были и наши земляки из Москвы. Они принесли нам хлеб, лук, вместе с нами пели песни. Но точку нахождения указать отказались — нельзя рассекретить местонахождение части.

Утром, взяв все документы, мы пошли в воинскую часть к замполиту. Нас встретил очень симпатичный мужчина. Он понимал, что у меня 15 детей, что я отвечаю за их безопасность. Но... он отвечает тоже — военная тайна. Мы и так знаем слишком много — в каком районе стоят ракетчики. А уж точную точку — увольте!

Это просто какой-то идиотизм! Так и ушли ни с чем. Обозлившись, решили идти на юг. Так или иначе, мы должны выйти в Хибин, а там разберемся, где мы. И пошли... Четыре дня шли, выдерживая направление строго на юг. И вышли.

Самое смешное, что пьяный лесник по карте Канады правильно пытался втолковать нам, что выйдем в Хибин, если не оторвемся от системы озер. Но это мы поняли уже потом.

- *Когда я научусь бегать, мне купят тапочки.*
- *Я в поезде крепко заснул и, заснувший, промаялся до самого Ленинграда.*
- *У меня прозрело умопомрачение.*
- *За мной, топая и сопя, бежал «паровоз».*

Мы интуитивно чувствовали, что от озер отрываться не надо — несмотря на то, что местность над нами все время «смеялась». Перейдем вброд протоку, пройдем километр — топь, надо снова переходить протоку. Перейдем ее еще раз, пройдем 500 метров — опять топь, надо переходить назад.

Наконец наступил день, когда мы увидели горы. Но перед нами лежало топкое болото, которое пришлось преодолеть. Мы вышли в ущелье. Это оказалось ущелье Пайкуньявр, где находилось большое одноименное озеро (в переводе «Гольцовое»).

Увидели горы и ущелье... И вдруг слышали явный звук мотора. К нам шла машина. Но это нереально. Откуда? Тут бездорожье. Может, мы заблудились?

И тут мы увидели вездеход. Завидев нас, он остановился. Мы тоже. С огромными рюкзаками, закутанные от дождя в полиэтилен мы, видимо, походили на марсиан.

Из кузова машины на нас растерянно глядели молодые парни в пробковых шлемах. «Американцы? — мелькнула мысль. — Десант?» (это был период напряженных отношений с Америкой).

Несколько напряженных секунд.

— Кто вы? — Чистейшая русская речь.

— А вы?

Это был первый вездеход, который прокладывал летнюю дорогу из Кировска на Имандру. Геологи.

Смеялись от души.

Обычная картина на Кольском

«Пожуем сухарики и подумаем»

Говорят, что белые ночи плохо действуют на психику человека. Не знаю. Но то, что белые ночи притупляют бдительность, сглаживают чувство опасности — это точно.

Темно — значит страшно. А если светло и светит солнце, то какая опасность может грозить человеку?

Близился конец нашего похода со школьниками по Хибинским тундрам. Были пройдены все сложные участки маршрута, и мы вышли в предгорье.

- Побежал — идет дождь, прибежал — идет снег.
- Впереди я увидел полянку, заросшую вековыми соснами, и подумал, что это вовсе не болото.
- Всюду люди, особенно их много на КП.
- Не успеваем снимать пену: дежурный забыл мыло в котле.

Закончен очередной день. Разбит лагерь. Поужинали. Вечер. Но всю светит солнце и спать совсем не хочется.

В группе были две девочки — Нина Семенова и Лариса Сабанова. Мы спали втроем в палатке. «Мы только в кустики», — шепнули они мне и выскочили из палатки. Но прошло 15, 30 минут, а девочки не возвращались. Дежурные у костра еще домывали посуду.

— Видели, в какую сторону пошли девочки? — спросила я взволнованно.

Они отсутствовали уже 45 минут. Из палаток вылезли все ребята. Стали кричать в сторону, куда они ушли. Дул сильный ветер. И то ли наш крик не доходил до девочек, то ли мы не слышали ответа. Орала хором на все стороны горизонта.

Что делать? Нам оставалось только кричать.

Место нашего ночлега было на сухом взгорке, среди невысоких северных березок, а ниже — болото, озерко и опять взгорок. Мы когда встали, не обратили внимания: в какую сторону ни повернешься — тот же пейзаж.

Прошло более двух часов. Мы уже охрипли от крика, когда на землю возле тлеющего костра плюхнулись две наши обессиленные путешественницы. Они заблудились. Ужас! Ушли в другую сторону.

— Смотрим, — рассказывали они, — место вроде наше, а вас нет. Прошли немного, опять вроде бы наша стоянка — взгорок, березки, озеро. А где вы?

Они кружили, кружили, поняли, что заблудились, и Лариса сказала: «Давай сядем. У меня в кармане сухарик, пожую и подумаем».

Сели и увидели рифленый след ботинка «вибрам», который шел от небольшого озера с хрустально чистой водой на взгорок. Поднялись на взгорок и на сырой почве увидели еще следы. Так от следа к следу, страшась потерять направление, вышли к лагерю.

Вот что делает однообразный пейзаж и абсолютно сходная ситуация местности. Взгорье, сырая ложбинка, кочки, кривые низкорослые березки. Это называется «заблудиться в двух соснах».

Но что мы все пережили!

Приполярный Урал, 1966 год

Перед нами была Манарага, в переводе «Медвежья лапа», — одна из красивейших вершин Приполярного Урала.

- Катаемся на лыжах в дождливую солнечную погоду.
- Я три раза мыла лицо, а тренер опять наказал, говорит: «Грязные ноги».
- В лесу бывают просеки, они рассказывают о том, что здесь ступала нога человека.

Перевалив через плечо Манараги, мы спустились по одному из правых притоков реки Косью в долину реки. Здесь фактически закончился наш 257-километровый маршрут. Но чтобы выйти в поселок Косью, надо было пройти еще 100 лишних километров.

...Когда маршрутно-квалификационная комиссия (МКК) Городского клуба туристов утверждала нам маршрут III категории сложности, члены комиссии, в основном известные водники, крепко поспорили между собой. «Каким берегом реки Косью выходить в поселок?» — вот в чем была суть вопроса.

— Если они пойдут левым берегом Косью, — говорили одни, — где стоит первая изба известного местного охотника Мезенцева, то встретят рыбаков и их доведут до поселка.

— Толик, — наседали на председателя МКК сторонники движения правым берегом, — тебе нужны трупы? Ты же понимаешь, что через Вангыр, бурный порожистый приток Косью, им не переправиться. Даже если они уйдут на 5 километров вверх по течению — Вангыр вброд не перейти.

В общем, большинство настаивало, что нужно идти правым берегом, который хотя и заболочен, но не имеет крупных притоков, через которые надо переходить вброд. Так и утвердили. «Ничего, — подбадривали нас члены маршрутной комиссии, — сто километров — ерунда. Три дня и вы в Косью, рюкзаки-то уже легкие».

...Первые же километры «дополнительного» пути доказали, что никто из членов МКК правым берегом не ходил. Нам показалось, что здесь вообще до нас не ступала нога человека. Это был не путь, а тяжелый кошмар.

Болото. Бурелом. И немыслимое количество притоков Косью, напоминающих осушительные каналы. Они казались бездонными. Черная вода на уровне берега, шест уходит в топь, глубину не определить. Заросли ивняка, березы.

Шли мы, нещадно ругая членов МКК, мокрые, угрюмые, безрадостные. И лес был мокрый, угрюмый, безрадостный. С трудом одолели 15 километров в первый день пути.

В середине второго дня мы слышали шум моторных лодок. Через заросли ивняка, выбрались из гущи леса к реке, так как двигаться берегом было вообще невозможно.

Радостно завопили во все глотки. Река неслась, гремела, мы боялись, что нас не услышат и лодки уйдут. Но рыбаки увидели нас и приветливо

помахали рукою. Вскоре они подплыли к нам.

— Подвезти в Косью? — понятно спросили они, — А спирт есть?

У нас оставалось примерно граммов 150 спирта. Сказали, что спирт будет в Косью. Они заспорили: ну что такое 150 граммов спирта на двух таких мужиков?

Мужики действительно были крупные. Один с приветливым открытым лицом, кряжистый, надежный. Другой сухопарый. В нем чувствовалась сила и какая-то угрюмость. Позднее Валентин Михайлович — мастер давать характеристики утверждал, что это не иначе как беглый полицай, служивший у фашистов и скрывавшийся в глухомани от правосудия. Он производил очень неприятное впечатление. От него хотелось держаться подальше. Уже потом мы поняли, что был он чем-то страшен.

Почему-то в лодке он уставился на меня как удав, и мне было очень не по себе от его тяжелого, мрачного взгляда. Но это потом.

А тогда расселись по лодкам. Девочки, Толя Вилков и кто-то еще — к «приветливому», а у «полицая» я, Валентин Михайлович, Боря Котов, Володя Малышев и кто-то еще — не помню.

Рыбаки выпили спирт. Взревел мотор и лодка «приветливого» помчалась по реке.

А у нашего почему-то долго чихал мотор, что-то было там не в порядке. Мотор не заводился, «полицай» дергал и дергал какую-то веревку. Наконец мотор заработал и мы поплыли.

«Места у нас тут спокойные, — начал свой рассказ рыбак. — Вон тут, правда, четыре туриста утонули. Так сами виноваты, видят ведь — быстрина, а лезут. А там целая группа погибла, вынесло их на камни. Так ведь дураки. В лодке шест есть, смотреть надо и вовремя оттолкнуться». Он рассказал еще несколько историй про их «спокойную» речку и дураков-туристов, которые погибли.

Я старалась на него не смотреть. Становилось просто нехорошо от его удавьего взгляда — вот-вот придушит. Но в какой-то момент, услышав перебой в работе мотора, посмотрела. А «полицай», склонив голову на грудь, засыпал.

— Не спать! — закричала я, но было уже поздно. Он сполз с сиденья на дно лодки и храпел так, что заглушал грохот реки. — Скажи хоть, что надо делать?

Но «полицай» спал мертвым сном. Видимо, до наших малых граммов рыбак успел принять изрядную дозу спиртного.

- *Не рано ли я финиширую? Может, еще чего-нибудь поискать?*
- *Когда я очнулась, общий старт уже убежал.*
- *Пичугов на дистанции — это цирк, а Ефимова — кино: она красивая.*

- *Ох, как я люблю мороженое, могу съесть сколько угодно, даже больше, чем зарплата у мамы.*
- *Костер надо складывать колодцем или домиком, а ты сложил тумбочкой.*
- *Тихий час прошел бодро и весело.*

Мотор не работал. А нас несло течением на каменную гряду, разделившую реку на два мощных потока. Володя Малышев, который «все умел» и самоуверенно брался за любое дело, схватил шест, оттолкнулся... И, о ужас! Шест треснул пополам. Но, видимо, этот толчок все-таки спас нас. Мы попали в какую-то струю правого потока, который был немного слабее левого. Нас крутануло — думали, перевернемся. Но лодку вынесло на широкий песчаный пляж.

Мы выскочили на берег, не веря, что все обошлось.

А «полицай» спал безмятежным сном. Я готова была его убить. А сердобольный Боря Котов вытащил его из лодки на свой спальник: «Ну перебрал чуток мужик!»

Быстро темнело. Палатки остались у ребят в другой лодке, ведра для варки пицци тоже. Но ни есть, ни спать не хотелось. Надо же пройти многокилометровый маршрут без ЧП и накладок и так расслабиться в конце!

Правду говорят, что все беды приходят, когда человек после напряжения расслабляется. Что делать дальше? Вернется ли за нами тот рыбак?

А наш «полицай», черт его подери, храпел как ни в чем ни бывало.

Развели костер и думали: сколько же может проспять этот пьянчуга? Вот ведь влипли! И как там наши?

Уже совсем рассвело, когда мы услышали шум мотора. Это плыл нам на подмогу «приличный» рыбак...

В Косью сразу пошли узнавать насчет билетов на Москву. Нужно сказать, что туристы для поселка — большое событие. Жители очень сопереживают тем, кто ушел на маршрут, волнуются, как бы чего не случилось.

...Кассирша на вокзале, очень милая и словоохотливая женщина, стала расспрашивать, все ли у нас здоровы, как понравились места, прошли ли мы свой маршрут, пришли ли своим ходом или подбросили? И как рыбаки, ничего ребята?

Ответили, что один очень приличный, а другой, наверное, полицай беглый, чуть нас не угробил.

Женщина заулыбалась, не отвергая мои слова о беглом полицае:

— Так это же моя сволочь! Спирт мужикам давали? Радуйтесь, что живы!

Мне вспоминается...

В 1960-е годы я руководитель туристских кружков. Сколько ребят прошло через малые и большие походы!

И сейчас, спустя 40 лет, со многими из них поддерживаем дружеские

- *У меня сегодня голова болит, коленка, живот, все тело ломит! Можно я пойду дежурить на кухню?*
- *Север — это направо или налево?*
- *Палатку поставил с первого предъявления.*
- *В природе я чаще всего вижу дрова*

отношения: встречаемся, перезваниваемся. 30 лет они были судьями на наших районных традиционных туристских соревнованиях «Смотр готовности к летним многодневным походам», «Партизанские тропы» и т.д. Сколько всего произошло за эти годы! А я смотрю на них — солидных, определившихся в жизни, и в памяти всплывают какие-то курьезы, сценки, связанные с ними.

Виль Фунтиков

*Окончил военное училище имени Верховного Совета.
Стал профессиональным военным, политработником.*

Виль был командиром группы, которая совершила походы по тем местам, где прошел с боями 85-й минометный полк: по Донским степям до Сталинграда и по Орловщине.

В Орле Виль поделился с товарищами своей мечтой.

— Хочу проситься в Советскую Армию, в подшефный полк.

Стали думать, как лучше это сделать. И решили: Виль пишет письмо министру обороны. Письмо Фунтикова дошло по назначению. Оно было направлено в Главный штаб сухопутных войск Советской Армии и вернулось в военкомат с резолюцией: «Удовлетворить просьбу при условии годности по состоянию здоровья». Медицинская комиссия признала: «Годе!»

А вскоре вся школа провожала Вилю на Сахалин, в часть, которая в годы войны именовалась «85-й гвардейский минометный полк».

В 1970-е годы Московская городская детская экскурсионно-туристская станция проводила звездные лыжные походы для школьников-старшеклассников, посвященные Дню Советской армии. Группы, по одной из каждого района Москвы, проходили пятнадцатикилометровый маршрут из разных пунктов и все приходили в одну точку назначения — в воинскую часть. Здесь их ждал обед, осмотр казармы и военной техники. А потом встреча в офицерском клубе, где туристы и солдаты части показывали свою самодеятельность.

Я поехала в Таманскую дивизию, где должен был закончиться очередной звездный поход. С замполитом обговорили все детали: время прибытия, убытия, обед, экскурсии в казармы и т.д. Он сказал:

— А приветствовать вас будет ваш земляк — москвич, служит у нас в политотделе. Сейчас его приглашу.

Каково же было мое изумление, когда в вошедшем бравом старшем лейтенанте я узнала Вилю Фунтикова. Мир тесен!

- *Я быстрее всех сделала это задание. Подумаешь, неправильно! Победителей ведь не судят?!*
- *Я люблю макароны, печеную картошку, кашу, а от красной икры у меня диатез.*
- *Елка, когда она очень ветвистая, то она — куст.*

Коля Нишагов

После окончания института стал преподавать, профессор Московского высшего технического училища им. Баумана

Идем по югу Украины: Херсон — Николаев — Очаков. Жарища. Голубая мечта—стакан холодной газировки!

...Мы на окраине Николаева. У первых домов видим свою мечту: тележка, где продают газировку, стеклянные колбы с сиропом, рой пчел и мух над ними. У тележки продавщица в белом фартуке — улыбчивая румяная украинка.

— Хлопчики, — окликает она нас, — идите, напою!

Подходим. И тут продавщица замечает Колю. Он самый маленький в группе, худенький. А рюкзак у него очень объемный (хотя по весу меньше других). Он несет соединительные трубки от пылесосов. Голь на выдумки хитра! Идем по безлесной местности, а в продаже в те времена никакие приспособления для палаток не продавались. Вот и используем в качестве стоек соединительные трубки для пылесосов. Они легкие, быстро и просто собираются, хотя в рюкзаке занимают много места.

Снимаем рюкзаки и ждем вождельный стакан холодной воды. А продавщица не отрывает глаз от Колиного рюкзака. Добродушия и улыбки как не бывало.

— Люди добрые, что же это делается? Милое дитячко, ну кто же ей дозволил издеваться над ребенком? Что ты его як верблюда нагрузила? Сейчас я позову милицию. Иди, милый хлопчик, я тебе с двойным сиропом налью!

Коля смущенно переминается с ноги на ногу. Ребята хохочут.

Выпиваем по несколько стаканов волшебной воды. Уходим. А нам вслед несутся причитания и угрозы продавщицы:

— Погоди, я найду на тебя управу! Я тебе покажу, как издеваться над маленьким!

Юра Константинов

Занимался у меня в Ленинском доме пионеров и параллельно у Валентина Михайловича Куликова в городском Дворце пионеров с 1962 по 1966 г. Стал профессиональным педагогом-туристом, около тридцати лет был директором Центра детско-юношеского туризма и краеведения России, избирался президентом Федерации туризма РСФСР.

- *Я, как кузнечик, прыгал с горки на горку, а когда провалился в ямку, подумал, что я слон.*
- *Те, кто верит в любовь — любители, а кто не верит — профессионалы.*
- *Про песни мы знаем, мы их сами пропеваем.*

Южный Урал, 1963 год

...Идем на вершину горы Юрма, что в переводе означает «Не ходи». Раньше редко кто из местных жителей отваживался подниматься на эту «нехорошую и мокрую» гору. Часто уходившие на Юрму не возвращались назад. И люди верили, что на горе живут черти, которые не пускают людей назад.

Остроконечные скалы — шиханы образуют на вершине горы подобие ворот. Их называют Чертовы ворота.

Юрма находится на границе Среднего и Южного Урала. Это настоящая лаборатория гроз и ливней. Здесь редко не бывает дождя. А грозы на вершине — это страшно. Подъем на гору тоже непросто.

Но вот мы на вершине, стоим у Чертовых ворот, которые необыкновенно хороши! Они сложены из красновато-розового гранита. Очень красиво! И вид с вершины потрясающий!

Юра — завхоз по питанию. Довольно прижимистый, а тут расчувствовался и выдает нам по банке крабов на двоих.

Потом был конкурс на лучшую песню о походе, и ребята сложили такие стихи:

«А все-таки завхоз наш — очень щедрый парень,
Нам не забыть тот пир у Чертовых ворот.
Когда он, сердце сжав, лицо закрыв руками,
Нас крабами кормил, не утирая слез».

Хибины, 1964 год

От встречных туристов узнали, что где-то, кажется на реке Лявочор, всего в двух километрах от нашего маршрута, стоит небольшая партия геологов, а у них есть подробная карта местности. Так как качество карт в те годы было самым большим вопросом, решаем зайти к геологам за консультацией.

Ранним утром я, командир группы Юра Константинов и еще двое ребят готовимся к визиту. Юра настойчиво уговаривает меня надеть «нарядные» брюки, так как я представляю группу москвичей и стыдно появляться в гостях в том виде, в каком мы идем по маршруту.

В те годы в многодневный поход мы брали парадную форму — чаще одинаковые головные уборы, рубашки с эмблемой группы. В городах «щеголяли» в парадной одежде. А на маршруте не думали о внешнем виде. Главное, чтоб комар не прокусил, не донимал надоедливый гнус и было удобно.

- *Как же нет отметки, я же отметилась на компостере, там и зубьев уже нет.*
- *У него взгляд изменчивый: иногда он смотрит из-под бровей, а иногда из-под шапки.*
- *Грусть заволокла мою жизнерадостность.*

Сдаюсь... переодеваюсь.

Спешим к геологам, чтобы застать их, пока они не ушли на разработки.

Три палатки. Очень неряшлива вся стоянка... Гора пустых консервных банок. Почему-то их не закапывали. Кое-как натянуты палатки. На растяжках палаток небрежно развешано белье. Не впечатляет!

На наши голоса из палатки вылезает начальник партии. Мы в шоке. Какой-то веревкой подпоясаны брюки. Но главное — живописная майка! Количество дырок на ней сосчитать было нельзя.

«Парадную» форму этого геолога мы вспоминали долго, посмеиваясь над Юрой.

Патефон

В поход по Латвии в январские каникулы 1965 года Юра втайне от меня и на радость всей группе принес старый немецкий трофейный патефон, который облегчили до минимума, но все равно он весил прилично и был объемным. Виниловых пластинок было немного, для каждого участника похода. Одна меня «достала», так как он ее ставил специально для меня. Пел знаменитый Петр Лещенко. С одной стороны — душещипательные «Черные глаза», с другой — песня на производственную тему «Станочек, мой станочек». Юра нес этот патефон в рюкзаке, куда входил еще только спальник и немного личных вещей, а все остальное его имущество (продукты, снаряжение) разбирали ребята.

Каждый вечер Юра с особым удовольствием заводил патефон. Я была очень недовольна: и охота им тащить с собой этот ящик, чтобы довести «любимого руководителя»! Утром вместо команды «Подъем!» мы просыпались под надоевшую мелодию «Станочек, мой станочек». Но группа просто балдела от удовольствия, патефон стал своего рода «фишкой».

И каждый раз в очередном походе патефон «случайно» оказывался у Юры. Апрельский поход 1966 года по Подмосковию — последний поход Юры перед уходом в армию. Живописный приток реки Волгуши — бурный, широко разлившийся ручей Клубиш. Чудо! Ребята решили наконец расстаться с надоевшим мне патефоном!

Константинов Юра

Так и стоит перед глазами картина. Мы шеренгой, будто замороженные, стоим на берегу многоводного (от обилия растаявшего снега) ручья в белоснежной березовой роще, а вниз по течению уплывает куда-то заведенный патефон, разнося чарующий голос Утесова «Расстались мы, светила из-за туч луна...».

Музыка все тише и тише... И вот уже ничего не слышно... Даже немного жаль!

Володя Мишин

После окончания сельскохозяйственного института руководил крупным структурным подразделением в Россельхозтехнике.

Балагур, острослов, выдумщик. В походе по Эстонии сходу улавливал правильное произношение эстонских населенных пунктов — Пиганди, Кагвере, Иоська, Пилькусе, Отепя, Кяярика, тогда как все мы, коверкая слова, никак не могли правильно назвать то или иное селение.

Там же, в Эстонии, написал мне очень «душевные и трогательные» стихи:

«Людмила Марковна здорова,
Вот только ногу натерла.
И все ж с упорством носорога
Ведет нас черт знает куда».

Пожалуй, больше других был увлечен ориентированием. И стал в 1964 году чемпионом Москвы по ориентированию среди юношей.

Мастер на все руки: мог и починить, и соорудить, и придумать что надо. Оговорюсь, что это умение Володя пронес через всю жизнь.

Саша Чепурнов

После окончания топографического техникума до самой пенсии работал главным геодезистом на строительстве многих зданий в Москве.

Любимым районом наших походов по Подмосковию была Клинско-Дмитровская моренная гряда, быстрая живописная река Волгуша и ее притоки.

Мишин Вова

- Из «Малютки» выращиваются искусственные дети.
- Сила есть — ума не надо! Так и живем сильными и здоровыми.
- Запнулся сам об себя.
- Мне испортили настроение работать.

- Когда на болоте утонул один тапок, я выбросил и второй, чтоб не выглядеть дурачком.
- Черничный загар.
- На обед, кроме первого, было еще и второе.
- Собак я не боюсь с детства, жаль, что оно кончилось.

...Весна. Разлившиеся речки уже почти вошли в свои берега, оставив большие бочаги, наносы глины, песка, ила.

Чепурнов — дежурный по кухне. Он надевает высокие резиновые сапоги, берет ведра и отправляется за водой. Проходит минут десять. Вдруг округа оглашается истошным воплем: «Спасите, братцы, спасите!»

Мчимся к реке. Чепурнов выше колена увяз в иле, так и не дойдя до воды.

Вытаскиваем неудачливого «водовоза» из его сапог, потом сапоги из ила. Сашка мокрый по пояс. А запасную одежду, конечно же, забыл вложить в рюкзак.

Отдаю ему свои брюки от штормового костюма. Он высокий, я маленького роста. Мои брюки на нем чуть ниже колен, вид забавный. Хохочем. А он, бедняга, замерз. Но сделал важный для себя вывод.

— Всегда буду брать запасную одежду, даже в однодневный поход, — произносит он, выстукивая зубами мелкую дробь.

У кого-то нашлись запасные кеды, у кого-то — теплые носки. И вот повеселевший бедолага, обогревшись у костра, рассказывает, как его затыгивал ил.

— А что же ты не пошел по каменистой грядке? — спрашиваем его.

— А я хотел напрямик, ведь ближе.

Саша Анисимов

После окончания школы пробовал себя во многих областях хозяйственной деятельности, но остановился в конце концов на профессии водителя, став инструктором вождения.

Один из первых моих кружковцев в Доме пионеров. С ним мы прошли сотни километров по Подмоскovie, дорогами Латвии, искали клад разбойника Кудеяра на Брянщине, пересекали границу Европа — Азия на Южном Урале.

...Майский трехдневный поход по Подмоскovie. Саша догоняет нас вечером, после работы, на месте ночлега где-то на реке Волгуше.

Чепурнов Саша

- Я КП не заметил, потому что он был у меня за спиной.
- Это не компостер, это собака меня укусила.
- Я потерял привязку от компаса.
- Я тренируюсь в любую погоду, даже в хорошую.
- Ура! Опять дождик умеренный!

Он ученик слесаря в «Промеханизации». Они работают на кондитерской фабрике «Красный Октябрь» на сборке конвейеров. На фабрике свои законы: можешь пробовать шоколад в неограниченных количествах, но ничего выносить с территории нельзя. И он пробовал, пока глаза глядели. Теперь ему плохо.

— Саш, расскажи, как работал, — пристают к нему ребята.

Но у него на языке одна фраза:

— Проклятый шоколад, видеть его не могу! Больше никогда в жизни шоколад есть не стану.

Невыдуманные истории

«Девочка, ты танк?»

На Московском городском пионерском туристском слете, который проходил в Наро-Фоминском районе с привлечением солдат и техники знаменитой Кантемировской дивизии, Матус Иосифович Крайман — главный судья слета — придумал на соревнованиях по ориентированию на трех контрольных пунктах поставить военную технику. А пункты так и назвать: «Танк», «Танкетка», «Бронетранспортер». Участникам соревнований объяснили, что на трассе соревнований они встретят настоящую боевую технику.

Но дети, привыкшие к условностям, видимо не очень поверили в это или чего-то не поняли.

На один из контрольных пунктов из леса вышла группа. Увидев палатку, а возле нее девочку-судью, командир группы решительно направился к ней.

— Девочка, ты танк?

— Не-не. — Девочка ничего не поняла.

— Значит, ты танкетка?

— Не-не.

— Ура! Ты точно — бронетранспортер! Ребята, мы вышли на свой КП! Скорее сюда, будем отмечаться!

«Где наша доблестная Советская армия?»

На Московском городском туристском слете старшеклассников штаб решил провести военную игру. Кроме членов штаба о задумке никто не знал.

Около четырех утра лагерь был поднят по тревоге. Было приказано

- Ну хоть маленький лучик солнышка! Ну хоть полосочка! Ух, я бы тогда и позагорал!!!
- Я тренируюсь в ванной, имитирую дождливую погоду.
- Машке хуже: она промокла насквозь, а я лишь до ниточки.
- Я вам не отвечаю потому, что меня отвлекают ваши вопросы.

быстро построиться группам вместе с руководителями. Начальник штаба на полном серьезе объявил, что американцы в таком-то квадрате выбросили десант. На сборы 30 минут. Взять компасы, аптечки. Каждая группа получит карту с нанесенным квадратом, где следует обнаружить десантников. Группу будет сопровождать военный радист, чтобы сообщить о десанте. Зябко поеживаясь от утренней прохлады, ребята внимательно слушали.

Турорг одного из районов, Сергей Сергеевич Сидоров, долго не спавший с вечера, невыспавшийся и поэтому особенно злой, возмущался:

— А почему мы? Где же наша доблестная Советская Армия?

Через 30 минут все группы выступили на поиск десанта. Никто и не подумал, что это игра.

«Бью сапогой по морде?»

На смотре готовности к летним многодневным походам Игорь Леонидович Радушинский судит «Туристские навыки» (быт). Финиширует одна из групп. Для проверки правильности укладки рюкзака он выбирает одного из участников. Его рюкзак напоминает плохо оформленный магазин, где все небрежно выставлено напоказ. Снаружи, на одном из карманов, висят котелок и кружка, на другом болтаются кеды на длинных шнурках. Из большого кармана, оттягивая рюкзак назад, опасно торчат колышки для палаток, а под клапан рюкзака засунуты большие резиновые сапоги.

— Это что за гастроном? — насмешливо спрашивает Игорь Леонидович.

Владелец рюкзака молча переминается с ноги на ногу.

— Почему вещи не убраны в рюкзак? А если я уложу, тогда бью тебя сапогой по морде?

Парень хитро улыбается:

— Не уложите, не лезет.

Посмотреть представление прибегают зрители из других групп. Под прицелом десятков глаз Радушинский быстро и ловко укладывает все вещи в рюкзак.

— Ну что, бью сапогой по морде?

Зрители хохочут. Незадачливый турист бормочет что-то нечленораздельное.

- Я проспоровал споры потому, что не знал, про что спор.
- Я обогнал стоящую у дороги машину.
- Упал духом на финише.
- Ориентировщик в лесу чувствует себя человеком.
- Чудесный дождливый день.

В КГБ не шутят

Наш маршрут по Орловщине, по местам боев 85-го минометного полка, закончился в городе Орле. Здесь мы провели 10 дней, собирая свидетельства-воспоминания о событиях Великой Отечественной войны. Программа у нас была обширная: встречи, экскурсии.

Интерес к нашей группе был большой. Газета «Советский патриот» из номера в номер рассказывала о том, как мы собираем материалы по истории 85-го полка. К нам в Орел даже специально приехал корреспондент этой газеты Михаил Наумович Певзнер, который потом написал о нас две книги: «История одного знамени» и «Два знамени».

Жили мы в городском авиаклубе, где на втором этаже нам выделили большую комнату.

С первых дней наше появление в авиаклубе вызвало большой интерес среди учлетов. Они подходили к нашей двери, бесцеремонно ее распахивали и подолгу рассматривали нас, будто обитателей зоопарка. Вначале мы старались тактично их не замечать. Смотрят и пусть смотрят, посмотрят — уйдут. Потом нам порядком надоело это разглядывание, и мы стали нагло закрывать дверь перед самым носом зрителей.

Мы работали парами. Утром уходили на задание до обеда. Потом днем возвращались, обедали и снова уходили на задание. В клубе оставались только дежурные.

В один из дней (это было примерно на восьмой день нашего пребывания в городе) мы с Ритой Богачевой вернулись из городского архива, где работали. Дежурные сообщили, что обед готов, и мы стали ожидать возвращения остальных групп.

Вдруг дверь распахнулась. На пороге стоял мужчина лет тридцати пяти в светлом костюме. Он, как и пацаны-учлеты в прошедшие дни, беззастенчиво разглядывал нас. Я поднялась, чтобы закрыть дверь, уже протянула руку. Но он остановил меня вопросом.

— Вы Людмила Марковна Ротштейн? Переоденьтесь, возьмите документы и пойдемте со мной.

Я заволновалась:

— Что-то случилось?

— Нет, надо проехать в горархив.

Дежурные фыркнули по поводу «переодеться», а я, позвав Риту, шагнула к двери.

— Вы останьтесь, — сказал мужчина Рите.

- Я, конечно, хочу быть спортсменом, но почему это все без выходных?!
- Я опять заблудился и на том же самом месте.
- У меня второе дыхание появилось после финиша.
- Лыжная болезнь.

Мне бы испугаться, но я спокойно пошла вниз. Не испугалась я и когда мужчина предложил мне сесть в стоявшую внизу машину. Подумала: «Может, мы что-то не так сделали в архиве?»

Ехали долго. Мужчина молчал. И мне стало как-то не по себе. Показалось, что выехали куда-то за город.

— Куда мы едем? Архив уже проехали.

Мой спутник молчал. И только тут я испугалась: бросила 15 детей, поехала с каким-то мужиком, даже документы не спросила.

Машина остановилась, и я с ужасом прочитала вывеску на сером здании: «Областной комитет государственной безопасности».

Вышла из машины на дрожащих коленках: «Что я могла натворить?»

Вошли в здание. Длинный коридор, часовые. «Прямо, налево, направо», — за моей спиной раздавался резкий скрипучий голос моего спутника. И я шла и шла вперед, на ватных ногах, мимо многочисленных часовых, какими-то зловещими, давящими на психику коридорами и только думала: «Что я могла натворить?»

Вышли к какому-то холлу, и я увидела, что на диване сидят две мои девочки, две Марины. Поняла: «Централ!» Нельзя было фотографировать Централ. Знаменитая Орловская тюрьма, где отбывал ссылку Дзержинский, где в годы Великой Отечественной войны фашисты открыли концлагерь.

От сердца отлегло, я засмеялась. А девочки радостно шагнули мне навстречу.

— Не подходить! — раздался грозный окрик моего сопровождающего. Девчонки испуганно плюхнулись назад на диван, а я от неожиданности остановилась.

— Идти прямо! — это ко мне относилась очередная команда. Вошли в комнату, где за столом сидели четверо мужчин в штатском.

— Все в порядке, товарищ полковник, — сказал мой сопровождающий, — они опознали друг друга.

— Садитесь и подробно рассказывайте, зачем и чье задание вы выполняли? — сказал тот, кого назвали полковником.

— Музея Революции, — наивно ответила я.

— Шуточки! — грозно оборвал он меня. — Зачем снимали Централ? Я спрашиваю, кто вам дал такое задание? Кому должны передать пленку? Почему там стратегические объекты — мосты, дороги?

Господи, надо же так влипнуть! Мы думали о будущей выставке и наметили объекты для съемок раздела «Вот что оставили фашисты и вот что

восстановлено», а на пленке мосты, дороги, вокзалы и другие объекты. И в голову не приходило, что они стратегические объекты.

— У нас нет сведений, что там был Дзержинский (это о Централ).

Сначала я от злости огрызалась:

— Надо лучше изучать свой край.

Но, видя сверкнувшие злые глаза полковника и сосредоточенные лица остальных мужчин, поняла — здесь не шутят.

— Возраст? Учтите, здесь возраст надо назвать совершенно точно.

Я хмыкнула:

— Не такие мои годы, чтобы скрывать возраст!

И снова увидела злые глаза полковника. Да, здесь не шутят! Они обрабатывают вариант «шпион», лирика их не волнует.

Наша «приятная» беседа продолжалась очень долго. Задавали вопрос. Я отвечала. И через два-три новых вопроса опять задавали первый. Девчонки только испуганно переглядывались.

Пленку нам не вернули, но расстались мы мирно. Нам сказали, что об этой встрече никто-никто не должен знать, что мы должны понимать обстановку и т.п. Нас отвезли домой.

Через день мы уезжали. Обедали в столовой и вдруг — милиция: «Проверка документов». Все ничего, а я и две Марины полумертвые: «Это за нами!»

Еще одну проверку документов мы пережили на вокзале.

И только когда мы были в поезде, уже далеко от Орла, Певзнер рассказал нам такую историю.

...В Смоленске по фотографии вроде бы опознали опасного преступника. Но то ли брали его неосторожно, то ли так сложились обстоятельства, но к мужчине, которого задержали, неожиданно с криком кинулась женщина и схватила его за горло. Она кричала, что это заместитель фашистского коменданта Орла, на совести которого тысячи убитых местных жителей, что он уничтожил всю ее семью и т.д.

Это оказалось правдой. Это был жестокий матерый палач, которому удалось уйти от возмездия. Все эти годы он спокойно жил по чужим документам, работал. В Смоленск приехал в командировку. Его поместили в Орловском Централ, усиленно охраняли.

Местные газеты печатали воспоминания немногих очевидцев, которым удалось выжить. Власти опасались, что его постараются убрать «свой», которые тоже осели под чужими именами и которых он может выдать.

- *В лесу есть место, где можно спрятаться от родителей.*
- *Домашняя пища на костре.*
- *Из автобуса в 32 места вышло 170 спортсменов-ориентировщиков с вещами.*
- *Вывесил одежду стираться на улицу.*

- *Круговорот воды в природе: льет вокруг нашей горки.*
- *Ели грибной суп из сухофруктов.*
- *Красота в лесу меня отвлекает от мыслей и действий.*
- *Можно я только позанимаюсь испытательный срок?*
- *С пенкой по жизни.*

А тут «шпионы» фотографируют Централ. А мы-то думали, что это шутки.

«Откуда вы можете это знать?»

Проходил какой-то семинар туристских работников на Центральной детской экскурсионно-туристской станции России. Большой зал заполнен. Идет обмен опытом.

Выступает товарищ из Всесоюзного пионерского лагеря «Артек», возглавляющий там туристскую работу. Он очень важен и горд собой — в «Артеке» туризм на высоте.

— Мы, — рассказывает он, — совместно с Севастопольским медицинским институтом и Симферопольским педагогическим институтом провели большое исследование, в результате которого установили, что режим движения в туристском походе со школьниками должен строиться следующим образом: 45 минут движения, 15 минут отдыха.

Наступила полная тишина, в зале перестали шептаться и шелестеть бумагами. И вдруг раздался чей-то звонкий голос:

— Так мы это давно знаем!

— Вы знаете? — удивился докладчик. — Откуда вы можете это знать?

Казалось, от громкого хохота рухнут стены. Хохотали и не могли остановиться все. Ведь в зале сидели практики детского туризма. Больше «ученому мужу» не удалось сказать ни слова.

«Пусть намагнитит его обратно!»

Турорг школы № 78 Алексей Михайлович Седых был своеобразный молодой человек и делал все по настроению. Если его хвалили — мог свернуть горы. Был увлечен туризмом и пытался внедрить его в школе, где работал.

Плотного телосложения, очень любил поесть. Если голоден, то кроет всех без разбора по делу и нет.

Помню, в многодневном походе группы учителей по бывшей Восточной Пруссии после хорошего обеда, широко улыбаясь, обещал очередной дежурной: «Будешь так готовить, я, пожалуй, на тебе женюсь!»

Как-то пришел за советом. Директор школы — властная и не очень умная женщина всеми фибрами души ненавидит туризм и не дает развернуться. То отменит уже подготовленный школьный турслет, то не выпустит какую-то группу в поход. Что делать?

— А ты объяви забастовку, — советую я, — скажи, что больше не бу-

- Дистанцию разнесли в пух и прах.
- Я на питание обращаю внимание особое, даже когда не ем.
- Редкий случай: сготовили еду вовремя, правда одно лишь третье.
- Выигрывают сильнейшие: они сами выходят из леса.

дешь организатором этой работы. Пусть поищет дурака-фаната.

Леша так и поступил.

...На традиционном районном совещании директоров школ, где слушали вопрос о состоянии туррабoты в школах района, в числе отстающих называют № 8. В ответ на критику директриса «держала речь»: «Она (кивок в мой адрес) размагнитила моего Седых, который отвечал за эту работу. А больше у меня туризмом некому заниматься. Пусть, как хочет, намагничивает его обратно!»

Зал хохочет. Наша заведующая РОНО Лия Давыдовна Кузнецова — умница. Она глубоко убеждена, что туризм нужен каждому школьнику. И во всем поддерживает нас. Она в курсе конфликта турорга с директором школы, а отвечает директору на полном серьезе: «Хорошо, она его намагнитит обратно, но и вы ему помогайте как надо».

Седых был «на коне» — туризму в школе открыта зеленая улица.

«Сколько стоит билет до “Это было под Ровно”?»

Туристский кружок семиклассников готовился к летнему походу. А куда пойдём?

Мнения разошлись. Одни предлагали пройти по Подмоскoвью, так чтобы в конце маршрута выйти к большому водоему и провести там несколько дней; другие хотели в Брянские леса, где в годы Великой Отечественной войны действовали партизанские отряды. Третьи, прочитав интересную книгу чекиста Медведева «Это было под Ровно» о легендарном разведчике Николае Кузнецове, считали, что самый интересный район — город Ровно и его окрестности, где в фашистском тылу действовал знаменитый разведчик.

Решили провести «защиту маршрута». Разбившись на группы, знакомились с литературой, изучали район похода, определяя наиболее интересные места, готовили смету расходов.

На «защите» каждая группа должна была отстоять «свой» район, рассказывая о его достопримечательностях и природе. Кто сумеет доказать товарищам, что их выбор лучше, — там и пройдет маршрут летнего похода.

В кружке был шестиклассник Лёня Ярыгин. Он оказался в числе тех, кто хотел в Ровно. Ему и было поручено для составления сметы расходов выяснить стоимость проезда до Ровно.

Решительно набрав номер справочного бюро Белорусского вокзала,

- То, что я знаю, про то я не учу.
- Знать бы, про что спросит учитель.
- Когда мне сказали, что я не там, я понял, что здесь меня нет.
- Олег завалил следы нашей тренировки.

Леня задал интересовавший его вопрос:

— Скажите, пожалуйста, сколько стоит билет до «Это было под Ровно»?

Ответом ему были частые гудки. А он настойчиво звонил еще, и еще, и еще много раз.

— Почему они не отвечают? — недоуменно спрашивал Леня товарищей.

— Может, ты как-то не так спросил?

— Нет, я спросил четко. Даже на бумажке записал, чтоб не сбиться, — и Леня повторил свой вопрос. Раздался дружный хохот. А Леня на много лет получил кличку: «Скажите, пожалуйста, сколько стоит билет до “Это было под Ровно”?»

«Мухоморовка»

Прошли хребет Волчьих тундр и вышли к лесоучастку Кушколь.

У первых домов встречаем мужчину. Он сильно пьян, едва держится на ногах. Но радостно улыбается и пытается объяснить нам, что на лесоучастке сухой закон. Ведет нас к начальству. Начальник, сердито сверкая глазами, говорит мужчине: «Глаза бы мои на тебя не смотрели, иди отсюда».

Потом с широкой улыбкой поворачивается к нам. Расспрашивает, кто мы и откуда, куда держим путь? Хотите заночевать? Добро пожаловать. Но свободного жилья нет.

Предлагает недостроенный дом, где все чисто, окна затянуты пленкой. Только крыши пока нет, но палатки поставить можно: тепло и сухо.

Соглашаемся. Начальник объясняет, что да, у них на участке сухой закон. В местном магазине нет ничего, что можно выпить. Изъяты из продажи одеколон, лосьоны, полироль. На участке живут 15 человек: восемь местных жителей и семеро — начальство лесоучастка. И еще более 150 расконвоированных заключенных. Ребята хорошие, способные, работяги.

Три раза в год, по большим праздникам, на участок приходит машина. Привозят ящики пива и наряд милиции. Ну, выпьют, пошумят чуть-чуть — новый срок получать никому неохота. Машина и милиция уедут, и опять тихо.

На вопрос, откуда пьяный, если сухой закон, отвечает, что местные из мухоморов гонят самогон, так и называется — «мухоморовка».

- *Можно мне выйти насовсем?*
- *Обе лыжи на одну ногу.*
- *Он ко мне пристаёт по-культурному.*
- *Лыжные сани.*
- *Снегом запарошило видимость.*

Немного жалеет, что согласился на ночлег в свежем срубе, — шли бы лучше в тундру. Сыро? Зато спокойно. Больше 150 расконвоированных заключенных — нам как-то не по себе. Но вокруг очень доброжелательные лица. Ночь прошла спокойно.

Утром мы покинули гостеприимный лесоучасток.

«Сначала они пиццали, а потом почему-то пиццать перестали...»

Звонит директор одной из школ и, ничего не объясняя, очень тревожным голосом просит нас зайти к ней по серьезному делу.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, но могло случиться.

Приходим и узнаем: готовится школьный турслет, а шестиклассники из одного класса категорически отказываются в нем участвовать.

— Заупрямились: не пойдем и точка. А такие радостные уходили в поход на три дня со своим молодым классным руководителем, — говорит директор.

— А что говорит руководитель?

— Говорит, что намеченный маршрут прошли и все в порядке.

Директор показывает маршрутный лист, где читаем: «За три дня пройдено 100 километров», — и не верим своим глазам.

— Может, они подъехали? — спрашиваем у директора.

— Не знаю...

Директор приглашает руководителя похода.

Входит очень симпатичный молодой человек — преподаватель истории. После окончания института ушел в армию и первый год работает в школе.

— Подъезжали?

— Нет, честно все прошли.

— Но это 33 километра в день?

— Ну и что, а мы в армии больше пятидесяти в день проходили.

— Но ведь они маленькие, и девочки были в группе, наверное, они пиццали?

— Да, знаете, — откровенно сказала он, — сначала они действительно пиццали, но потом почему-то пиццать перестали...

Он так и не понял, что у детей не хватило сил даже на писк.

Позднее этот парень стал прекрасным руководителем, водил группы в сложные многодневные походы.

- *Из горячего термоса пили холодный чай.*
- *Я бережно храню память о своем дневнике.*
- *Снежная баба в мужском роде? — Снежный баобаб.*
- *Метрополиэтилен.*
- *У Димки память уникальная — он все забывает.*

«А потом она локти себе кусала...»

По традиции Московскому городскому летнему турслету туристско-старшеклассников предшествовал большой многодневный поход. Он начинался где-то на границе Московской области (или соседних областей) и заканчивался на поляне слета.

В пути школьники должны были выполнить два краеведческих задания, оформить их и вместе с описанием пути движения сдать на поляне слета, где строгая судейская коллегия вычитывала работы и оценивала выполнение задания.

Группа девятиклассников, маршрут которой начинался в Калужской области, получила задание: «Побывать в деревне Стрелковка, где в 1896 году родился известный военачальник, Маршал Советского Союза, четырежды Герой Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Узнать о детских и юношеских годах Жукова».

...В Стрелковке туристы получили официальные данные о детских и юношеских годах будущего маршала. Но ребята оказались настырными и задание им хотелось выполнить «на пять». Они долго ходили по домам, расспрашивая старожилов. И «разнюхали», что в нескольких километрах от Стрелковки живет первая любовь Жукова.

Конечно же, ребята захотели встретиться с этой женщиной и отправились в соседнюю деревню, где и разыскали первую любовь Жукова.

— Вы его любили? — в лоб спросили туристы у собеседницы. — А почему не вышли за него замуж?

Женщина мягко объяснила:

— Он мечтал об армии, а мне не хотелось быть солдаткой.

«Но мы выяснили, — писали ребята потом в своем отчете, — что дело не в этом. Семья Жукова была очень бедной, а его любовь была из зажиточной семьи. Ей просто не хотелось связывать свою жизнь с бедняком. Наверное, потом она не один раз кусала себе локти, когда узнала, кем стал Георгий».

— А потом вы встречались? — наседали на женщину краеведы.

Не в силах устоять перед их натиском, женщина рассказала, что виделись — Георгий Константинович приезжал в родные места.

— Ну и что? — приставали туристы.

— Послала я ему как-то грибочков солененьких.

— А он их получил?

— Получил и письмо мне прислал.

- Одну из последних конфет я отдал другу.
- Я девчонок не замечаю, чтобы им не грубить.
- Саша заснул с мирным храпом.
- Глупости бывают разные: глупые и умные.
- На трассе я сломал правую лыжу о левую.

— Письмо! — обрадовались ребята. — А оно у вас сохранилось? Подарите нам.

Пришлось женщине расстаться с письмом, которое, возможно, было ей дорого. В письме Георгий Константинович тепло благодарил землячку за грибочки из родных мест. Пожелал здоровье ей и ее семье.

А туристы, довольные, что им удалось добыть такую реликвию — подлинное письмо легендарного Жукова, человека, сыгравшего в годы Великой Отечественной войны важнейшую роль, чрезвычайно гордые собой прибыли на поляну слета.

Судейская коллегия была в шоке. Мало ли что могли «накопать» чрезвычайно активные дети!

Из походных дневников

- Поля с одной стороны были окружены озером.
- В Богатицево поставили арку, обозначили деревню. Сход решил объявить ее населенным пунктом высокой культуры и трезвого быта.
- Тропа располагалась чуть западнее севера.
- Мы шли слаборавнинной местностью.
- Он пошел работать бурлаком на Волгу, где хорошо влился в коллектив.
- Я не хотел писать дневник, но В. И. сказал, что сделает из меня котлету, которую мы съедим за ужином.
- Деревня была небольшого роста.
- Церковь построена в XIV веке. Я бы ей столько лет не дал.
- Дорога плохая. Идти по ней трудно — мешают извилины.
- Лесной массив привлекал своей необыкновенной скромностью.
- Через 500 метров от переезда, в направлении на юг, отходит ему перпендикулярная дорога на запад
- Ходили в поход в овражек лесных диковин. Видели Бабу-Ягу. Она говорила Коцею: «Как прекрасно жить в этом мире» — и никому не делала вреда.
- Поселок Сходня мы не нашли. Говорят «язык до Киева доведет», но нас не довел.
- Поход был очень научным.
- В связи с плохим знанием местности, долго плутав и искав дорогу на Петрицево, вышли на станцию Партизанская. Поход очень

- Самое трудное в трудностях это то, что они не кончаются.
- В альбоме с фотографиями я увидел свое отображение действительности.
- Меня выпрямили о шведскую стенку.

понравился. Некоторые ребята, может быть, почерпнули для себя что-то новое.

- Провели поход по литературным местам. Что видели? — Звездное небо.
- У князя Волынского были глаза цвета воронова крыла.
- Шли по дороге и все время боялись потерять азимут.
- Пройти в деревню Ивановку не могли, так как местные жители не знают туда дороги.
- Узнав дорогу, мы пустились дальше.
- Когда мы стали выбирать место привала, то от природы, очарующей глаз, долго не могли встать на якорь.
- С тех пор церковь больше не служит.
- Около деревни мы были неодобрительно встречены местным стадом крупного рогатого скота.
- Единственные жители от оставшейся деревни зимой не живут, а приезжают летом.
- Помещик, по нашим соображениям, был хозяйственный мужик.
- Деревня Зажевочка представляла из себя три дома, где никто не живет. Утром играли в футбол с местной командой.
- Когда мы прошли через деревню, в ней осталось всего четыре дома.
- Выйдя из зарослей, мы обнаружили своеобразный рельеф — местность, сильно пересеченную с водой.
- Завод образовался в конюшнях графа Меншикова.
- Дороги были окювачены.
- Наш путь к могиле был несложен.
- Во время экскурсии внешний вид мы нашли в хорошем состоянии.
- Завод имеет клуб в виде актового зала.
- Нам пришлось преодолеть поднятие на крутую гору.
- Немноговерные условия жизни.
- Коровы весь год снабжаются колхозным кормом.

Говорят посетители туркабинета

- Мальчик, ты на совещание командиров? — Нет, я на азимут. Мне сказали: пойдешь только на азимут.
- Ребята, маршрут у вас непонятный. Покажите хоть, по какой дороге пойдете. — По железной.

- *Он упрямылся с огоньком.*
- *От холода тряслись поджилки.*
- *В.Я. записывает, как мы выражаемся в выражениях.*
- *Я чувствую большие успехи в спорте.*
- *Я запутался в чужих вещах, пришлось их снять.*

- Ребята, вы на семинар завхозов? — Нет, мы математики. Но такого кабинета в Доме пионеров нет, вот нас и послали в туристский.
- Меня прислали из 36-й школы за каким-то документом на букву «ё» — на букву «ё» нет никакого документа. Ладно, сейчас посижу и вспомню. Через полчаса: — Ё-мое, меня прислали за сметой расходов!
- Звоним по телефону в Министерство сельского хозяйства, чтобы узнать, какой совхоз в области является лучшим. Набираем номер, слышим в трубке: — Алло! Крупный рогатый скот слушает.

Будущие туристы

1930-е годы. Дети в спальных мешках идут спать на свежем воздухе

- *После зарядки цвет моего лица приобрел искусственный оттенок.*
- *Спортсмен-ориентировщик должен упрямо идти к своей цели, а не ходить вокруг да около.*
- *Я азимут беру напрямую.*

Остапец-Свешников Александр Александрович (1929–2002)

Москва

Начал заниматься туризмом в 1949 г. Работал преподавателем физкультуры в школе-интернате, научным сотрудником в Академии педагогических наук СССР, директором созданного им Экспериментального Центра детско-юношеского туризма и краеведения «Родина». Много путешествовал со своими кружковцами пешком, на лыжах, велосипедах, мотоциклах по различным регионам Советского Союза. Ярчайшая фигура в педагогике детско-юношеского туризма и краеведения, создатель и первый президент Международной академии детско-юношеского туризма и краеведения. Доктор педагогических наук, мастер спорта СССР по туризму, судья республиканской категории по ориентированию, автор десятка книг по туризму и краеведению.

Страшное наказание

Известно даже не очень опытному руководителю детской туристской или экскурсионной группы, да и любому работнику пионерского лагеря, как трудно бывает утихомирить ребят в первый день их походной или лагерной жизни. Особенно трудно уложить спать после дня, богатого эмоциональными переживаниями, которые могут быть связаны не только с преодолением каких-либо естественных или искусственных препятствий, но и после интересного краеведческого материала, в раскрытии которого они сами приняли непосредственное участие.

Не раз приходилось видеть и слышать, как руководитель группы упрощает, уговаривает ребят успокоиться, как настойчиво пытается разъяснить им, что такое поведение мешает другим отдохнуть, набраться сил к завтрашнему переходу, что это безнравственно по отношению к тем, кто сильно устал и хочет спать. Нередко такие либеральные подходы только разжигают желание еще немного побалагурить, а то и просто похулиганить. Начинается возня, кто-то в углу похрапывает, кто-то делает

- *Меня окружали косматые шорохи елей.*
- *Во время дождя я прикрыл КП, чтоб он не намок, а они говорят, что его там нет.*
- *Когда они от меня отвернулись, я перестал различать лица.*
- *Я нашла только один КП и то безуспешно.*

вид, что у него першит в горле, и непозволительно громко кашляет, начинается шум, очень похожий на кошачий концерт.

Как-то раз я предложил руководителю одной из групп, ночевавших вместе с нами в спортивном зале сельской школы, «слова не тратить по-пустому, где нужно власть употребить». Уж очень эта группа мешала другим спать.

— А что тут сделаешь? — безнадежно ответил он. — Я уже все перепробовал: пугал, пугал, что больше не возьму ни в какой другой поход — ничего не помогает!

— Далекое наказание — когда еще следующий поход будет! Вы примените другое: скажите, что первый, кто скажет хоть слово, будет спать рядом с вами.

Педагог задумался и вдруг очень резким, командным голосом сказал эту фразу. На секунду-две наступила полная тишина. Но тут все же не выдержал один из его ребят и пискнул.

Теперь уже мне надо было помочь педагогу. «Кладите его рядом с собой, да порезче, спальник из-под него вынимайте!» — подсказал я. И пошел с ним на этот голос. Но мы еще не дошли до мальчика, как он вскочил и запричитал: «Честное слово, больше не буду! Меня толкнули и вырвалось!» Но педагог, видимо, уверовал в эффективность такого воздействия и взялся за спальный мешок.

— Зачем же вы меня одного наказываете? — со слезой в голосе произнес подросток, забирая свой рюкзак.

В зале воцарилась полная и, я бы даже сказал, сосредоточенная тишина. Мне стало жалко мальчика: «Может быть, он действительно осознал свою вину, простим его на первый случай?»

— Хорошо, но если повторится такое, будешь спать рядом со мной весь поход! — жестко произнес руководитель.

Такой перспективы ни этот мальчик, ни другие, видимо, себе не пожелали. До утра была полная тишина.

«Посмотрим, что получилось»

Для обучения ребят фотографированию в поход обычно брали фотоаппараты для черно-белой и цветной пленки, иногда киноаппарат и еще фотоаппарат для тех, кто не умеет фотографировать.

Вот и в этот тренировочный двухдневный поход ребята взяли третий фотоаппарат для обучения новичков не такому уж сложному при сегод-

- *Первым на зарядку вышел тренер, вторым — командир, а третьи дружно не слышали подъема.*
- *Витя, что это у тебя такой большой рюкзак? — Там, В.Я., сменная одежда.*
- *Из-за шиворота снег провалился за пазуху.*

няшной технике делу. Правда, для новичков брали не «автоматы» и «полуавтоматы», но иногда им приходилось снимать самой примитивной, но достаточно надежной камерой типа «Смена». В этот раз новичкам досталась именно «Смена». Главный оператор группы зарядил ее чернобелой пленкой, построил против себя фотографов-новичков и объяснил им, как надо обращаться с этим аппаратом, чтобы на пленке получилось качественное изображение: «Мы потом посмотрим, что у вас получится, кто лучше всех снимал».

Поскольку ребят оказалось всего четверо, то главный оператор определил, что снимать они будут по девять кадров: «Отснял свои кадры и передаешь фотоаппарат другому. Главное — следите за качеством съемки и не задерживайте аппарат, чтобы каждому успеть поработать с ним!»

Сначала главный оператор следил за работой новичков, но поскольку они шли все вместе и неоднократно слушали его замечания и советы, последние двое снимали уже без его подсказок, видимо, уверовав, что уже знают достаточно.

Осенний день короток, перед ужином все расселись вокруг костра, здесь было и теплее, и светлее. Командир начал обычную процедуру анализа первого дня тренировочного похода. Отчитывались ребята каждый по своей должности. Когда очередь дошла до главного оператора, он рассказал, сколько отснято, какие объекты и что сегодня неплохо поработали новички. «Дай-ка сюда вашу пленку», — протянул он руку к новичку, снимавшему последним. Тот открыл фотоаппарат, вынул кассету и со словами: «Посмотрим, что получилось!» — потянул из нее пленку. Главный оператор тут же прыгнул на него, но пленка уже засветилась.

Девочки объявляют голодовку

— У нас ЧП! — подошел ко мне один из руководителей туристской группы. — Девочки объявили голодовку! Сейчас будем разбираться, так что вы нас не трогайте с часик.

В углу большого спортивного зала, где ночевала эта туристская группа, на скамейках и просто на полу вокруг своих руководителей уже собралась вся группа. Я попросил руководителей остальных групп не подходить к ним и сказать ребятам, чтобы дали возможность этой группе «спокойно побеседовать». Сам же подошел поближе и стал прислушиваться, пытаюсь понять, в чем, собственно, дело и как ребята будут обсуждать возникший инцидент.

- *В лесу я увидел лося, он щипал травку и мирно помахивал хвостиком.*
- *От поцелуя дети не рождаются, от поцелуя рождаются оплеухи.*
- *Финиш был буйный.*

Командир, очень подвижная женщина, пользующаяся авторитетом и у девочек, и у большинства мальчиков, сообщила, что две девочки сегодня с утра объявили ей, что не сядут с мальчиками завтракать, пока те не извинятся за свое грубое поведение — клички, грубые слова, отказ выполнять их указания, когда они были дежурными, и другие нарушения дисциплины «в отношении девочек». Их поддержали еще несколько подруг.

— Так что, вы вообще есть не собираетесь? — спросила командир.

— Да, вообще, пока они не извинятся перед нами! — ответила одна из девочек.

Обрисовав начало инцидента, командир предложила ребятам высказать свое мнение о случившемся. И девочки, перебивая друг друга, начали:

— Я ему говорю: бери ведра и иди за мной, а он стоит, чего-то выжидает!

— Он не чего-то выжидает, а ждет, чтобы ты сама их взяла и за водой пошла!

— А этот вообще говорит, когда его о чем-нибудь просишь: «Чего это ты сразу ко мне лично подошла?»

— Он и мне так ответил! Никогда сразу ничего не сделает, обязательно ему надо сначала что-то сказать, а уже потом сделать!

— Вчера я дала задание двум ребятам сходить в магазин за хлебом, так они полчаса где-то пропадали!

— В очереди пропадали! — тихо произнес один из мальчиков.

— У них всегда найдутся отговорочки.

— Я ничего особого про наших ребят сказать не могу, но считаю, что по фамилиям называть нас нехорошо, есть же имя.

— А я тебя так назвал только тогда, когда ты меня назвала «Серым», — пробурчал из угла самый здоровый в группе парень, — Сергей меня зовут!

Девочки продолжали свою атаку, часто переходя на такие мелочи, что становилось неудобно за их придирки. Причем неясно было, чего же в конечном счете они хотят, чего добиваются. Особенно те двое, что заваривали всю эту кашу. Уже пропал запал у остальных, а эти две девочки продолжали предъявлять мальчикам свои требования. Но и они вроде бы выдыхались. Назревал перелом.

И тут не выдержал второй руководитель группы, человек молодой, но

- *Александр Михайлович и Владимир Николаевич пели наперегонки.*
- *Мы долго жали друг другу руки, поэтому и опоздали на электричку.*
- *Полагаясь на свою память, я все забыла.*

уже серьезно потолкавшийся в жизни, знающий цену настоящих человеческих отношений:

— Вот слушаю я вас, ребята, и вспомнился мне один случай. Слушайте внимательно, иначе будет трудно понять... Шел суд над убийцей. Встал прокурор и потребовал судить его строго, как совершившего самое страшное преступление, которое только может быть. И вдруг встает один из свидетелей и говорит: «Да вы знаете, он ведь еще и курит!»

Руководитель замолчал. Пауза продолжалась недолго. Некоторые девочки уже опустили свои головки вниз, а у некоторых ребят по лицам заблуждали непроизвольные улыбки.

— А вообще-то, девочки, мы сами во всех этих делах наполовину виноваты! — вдруг поднялась командир.

И как будто свежим ветром подуло: почти все девочки стали припоминать, как при тех или иных обстоятельствах они сами были виноваты. Включились в обсуждение и ребята. Особенно серьезно и как-то проникновенно сказал заместитель командира — легонький, небольшого росточка паренек с мягким, всегда доброжелательным взглядом из-под больших очков.

— Вы знаете, ребята, почему сегодня у нас этот случай произошел? Вот шли мы семь дней под рюкзаками и никаких конфликтов вроде не было, а сейчас сидим в городе на экскурсиях второй день, и пошли претензии. Да потому, что мы тянули, в основном мальчики, большой груз. А теперь решили — отдохнем! Я вот иногда утром думал: «А не положили ли мне в рюкзак больше, чем остальным?» Но я попробовал рюкзаки остальных ребят и понял, что и у других такой же вес. И спокойней стало на душе, что все у нас справедливо, все поровну. А тут никакой физической нагрузки, и мы с вами, я говорю о ребятах, расслабились, уже что-нибудь небольшое сделать — и вроде бы перегрузили нас.

— Это вы зря так строго о себе! Мы тоже виноваты! Бывает пустяк: переставить с места на место, даже пусть наши нетяжелые рюкзаки, так зовем вас, а ведь сами это сделать можем, — горячо заговорила заведующая питанием группы, маленькая девочка, не принимавшая до сих пор никакого участия в разговоре.

— Никто не говорит, что наши мальчики плохо себя вели в походе, не выручали нас. Просто так получилось сегодня утром, что мы немного поссорились, но теперь ясно, что это пустяк! — вдруг встала одна из инициаторов «голодовки». — Если нужно, я могу даже извиниться перед ними!

- Скажите честно — это правда.
- Я вас обманул, что я хитрый.
- Если бы мне ставили одни пятерки, я был бы единственным лидером.
- Упала от усердия.

— Зачем, зачем!? — даже вскрикнул заместитель командира. — Ничего не надо! Лучше пойдемте завтракать, а то мы вроде все объявили голодовку.

Раздался дружный смех, вызвавший удивленные взоры руководителей остальных трех групп. А ребята дружно поднялись и, пропуская вперед девочек, двинулись к столовой.

Англичане едят одну овсянку

— Я вас очень прошу, товарищ руководитель, не обращать внимания на мою дочь во время еды — она не ест манную кашу, просто терпеть ее не может!

— Это всегда сначала так: манную кашу, овсяную, не едят, на геркулес смотреть не могут. Но ведь в походе мы для каждого отдельно варить не в состоянии! Вы только не волнуйтесь — она все будет есть, уверяю вас!

Это довольно типичный разговор с некоторыми родителями в самом начале туристской жизни их детей. Но, конечно же, не все так просто с приучением к такой еде избалованных домашней кулинарией детей и особенно из чадолюбивой семьи.

— Лена, ты почему не ешь? Не теряй времени, через десять минут снимаем лагерь!

— Я сыта... У меня осталось от «маминогo завтрака», я поела.

— Учти, переход не близкий, обед будет часа в четыре, не раньше. Надо хорошенько позавтракать... Да тебе дежурные всего-то полполовника положили... Ты хоть попробуй ее на вкус, они же одного сахара туда пачку вогнали.

Девочка наклоняется и больше делает вид, что ест, поднося ко рту ложку и чуть прихватив губами манную кашу. Руководитель, делая вид, что его это уже не интересует, отходит в сторону, но все же замечает, что она две ложки съела.

Под вечер группа располагается на ночлег. Дежурные торопятся с обедом-ужином, поскольку перекус был слабый и всем страшно хочется есть.

— А на второе что? — спрашивает тихо эта привередливая в еде девочка.

— Тушенка с овсянкой, — смеется дежурная и поясняет. — Мы туда больше тушенки, чем овсянки, бросили.

— А можно мне положить одну тушенку? — еще более тихо звучит от костра.

- Я наизусть запомнил только книгу, в которой было стихотворение, что задали на дом.
- Для того, чтобы быть для всех примером, надо даже плохое делать хорошо.
- Я нашел месторождение КП.

— Да ты что? Мы уже все положили, неужели выковыривать будем?!

Руководитель наблюдал, но не вмешивался. Началась трапеза, и девочке дали то же, что и всем. Видимо, голод действительно не тетка, она медленно и осторожно, но полностью подчистила свою миску.

— Не узнаю дочь! — делится после похода мать. — Говорит, что англичане с утра едят одну овсянку, и просит ее приготовить, «как в походе — с сахаром и изюмом».

Диплом за сожженную школу

Намерзлись ребята здорово — мороз был за двадцать градусов, а лыжня спокойная, небыстрая, какая-то извилисто-ленивая, не дающая возможности пробежаться, разогреться. Подъемов почти не было.

Шла вторая неделя школьных каникул и маленькая начальная школа, расположенная у озера, куда на ночлег пришла группа, не топила уже несколько дней. Завхоз впустил ребят в столовую, расположенную под двумя классами этой школы-избы, и посочувствовал:

— Замерзнете вы тут. А вообще-то парни у вас взрослые, здоровые — пусть наколют побольше дров и протопят как следует, может, градусов девять тепла и соберете.

До вечера было еще время и руководство группы решило зря его не терять, а выйти к автобусной остановке и съездить в центр города: познакомиться с его достопримечательностями, посетить краеведческий музей.

В школе были оставлены дежурные повара, да еще один паренек — «истопник». Задача у них была не только приготовить ужин, но и так растопить печь, чтобы в помещении было тепло.

— Не беспокойтесь, — заверил «истопник», — доведем до такого каления, что плюнешь и отскочит!

— Потихе, потихе в своем рвении, печь-то, смотрите, уже на ладан дышит, — поостерег один из руководителей, просовывая пальцы между кирпичами печной кладки...

Вернулась группа уже в десятом часу вечера. Ребята сразу определили, что в помещении стало значительно теплее. Печь же была раскалена так, что и притрагиваться к ней было опасно.

Так как помещений в этой школе-малютке было всего три-два класса да столовая, которая, видимо, служила и актовым, и спортивным залом, решили располагаться на ночь именно здесь. Хотя пол был каменный, холодный и даже коврики не спасли бы от простуды. Но голь, как гово-

рится, на выдумки хитра. Сдвинули столы и отдали это широкое ложе девочкам. Для мальчиков остались длинные узкие скамейки, спать на них было невозможно. Решили положить все имеющиеся лыжи одним концом на одну, другим на другую скамейку, крайние подвязать веревкой, чтобы не расползалась вся эта конструкция, и, прикрыв их полиэтиленом и своими спальными мешками, осторожно расположиться на ночлег. Мужская часть группы сначала провела эксперимент. Руководитель, как самый тяжелый, лег на середину этой конструкции и даже чуть-чуть покачался, переворачиваясь из стороны в сторону, — конструкция выдержала. Лыжи, казалось, могли выдержать и более десяти человек.

В столовой было уже тепло и некоторые решили спать в тренировочных костюмах. Ведь печь продолжали топить и к поздней ночи должно быть даже жарко.

Где-то в половине четвертого ночи руководителя разбудил один из дежурных «истопников».

— Кажется, мы горим! — взволнованно и приглушенно произнес он, показывая на языки пламени, выскакивающие из дымового хода под самым потолком столовой и исчезающие где-то под полом второго этажа, там, где были расположены классы. Руководитель выскочил из спального мешка и уже через минуту кричал сверху, чтобы прекратили топить и несли всю имеющуюся воду туда, на второй этаж. Еще через минуту вся группа была на ногах и по команде второго руководителя и командира, растянувшись цепочкой, подавала наверх ведра с водой. Но пламя охватило почти весь дырявый пол одного из классов и, затушенное в одном месте, словно играя с ребятами, устремлялось к другому, еще сухому пространству и там вспыхивало, казалось, с новой силой. А вода уже кончалась. Ждать же помощи извне было сомнительно, хотя школа и стояла на высоком месте, но это был дальний пригород и до ближайшего дома, где мог быть телефон, — не менее трех километров. Оставалось одно — растянуть всю группы по откосу и черпать воду прямо из проруби. Так и сделали. Но пока возились с расстановкой ребят на подъеме, пока достали все емкости для переноски воды — ведра, тазы и даже большие кастрюли, огонь перекинулся на ближнюю к городу стену и готов был лизнуть перекрытия под крышей.

— Ребята! Школа может сгореть! Не пощадим своих сил — отобьем ее от огня! — призывали руководители и командир.

Их личный пример передался ребятам, и группа отчаянно, словно по-

- *Почему меня всегда будят перед зарядкой?*
- *Маркир пришел от древних людей: это они делали зарубки, чтобы не заблудиться.*
- *У меня нет вдохновения, я делаю все за так.*
- *Я двигался к северному направлению с южной стороны.*

- *Меня надул ветер и у меня теперь в зубе флюс.*
- *Во время лыжной тренировки у меня все время сваливался ботинок.*
- *Меня нагрузили разными вещами да еще обозвали верблюдом, пришлось плюнуть.*

шла в атаку на неприятеля, ринулась на бушующее уже со всех сторон пламя. Больше часа бились ребята с пожаром и наконец под их дружным натиском пламя отступило.

Но какое жалкое впечатление производила сейчас эта и без того убогая сельская школа. На ее почерневших стенах, обильно политых водой и уже прихваченных морозом, заиндевели сосульки — будто слезы потекли у этой старой прокоптелой избы.

Настроение у ребят уже не было боевым. Впервые за многие походы они совершили такую страшную оплошность: своими руками почти уничтожили школу, которая, к тому же, их так гостеприимно приютила. И ничего, ничего они уже не могут сделать для ее восстановления, это не в их силах. Теперь потребуется серьезный ремонт. Может быть, даже задержат начало третьей четверти или переведут детей учиться в другую, дальнюю школу. У руководителей настроение было еще более черным. Они просто не представляли себе, как через какие-нибудь три-четыре часа взглянут в лицо завхоза или директора этой школы, какие ему скажут слова. Сидя на лавках в столовой, ребята собирали свои вещи и одевались, так как холод уже уничтожил остатки тепла и температура внутри школы сравнялась с уличной.

И тут снаружи донесся звук колокола и еще второй — пронзительный, похожий на звук милицейской сирены. Вся группа высыпала на крыльцо. Снизу, от дороги, визжа на первых передачах пытались подняться к школе две пожарные машины и армейский вездеход.

— Лучше поздно, чем никогда! — произнес кто-то из ребят.

— Но не будет им сегодня работы, — подтвердил кто-то еще.

— Будет! — вырвалось у руководителя. — Сейчас на нас акты писать начнут!

А из поднявшегося к самой школе вездехода вышел подполковник милиции и не очень добродушно произнес:

— А вы, ребята, что это тут собрались? И кто вас надоумил школу тушить?! Марш по домам!!

Но когда ему объяснили, что это совсем не местные ребята, а московская туристская лыжная группа, ночевавшая сегодня в этой школе, он, как потом отмечали все ребята, так в лице изменился, что многие подумали, не плохо ли у него с сердцем.

— Так это же могло кончиться большой трагедией! — вырвалось у него. — Я же много раз предупреждал директора и завхоза, что она

может совершенно внезапно загореться, да так, что маленькие дети и выскочить не успеют! Я же и предписание дал: при детях печь не топить.

С каждым словом он все больше накалялся и все громче звучал его голос.

— Да она, эта школа, не должна существовать! Она опасна для детей! Зачем вы ее затушили?!

Затем, развернувшись к своим пожарным, почти злобно закричал: «Немедленно вскрыть все перекрытия, там еще должны быть угли! Все вскрыть, все обрушить!»

Ничего еще не понимая, ребята с недоумением смотрели вслед здоровенным дяденькам, оседлавшим в какие-то минуты это маленькое здание и остервенело принявшим крошить стены, крышу, перекрытия. Мenee часа потребовалось им, и крыша домика рухнула, а затем одна за другой были растащены баграми и стены школы.

Подполковник куда-то исчез, а пожарные все рушили и рушили уже, казалось, и так превращенную в кирпично-дровяную свалку школу.

— Боже, да что же здесь происходит?! Мы же потушили пожар! — пыталась остановить этот, по ее мнению, акт вандализма вторая руководительница группы, обращаясь к старшине, командовавшему снизу этим уничтожением.

— Порядок! — отвечал он бойко, с каким-то особым задором. — Теперь-то обязательно новую построят!.. А вы не беспокойтесь, мы давно этого ждали и пламя часа два наблюдали, думали — пусть все сгорит дотла, людей-то в ней быть не должно, каникулы у детей, да и ночью никого в ней не бывает... А тут вот как, оказывается, получилось!.. Ну, все равно вам спасибо — помогли, а то она все равно рано или поздно сгорела бы, да еще при малых детях... Колька! Колька! — заорал он неистово. — Вали столбы, чтоб ничего стоячим не осталось!!

Рассветало. Появились и директор школы, и завхоз. С тяжелым сердцем подошли к ним руководители, подтянулись ближе и ребята. Но ни тот, ни другой даже слушать извинений не стали, их больше интересовало, не пострадал ли кто из юных туристов, не сгорело ли что у них. Видно было, что они ожидали такого, но все надеялись на наш русский авось, ведь возить-то детей в город было не на чем, школа эта выручала и родителей.

И тут вновь показался газик начальника пожарной части города.

— Постройте своих орлов, — обратился подполковник к руководителям группы.

- Я так сильно ударился, что из глаз посыпались искры, а голова загудела паровозом.
- Я не жадный, мне просто не хочется расставаться с любимыми вещами.
- Белый пудель с черными кудряшками.

- У Славки выпал молочный зуб, и его улыбка стала выразительней.
- Я выпил кружку молока и подумал, какой же все-таки корова хороший человек.
- Мои тренировочные штаны с чужого плеча.

Затем напротив ребят встали пожарные, вперед вышел подполковник и, вынув из портфеля красивый бланк, зачитал: «Диплом первой степени. Вручается группе московских школьников, проявивших стойкость и мужество при спасении сельской школы от пожара!» Пожарные захлопали.

А руководитель группы стоял и никак не мог уяснить себе, что ему необходимо сказать или сделать. Этот диплом совершенно не вязался в его сознании, в сознании его ребят с тем, что здесь этой ночью произошло. Однако начальник пожарной части втиснул в руки руководителя награду и пошел по шеренге ребят, пожимая руку каждому.

Диплом этот и теперь хранится в школьном туристском клубе.

Спустя четыре года одна из московских групп ночевала на том же месте, но уже в большой новой школе-интернате, теплой и уютной.

Ночь на полонине

Метель все усиливалась и вскоре совсем перекрыла видимость склона, по которому осторожно двигалась группа, выверяя каждое свое движение, так как малейшая неосторожность грозила срывом вниз, а может быть, и возбуждением последующей лавины. Одно еще успокаивало — лес довольно плотно покрывал склон и из-под глубокого снежного покрова проглядывал хотя и редкий, но кучками стоящий кустарник: в случае чего можно было хотя бы за него зацепиться.

Настроение группы ухудшалось, по частым остановкам руководителя все чувствовали, что истинное направление потеряно и руководитель со штурманом группы ищут пути выхода наверх, на гребень, или спуска вниз, на возможно проходящую там дорогу. Но все же резких движений туда или сюда не было, терять высоту не хотелось, группа медленно продвигалась вперед, все более и более замедляя свое движение. Первым доставалось самое трудное — тропежка лыжни по глубокому снегу и опасному склону. Сложность заключалась еще и в том, что поменяться местами с кем-либо не могли, во-первых, потому, что только они определяли пути движения, а во-вторых, просто обойти друг друга на этом склоне было небезопасно и крайне неудобно.

Постепенно сгущалась темнота, хотя времени было достаточно до полного ее наступления. Метель закрывала свет, и казалось, что наступает уже вечер. Привал провели стоя, не снимая рюкзаков. Он не дал отдыха, лишь усилил ощущение холода, усиливающееся от намочшей одежды.

- *Я очень прыгучий. Я могу забраться на любую высоту.*
- *Я с радостью могу с вами погрузиться.*
- *Винегрет из одной картошки.*
- *У меня есть брат, он будет каскадером. Ему всего два месяца, а он уже прекрасно катается в колясочке.*

Дальнейшее движение напоминало, скорее, нервное рысканье по склону: сначала руководство взяло направление вниз, но затем, видимо передумав, вновь потянуло группу наверх — и снова траверс склона. Так продолжалось мучительно долгое и мучительно медленное продвижение вперед. Ребята, уже не в первый раз совершавшие зимние лыжные походы, впервые попали в такую сложную обстановку, но представляли себе хорошо, что единственное спасение в таких случаях — это непрерывное движение вперед, до хотя бы небольшой полочки, на которой можно будет расположиться на ночлег, согреть чай, поесть.

Опять остановка. Руководитель отошел чуть от группы в надежде отыскать дорогу или тропу, идущую параллельно их движению, ведь в течение этих нескольких часов они не пересекли ни одной дороги, ни одной просеки. «Может быть, такая дорога или просека идет параллельно их склону?» — решил он, уходя в разведку. Обратный путь он по крикам ребят, которых попросил не прекращать звукового наведения, видеть их он уже не мог — снег шел валом. Опять изнурительное движение вперед. У некоторых появилось то самое опасное желание, которое может привести к трагедии: желание сесть на снег и отдохнуть, отдохнуть несмотря ни на что, отдохнуть хотя бы несколько минут, сомкнуть глаза и отдохнуть. Теперь уже тормозил кто-то и в середине колонны. Более выносливым приходилось их подталкивать и словами, и руками. Бодрые слова уже выкрикивали, правда, не очень громко, командир и комиссар группы. Это чуть подбодрило ребят, но вскоре начались, вроде бы ни с того, ни с сего, падения. Причем подняться самой девочке было очень трудно, а толком помочь ей сзади идущая девочка не могла; расположение в колонне было не совсем правильным. И тут, когда почти у всех уже созрела опасная мысль остановиться на самом склоне, совершенно неожиданно прозвучало: «По-ло-ни-на!»

Группу как бы выбросило вперед и чуть вверх, и ребята оказались на ровной поверхности, рядом не было видно деревьев, кустарников и чувствовалось, что эта площадка уходит и дальше вперед. Здесь, как ни удивительно, но и непрерывно падающий снег вроде бы пошел тише. Группа, уже сбившись в кучку вокруг руководителя, ждала команду на разбивку бивака. Но тут кто-то сквозь снежные порывы разглядел строения, расположенные прямо по их прежнему курсу. Продвинулись вперед и увидели загоны для овец и малюсенький домик, видимо для пастуха, прилепившийся к изгороди. Пока стояли, сильно продрогли, и появив-

- *Когда я вырасту, я буду разносторонним человеком.*
- *Я люблю слушаться под гитару.*
- *Почему, когда я голодный, я вспоминаю зубного врача?*
- *В яме вместо КП стоял фотограф.*
- *Я испытываю большую радость, когда ем чистыми руками.*

шея жилье само потянуло всех вперед. Осмотр его не порадовал: печь была сильно разрушена, да и топить-то здесь было нечем; поместиться здесь могла только половина группы, да и то в страшной тесноте.

Кто-то из ребят вспомнил, что в книге Гиннеса есть рекорд: в телефонной будке поместилось 13 человек. Здесь места было раза в четыре, а то и в пять больше, чем в телефонной будке. Решили устроить из лыж верхние нары и спать в два яруса — внизу на сыром полу постелить полиэтилен, коврики и наиболее теплые коллективные спальные мешки — агрегаты. А верхний ярус настелить из лыж, положенных на короткую лавку и остатки разрушенной печки. Но как не комбинировали «специалисты по сложным ночлегам», поместить всех даже на этих двух ярусах не могли. Перекус пришлось делать внутри этой хибарки в две очереди: сначала девочки, затем мужская часть, да и то стояли друг к другу впри-тык. И тут после принятия пищи — вот что значит вовремя поесть — к руководителю группы пришла «сумасшедшая идея», как потом часто говорила его заместитель. Он предложил поверх одного из ярусов, того, где устроятся ребята, положить самых легких участников похода.

— Я думаю, девочки нас не раздавят?! — обратился он к ребятам.

Послышались разные реплики, но общее их направление было не только положительным, но и заинтересованным. Всем хотелось уже испытать этот необычный способ ночлега. Кто-то смекнул, что тут выиграют те, на кого лягут, так как их сверху «будут обогревать и физически и душевно».

— Я предоставляю в их полное распоряжение себя! — благородно высказался командир группы.

— Нет-нет! — прервал его руководитель. — Они лягут поперек вас, сразу на несколько человек. Иначе поворачиваться с боку на бок нам будет невозможно.

Видно, сам руководитель зажегся желанием провести такой эксперимент с ночлегом. Поэтому так внимательно он следил за тем, как располагаются ребята и как укладываются девочки сверху на этот живой и еще шевелящийся «матрац». Жильцы верхнего яруса позавидовали:

— Им будет тепло, а мы тут на лыжах околеваем! Давайте пополам девочек разделим!

Предложение не прошло, так как лыжи бы не выдержали этой нагрузки.

— Мы на вас снизу дышать будем, — пообещали верхним девочки.

Когда шел перекус, ребятам казалось, что в этой хибаре не теплее, чем на воздухе, но как только все устроилось и закрыли дверь, сразу почув-

ствовали, что стало теплее, и утомленная тяжелым переходом группа отошла ко сну. Однако уже через полчаса кто-то попытался повернуться под девочками, и это заставило сдвинуться и рядом расположенных ребят, и девочек. Проснулись все нижние.

— Поворачиваться будем по команде, — предложил командир. — Если кому неудобно, пусть будит меня или сам командует.

Так группа провела свою холодную ночевку на полонине: 12 человек в маленьком домике, где до этого ночевало не более двух человек. Правильно гласит русская пословица: голь на выдумки хитра.

Съеденный пирожок

На ужине заведующий питанием обнаружила, что пирожков, оставленных на вечерний чай, не хватает — кто-то съел один пирожок. Подозрений на тех, кто их вез, быть не могло — это были настоящие туристы, не раз участвовавшие в серьезных путешествиях ребята, хорошо знающие законы туризма и выполняющие их неукоснительно. Значит, кто-то из новичков еще утром, когда дежурные собирали в свои рюкзаки продукты на сегодняшний день, умудрился незаметно взять пирожок с расстеленной на траве клеенки, вокруг которой группа завтракала.

Хотя происшествие довольно неприятное, дознаваться, кто это мог сделать и наказывать его лишением пирожка на ужин не стали, по опыту знали, что процедура эта очень неприятная, в чем-то даже оскорбительная и для того, кто это сделал, — уж не такое это преступление, и для тех, кто проводит такое расследование. Решили поступить, как обычно при неправильной делжке продуктов: отрезать от каждого пирожка по небольшому кусочку и из этих кусочков составить недостающий пирожок. Так и сделали.

Но когда стали раздавать пирожки, сразу двое ребят почему-то отказались от своих порций. Один сослался на то, что вообще не очень любит пирожки с капустой, другой — что просто сегодня не хочет их есть. Эти ребята впервые были в таком длительном, четырехдневном походе, довольно тяжело перенесли переходы первых двух дней, но в этот последний день шли уже хорошо и отсутствием аппетита от остальных ребят не отличались.

— У меня для вас ничего другого нет, — несколько вызывающе на это ответила заведующая питанием.

— И не надо, мы сыты, — ответил за себя и товарища один из нежелающих есть пироги.

- Лыжи намазал на все холода.
- Я помогал тренеру тренировать себя.
- Меня послали прийти с отцом.
- От жажды у меня высохло под мышкой.
- Я пыхтел всем духом.

- Мне рассказали про интересную книжку, и я пересказал ее еще интереснее.
- Лес у нас разноцветный: летом зеленый, осенью желтый, а зимой — прозрачный.
- Из кувшина мне налили аппетитную воду.

— Разделите наши пирожки между всеми, — вдруг предложил другой мальчик.

— Я думаю, на этот раз мы поступим так, — взял в свои руки этот затягивающийся и многим неприятный разговор руководитель, — один пирожок мы действительно у вас возьмем и разделим, а вот второй будьте любезны скушать сами.

При этих словах он улыбнулся, заулыбались и другие. Настроение у всех, казалось — ни с того, ни с сего, вдруг поднялось. Разговоры перешли на обсуждение будущего похода и последнего перехода к станции, поскольку было до нее недалеко, и некоторые предлагали зайти в еще один населенный пункт, посмотреть места, где бывал М. Ю. Лермонтов.

Второй завтрак

- У меня есть папино призвание.
- Из фруктов я больше всего люблю фруктовое мороженое.
- Я теперь не боюсь и не симулирую.
- Чтобы вкусно поесть, надо сильно проголодаться.
- Школьный дневник — это моя маленькая тайна.

Дихтярев Виктор Яковлевич

Москва

Родился в 1932 г. Проработал более сорока лет учителем физкультуры. Альпинист, инструктор пешего и горного туризма. В 1959 г. организовал школьный туристский лагерь. В 1963 г. создал в школе-интернате разновозрастную туристскую группу «ВэЯки», с которой более сорока лет совершал походы различной сложности по регионам СССР. Автор туристских песен, организатор музыкально-поэтических вечеров в Москве. Опубликовал более 20 работ по вопросам детского туризма в различных сборниках и журналах и книгу «Вся жизнь — поход» (М., 1999).

От автора-составителя. Когда в начале 1960-х годов я начинал заниматься туризмом, туристская (бардовская) классическая песня только начиналась, в основном в походах пели песни на уже знакомые мелодии. Я помню, как в 1963 году в походе по Южному Уралу мы горланили песню, отрывок из которой я привожу:

*Я с детства был испорченный ребенок,
С родителями дерзок был и груб.
Я горы обожал еще с пеленок,
Эй, Жора, дай сюда мой ледоруб.
Когда я из похода возвращался,
Меня встречали сотни женских губ,
Я с ними мимоходом целовался,
А Жора целовал мой ледоруб.
Однажды из глубокого ущелья
Был извлечен холодный юный труп.
К груди была приколата записка:
Эй, Жора, сохрани мой ледоруб.*

И только в двадцать первом столетии я узнал, что у этой «народной» песни есть автор — Дихтярев Виктор Яковлевич, с творчеством которого вы можете познакомиться в этой книге.

- От работы у меня расстройство желудка: хочется лечь и полежать.
- У меня хорошая воображаемость.
- Урок физкультуры для меня единственная радость в жизни, потому что у меня освобождение.

Педагогический прием

В середине пятидесятых годов я пришел в 355-ю московскую школу с новеньким дипломом учителя физического воспитания. Встретили меня душевно и сразу назначили классным руководителем пятого класса. В школе проводилась довольно большая туристско-краеведческая работа и меня попросили возглавить группы ребят, чьи классные руководители не могли ходить в походы с ночевкой. Имея уже кое-какой опыт горных путешествий, я охотно согласился. Но в первых же двухдневных походах почувствовал полнейшую беспомощность, конечно же, тщательно скрываемую от ребят.

Шумная возня пятиклассников в электричке и диковатые песни старших под начинавшую входить в моду гитару раздражали пассажиров, но это только веселило моих туристов. Я переходил от одной группы учеников к другой, делал замечания, иногда довольно резкие, ребята утихали на время, но тут в дальнем конце вагона раздавался визг или начиналась потасовка среди малышей, и я спешил туда, чтобы урегулировать какой-то пустяковый конфликт. Помню, меня удивляло и возмущало постоянное жевание в электричке принесенных из дома продуктов — от бутербродов и конфет до дефицитнейших тогда апельсинов. Каждый жевал свое, не обращая внимания на товарищей, которым родители не догадались или не смогла положить в рюкзак что-нибудь вкусненькое. Обладатели яблок меняли их на шоколадки, вареные яйца перебрасывались через головы пассажиров в обмен на бутерброды с колбасой. И еще семечки. Их щелкали непрерывно, незаметно сбрасывая шелуху под сиденья. Я не знал, как прекратить этот бедлам, и ребята, чувствуя свою безнаказанность, делали все, что хотели, не обращая внимания на сидящих рядом взрослых людей.

Иногда в нашем вагоне ехали туристы из других школ, но вели себя не лучше моих. Это даже успокаивало: ведь если даже классная руководительница не может справиться со своими детьми, то что могу я, выводящий каждую субботу на маршрут новый класс.

А потом начинался подход к месту ночлега. Со старшими ребятами проблем не

- *Надо быть честным не только для других, но и для себя самого.*
- *Голова ему нужна: у него там прическа.*
- *Скажите, чего я опять забыл?*
- *Сегодня классная теория для занятия ума.*

было: два-три километра до запланированной стоянки проходили довольно-таки быстро. Но вот 5–6-е классы!

Колонна растягивалась метров на пятьдесят, и хорошо, если замыкающий помнил о своих обязанностях и не убежал вперед. Приходилось то и дело останавливаться, поджидая отставших: помочь товарищу, разгрузив немного его рюкзак, большинство туристов напрочь отказывалось — и я взваливал на себя пару палаток, прихватывая еще эмалированное ведро. Конечно, малышам было трудно: четырехкилограммовые палатки, громоздкие ведра, стеганые одеяла вместо спальных мешков и безобразнейшего пошива рюкзаки не позволяли прокладывать маршруты более десяти километров, и, как я не калькулировал, стараясь уменьшить стартовые веса, все равно на каждого приходилось по 12–15 килограммов. Два раза с нами ходили родители младших школьников, точнее их мужская половина. Тогда и в электричке было поспокойней, да и маршрут проходили быстрее. Но я заметил, что не только девочки, но и мальчишки уж очень начинали использовать взрослых как дополнительную рабочую силу. Едва мы начинали набирать походный темп, как сзади раздавалось плаксивое: «Дядя Миша, я устала». Дядя Миша, не утруждая себя разгрузкой рюкзака, просто укладывал его на свой, девчушка весело прыгала по лесной тропинке, и, конечно же, минут через пять кто-то жаловался на усталость и просил помощи.

Мне даже казалось, что малыши соревнуются в умении избавиться от своего груза. Да, безусловно, они уставали, но не настолько же!

Почему-то, когда со мной шли один-два старшеклассника, нытиков сразу становилось значительно меньше. Юноши, не вкусившие еще прелестей отцовства, были не слишком склонны к сентиментальности и точно определяли, кому действительно нужна помощь, а кто пытается, как они говорили, «проехаться на шермачка». На таких презрительно покрикивали и легким толчком в спину придавали нужное ускорение. Но родители и старшеклассники выходили в походы не всегда, и мне одному приходилось тянуть эту педагогическую ляжку, которую, непонятно по какому наитию, я добровольно надел на себя.

А что творилось на биваке! Малыши разбегались в поисках хвороста: кто-то приносил сушняк, а кто-то — зеленые ветки, несмотря на строжайший запрет трогать живые деревья. Были и такие, кто просто гулял по лесу, не заботясь о костре и предстоящем ужине.

Громкие крики, бесцельная беготня и разбойные посвисты в ночи со-

- *Снег сыпался с неба сугробами.*
- *За городом я почувствовал себя как в лесу.*
- *Кошка относится к меховым животным.*
- *Прыгать через скамейку не буду! Она жесткая, на ней можно бока отлежать.*

вершено изводили меня. Не думаю, что ребята устраивали проверку на прочность новому учителю — не могли же договориться об этом все классы. Да и зачем? Но вот приходит время ставить палатки, а никого не дозовешься. Но ведь ребята совсем рядом гоняют по лесу, кидаются шишками. Почему же не отзываются?

Из педагогического дневника:

«Стоп, — сказал я себе. — Стоп. Не будем нервничать. Ведь это же дети! Они впервые вырвались из дома в лес, да еще с ночевкой. Какие там палатки! Солнце только садится, скоро ужин, все так хорошо! Да ребята просто не слышат меня. И я закладываю в рот пальцы кольцом и залихватски свищу. Куда этим шалопаям до моего свиста полубеспорядочника военных лет! Ребята испуганно оглядываются, а я вскакиваю на пенек и весело кричу:

— А ну, давайте все сюда! Кто быстрее! Раз, два, три!

Меня чуть не сбивают с пенка.

— Слушайте, — говорю я, держась за чьи-то плечи. — Сейчас мы покажем, как ставить палатки. Это не так-то просто, и поймут самые внимательные. И запомните: поставите плохо, палатка ночью завалится, придется поднимать ее в темноте. Все знают свои палатки? Чудесно! А теперь мы с дядей Мишей и дядей Володей медленно поставим одну палатку, а потом поможем всем. Договорились?

— Договорились, — заорали мои туристы, и очень быстренько, часа за полтора, четыре палатки были поставлены.

Итак, открыт новый педагогический прием: чтобы привлечь к себе внимание, надо ошеломить ребят».

В очередном походе с пятиклассниками я снова раздираю воздух оглушительным свистом, и снова малыши столбенеют. И тут в наступившей тишине раздается звонкий шлепок. Это мой помощник-девятник съездил по шее стоящего рядом туриста.

— Ты что? — грозно спрашиваю я.

— Потом, — отвечает помощник.

Разбираться сейчас некогда, иначе будет упущено время. Пенка рядом не оказалось. Я поднимаю руку и весело кричу:

— Кто скорее добежит до меня! Раз, два, три!

Одни побежали, другие неторопко пошли, а несколько человек даже с места не тронулись. Слушали меня не то что невнимательно, а

так — без интереса. А почти поставленные палатки нарочно сдергивали с кольшков: было очень забавно смотреть, как они заваливаются на росистую траву, хохотать под обиженные крики девчонок. Трех «сдергивателей» обнаружили и, пока я расшвыривал дерущихся, одному из них основательно досталось.

Перед отбоем я отвел девятиклассника в сторонку:

— За что ты ударил пацана?

— Да так...

— А все-таки...

Помощник потупился:

— Вы свистнули, он оглянулся и громко сказал: «Придунок».

Вот так. Открытый мной педагогический прием не сработал. Может быть, потому, что пенка поблизости не было.

Из книги «Вся жизнь — поход». М.: ЦДЮТур, 1999

Командор

Мы вытащились на жухлую траву под перевалом Красный, обливаясь потом, как после хорошей сауны. С нашим вожакон непоспоришь — Матчу он любил ревниво и страстно и вступать в свои отношения с горами не позволял никому, а уж нам, зеленым новичкам, впервые попавшим на Памиро-Алай, тем более. Всякие там советы пресекал на корню: посмотрит молча на умника, чтобы заткнулся — и концы. В прошлом году на Кавказе с другим руководителем мы все-таки базарили: привал лишний выцыганить или до намеченного ночлега не дойти — так это мы запросто. Правда, вышло нам это боком: последних два дня на одних сухарях топали — ощущение паршивое, надо сказать, — но никто не загнулся и разошлись мы довольные друг другом. А здесь, на Матче, нас зажали будь здоров как — не зря мы нашего главного промеж себя Командором звали: дисциплиночку держал — не колыхнешься. Нет, на свободное время он не замахивался. Вечером у костерка посидеть, душу под гитару отвести — это пожалуйста. Но в самый неподходящий момент: «Отбой!» — и цыц, никаких возражений: расползайся по палаткам. Командор, одним словом.

Что-то в этом все-таки было — шли грамотно, как учили в турклубе: высоту набирали неторопко, челночили два дня, а потом перетащили часть продуктов через тягучий перевал к месту, куда придем через неделю. Вернулись обратно и еще челноком подняли лагерь в цирк

- *Я в доброте вижу благие намерения.*
- *Мы что, завтра едем кататься на лыжах? А когда выкупаешься, где сушить вещи?*
- *Я в зеркале вижу упрямого, несносного мальчишку. Хочется думать, что это не я.*

- *День опять закончился темнотой.*
- *Грязь — она везде грязь, но лучше, конечно, помыться.*
- *Красный цвет на КП для того, чтобы остановиться и подумать: он или не он?*
- *Пряничный подарок с медом и тестом.*

Джиптыка. Наволдохались прилично и втихаря поругивали Командора. Но к вечеру оклемались, и дошло до нас, что разгрузились мы перед пятью перевалами за 4000 м основательно и горняшка всех стороной обошла. Так что когда нас порадовали, что, не снимая лагерь, еще и на Джиптык продукты, веревки и всякую железяку потащим, мы уже кое-что соображали: не даст нам Командор поломаться на высоте, о здоровье нашем заботится.

Взобрались на седловину, глянули на ту сторону — красота! Прямо перед нами массив Хотуртау, в снегу весь, а по снегу будто лыжные полосы — не то от камнепадов, не то лавины прошли. А чуть правее, на другом хребте, врезался в синь небес наш перевал Красный, и лезть на него — мама родная! Налюбовались мы панорамой, а потом к спуску начали приглядываться — ой-ля-ля, крутовато вроде. Да еще и сыпуха мелкая, подвижная. Рюкзаки, когда подберем все, что на перевал вытянули, за тридцать килограммов зашкалят, их и по ровному месту тащить не в радость, а тут склончик: споткнешься — мало не покажется.

А Командор уста свои драгоценные раздвинул и снова нас радует:

— Лагерь, — говорит, — завтра по холодку вниз перенесем, а потом за грузами вернемся.

— Это что же, — спрашиваем, — два раза на перевал подниматься будем?

А он только взглядом командорским нас смерил и вниз к палаткам затрусил.

Ладно. Перетасили лагерь на ту сторону, перекусили слегка — и снова на перевал за грузами. Не то чтобы на пределе работали, но плечи намяли, да и ноги на профилактику отдать не мешало бы. А Командор нам опять подарочек подбрасывает:

— Завтра еще одну заброску сделаем.

— Под Красный, что ли? — спрашиваем.

— Да нет, вверх по долине. Мы же кольцо сделаем и в нее с Минтэке свалимся. Зачем же лишнее на себе тащить.

Тут уж мы не выдержали и заворчали. Из-за каких-то пяти килограммов на каждого еще один день терять! Не договаривались мы так. Неделю ишачим, а настоящих перевалов еще не видели! Только ботинки стаптываем.

Смотрит на нас Командор и усмехается:

— Вы, девочки-мальчики, геройство свое для высоты поберегите.

- *Отгадал разгадку.*
- *Рельсы — это трамвайный путеводитель.*
- *Чай будоражит внутренние побуждения.*
- *Дерево вдыхает наши выдохи.*
- *Исправьте мои плохие ошибки на хорошие.*

Там и носовой платочек другой вес имеет. А с дисциплиночкой у вас, как погляжу, не так чтобы очень. Учили вас, что в горах надо старших слушать? Как в армии.

— Тут не армия... — пробурчал кто-то.

— Не армия, — согласился Командор. Что-то уж больно благодушно он был настроен сегодня. — Не армия, но и не прогулка с барышней в городском саду. Так что сделаем, как сказал. Между прочим, в клубе я о забросках упреждал, так об чем шум?

Утром Командор собрал парней для заброски, а девочкам наказал хвост на склонах собирать.

— Это еще зачем? Для вечерней посиделки и того, что есть, хватит.

— А мы его наверх затащим. Каждый по вязаночке — и костерок у ледника получится.

— Ну вот: то разгружаемся не в меру, то опять грузись... — заартачились мы.

— А ну, давай все сюда до кучи, — приказал Командор.

Он оглядел нас, обшарпанных и тоскливых, и усмехнулся недобро:

— Вы, ребята, в демократию здесь не больно-то играйте. А то и на перевалах вздумаете советовать. Что скажу — делайте, а самим не возникать, молоды еще. Когда непонятно — спрашивайте, что, как и почему. Приглядывайтесь, запоминайте, а самостоятельность свою забудьте — так оно лучше будет.

Что тут скажешь? Со стороны посмотришь — человек как человек, даже улыбаться умеет. А войдешь в контакт — так робот запрограммированный. Счетчик у него в голове постукивает, самописец по графику скользит: сегодня — «от и до», завтра — «от и до», а попробуй вякнуть, сразу взгляд каменный и про дисциплиночку напоминает.

В общем, сделали все, что нам приказали, а с утречка зашагали по тесному ущелью наверх к первому серьезному перевалу. И что интересно: хоть крутая тропа и камней навалом, но идем плотно, без придыханий, будто и не гоняли нас всю неделю с надоевшими забросками. Если бы не парилка в ущелье, совсем бы легко прошли. Знал Командор свое дело, ох знал, чего уж тут.

Вылезли мы на плато и рты поразевали: прямо перед нами во всю длину Хотуртау вздыбился — стены черные, отвесные, тяжелыми снегами придавлены, а в центре по кулуару лавины сходят. Пыль над ними снежная искрится, и гудят, ухают здорово. Врезаются лавины в скальные

- *Учитель должен далеко смотреть вперед. — Почему? — Потому что я сижу на первой парте.*
- *У меня громкий голос и зычный гул.*
- *Я люблю математику и счет деньгам.*
- *От птичек в лесу сыпало шишками.*

выходы между нами и горой. Скалы — как замок средневековый с башнями и уступами, стенами высокими нас от лавин обороняют. Поднимется над стенами облако белое и оседает медленно — до нас даже ветерок не дотягивает.

— Насмотрелись? — спрашивает Командор. — А теперь вот туда гляньте. Это и есть наш перевал Красный. Какая у него высота, кто помнит?

— 4500! — проявили мы эрудицию.

— Вот-вот, — улыбнулся Командор. — Подъем тут хотя и крутой, но без всяких сложностей — с камня на камень, часика за полтора дойдем. Тут главное — с кислородом дефицит. И чтобы не надрываться, хорошо бы на перевал продукты и веревки занести. Приказывать не буду — дневной план мы выполнили, но если добровольцы найдутся, пусть сбегают.

И опять интересно: все парни сразу вызвались и даже две девушки. Это после стольких забросок!

— Не устали, значит, — хмыкнул Командор. — С вами я не пойду, дело простое. Командира сами назначьте, а контрольный срок возвращения — три часа с момента выхода. На ту сторону чтобы ни шагу, там веревки до ледника навешивать будем. А обратно на спуске поаккуратней, не торопясь — впереди командир, сзади замыкающий. Понятно? И чтобы дисциплиночка!

Сделали мы, как велено. А о дарованных нам в прошлом году кавказских вольностях не вспоминали: за командиром идем в затылочек, скажет: «Подышали!» — стоим, на ледорубы опираемся, дыхание восстанавливаем, скажет: «Привал» — на камни рассаживаемся. Вышколил нас Командор, припрятывать амбиции свои научил.

Вернулись даже раньше назначенного, а к первым звездам костерок запалили — тоже не лишнее дело: с Хотуртау холодом тянет, а мы у огня сгрудились, штормовки порасстегивали. Сидим, лясы точим, подвиги свои дневные вспоминаем.

Командор рядом сидит — то ли слушает, то ли что-то свое просчитывает. А потом руку державную поднял, чтобы утихли, и возвещает:

— План на завтра у нас с вариантами будет. С перевала на веревках спустимся, так чтобы «лепестки» у всех под рукой были. Все помнят, как веревка в них продевается? После спуска двое остаются на месте для подстраховки, остальным не задерживаться, уходить к озерцу, там тропа есть. А дальше — как сложится: успеем к полудню спуститься — еще один перевал перейдем, не успеем — у ледника ночевать будем.

- *Можно скувыркнуться с этой горы?*
- *Я лыжи намазал против скольжения.*
- *Грибы рождаются хорошие и отравляющими нам жизнь.*
- *Ау! Я здесь! Что вы, не видите, что я заблудилась?*
- *Вышел из леса с раздетой головой.*

Но предупреждаю: холодрыга там приличная.

— Успеем! — дружно уверили мы.

— Ну-ну, — Командор помолчал и вдруг улыбнулся. — Вы, девочки-мальчики, фигу-то на меня в кармане не держите. Знаю, что за строгость ругаете. А зря: дисциплина в горах — первое дело. Вот, к примеру, завтра скажу, чтоб никто к веревкам без разрешения не подходил, за перегиб над ними не высывался. Следить мне за этим некогда — каждого проверять буду: как пристегнулся, как схватывающий узел навязал — в первый же раз по крутяку не на тренировках идете. А тут, глядишь, объявится любопытный, над склоном нависнет и камешек маленький такой, граммов на пятьдесят, невзначай сбросит. Попадет такой снарядик по руке или ноге — сразу травма. А если по лбу придется, что будет?

— Дырка! — весело подсказали мы.

— Вот-вот. А любопытный слюни распустит — мол, не нарочно я. Думаете, не бывает таких случаев?

Командор посмотрел на нас, веселеньких, и сам улыбнулся:

— Неубедительно говорю, да? Тогда еще послушайте. Здесь это было, лет пятнадцать назад. Пришли мы как раз на место, где сейчас сидим. Задача наша — вот по тому левому склону на Хотуртау выйти и по гребню через вершину — на то правое понижение сойти. Траверс, значит. А дальше по стенке — утром ее увидите — до камней и в лагерь. Гора, как понимаете, серьезная, но команда у нас крепкая была — почти все мастера, ну и трое как вы — по второму заходу в горах: двое парней и девушка — по-родственному их взяли на восхождение из лагеря полюбоваться.

Командор замолчал и стал смотреть на черный силуэт Хотуртау. А мы перемигиваемся незаметно: разговорился наш владыка, к чему бы это, к дождю, что ли?

Насмотрелся Командор на гору и продолжил:

— В первый день веревки на стену навешивали до верхних площадок, а потом распрощались с молодежью, пообещав каждый вечер фонариком им посвечивать. О том, как работали на горе, рассказывать не буду — для другого раза, если захотите, побережем. Вечером помигаем в лагерь: мол, все в порядке. Ребята нам тоже посветят — вот и вся связь. На третий день спустились — что-то нас никто не встречает. Подходим к палаткам — никого. Не иначе, думаем, народ на прогулку ушел или за дровишками вниз подался. Ругнули мы нашу «группу поддержки», распаковались и начали примуса раскочегаривать.

- *Воробы ворковали и склеывали лакомые кусочки.*
- *Он у меня выиграл с разгромом и с большим счетом.*
- *У него мысль улетела в форточку.*
- *От удовольствия мне стало хорошо.*
- *Не оглядывайся назад! Упадешь, лыжню сломаешь!*

А время идет, солнце уже за горы цепляется. Тут мы заволновались: одного на ледник послали, другого к нижней тропе, остальные по плато разбрелись. Шарим везде — и все без толку. Когда стемнело, начали фонариками мигать, хотя знаем — дело зряшное: ответа все равно не будет — их фонарик в палатке лежит.

Собрались мы до кучи, всякие предположения строим: на Хотуртау ребята не пойдут; к скалам, куда лавины сходят, тоже не сунутся — здесь и у малолетки ума хватит. Да и осматривали мы везде. Может, на Красный забрались, за перегиб ушли и на ледник скатились? Так не все же разом, кто-то вернуться должен, на помощь позвать. Сошлись на том, что, вернее всего, за дровами наладились, хотели костром нас порадовать, да припозднились и у чабанов в кошаре заночевали.

Командор замолчал, а мы смотрим на него и тоже прикидываем, куда трое людей могли деться.

— Они на ледник под Хотуртау ушли, — подсказал кто-то.

— Скажешь! Там камни летят чаще, чем здесь лавины сходят, — запротестовали мы.

— За дровами они намылились, больше некуда, — поддержали Командора самые здравомыслящие.

А Командор сидит, не перебивая, ждет, когда галдеж наш уляжется. Замолкли мы, и Командор снова заговорил:

— Спать, конечно, не ложились — бродили по склонам, прислушивались: может, где голоса будут. А чуть высветило, двоих на Красный послали и вниз двоих — у чабанов порасспрашивать. Сидим у палаток, ждем, глазами по склонам шарим. И тут, часиков в девять, видим: идут от правого склона Хотуртау ребята. Мы к ним: что случилось, откуда вы? А ребята лыка не вяжут, что-то несвязное бормочут. Тряханули мы их, чтобы в норму привести, довели к палаткам, в спальники укутали: «Давайте, — говорим, — рассказывайте!» Ну и поведали они под зубную дробь, что решили нас под стенкой на спуске встретить, сюрприз, значит, устроить. Вышли после обеда в легких свитерках и штормовках. Пока до стенки добирались, темнеть начало. Заспешили вниз, да заплутались, на отвесы вышли. Поняли, что разминулись с нами, снова к стенке вернулись — тут их ночь и накрыла. Потыркались они в темноте и решили до света на камнях пересидеть. Девчонку с двух сторон для тепла обжали, да разве согреешься на такой высоте, когда снег вокруг. В общем, сошли они утром на плато в полуразобранном состоянии. Один из парней все по-

кашливает — жар у него. Спустились мы быстренько в долину, лошадей у чабанов взяли — и через Джиптык с двумя сопровождающими парня в Ворух, в больницу отправили. Там воспаление легких у него определили. Пока лошадей обратно привели, пока оставшиеся с нами парень с девчонкой откашлялись, пять дней ухнуло. О планах наших грандиозных забыть пришлось. Сделали мы еще пару нетрудных вершинок, чтобы сезон совсем уж не пропал — на том дело и кончилось.

Командор замолчал и подкинул в костерок последние веточки. Мы тоже молчали, переваривая не то притчу, не то давние воспоминания.

— Вот так, ребятки, — поглядел на нас Командор. — Все обошлось тогда. А ведь могло и по-другому... Вы тут на меня обижаетесь, тираном, поди, промеж себя величаете, а нет чтоб подумать, куда неразумность в горах завести может. Здесь просчитывать да просчитывать надо. Горный опыт — он на крови замешан... На большой кровушке, так вот...

Комадор пошевелил веточкой рыжие угли и протянул к ним руку с часами.

— Все, девочки-мальчики, отбой. Подъем в пять тридцать, выход в семь.

Он поглядел, как мы дружно зашевелились, и хмыкнул привычно:

— А мы еще подружимся, уверен. Так что спокойной ночи, герои грядущих побед.

Февраль, 1999 г.

- Ел свой бутерброд с приглядкой на чужой.
- У взрослых не бывает счастливого детства.
- Моя бабушка любит меня безотказно.
- У меня есть одна очень хорошая черта, и я ее берегу.
- В лесу я видел снежного человека в виде Шурика.

- Желание учиться у меня чаще всего возникает на перемене.
- Напомни мне, про что я тебя спросил?
- У него в поджилках течет благородная кровь.
- Когда мы с Вадиком дружим, тогда мы не деремся.

Каждый за кем-то идет...

Звезды уже прочно впечатались в черное небо, перестали мерцать и ровно засветились над вершинами будто вырезанных из картона гор. Ребята негромко пели у костерка, а Шурка лежал в палатке и недвижно смотрел на близкий хребет.

Там, внизу, в Баксанском ущелье, все представлялось совсем не так, как получилось на следующий день. Думал, что на крутом подъеме, когда всем уже станет неважно и Валентин Николаевич объявит привал, подойдет он к Оле и скупно, по-мужски, скажет: «Давай разгрузу». А Оля взглянет на него из-под низкой челочки и ласково отведет руку от рюкзака: «Ну что ты, не надо». А он только чуть улыбнется понимающе: «Чего там, вижу ведь, что идешь на пределе». И начнет переключать к себе консервные банки. А Оля будет смотреть на него, так смотреть, а потом осторожно прижмет его руку к своим вещам в рюкзаке: «Не надо больше, спасибо...» И будут их руки лежать одна на другой, пусть только несколько секунд — это ведь так много, несколько секунд, — а Оля посмотрит на него, как никогда еще не смотрела, и тихо скажет: «Спасибо, Шурик...» Не «Шурка», как его всегда называли в классе, а «Шурик» — а это совсем не одно и то же. И на привалах они будут сидеть рядом, а после ужина возьмет он ее посуду и пойдет к ручью...

Что будет дальше, Шурка не думал, потому что быть рядом с Олей, задыхаясь от ее тепла, было настолько несбыточным, что все остальное пугалось и расплывалось обрывками туманных картин, и оставалась только ее рука на его руке в те бесконечные секунды, когда он вытаскивал банки из ее рюкзака, и то, как сказала она: «Спасибо, Шурик», подчиняясь и веря ему, потому что лучшего друга у нее не было никогда, и никогда — это Шурка знал твердо, — никогда не будет.

Утром на построении Шурка стал позади Оли, оттеснив плечом Володьку Синявина, удивляясь, что тот послушно сдвинулся, будто ему было все равно, за кем идти. Валентин Николаевич поздравил ребят с выходом к первому в их жизни перевалу и предупредил, что пойдет медленно — подъем на плато крутой, так чтобы не болтали, а дышали глубоко и ровно.

Тропа тянулась вверх нудными поворотами, нескончаемо петляя по склону, вползала на какие-то холмики между навалами камней, выполаживалась и снова нацеливалась на дальнюю гряду, вздыбливаясь так, что еще чуть наклонишься — и можно коснуться земли руками. Солнце

плавилось на белесом небе, щипучий пот струйками тек по лицу и, вытирая его и слизывая соленые капли над губой, Шурка уже не смотрел по сторонам, как это делал вначале, а, не поднимая головы, видел только Олины ноги с чуть подрагивающими икрами, легко пропускавшими назад уже начинавшую злиться Шурку тропу.

Внизу Шурка думал, что будет идти сурово и упрямо, оглядываясь и подбадривая уставших, а теперь на жаре, при одуряющих взлетах засыпанной мелкими камнями тропы не думалось ни о чем, кроме тупо занывших плеч — он слабо подталкивал вверх отвисающий рюкзак, чтобы хоть ненадолго унять уже непрекращающуюся боль.

Когда в сентябре Валентин Николаевич, новый классный их девятого класса, сказал, что поведет желающих на Кавказ, но только тех, кто пройдет с ним в ближних лесах не меньше пяти походов с ночевками, горячая волна счастья захлестнула Шурку, потому что на Кавказ решила пойти Оля. Это ничего, что Оля не выделяет его из остальных ребят, да и что он сделал такого, чтобы заметить его. А теперь в походах она увидит, какой он, Шурка, и что на твердую руку его можно всегда опереться и в дождь, и в холод — ведь будут же трудности в пути, а он всегда будет рядом. И дунет Оля на свою низкую челочку и удивленно посмотрит на него:

— Ну, Шурка...

А он только улыбнется ободряюще:

— Порядок, Оля. Все будет хорошо.

Шурка таскал к костру здоровенные бревна и первым брался за топор, скрытно поглядывая, видит ли Оля его мужскую работу. Он бегал с ведрами за водой, даже когда не был дежурным, и Валентин Николаевич довольно кивал: «Молодец, парень!»

У костра сесть рядом с Олей не получалось, всегда рядом были девчонки — Шурка садился напротив и пел со всеми, а Оля иногда смотрела на него и улыбалась лукаво. Может быть, не ему улыбалась, а под слова песни, но Шурке казалось, что все-таки ему.

Стыдясь и краснея, он неотступно ходил за ней по лагерю, замечая, что девчонки уже понимающе прищуриваются, а Оля оглядывалась вдруг, пожимала плечами и быстро уходила в сторону. Шурка оставлял ребят ставить палатку и подходил к палатке, с которой возилась Оля с девчонками. Он брался за растяжки, девчонки довольно подавали ему колышки, и все было хорошо, пока Оля громко не сказала однажды:

- Я переоделся весь наизнанку.
- Мне подарили собаку беспородистой породы.
- Снежная зима — к холодной погоде.
- Рядом с рельсами стояла запасная электричка.
- Я сегодня ел угощенные конфеты.

- Когда я опаздываю, я всегда спешу, чтобы опоздать как можно быстрее.
- Подпрыгнул сверху вниз.
- Я проспал вместе с будильником.
- У меня следующий день рождения будет завтра.

— Шел бы ты, Шурка, заниматься своими делами, мы без тебя как-нибудь управимся!

В классе они почти не разговаривали, в походах тоже не удавалось поговорить, но Шурка мечтал, что на Кавказе без его помощи Оле не обойтись, и поймет она наконец, что у него это не простое увлечение, какое бывает у мальчишек их класса, а что это очень серьезно и надолго, что это — навсегда...

Теперь, на бесконечной тропе, тяжело переставляя ставшие вдруг непослушными ноги и наваливаясь на альпеншток, Шурка не вспоминал о своих мечтах: отвисающий рюкзак сгибал его чуть ли не вдвое, и кроме желания сесть и растереть онемевшие плечи, ничего не было. Он даже не слышал, что впереди прокричали о привале: только когда Оля остановилась, поднял голову и увидел снимающих рюкзаки ребят.

Шурка медленно присел и завалился на спину. С минуту он лежал на рюкзаке, глядя в безоблачное небо, прислушиваясь, как медленно отходит боль в плечах, потом осторожно вытащил занемевшие руки из лямок, сел и оглянулся. Рядом, спиной к нему, сидела Оля, расчесывая свою челочку, впереди на рюкзаках лежали мальчишки, а позади уткнулся головой в колени Володька Синявин.

— Тяжело? — негромко спросил его Шурка.

— Есть немного, — буркнул Синявин, не поднимая головы.

Больше говорить было не о чем, и Шурка начал укорачивать лямки своего рюкзака.

«Надо завтра вещи по-другому уложить, — подумал Шурка. — Что-то уж очень назад рюкзак тянет... Да и дровишки сегодня пожгут, значит, килограмма два, если не три, сбросится...»

Впереди возле Валентина Николаевича столпились девчонки, он что-то рассказывал, наверное — смешное, и девчонки звонко смеялись.

— У девчонок рюкзаки легче наших, — поднял голову Володька, — вот они и заливаются...

Шурка не ответил и привалился к рюкзаку.

«Всем трудно, — подумал Шурка. — Вот переложу завтра рюкзак, легче будет...»

Он закрыл глаза и начал прикидывать, что и куда из вещей надо будет переложить.

— Подъем! — крикнул Валентин Николаевич.

Шурка взялся за лямку, напрягся и закинул рюкзак за спину.

- *А что, если взять и умудриться?!*
- *Скромность раскрашивает человека.*
- *Когда у меня кончились силы, я включил второе издыхание.*
- *Меня собаки не кусают потому, что я все время брыкаюсь.*
- *Без лыжных палок веселей падать.*

И только затоптавшись на месте, проверяя, хорошо ли подтянуты ремни, и сделал по тропе несколько шагов, вспомнил, что не помог Оле надеть рюкзак. И не спросил, тяжело ли ей...

«Как же я так, — вяло ругнул себя Шурка. — Хотел же помочь...»

Тропа сделалась пошире, а если посмотреть вверх, то вроде бы дальше будет не так круто. Шурка все ждал, когда снова занюют плечи, но рюкзак сидел плотно, не отвисая, и Шурка подумал, что до следующего привала не загнетса, надо только расслаблять ноги, отрывая их от тропы, и не делать резких движений. Оля шла впереди по-прежнему легко, или это только казалось Шурке — как тут узнаешь, не заглянув ей в лицо... Когда впереди чуть притормозили, он оглянулся на Синявина. Володька шагал впритирку к нему, склонившись и вытянув вперед шею, наподобие репинского бурлака. Пот крупными каплями падал со лба и подбородка на землю, Володька вытирал его подолом рубашки, ставшей уже такой темной, словно вытащили ее из стирального тазика и еще не успели отжать...

— Терпи, — сказал Шурка. — Не бойсь, прорвемся.

— Куда денешься, — хмыкнул Синявин и ткнулся головой в Шуркин рюкзак.

Впереди снова прокричали о привале. Оля сбросила лямку с плеча, чуть склонилась, чтобы скинуть рюкзак, но Шурка успел подхватить его и осторожно поставил на тропу.

— Спасибо, — кивнула Оля.

А Шурка повернулся к Синявину:

— Давай помогу.

И Синявин послушно повернулся к нему спиной.

Они сидели рядом — Шурка, Оля и Володька. Шурка подумал, что так они сидят рядом в первый раз и что это совсем не страшно, что они рядом, и что совсем не страшно, что ее колено чуть касается его ноги — он только боялся шевельнуть ногой, чтобы Оле не показалось, что он нарочно дотрагивается до нее.

Оля вытащила из кармана штормовки сухарики и протянула ребятам. Так они и сидели, похрустывая солоноватыми кубиками, а потом Шурка встал и протянул руку Оле:

— Пойдем послушаем, о чем там Валентин Николаевич...

Как только Оля поднялась, Шурка выпустил ее ладонь, не дожидаясь, чтобы она сама отняла ее, и, не оглядываясь, пошел вдоль рюкзаков

- *У моего компаса вытекаемость жидкости.*
- *Свое белье я стираю сам, а мама только достирывает.*
- *Я опоздал в школу из-за того, что досматривал интересный сон.*
- *Меня сфотографировали на изображение личности.*

в голову колонны, слыша, что Оля идет за ним, и снова подумал, что Оля в первый раз не пожалала удивленно плечами, а просто пошла за ним. Это было настолько хорошо и светло, что Шурка только глубоко вздохнул, может быть, и не потому вовсе, что Оля шла сзади, а потому, что забрались они высоко и воздуха уже не хватало...

Валентин Николаевич рассказывал о вершинах, видных с их стороны склона, но видно было немного, и Валентин Николаевич обещал, что когда они выйдут на плато, то увидят Главный Кавказский хребет, а завтра с перевала откроются перед ними ледники Азау, а над ними — вершины Эльбруса.

Шурка слушал и украдкой поглядывал на Олю. Она стояла чуть в стороне и влоборота к нему, сунув руки в карманы штормовки, почти закрывавшей короткие шортики. Всегда аккуратная челочка теперь растрепалась и прилипла ко лбу, а на щеках, на нежных ее щеках, белели полоски высохшего пота.

«Она же устала, — острой болью полоснуло Шурку. — Как же я так, ведь она устала...»

Шурка уже не слушал, что говорит Валентин Николаевич, ему только хотелось подойти к Оле и стереть эти грубые белые полоски, а потом осторожно провести пальцем под ее глазами, чтобы разгладить едва заметные морщинки, вдруг появившиеся на ее загорелом лице. Все трудности подъема от реки в ущелье и до этого места, где стоят теперь они с Олей, казались Шурке такими ничтожными, вся его боль в плечах и непослушные ноги — такими ничтожными по сравнению с тем, что было самым главным для него: Оля устала...

«Она же легко шла, — растерянно подумал Шурка и сразу оборвал себя. — А как еще она могла идти? Она же не умеет по-другому...»

— Подъем, ребята! — сказал Валентин Николаевич.

Оля, не взглянув на Шурку, пошла вниз к своему рюкзаку, а Шурка молча шел рядом и только возле рюкзаков попросил, насупившись:

— Дай мне пару своих консервов. Тебе же тяжело, я вижу...

— Еще чего! Ты свои донеси, и то хорошо будет!

Она взялась за лямку рюкзака и посмотрела из-под слипшейся челочки на Шурку:

— Подбрось!

Шурка поднял рюкзак и продел Олину руку в лямку.

— А хочешь, я тебе свои банки отдам, — рассмеялся за спиной Шурки Синявин, — ты же у нас богатырь!

— Перебьешься! — ответил Шурка.

Больше они с Олей не говорили, ни на следующих привалах, ни на последнем, перед выходом на плато. Но Шурка радостно ждал этих привалов, и не потому, что можно было отдохнуть, а потому, что Оля оставалась и молча ждала, когда он снимет с нее рюкзак, а когда надо было снова идти, бралась за лямку, зная, что он снова поможет ей.

Они вышли на ровное плато, огороженное далеким хребтом, и затопали сначала по мелким камням, а потом по крупным валунам старой морены и по небольшим снежникам, которые все чаще попадались им на пути.

Шурка удивился, что идти легче не стало, хотя крутых подъемов больше не было. Рюкзак снова надсадно давил на плечи, а ноги скользили и срывались с камней.

Колонна начала растягиваться: только за Валентином Николаевичем вплотную шли две девчонки, а дальше, отставая от первых, — кто как мог, и перед Олей никого не было, и от Синявина замыкающий отстал метров на десять...

Оля шла медленно, чуть наклонившись, бесполезно тыкая в камни альпенштоком. Плотная серая пыль выкрасила ее ботинки и прилипла к ногам до самых колен.

«Скоро придем, — подумал Шурка, — сколько же можно...»

И тут же увидел, что впереди остановились и сбросили рюкзаки.

— Слушать внимательно! — сказал Валентин Николаевич, когда все собрались возле него. — Пока тепло, девочки все вон за те камни — там небольшой ручеек. Вымыться полностью с мылом. Мальчишкам полоскаться здесь. И поторопитесь, скоро начнет холодать. На умывание даю полчаса.

Они сошлись к рюкзакам посвежевшие, утопив усталость в ручье. От девочек неуловимо пахло чем-то вкусным и по-взрослому женским. Что они там делают с собой, Шурка не мог понять: у мальчишек никогда так не получалось, не было у мальчишек такой стройности и опрятности, сколько ни старайся.

А девочки стояли у рюкзаков длинноногие и прямые, как на глянцевавшихся страницах модных журналов, и Оля стояла рядом в облегающем спортивном костюме и яркой вязаной шапочке, из-под которой на брови спускалась тонко расчесанная упругая челочка. Шурка тяжело сглотнул и отвернулся, чтобы никто не заметил, как он смотрит на нее.

- Дефицитные игрушки бывают только для взрослых.
- Великий русский композитор И. Е. Репин написал оперу «Бурлаки на Волге».
- От никотина дохнут не только лошади, но и те, кто их научил курить.

- Не умею кататься на велосипеде, от равновесия теряю устойчивость.
- Не могу все делать, как Оксана, потому что у нее все не так.
- Научите, как сделать из маловкусного много вкусного?
- С разбегу забежал не туда.

— Теперь сделаем так, — сказал Валентин Николаевич. — Все дровишки сложить здесь. Костер запалим, когда стемнеет. Достать примуса и продукты. Дежурным готовить, остальным ставить палатки. Кольшки не потребуются — они в землю не войдут. Растяжки оттягивать на камнях. И кстати: мальчишки, будьте рыцарями — поднатаскайте камней девочкам.

Это уже было как праздник. Шурка выдернул свою палатку из рюкзака и коротко бросил Синявину и еще двоим мальчишкам:

— Займитесь! А я девочкам помогу.

И никто из мальчишек не улыбнулся, потому что право помогать девочкам Шурка отвоевал давно.

Он выбрал площадку поровнее и начал расчищать ее от камней. Подошла Оля, не удивляясь и не спрашивая, для кого он готовит место для палатки, и начала ногой откидывать мелкие камешки.

— Скажи девочкам, чтобы тащили сюда рюкзаки, — буркнул Шурка, — а я камни натаскаю. И пошевеливайтесь — солнце уже вон где.

Шурка надеялся, что ставиться они будут долго, но все делалось споро — девочки послушно выполняли его команды, не перемигивались, когда он подходил к Оле, и не улыбались, когда он забирал у нее растяжку, показывая, как надо накидывать петлю на камень. Шурка обошел палатку, отодвинул чуть в сторону камни, чтобы крыша не морщила, и повернулся к девочкам:

— Порядок!

И не торопясь пошел к своему рюкзаку.

Красное солнце острым диском царапнуло снега на уже близком хребте, подул слабый прохладный ветерок, и Валентин Николаевич крикнул, чтобы все подошли к нему.

— Всем утеплиться! — сказал Валентин Николаевич. — Скоро похолодает. А пока светло, лишние вещи уберите в рюкзаки. Заодно продумайте, как будете утром паковаться. Задерживаться нельзя: на перевал надо выйти по холодку, пока снег не подтаял. Так что на сборы не больше часа. Подробнее об этом после ужина поговорим, а теперь вон туда посмотрите, — и Валентин Николаевич указал на хребет.

Прямо от палаток черные камни, громоздясь, уходили вверх по склону, за ними начинались снега, на которые уже падала тень от хребта, а по самому гребню, во всю длину его, тянулась чуть розоватая полоска от заходящего солнца.

- *Вырасти всегда успею.*
- *Я не хочу заниматься своим любимым делом.*
- *Меня каждый день посылают в булочную, как будто других магазинов нет.*
- *У него сильный дух.*

— Это и есть Главный Кавказский хребет, — сказал Валентин Николаевич. — За ним еще три хребта поменьше, а дальше — Черное море. Видите — на хребте две седловины. Это перевалы. Каждый ведет в свою долину. Справа, вон у той вершинки, — Азау, слева, его отсюда не видно, — перевал Чипер, а между ними, соответственно, Чипер-Азау. Мы пойдем на правую седловину. Подъем технически несложный, но местами крутой, так что поработать придется...

Перед ужином, к первым звездам, запалили костер, но поднимать его до небес не стали: дров на плато затащили немного и хотелось растянуть удовольствие часика на два. Ребята шумно вспоминали свой переход от реки в ущелье до лагеря под хребтом, и все было необыкновенно хорошо — и мягкая синева вечера, и горы вокруг, и осторожные звезды, и тихие аккорды настраиваемой гитары...

Подошла Оля и собрала посуду Шурки и Володьки Синявина:

— Пойду сполосну.

— Да ты что? — вскинулся Шурка. — Я сам.

— Сиди, — улыбнулась Оля. — Или вот — донеси кружки до ручья.

Они сидели на корточках, и Шурка послушно подавал Оле миски, любясь, как ловко она трет и споласкивает их.

Шурка хотел помочь и тоже взялся за миску, но Оля ударила его мокрой тряпочкой по руке:

— Не лезь!

«Неужели мы так сразу уйдем, — подумал Шурка. — Вымоем посуду и сразу уйдем. Ну, пусть она о чем-нибудь заговорит со мной, я же не знаю, о чем надо говорить...»

Оля собрала миски и встала:

— Пошли.

— Тяжело было сегодня? — спросил Шурка.

— Не очень. В конце только немного, а так не очень.

— Ты все-таки отдай консервы, — тихо попросил Шурка. — Подъем завтра — видела, какой...

— Я же сказала: не надо.

Они молча подошли к костру. Оля села между девочнок, а Шурка остался стоять за спинами ребят. Петь ему не хотелось, он все еще был с Олей там, у ручья, где никто не мешал им быть вместе. А завтра они снова пойдут мыть посуду и утром, и вечером... Только теперь он не позволит ей окунать руки в холодную воду, а все сделает сам, просто скажет:

- *Меня вызвали к доске на дознание.*
- *У меня от прыжков болтается в голове.*
- *Родители меня кормят, поят, одевают, обувают, а я им за это ничего не порчу.*
- *Выпустили память стоимостью в 1 рубль.*

«Я сам»... И Оля послушает его и будет принимать у него чистые миски...

Подошел Володька Синявин, постоял рядом, глядя на воспаленные угольки, рассыпанные вокруг костра:

— Маловато дров, скоро погаснет.

Шурка кивнул.

— Ты вот что, — сказал Синявин. — Ты к Ольге-то не клейся. Я с ней хожу...

— С кем ходишь, куда?.. — глупо спросил Шурка, хотя сразу все понял. Незнакомая боль начала подниматься к горлу, не давая вздохнуть — Шурка выпрямился, даже прогнулся, чтобы унять ее, но боль не отпустила: Шурка чувствовал, что лицо каменеет как на морозе, он хотел улыбнуться, но губы только чуть двинулись в самых уголках.

— Куда, куда... — усмехнулся Синявин. — Никуда. Просто хожу с ней.

— Давно?

— Давно. Месяца два уже.

— Ну и ходи, — очень спокойно сказал Шурка и пошел к палатке.

Он лег головой к входу, откинул полог и начал смотреть на близкий хребет.

Ни о чем Шурке не думалось, только все болело в груди, и все стало пустым и ненужным — и эти горы, и песни там, у костра...

Потом Шурка забрался в спальный мешок, а когда подошли ребята, притворился, что спит, боясь, что заговорят с ним о каких-то пустяках и надо будет отвечать и смеяться, а делать этого он не мог, потому что боль заполонила его целиком...

Шурка не знал, спал он в эту ночь или только лежал в тягостной дреме, но утром поднялся свежим — боль толчками теснилась в нем, отпустила на время и снова надвигалась. Он делал все, что положено делать перед выходом на маршрут, а когда Оля, проходя мимо палатки, крикнула: «Привет, мальчишки!», — не взглянув на нее, помахал рукой.

Позавтракав, Шурка сразу пошел с посудой к ручью, боясь, что Оля подойдет к нему за миской. Но Оля не подошла ни к нему, ни к Володьке, может быть, потому, что Володька рассказал ей о вчерашнем разговоре, а может быть, все торопились и не до того было.

Перед выходом Шурка помог Оле надеть рюкзак — не мог же он не помочь, когда Оля взялась за лямки и кивнула ему, — но встать за ней не спешил, уступая место Синявину. Но Володька пристроился за ним, как

вчера, — так они и пошли по пробитой среди камней тропе под затянутым серой пеленой небом.

Скоро позади них пелена разошлась, и в синем бочаге над горой появился слепящий краешек солнца. Сразу стало теплее, и длинные тени от ребят, ломаясь на камнях, зашагали рядом.

Шурка смотрел на Олин рюкзак и пытался представить, что это не Олин рюкзак, а чей-то другой, и ему все равно — чей, и что он просто идет за этим рюкзаком, идет, как все идут...

«Каждый за кем-то идет, значит, куда-то придет», — выдумал Шурка дурацкие стишки. Он все повторял и повторял их, прилаживая под ритм шагов, ему казалось, что боль отступает, когда он твердит эти стишки, и пусть Оля ходит с Володькой, а он идет сам по себе...

Каждый куда-то придет,

Если за кем-то идет...

Они вышли на снег, но Шурка не вспомнил, что ждал, когда они выйдут на снег — ведь летом идти по снегу еще не случалось, — а если кому-то интересно, то пусть и смотрят на белые поля, а ему неинтересно, он просто идет за Олей, нет, не за Олей, а за ее рюкзаком, а можно и за любым другим, потому что все получилось не так, и Оля ходит с Синявиным...

Впереди что-то прокричал Валентин Николаевич, но Шурка не слышал и повернулся к Володьке.

— Плащи доставать надо, не видишь — накрапывает, — сказал Синявин.

Шурка посмотрел вверх. Над хребтом разлохматились грязные, совсем не похожие на облака широкие полосы. От них отрывались такие же грязные ошметки и, сходясь, медленно тянулись под серой пеленой неба, замазывая редкую синь в разрывах пелены.

Мелкий сначала дождь постепенно усилился и струйками тек по плащам. Намокшие брюки прилипали к ногам, и это немного мешало идти. И еще с капюшонов текло на лица, а альпенштоки сделались мокрыми и скользкими.

Когда посыпалась колючая ледяная крупа, руки начали мерзнуть. Шурка надел шерстяные перчатки и тут увидел, что Оля не опирается на альпеншток, а держит его поперек тела, где-то под локтями.

«Ведь так и упасть можно», — подумал Шурка и крикнул:

— Оля, страхуйся!

Оля не ответила, а через несколько шагов скользнула, упала на колени, и руки по запястья ушли в жесткий снег.

- Двойка несправедливая, просто диктант диктовали с ошибками.
- Я купил цветы, которые пахнут дефицитными духами.
- Я противник курения, поэтому брошу курить, как только начну.

- В моей коллекции нет ничего такого, чтобы привлекало взор.
- Мое слово твердое, поэтому я передумал.
- У меня крепления бульдозерной хватки: чтобы их отстегнуть, надо шнуры развязывать.

Шурка схватил ее за рюкзак, рывком поднял и увидел, что Оля идет без перчаток. Пальцы на ее руках были мертво раздвинуты и не сжимались в кулаки. И еще Шурка увидел, что Оля плачет — это Шурка увидел сразу, хотя лицо ее было мокрым от дождя, но дождь — это отдельно, а слезы — отдельно, и Шурка начал растирать ее исцарапанные снегом руки с капельками крови на костяшках — все, что он мог сделать сейчас. Оля стояла молча, прикусив губу, рядом стояли Синявин и замыкающий, а Шурка мямл и растирал ее руки, пока Оля не попросила:

- Не надо больше... Больно...
- Одень перчатки, — сказал Шурка.
- Они в рюкзаке, не знаю где...

Шурка сдернул свои перчатки:

- Возьми.
- Нет, — сказала Оля.
- Бери, тебе говорят! — заорал Шурка. — Выпендриваться еще будешь!

Он сунул Оле перчатки, развернул ее и накинул сбившийся плащ на рюкзак:

- Иди! И страхуйся альпенштоком!
- Оля пошла по тропе, а Шурка повернулся спиной к Синявину:

— Достань из правого кармана пакет. Он сверху лежит.

Синявин зашарил под Шуркиным плащом.

- Быстрее вы! — сказал замыкающий.
- Не гони, — сказал Синявин. Он показал Шурке пакет: — Этот?

Шурка вытащил из пакета носки, натянул их на руки и молча пошел вверх.

Скоро они догнали Олю и пристроились за ней. До идущих впереди было еще далеко, и Синявин тихо сказал Шурке:

- Надо бы побыстрее.
- Не надо, — осадил его Шурка.

Град уже кончился, но дождь моросил, и сильный ветер срывал с рюкзаков пленочные плащи, скручивая и забрасывая их на сторону. Шурка снял плащ и сунул его в карман штормовки.

Без плаща и закрывающего глаза капюшона идти стало удобнее.

Тропа круто повернула на взлет к перевалу и, чтобы не соскальзывать, надо было вбивать ноги в мокрый снег. Шурка подумал, что если бы он шел впереди Оли, он бы уплотнял снег получше, но выйти вперед не хо-

- *Главное в ориентировании — не терять рассудок, а если потеряешь, то не огорчаться.*
- *В моем сознании так все мелькало, что выбрать ничего я не смог.*
- *Часы убегают вперед с отставанием на три минуты.*

тел — боялся обидеть Олю, а ей и так сейчас нелегко, пусть идет как идется... Потом Шурка увидел, что наверху остановились, и громко сказал:

— Стоп! Отдыхаем.

Синявин навалился на альпеншток и тяжело засопел, а Оля продолжала идти, хотя Шурка знал, что она слышала его.

— Ольга! — сказал Шурка. Он никогда не называл ее Ольгой, а только Олей, а теперь сказал строго:

— Ольга, остановись. И без фокусов тут.

Оля остановилась.

— Повернись к нам и обопрись на альпеншток, — сказал Шурка. — И дыши глубоко.

Гонимые ветром тучи низко пролетали над ними, сталкиваясь и расходясь, цеплялись за склоны, ползли вверх, срывались и растрепанными космами набивались в Баксанское ущелье. А над перевалом высветлило, даже появлялась густая синь в просветах облаков — ненадолго, но появлялась, и тогда ярко искрились снега на вершинах, вдруг появившихся совсем близко от ребят.

Они вышли на перевал, когда все уже сидели на камнях, сбросив плащи, и отогревались под солнцем, сверкавшим на чистом, слепящим синевой небе.

— Что случилось? — спросил Валентин Николаевич. — Почему отстали?

— Все нормально, — сказал Шурка.

Он скинул рюкзак, нашел камень подалее от остальных, сел и оглянулся.

С перевала вниз шла мокрая осыпь с вкраплениями снежников, впереди растянулся еще один хребет, а справа и, как показалось Шурке, почти рядом, вздыбилась тяжелая матово поблескивающая вершина, явно выше других, видных с перевала.

— Что за гора? — спросил Шурка, когда Валентин Николаевич проходил мимо.

— Эльбрус, — сказал Валентин Николаевич.

— Так он же двуглавый, мы же видели.

— А мы на него со стороны западной вершины смотрим. Вторая — как раз за ней. Вот и получился одиноко стоящий пик.

Шурка кивнул и начал смотреть на дежурных, раскладывающих на пленке перекус. Есть ему не хотелось и вообще ничего не хотелось, кроме

- *Ботинки мне жмут справа налево.*
- *Шум происходит из громкого звука.*
- *Давайте поиграем в игру!*
- *Наши тропки разошлись: одна пошла прямо туда, а другая прямо.*

как сидеть вот так, одному, тихо укачивая вновь заполнявшую его боль.

«Каждый за кем-то идет, значит, куда-то придет... Вот привязались, — чертыхнулся Шурка. — А Оля молодец, выдержала. А что плакала, так кто видел... Девочкам вообще можно плакать, а нам... Ну ходит она с Володькой, ну ходит, что же теперь...»

Шурка закрыл глаза и продолжал незаметно покачиваться взад и вперед.

Каждый за кем-то идет,
Значит, куда-то придет...

Каждый за кем-то идет...

— Шурка, возьми, — сказала Оля.

Шурка вздрогнул и поднял голову. Оля протягивала ему кружку с клюквенным соком и несколько печений.

— Не надо, — хрипло выдохнул Шурка.

— Бери, бери. Всем уже раздали.

— А ты? — спросил Шурка. — Это же твоя кружка.

— А я уже выпила, — Оля присела рядом. — Знаешь, я тебе перчатки завтра отдам. Вечером постираю, ладно?

— Не надо...

— Заладил: не надо, не надо, — улыбнулась Оля. — Да возьми ты кружку наконец! Ну вот, а то как маленький...

Шурка отвернулся и начал смотреть на вершину Эльбруса.

— Красиво? — спросила Оля.

Шурка кивнул.

— Хорошо, что мы здесь, — сказала Оля. — Когда еще такое увидишь.

Шурка не ответил, отпил пару глотков и протянул кружку Оле:

— Не хочется что-то. Допей.

Он подождал, пока Оля выпила сок, и тихо сказал:

— Ты ко мне больше не подходи, ладно? А то Володька обидится.

— Ты что, сдурел?

— Я все знаю, — тихо сказал Шурка.

— Что ты знаешь, что? — быстро спросила Оля.

— Дружишь ты с ним...

— С чего ты взял?

— Знаю...

— А я знаю, что ты дурачок, — сказала Оля и положила руку ему на колено. — Дурачок, понимаешь?

- *Лыжная техника выросла, а остальное не достать.*
- *Грамотность приучает к чтению.*
- *Когда в голове опилки — это значит избыток масла.*
- *Если не слезешь с дерева, я его срублю!*
- *У него разгул дисциплины.*

— Не понимаю...

— И хорошо, что не понимаешь, — рассмеялась Оля. — До чего вы еще глупые мальчишки: дружишь, не дружишь.

Оля встала, и Шурка подумал, что никогда не видел ее такой красивой.

— Вечером рубашку дашь, я постираю — воротник уже вон какой заскорузлый, — сказала Оля. — А посуду мы снова вместе помоем. Пойдешь?

Шурка кивнул.

И тут Оля сделала то, о чем Шурка никогда не мечтал — она потрепала его по голове. Потрепала и пошла к своему рюкзаку. А Шурка смотрел, как она идет, и чувствовал, что лоб становится влажным, а по рукам от самых пальцев быстро бегут мелкие покалывающие мурашки...

Ребята уже надевали рюкзаки, а Шурка сидел на своем камне вдали от всех, сидел, будто не касались его общие сборы, и сидел бы долго еще, но Оля крикнула, чтобы вставал и что надо идти.

Шурка встал за Олей и оглянулся. Нет, не на Володьку, который топтался на месте, ожидая начала спуска с перевала.

Шурка смотрел на блестящие под солнцем снега, такие праздничные сейчас, а еще совсем недавно безжизненно-серые, придавленные тяжестью разбухших туч.

«Дружишь, не дружишь...», — вспомнил Шурка и улыбнулся.

Боль ушла, словно ее и не было никогда, только приятная усталость разливалась по телу и стоять под рюкзаком было легко, а то, что Оля ходила с Синявиным, так это когда было...

— Двигай! — сказал Володька.

Шурка ступил на мелкую осыпь и посмотрел вниз, где была новая долина, еще не видная из-за теснящихся у тропы скал, но зато ясно увидел, как дрожит и переливается над тропой чуть голубоватый воздух. Шурка глубоко вздохнул и вошел в эту теплую голубизну.

Июнь, 1999 г.

Приключение или ЧП?

Мы сидели у костра под хребтом Демерджи в Крыму и разбирали случившееся днем ЧП. Нас около сорока человек — школьники, студенты и совсем взрослые люди — те, кто сумел выбраться в первую майскую неделю на учебно-тренировочный сбор перед летним путешествием.

А случилось вот что. Еще накануне, когда новички обучались спуску

- *Я не успеваю тратить деньги потому, что раньше их теряю.*
- *Я вчера слушал пластинку на нерусском языке.*
- *Елки такие красивые, не хватает игрушек и летней солнечной погоды.*

по веревкам на крутых травянистых склонах, инструктор заметил, что грудная обвязка и седло у девчонки сделаны не из прочного капрона, как было сказано перед поездкой, а из корсажной ленты, прошитой хлопчатобумажными нитками.

Инструктор приказал снять «систему» и для наглядности потянул ее в разные стороны. Раздался треск: нитки и лента в нескольких местах надорвались.

Вечером девчонка на скорую руку подновила «систему» и утром заняла очередь на спуск с двадцатиметровой отвесной скалы с отрицательным уклоном вниз. Новый инструктор, ведавший верхней страховкой, не обратил внимания на материал, из которого сделана «система», — как он потом говорил, ему это и в голову не пришло. Он только проверил правильность вязки узлов и ход веревки в «лепестке», завинтил муфту на карабине и дал разрешение на спуск.

О дальнейшем рассказывали ребята, сидевшие внизу.

В том месте, где начинался отрицательный уклон и ноги девчонки утратили опору, грудная обвязка лопнула. К счастью, девчонка успела схватиться за вырвавшуюся из системы веревку и осторожно заскользила по ней вниз, на руки сбежавшихся под скалу зрителей.

Конечно, девчонку крепко отругали сразу же под скалой и, особенно, на вечернем разборе занятий, но нашлись люди, которые, не отрицая ее вины, указывали на самообладание новичка: ведь она могла выпустить веревку, и тогда...

Последнее слово, как у начальника сборов, оставалось за мной.

Еще раз в деталях разобрав случившееся и дождавшись, когда страсти поулеглись, я сказал:

— Видите ли, ребята, мне кажется, что туризм и без того полон всякими неожиданностями, чтобы добавлять к ним случаи, связанные с безответственностью или неумением отдельных людей. Конечно, в путешествии может случиться всякое, но это «всякое» не должно выходить за рамки ситуаций, которые предусматривались и неоднократно проигрывались перед выходом на маршрут.

— А как же приключения? — спросил кто-то. — Или вы против приключений?

— Нет, почему же. Без приключений путешествий, видимо, не бывает. Но приключения не должны приводить к тяжелым последствиям и тем более к трагедии. Домой все должны возвращаться живыми и здоровыми — вот что главное.

- *Здесь столько всего, что глаза в кучку не собрать!*
- *На уроке труда мы делали рабочую обстановку.*
- *На улице я запыхиваюсь от воздуха.*
- *Ориентирование — это микрогеография.*
- *Направление по солнцу я взял у компаса.*

— Но ведь всего предусмотреть нельзя, — не унимался мой оппонент.

— Не согласен. Предусмотреть можно практически все. И это зависит от опыта туристов и от руководителя группы.

Я чувствовал, что говорю недостаточно убедительно, особенно для новичков, для которых выскользнувший из-под ног на идущих ниже камень или заклинившаяся в скалах веревка — только досадная случайность.

— Давайте оставим теорию, — сказал я. — Хотите, расскажу об одной переправе на Памире, а уж вы сами решайте, приключение это или что-нибудь еще. Так вот, натянули мы веревку через довольно широкую и бурную реку. Понаблюдав за переправой, я занялся какими-то делами. И вдруг раздался крик. Одну из туристок — вон она прячется за товарищами — сбilo с ног и накрыло с головой. Рюкзак мешал ей подняться, и пока ее подтягивали к берегу страховочной веревкой, она основательно нахлебалась. Потом мы даже стишки об этом сочинили. Ну-ка, Верочка.

— Тогда в горах была еще я в силе,

Но сорвалась и оказалась под водой.

Когда б меня тогда не подхватили,

Я б оставалась вечно молодой, —

весело продекламировала несостоявшаяся утопленница.

— Что же произошло? Оказывается, фотограф в поисках выразительного кадра попросил ее развернуться лицом к солнцу и, следовательно, спиной к течению. Те, кто руководил переправой, не придали этому значения, и на самом глубоком месте напор воды, ударив туристку под коленки, бросил на спину, а рюкзак потянул вниз. Вот такое было у нас приключение. А ведь ничего бы не случилось, если бы мы не забыли, что обстановка на переправе требует внимания пока последний человек не выйдет на противоположный берег.

Ребята заспорили, каждый по-своему объяснял услышанное.

— Насколько я понял, — чуть иронично сказал девятиклассник, своими рассуждениями способный усложнить любое простое дело, — насколько я понял, приключениями теперь будем называть события, закончившиеся благополучно. А если наоборот, то это уже ЧП.

— Ты ничего не понял, — ответил я. — Речь идет не о приключениях, а о действиях или бездействиях, которые приводят к неожиданному результату. Безответственность остается безответственностью, чем бы вызванная ею неожиданность ни закончилась. Если турист, бравируя

- *Почему нет спорта «стрельба из рогатки?».*
- *Сидеть на уроке, про который знаешь, — мука, поэтому я дома не учу уроки.*
- *Пошли в кино, посмотрим, что там есть!*
- *В моем доме есть бродячая собака, ее зовут Гастроном.*

перед товарищами, начинает бежать по осыпному склону и, набрав скорость, превращается в неуправляемый болид, то это — разгильдяйство, своего рода хулиганство, независимо от результата спуска.

Ребята одобрительно зашумели, и я продолжил:

— Все помнят, что в горах у нас были и смешные, и довольно напряженные моменты. Может быть, это и называется романтикой дальних дорог, не знаю. А что касается приключений, то давайте вспомним наше последнее путешествие, где этих самых приключений, по-моему, было даже в избытке.

Я подождал, пока новички, тесня ветеранов, уселись поближе ко мне.

— Собрались мы на Магчинский горный узел, это на северном Памире. Школьники и несколько взрослых выехали неделей раньше — студенты еще не закончили сессию.

В задачу первой группы входило поставить палатки в цирке перевала Джиптык, перенести через него ящики с продуктами и вернуться в лагерь для встречи с товарищами.

Мы стартовали из абрикосового сада за кишлаком Ворух. Отсюда до цирка Джиптыка при хорошей работе — два дня хода. Но мы не спешили: сначала отнесли грузы на высоту 3000 метров и вернулись в сад. На второй день перебазировались к продуктам. Потом забросили ящики под перевал — а это уже около 4000 метров — и снова спустились к палаткам. Надо сказать, что подъем в цирк перевала оказался нелегким: и груза было много, и высота сказывалась. Ребята жаловались на головную боль, кое-кого клонило ко сну. Чтобы лучше акклиматизироваться, сделали еще одну ночевку на полпути к перевалу, успев до темноты отнести наверх последние ящики, канистры с бензином, ненужные пока веревки и всякие железяки.

Только на пятый день мы обосновались в цирке Джиптыка. Самочувствие у всех хорошее — мы даже успели выполнить незапланированную работу: отнесли ящики на перевал, на высоту 4050 метров.

До встречи со второй группой оставалось два дня. Мы спустили грузы в долину за перевалом, вернулись, а с утра расставили на скалах дозорных, чтобы они сообщили о появлении на тропе наших товарищей.

День выдался на редкость жаркий, к полудню температура поднялась до 45 градусов.

— До пятидесяти, — поправили меня наши ветераны. — До пятидесяти, а может быть, и больше: на термометре шкалы не хватило.

— Во всяком случае, было не холодно, — согласился я. — А укрыться от жары негде — вокруг только камни и жухлая трава.

- Читал сказку про нашу действительность.
- У моей бабушки есть такая книга, из которой вкусная пища попадает прямо на сковородку.
- Когда меня ругают ни за что, я возмущаюсь громкими слезами.

Новички уже знают, что это такое — таскать грузы и тренироваться под яростным крымским солнцем, и потому с уважением посматривают на участников памирского путешествия.

— Мы как могли украсили лагерь, поставили в худосочный ручеек две кастрюли с компотом, разучили наскоро приготовленное приветствие, все время поглядывая в сторону дозорных: не будет ли сигнала о появлении группы.

Дозорные просигналили только во второй половине дня. Через час доложили, что группа сидит далеко внизу и, скорее всего, придет в лагерь минут через сорок пять.

Ждем больше часа. Так где же группа?

Дозорные жестами показывают вниз: сидят на том же месте.

Солнце тронуло раскаленным краем соседний хребет. Нам сообщают, что группа начала подъем. Проходит еще час.

— Ну, как там внизу?

— Сидят.

— Опять?!

— Да.

Церемония торжественной встречи явно сорвана. Разрешаю спуститься вниз желающим, и лагерь пустеет.

Вместе с сиреневыми сумерками в цирк перевала начала вползать вторая группа. Несколько девушек идут без рюкзаков, остальные бодрятся, но выглядят, как говорится, не очень. Группа растянулась и ожидаемого столпотворения у кастрюль с компотом не наблюдалось.

Как рассказал командир новоприбывших, они соблазнились возможностью просидеть один день в абрикосовом саду, их, видите ли, пообещали потом забросить на машине до 3000 метров. Ночью, уже на высоте, у троих поднялась температура и почти у всех болели головы. В таком разобранном состоянии группа ранним утром начала подъем к перевалу. А командир группы...

— Позвольте продолжить, ведь я и есть тот командир, — попросил наш ветеран. — Действительно, утром ребята чувствовали себя неважно, но все надеялись, что на ходу станет легче. Группа начала растягиваться уже на первом подъеме, хотя шли очень медленно. Жару решили переждать у ручейка. Ополоснулись, напильсь и вроде бы начали приходить в себя. Но тут навалилась на нас горняшка: в головах гуд, перед глазами мушки цветные, а движения — как при замедленной киносъемке... Пробовали идти, но скоро опять сели. Потом подоспела помощь, а остальное вы знаете.

- Тренировались в парке, приучались к культуре.
- Я математиком не буду, буду вычислителем.
- Отвечать нужно громким отчитывающим голосом.
- Сегодня ели котлеты из твердых, жилистых коров.
- Проснулась гордость за другого.

— А почему ребятам не дали время на акклиматизацию? — спросили новички.

— Так они же в саду день просидели, — загалдели самые догадливые. — И машиной не надо было пользоваться!

— Давайте воздержимся от вопросов, — предложил я. — Ведь путешествие только начинается, а отвлекаясь, мы застрянем на полпути.

Утром мы перешли перевал, основательно разгрузив тех, кто еще не пришел в себя после вчерашнего перехода, а еще через три дня поднялись на перевал Красный. Высота 4500 метров уже не сказывалась на самочувствии. Спускаться предстояло по довольно крутому снежно-ледовому склону. Двух связанных веревок как раз хватало от седловины до выполаживания на леднике. Особых сложностей спуск не представлял, поэтому страховались только схватывающим узлом. Все шло нормально, пока пионервожатая Света не поскользнулась, да так неловко, что веревка, захлестнув руку, завела ее назад и вверх. Дотянуться свободной рукой до схватывающего узла Света не могла и чем больше изворачивалась, стараясь ослабить само страховку, тем больше сползала по склону, а веревка все выше заводила руку за спину.

Что было делать? Спуститься к Светлане нельзя: на склоне много «живых» камней — полетят они вниз, никакая каска не спасет. Подтянуть Свету кверху веревкой тоже невозможно: рука немедленно выскочит из плеча.

— Перестань визжать и успокойся! — грубо заорал я. — Ты висишь на само страховке и больше вниз не поедешь. Теперь слушай внимательно. Постарайся выбить каблуком лунку и упрись в нее. Готово? Теперь медленно выпрями ногу и подтянись сантиметров на десять вверх.

— Обвязка давит, я задыхаюсь! — прокричала Светлана.

— Подтянись вверх, тебе говорят!!!

Ребята тем временем развязали петлю наброшенной на камень веревки, соорудили примитивный тормоз и ухватились за свободный конец. На все приготовления ушло не больше минуты.

— Не двигайся, начинаем выдавать веревку!

Веревка медленно пошла вниз и провисла на склоне.

— Все! Освобождай руку и пользуйся свободой! — примирительно крикнул я.

Петлю снова закрепили на камне, и Светлана ушла вниз.

— Но ведь это случайность, что она поскользнулась, — тут же на-

шлись защитники пионервожатой. — Получается, что уже и поскользнуться нельзя.

— Поскользнуться, конечно, можно, хотя и нежелательно, — сказал я. — Только почему вы не спрашиваете, как случилось, что Света не смогла дотянуться до схватывающего узла? Она что, не знала, что узел вяжется на длину руки спускающегося и не выше запястья? Знала. И не проверила, сможет ли подтянуть его к себе при срыве. Если бы сделала все правильно, то просто ослабила бы страховку и встала на ноги. А так — пороссячий визг над ледником, да и руку, того и гляди, вправлять бы пришлось, вы хоть представляете, что это такое?

Я рассказываю и вижу расширенные глаза девчонок-новичков. Выдержав эффектную паузу, нагнетаю напряжение еще больше:

— Вы думаете, наши приключения на этом окончились? Ничего подобного! Самое страшное еще впереди. Вошли мы в ущелье Минтеке...

— Подождите, — останавливают меня участники путешествия, — вы же не рассказали, как утром мы пошли мыть посуду в озерце, а оно на наших глазах начало затягиваться льдом...

— А помните землетрясение?

— Это все мелочи, — отмахиваюсь я. — О них как-нибудь в другой раз. Значит, вошли мы в ущелье Минтеке. Ущелье неширокое, хорошо просматриваемое от борта до борта. Я шел с третьим отделением и на привале догнал головную группу. Рассаживаемся на камнях, болтаем о том, о сем.

— А вы видели пастуха? — спрашивают те, кто пришел на привал раньше.

— Какого пастуха?

— Обыкновенного. Он вышел откуда-то, чуть ниже нас, и пошел в вашу сторону. Мы его окликнули, но он только оглянулся и пошел дальше.

— Никого мы не видели, — сказал я. — Первое отделение, поднимайтесь! До перевала еще две, если не три ходки.

— Ну как же, — не унимались ребята, — он же не мог с вами разминуться. Ущелье-то узкое.

— Дался вам этот пастух! Первое отделение, вы что, команды не слышали? Да и откуда здесь взяться пастуху на высоте за 4000 метров? Кого ему здесь пасти? Поднимайтесь, поднимайтесь, ребята, — поторопил я туристов.

- Он мне ни друг, ни враг, никто — просто товарищ.
- Вчера был у врача: сочувствовал, кому делали уколы.
- Когда я беру в руки карты, я захожу в азарт.
- А вы знаете, что Сашу Ф. укусили за голову?
- Я мысленно очень умный.

- Мимо меня с грохотом пробежал Слава, а за ним на одном дыхании уборщица тетя Женя.
- Посмотрите на этого несчастного, у него все, как у меня!
- У нас есть знакомая — она продавщица всего.
- Я не спорю, я рождаю истину.

Мы спустились с перевала в сумерках. Подходящих площадок для лагеря не нашли и расположились на крупной морене, подложив под палатки плоские камни.

Разбудили меня тяжелые шаги и невнятный разговор. Вроде бы люди ходили по лагерю, не то спотыкаясь о камни, не то ворочая их. Я долго прислушивался, пытаюсь по голосам узнать нарушителей тишины, но говорили негромко, словно бормоча, и я ничего не мог разобрать.

— Вы слышите, слышите, — зашептала моя соседка. — Кто-то ходит между палатками.

— Слышу. Ты не узнаешь по голосам, кто бы это мог быть?

— Я давно слушаю, это не наши.

— Тогда кто же?

— Может быть, какая-то группа спустилась с перевала и ищет проход вниз... Давайте выйдем, посмотрим.

— В такую-то холодрыгу? Ладно, давай спать, утром разберемся.

Утром я собрал ребят и с пристрастием начал допрашивать, кому это полночи не спалось. Но все говорили, что сами проснулись от шума в лагере, и ничего не могли объяснить.

— Ребята, кто видел вчерашнего пастуха, — спросил я. — Он далеко был от вас?

Выяснилось, что пастуха видели почти все первое и второе отделения. А появился он неизвестно откуда, метрах в пятидесяти ниже места привала.

— А во что он был одет?

— Ну, как во что? Издалека ведь не разберешь... Во что-то темное или черное.

— А если это шкура?

У ребят начали медленно отвисать подбородки.

— Поздравляю вас, — сказал я. — Вам повезло: вчера вы видели йети, снежного человека. А нынешней ночью он, скорее всего, побывал в нашем лагере.

Конечно, поднялся шум, конечно, начали вспоминать подробности, хотя что тут особенного можно вспомнить, но с выходом на маршрут из-за всех этих разговоров мы задерживались.

Когда наконец лагерь был свернут, кто-то прокричал, чтобы все подошли к краю обрыва, протянувшегося вдоль морены. Мы заглянули вниз и увидели две цепочки парных следов, пересекающих большой

снежник от нашего края обрыва и до скальной стены напротив. Нашлись, правда, скептики, утверждавшие, что это не следы вовсе, а камни, так ровненько-ровненько свалившиеся со стены. Но над скептиками посмеялись, и все решили, что снежник пересекли двое снежных людей. Как бы там ни было, но нам не пришлось искать темы для разговоров на очередной ночевке. Мы даже не вспоминали о случае при спуске с перевала. Там сдвинулся с места никем не потревоженный камень и устремился на нашего Пашу.

Паша не стал соревноваться с камнем в скорости, а в несколько прыжков добрался до выступающей скалки и залег за ней. Камень ударился о скалку, перелетел через Пашу и покатился вниз. Все обошлось, потому что в данной ситуации было выбрано единственно правильное решение, которое, кстати, не раз отработывалось на тренировках здесь, в Крыму.

— А отскочить в сторону нельзя было? — спросили новички.

— Нельзя. Камень хотя и приличный был, но подпрыгивал и немного менял направление. Пойди угадай, куда он в следующий момент отскочит. Так что Паша все сделал правильно.

В другое время это «приключение» обсуждалось бы несколько дней, но теперь всех занимало только одно: кого же мы видели в ущелье Минтеке и кто бродил ночью между палаток? Я поведал ребятам все, что читал о снежном человеке, припомнил даже, что в район Минтеке на его поиски организовывалось несколько экспедиций, и договорился до того, что когда девушкам пришла надобность отойти за камни, они потребовали, чтобы их сопровождали несколько мужчин...

— А что вы улыбаетесь, — осадил девушки новичков. — Представляете: темень, громадные камни вокруг, ледник рядом. А тут такое наговорили! Сами бы попробовали отойти от группы...

— Так у нас три девушки и попробовали, — рассмеялся я. — Правда, еще днем, когда мы спускались после той интересной ночевки.

Четкой тропы на морене не было, шли каждый где хочет — я только предупредил, чтобы прижимались к левому борту ущелья: там на холмах есть удобные площадки для палаток.

Спустились, скинули рюкзаки — глядь, а трех девушек нет.

Сразу же начались поиски: одних наверх послали, других вниз, к леднику. Биноклем по склонам шарим — нет девушек, и все тут!

Одно утешение: деться им некуда — места безопасные, если так можно сказать о горах. В общем, найти потерявшихся — вопрос времени. И дей-

- *Градуcник показывает температуру телосложения.*
- *Дай мне чистый листок, как память о тебе.*
- *Ограбление личности.*
- *В нашем городе мне больше всего нравятся пригороды.*
- *Лыжня сделала поворот и упала в яму.*

- *Наводнения возникают стихийно, особенно в городских условиях.*
- *Раньше наша улица называлась Грязной, а теперь у нее есть имя.*
- *У нас дома комары потому, что наш город вырос на болоте.*

ствительно: когда мы уже начали по-настоящему волноваться, увидели в бинокль, что на ледник вышли три маленькие фигурки. Для успокоения совести мы покричали и помахали им, да разве докричишься, когда рядом река клокочет.

Пришлось отряжать за девчонками «спасательную команду», а это — вниз по склону, потом по моренному валу, потом по леднику... Рассказывать, конечно, просто, а на деле полтора часа прошло, пока заблудившихся в лагерь привели.

Стоят девчонки перед нами, носами хлюпают, слезы по лицам размазывают.

— Как это вас на ледник занесло? — спрашиваем. — Ведь сказано было, что по левому борту ущелья надо идти.

А девушки сами не понимают, как все случилось. Вроде бы шли с группой, да видно, заболтались, а потом оглянулись — никого рядом нет. Начали выбирать путь поудобнее и даже не вспомнили, по какой стороне ущелья спускаться велено. Вышли под какую-то стенку, там на них камни посыпались. Прикрыли девушки головы рюкзаками, так и прошли опасное место. Зачем вылезли на ледник — тоже объяснить не могут, ведь утром подробно говорилось о маршруте и о месте ночевки на холме перед ледником.

В тот вечер мы были настроены благодушно и не стали терзать девушек лишними разговорами, хотя поговорить было о чем. Только их классная руководительница сказала назидательно:

— Недостаток ума компенсируется ходьбой!

Те, кто были в том путешествии, улыбаются и вспоминают подробности. Новичкам тоже весело, ведь они еще не знают, что такое сбиться с пути и остаться одним в горах.

— Так что же, — спрашиваю я, — будем считать это приключением или ЧП?

— Конечно, приключением, — отвечает наша молодежь. — Вы же сами сказали, что ничего с девушками в этих местах не могло произойти.

— Не знаю, чрезвычайное это происшествие или нет, — сказала классная руководительница девушек, — но таких случаев быть не должно. Подумайте сами: девочкам указали маршрут перехода, а они все напутали и ушли на ледник. Значит, слушали невнимательно, надеясь, что их доведут до места ночевки. Это что, детская шалость? Во-вторых, они просто не имели права терять группу из вида. А выход под камнепад? Может

быть, они не знали, что от отвесных стен надо держаться подальше, и уж во всяком случае не проходить под ними скопом? Тогда чему же они учились на наших сборах? И еще: почему вся группа должна трепать себе нервы, а потом посылать и без того уставших людей на выручку недотеп?

Учительница заново переживала все, что было тогда в горах, и мне пришлось успокаивать ее, сказав, что дело это прошлое и послужит для всех хорошим уроком.

— А что было дальше? — спрашивают новички.

— Ого! — таинственно переглядываются ветераны.

— Слабонервных прошу удалиться, — говорю я. — А дальше было вот что. Лагерь на подходе к последнему нашему перевалу Бирксу установили в широком ущелье на ровных площадках, недалеко от обрыва к реке, шумящей глубоко внизу. Как всегда, откатили в сторону несколько камней: если под ними свежая трава, надо перебраться на другое место. Но сейчас все в порядке, камни лежат давно, да и неоткуда им падать сюда — боковой хребет от нас метрах в трехстах, если с него что и свалится, то покатится не к нам, а вниз, в долину.

До сих пор не могу понять, чего мы не предусмотрели в тот вечер, да и что, собственно, нужно было предусмотреть.

Мы проснулись от странных звуков. Такое впечатление, что где-то раскачивают огромный камень. Потом услышали, как камень сдвинулся, приостановился на несколько секунд и, набирая скорость, с грохотом покатился на наши палатки. Выскочить из палаток никто не успел, только где-то закричали испуганно. Все произошло настолько быстро, что вроде и рассказывать нечего.

Камень, тяжело ухая, промчался между двумя палатками и рухнул с обрыва. По звуку камень был очень большой — я даже почувствовал, как задрожала земля под палаткой. Мужчины вылезли наружу, светят фонариками — темень, холод, звезды по всему небу плотно рассыпаны и нигде никого...

Утром, осмотрев местность, мы так и не поняли, откуда катился камень и как он вообще мог катиться в нашу сторону.

А вот катить его вполне могли. Только кто и зачем? И тут мы опять вспомнили о снежном человеке...

Я замолчал, давая ребятам возможность переварить услышанное.

— Вот вам только несколько случаев и только из одного путешествия. Кое-чего можно было избежать, например подъема на первый перевал

- *Наша школа скоро станет памятником архитектуры.*
- *С нашим счастливым детством активно борются родители.*
- *У нас такая погода, что не успеваешь вытирать нос.*
- *Ленинград — город-памятник, а мы его памятные люди.*
- *Я косметикой не пользуюсь: у меня есть поездки за город.*

- *Я привык к городской жизни, поэтому в пионерский лагерь без сауны я не поеду.*
- *Чтобы попасть в большой спорт, надо иметь большой вес.*
- *Самые лучшие школьные годы у меня были в пятом классе.*
- *Копилка с двойным дном.*

без акклиматизации, другие моменты требовали быстрых и, главное, правильных решений. Что же до снежного человека,.. — я пожал плечами, — был ли он, не был... Но камень-то на нас ведь не с неба свалился...

За разговорами мы припозднились, но ребята не хотели расходиться.

— Вот вы ищите приключений, — обратился я к новичкам. — А Виталий Михайлович Абалаков, встречаясь с нашей группой, заметил, что восхождение считается грамотно проведенным, если на маршруте ничего сверхобыкновенного не произошло. Многие ребята не поняли тогда знаменитого альпиниста, ведь все знали, что «Железный хромец» попадал со своей командой в самые невероятные переделки. Наши романтики упустили из вида, что команда Абалакова всегда — понимаете, всегда — работала безаварийно, имея такой запас физической, технической и тактической подготовки, который позволял ей успешно выходить из самых трудных и неожиданных ситуаций. А со стороны это действительно выглядело приключениями.

Я оглядел внимательные лица слушателей и повторил:

— Это действительно выглядело приключениями, которые ни разу не приводили к ЧП.

Костер прогорал, и все вокруг было в сказочно-голубоватом свете от поднявшейся над хребтом Демерджи луны.

Завтра мы взойдем на этот хребет: ветераны — скальным маршрутом, новички — дорогой попроще. У каждой группы будут свои заботы и свои приключения, к которым мы тщательно готовились на зимних тренировках дома и здесь, в весеннем Крыму.

Опубликовано в газете «Вольный ветер», март, 1993 г.

Непройденный перевал

Мы поднимались к перевалу Городецкого. Сорок пять человек — старшеклассники, студенты и учителя — растянулись тремя отделениями от языка ледника до его середины, не особенно заботясь о времени прихода к месту намеченного ночлега. А что? Путь хорошо известен: два дня мы челночили, подтаскивая к перевалу продукты, теперь рюкзаки не тянут и можно расслабиться, идти не спеша, любясь панорамой хребтов впереди и сверкающей стеной Заилийского Алатау справа от нас.

Я, как руководитель этой армады, доволен: все складывается удачно в нашем путешествии. Из Алма-Аты машина отвезла наши пожитки к самому началу маршрута, ребята перетасили часть груза по скотогонной

- Я ответил лучше, чем рассказал учитель.
- Мои родители оставили мне в наследство мои недостатки.
- Девчонки грубят только через визг.
- На улице погас свет, и я не знал, где право, а где лево.
- Зацепился за гвоздь программы.

тропе в верховье соседнего ущелья, куда мы придем кружным путем через четыре перевала только спустя неделю, есть у нас аварийный запас продуктов на случай отсидки в непогоду, все здоровы и значит, можно хоть ненадолго отрешиться от повседневных забот.

Лагерь поставили на склоне крупной морены под самым перевалом. Отсюда хорошо видна круто забирающая вверх тропа, выводящая на контрфорс, по которому придется еще основательно полазить. Но это завтра. А сегодня...

А сегодня из-за перевала потянулись иссиня-черные тучи, покрало для начала дождиком — и повалил густой мокрый снег.

Ночью неподалеку начался сход лавин, и когда утром мы вылезли на свет божий, света как раз и не было.

Грязно-серая пелена тумана и мягко падающего снега закрыла и перевал, и ближайшие склоны. Значит, приехали. В голове привычно заработала машинка, просчитывающая мыслимые и немыслимые варианты. Вверх сегодня нельзя — это отпадает сразу. Но и вниз тоже: свежий снег прикрыл трещины на леднике, надо хотя бы день хорошей погоды, чтобы дать снегу слежаться, осесть, иначе и до спасательных работ недалеко. А мы вовсе не горим желанием опробовать на практике все то, чему научились на тренировках. Остается ждать.

Во второй половине дня чуть распогодилось и в просветах низких облаков открылся перевал. Но как он не похож на тот, что мы видели вчера! Весь белый, с буграми снега на камнях, он выглядел мерзлым вздыбленным полем. И только контрфорс, словно хребет огромного динозавра, ошетинился черными остроконечными скалками.

Даже новички понимают, что придется отсиживаться, но все-таки трое наших ветеранов просят разрешить подойти к началу подъема на перевал, благо он в каких-нибудь двухстах метрах от нас. Как и ожидалось, ничего обнадеживающего ребята не рассказали: идти очень скользко, постоянно проваливаешься между закрытыми снегом камнями, а по всему склону, будто по листу фанеры, сползают пласты свежего снега.

Ничего толком они разглядеть не успели — все снова заволкло тучами и снова посыпало, так что можно расходиться по палаткам и ждать, когда дежурные начнут разносить ужин.

Перед сном, как обычно, собирается штаб группы. Все ждут моего решения. Но что я могу предложить? Подождем до завтра, погода — сами увидите...

- Мне купили модную куртку, как у «неуловимых мстителей».
- Я позавтракал яичницей из жареной курицы.
- У меня папа был в длительной командировке по ту сторону света

Утром облака поднялись, кое-где начали появляться синие проплешины. Высылаем двоих с заданием: попытаться проложить путь до седловины. Разрешая выход, я в общем-то уверен, что дело это зряшное, во всяком случае нашей группе не по зубам, но все-таки... Уж очень не хочется возвращаться и в обход намеченных перевалов идти знакомой тропой к нашей заброске, превратив интересное путешествие в заурядную горную прогулку.

Из лагеря хорошо видно, как двое, медленно и часто останавливаясь, набирают высоту. Вот они уже на середине склона, вот уже почти у верхнего края контрфорса, откуда должно начинаться выполаживание...

— А ведь дойдут, ей-богу, дойдут! — говорит кто-то.

Ребята криками подбадривают разведчиков, хотя они, конечно, не слышат их. Ветераны стоят возле меня, и всем так хочется узнать, как там, наверху, да и посоветовать кое-что, ведь снизу кажется, что разведчики не всегда выбирают лучший путь.

Но это все лирика: из обжитого лагеря многое представляется не так, как нашим товарищам на крутом склоне, и не надо ничего советовать — они сами сделают все, что нужно.

Разведчики сдвигаются к скалам контрфорса. Сейчас они выберутся из глубокого снега и по камням дойдут до перевального взлета. А там около часа работы — и седловина.

Снова запорошило. Серые ленты облаков мягко ложатся на склоны, расплзаются по ним, и мы уже не всегда видим пробивающихся к перевалу ребят. Мы не можем понять, зачем они пересекают контрфорс — ведь подниматься по нему гораздо удобней. И почему они так долго стоят возле черных скал — разве их нельзя обойти? Разведчики уже три часа наверху, до седловины им всего ничего, что же они там застряли, о чем думают?!

Но вот две темные точки передвинулись на другую сторону контрфорса, постояли немного — и медленно поползли вниз.

В лагере разведчиков встретили крепчайшим чаем. Никто не торопит их с рассказом: дают время прийти в себя, советуют переодеться — штормовки ребят покрыты ледяной коркой; но разведчики не спешат к палаткам, стоят, поглядывая на перевал, и греют руки о горячие кружки.

Отчет разведчиков предельно точен: на склоне глубокий, местами до пояса, снег. При каждом шаге он начинает сдвигаться тонкими плитами и, что еще хуже, тащит за собой мелкие камни, от которых только

успевай увертываться. Самостраховка тоже ненадежна: рука с ледорубом проваливается по локоть. Когда сверху покатались крупные камни, решили выйти на контрфорс, но там — обледенелые скалы, которые надо преодолевать свободным лазаньем. Убедившись, что по другую сторону контрфорса такой же глубокий снег, разведчики начали спуск...

— А если навесить перила, можно пройти? — задаю я некорректный вопрос.

Дело в том, что за многие годы совместных путешествий мы приучили ребят отчитываться только за то, что они видели сами, без всяких там «я думаю» или «может быть». Поэтому я не обиделся на несколько резкий ответ одного из разведчиков: «Мы рассказали все, дальше решать вам!»

— Ну хорошо, — сказал я, давая понять, что официальная часть окончена. — А вы бы могли навесить перила и поднять 45 человек?

— Как вам сказать... Там и крепить их не за что. Мы раскопали свежий снег до старого, грязно-желтого слоя, но он тоже рыхлый, а под ним — мокрая осыпь. Ни крюк, ни ледоруб держать здесь не будут. Может быть, пять-шесть человек такие перила и выдержат, но потом их придется перевешивать, а на это время уйдет.

— Значит, подъем исключен? — пытаюсь я вытянуть из разведчиков отрицательный ответ.

— Хотите откровенно? Две или три сильные связки выйдут на контрфорс и пройдут скалы. Но вся группа, да еще с девчонками-новичками — нет.

— А что думают командиры отделений? — понимая, что вопрос в общем-то исчерпан, спрашиваю я.

— Разведчики правы. Даже если страховать через плечо или поясницу, за день не управимся. Да и нельзя растягивать группу на таком склоне — половину камнями пошибает...

Но тут в разговор вмешались двое, с еще не растраченными силами и крепкими голосовыми связками.

— Что значит «не пройдут», — возмущались они. — Да мы сегодня же обработаем склон, и если выйти пораньше, ни один камень с места не сдвинется!

Они наперебой объясняли, как все быстро и просто можно устроить — надо только не задерживаться с утра и к полудню будем на перевале. Их неподдельный энтузиазм и отпущенные природой децибелы явно пере-

- *Закрой дверь, а то меня высквозит!*
- *Конфеты портят жизнь во рту.*
- *С моей походкой только ползать.*
- *Обеденный антракт.*
- *Меня разоблачили, и я вышел в люди.*

- *Шишка для памяти.*
- *Я закрыл глаза и увидел, что вокруг меня стало еще лучше.*
- *Мой синяк под глазом — это показатель моей активности.*
- *Я утром встал и огляделся, еще не стемнело, а я уже на ногах.*

вешивали здравый смысл, но уверенность, с которой они раскручивали план завтрашнего восхождения, была столь велика, что я уже начал поглядывать на перевал, примериваясь к завтрашнему победному маршу.

— Балаболки, — неожиданно сказал один из разведчиков.

Ребята заспорили, а мне припомнился случай из давнего уже кавказского путешествия. Было это лет двадцать назад, в Домбае. Мы поднялись от Турьего озера и теперь отдыхали на последних зеленых площадках перед перевалом Сулахат, рассчитывая завтра выйти к ледникам Главного Аксаута. Я уже имел за плечами пару кавказских «троек» и «четверку» на Алтае и потому был уверен, что могу командовать в горах не только собой.

То ли мне не понравились тогда выглянувшие из-за перевала шапки башнеобразных облаков, то ли еще по каким-то признакам я уловил изменение погоды — теперь не помню; но я предложил отложить выход на следующее утро, благо место для лагеря было удобным и сроки нас не поджимали.

Ребята дружно запротестовали: в такой-то солнечный день только и подниматься на этот хоженный-перехоженный перевал, какие могут быть разговоры! Да и до седловины осталось всего ничего — рукой подать.

Возразить я не сумел, но все-таки настоял, чтобы несколько человек прошли до седловины, проложив по снежнику четкую тропу. Вернувшись, ребята сообщили, что до перевала около часа хода — правда, они на него не поднялись, но седловину хорошо видели.

Прикинув, что светового времени вполне хватит, чтобы добраться до травы за перевалом, я разрешил выход.

А погода ощутимо портилась. Тугие бастионы облаков выползали из-за перевала, толкая перед собой серую пелену. Начался мелкий противный дождь, потом посыпало градом.

— Может быть, лучше сойти на осыпь и заночевать? — крикнул я направляющим.

— Да что вы! Мы идем по своим следам, сейчас будем на перевале.

Я понимал, что разумнее остановиться, а не топтать по раскисшему снегу сквозь холодную муть облаков, едва различая тех, кто идет впереди. Но желание обсушиться у костра за перевалом и хлебнуть горячего чаю было столь велико, что я промолчал, хотя знал, что до ближайшего леска не такой уж короткий путь.

Быстро стемнело. Облака ушли вниз, закрыв от нас Домбайское ущелье. Там погромыхивало, и было очень забавно смотреть сверху на вспо-

лохи молний, все чаще разрывавших темноту.

А над нами вызвездило, и полная луна осветила снежный склон, неожиданно появившийся справа от нас. Когда такой же склон возник слева, я остановил группу.

— Ребята, — сказал я, — а ведь мы поднимаемся по гребню к вершине. Перевал остался где-то внизу.

Направляющие смущенно молчали.

— Мы ведь не дошли до седловины, — тихо сказал кто-то из них. — А когда следы кончились, видимо, в темноте свернули в сторону.

Ситуация сложилась хотя и неприятная, но не критическая. Надо только вернуться к проторенной тропе и через перевал спуститься до первых площадок. Лунного света вполне хватало, чтобы выйти на знакомый снежник, не натворив еще каких-нибудь глупостей; вот только группу на узком гребне нельзя перестроить в привычный порядок, да и я не могу протиснуться вперед.

Даю команду, чтобы поворачивались кругом поаккуратней — и вдруг...

Как часто в своих первых путешествиях я сталкивался с этими «вдруг», возникавшими, казалось, совершенно случайно, но всегда в самые неподходящие моменты. Понадобились годы, чтобы понять, что любое «вдруг» складывается из незначительных на первый взгляд мелочей, каждой из которых в отдельности можно было бы пренебречь.

Так вот, даю команду, чтобы поворачивались кругом поаккуратней, — и вдруг стоящий впереди меня парень мотнулся в сторону и, сорвавшись с гребня, заскользил по склону на закрытый облаками ледник. Я тут же прыгнул ниже его, ощутимый удар пришелся мне по голове — ведь касок в те времена у нас не было, мы проехали еще метров пять и остановились.

Ползком, подталкивая товарища, помог ему выбраться на гребень. Но едва я стал рядом, как парень снова рухнул, я снова прыгнул под него, но теперь мы скользили значительно быстрее и дальше, хотя я всем телом наваливался на ледоруб.

Многие зрители были явно потрясены этой парной акробатикой на крутом склоне. Движения их сделались неуверенными, и приходилось часто останавливать группу, чтобы идти в плотной колонне.

И тут — ах! — новое «вдруг»: срывается направляющий. Несколько метров он скользит на ногах, но потом падает на спину и скрывается в тугих волнах облаков. Мы долго кричим в темноту, пока к нам, словно из ваты, не доносится голос:

— Живо-о-й!

- *Магазин торговал изделиями из товаров.*
- *Мою маму вызвали к завучу для воспитательной работы.*
- *Зима дыхла леденящим зноем.*
- *Заснул ради красивых снов.*
- *Я обмылся душевой кабинкой.*

- *Когда мне страшно, тогда я боюсь.*
- *Привет с поворотом.*
- *Я записался в кружок благородного слова.*
- *С новым прошедшим годом!*
- *Проснись с чувством юмора!*

По счастью, облака разорвались, и при свете луны мы увидели на леднике темную фигурку, призывно машущую нам руками.

Теперь нам ничего не остается, как спускаться к товарищу.

— Ребята, — говорю я, — там, где съехал один, сойдут все. Только поспокойней, пожалуйста, поспокойней, как на тренировках.

Но как на тренировках не получилось. Первый же ступивший с гребня на склон прогалиссировал немного — и рухнул головой вперед. Его понесло, закувыркало до самого ледника, где он и остался лежать без движения, не отвечая на наши крики.

Обходя по краешку гребня ребят, ко мне подходит наша медсестра.

— Разрешите, я пойду, — тихо говорит она. — Там нужна помощь. Я спущусь, вы же знаете.

Она пытается что-то доказывать, но я останавливаю ее:

— Давай.

Девушка уходит вниз. А по леднику уже пробирается к лежащему наш товарищ, сверху спускается медсестра, и вот уже две маленькие фигурки копошатся возле третьей, а мы все ждем, бесконечно долго ждем, не окликая их, потому что боимся услышать ужасное.

Наконец фигурки расходятся, и мы видим, что на леднике стоят трое.

— Живо-ой! — угадывается крик снизу.

— Ой-ой-ой! — откликаются горы.

— Живо-ой!!! — это уже кричим мы.

И тут до меня начинает доходить, что какой ни на есть, но именно я — руководитель группы, что это я завел людей на гребень, в этот заснеженный и безжалостный мир, и что именно от меня зависит, все ли из нас увидят завтрашнее утро.

Я резко обрываю крики — излишние восторги сейчас не нужны, как и недавняя растерянность, — и говорю громко, чтобы хорошо слышали в дальних концах колонны:

— Слушать внимательно! Я спускаюсь первым и вытаптываю ступени. Идти след в след. Не растягиваться! И никакого глиссирования!

Мы входим в облака — и минут через двадцать уже стоим под моросящим дождем.

Медсестра рассказывает, что свалившийся расцарапал лицо, разбил нос и, как он утверждает, проткнул ледорубом веко.

В общем, ничего страшного.

— А почему не отвечал на крики? — спрашиваю я.

- *Мой любимый предмет — сон на уроке физики.*
- *Когда под ногами не чавкает, то на душе кошки скребут.*
- *Дождь — это так хорошо! Пусть капает снежными хлопьями!*
- *Скоро весна, наконец-то начнутся морозы!*

— Да понимаете... — травмированный поморгал из-под повязки единственным глазом. — Я же не видел, куда скатился, только чувствую: ноги висят над пропастью. Приподнял голову — кровяца вокруг. Вот и решил не двигаться, пока кто-нибудь не подойдет. Налег на ледоруб, а он оказался клювом кверху...

— Где же ты пропасть нашел?

— Да кто ж его знал, что ноги на какой-то бугорок выехали...

Грохнувший смех был хорошей разрядкой после всего, что случилось с нами за последний час.

Я повел группу вдоль борта ледника. Подсвечивая фонариками, мы пролезли мимо каких-то камней, спустились на боковую морену и заночевали на холме, неподалеку от спуска с перевала Алибек.

Вот этот-то случай двадцатилетней давности припомнился мне сейчас, под перевалом Городецкого на Тянь-Шане. Кадр за кадром он промелькнул перед глазами, я даже удивился, что вижу все так подробно. Отвлечшись, я, видимо, упустил что-то в споре ребят, но это меня уже не очень интересовало.

— Допустим, хотя это и нереально, что мы перейдем завтра перевал, — сказал я. — Почему нереально? Потому что в такую погоду через перевалы ходят только самоубийцы. Но допустим, мы перейдем. А что дальше? Подниматься на следующий по свежему снегу? Это по лавиноопасному склону? Или ждать погоды? Но мы ее здесь ждем уже два дня, на той стороне можем прождать и дольше. Вы хоть принимаете в расчет запас продуктов и возможности группы? А что скажете, если с той стороны придется уходить вниз, оставив заброску за хребтом?

— Но ведь к заброске можно добраться хоть завтра через перевал Сапожникова, — не унимались энтузиасты. — Смотрите: выйти над бергшрудом и, подрезая склон, прямо на седловину.

— А потом прямо куда? — улыбнулся командир отделения.

Я еще раз оглядел перевалы и ледник внизу.

Ветер гнал над горами растрепанные облака, выбивая из них жесткую крупу. Все вокруг было завалено снегом и осевшие палатки мало чем отличались от лежащих рядом камней.

Ребята продолжали напористо развивать свои планы, и я немного завидовал их молодой уверенности, за которой не было еще ничего, что оставляет рубцы на сердце и в памяти.

— Ну вот что, — сказал я. — Поговорили и хватит. Завтра уходим

- *Почему в Ленинграде нет буранов? — Есть, на любой базе!*
- *Были в зоопарке, показывались зверям.*
- *На базе мне дали лыжи с нагрузкой.*
- *Я на свои лыжи положил столько мази, что те, кто был сзади, встали.*

вниз. Погоду в первой половине дня гарантирую, во всяком случае успею добраться до травы. Все. Можно расходиться.

Утром, осторожно прощупывая заваленные снегом трещины на леднике, мы спустились к широкой тропе на перевал Озерный, через который несколькими днями раньше переносили заброску. Лагерь пришлось устанавливать под начавшимся дождем.

Перевал Городецкого закрыли тяжелые тучи. Их рваные края, цепляясь за ледник, медленно тянулись в нашу сторону, застревая где-то перед высоким моренным валом, с которого мы недавно сошли. За хребтом нарастающе громыхало, и можно было представить, в какую круговерть по ту сторону перевала пытались увлечь нас не ведающие страха товарищи.

С той поры прошло несколько лет. Но и теперь, поглядывая на приколотую к стене фотографию перевала Городецкого, вновь и вновь перебирая варианты выхода на него, я не сомневаюсь, что поступил тогда правильно. У каждой группы свой потолок возможностей. Этот потолок не всегда верно могут определить участники путешествия. Но руководитель обязан. Иначе...

И я снова вижу катящиеся по снежному склону фигурки, исчезающие в облаках при холодном свете луны.

Восторг просто щенячий!

- Самая снежная зима была в ледниковый период.
- Блинчики с дырочками внутри называются пончики.
- Я насобачился лаять.
- Мне подарили конструктор, чтобы я ломал свое воображение.

Томсон Борис Юрьевич (1932–2016)

Москва

Начал заниматься туризмом в начале 1950-х годов. Участвовал в категорийных походах, подготовке общественных туристских кадров — провёл шесть школ инструкторов туризма. С 1959 г. занимается ориентированием, судья всесоюзной категории, много лет являлся ответственным секретарем Московской федерации ориентирования. Автор нескольких книг и многих публикаций.

До и после полуночи

После окончания техникума я был направлен по распределению на Электрозавод, где стал заниматься в туристской секции. Мое увлечение туризмом в конце 1950-х годов незаметно переросло в потребность, а затем и в определенный образ жизни. Многообразие спортивно-туристской деятельности явилось своеобразной отдушиной в рутинно-будничном алгоритме жизни «работа–дом–работа». Когда поступило предложение от турсекции возглавить команду для участия в ночных соревнованиях по ориентированию на местности, я воспринял его и с радостью, и с тревогой одновременно. Дело-то ведь новое и неизвестное. И вот...

Поздним вечером 18 марта 1959 года головные вагоны двух электричек, отправлявшихся с Ярославского вокзала, были заполнены одетыми в штормовки и лыжные костюмы туристами. Туристы — народ шумный и жизнерадостный, им везде сопутствуют шутки, песни и веселый смех. Но в этот раз в вагонах чувствовалась сдержанность и деловитая озабоченность. Так, вероятно, люди собираются на выполнение важного задания. Вновь проверялись фонари, подгонялось снаряжение, с особой тщательностью укладывались рюкзаки. Одни в поте лица натирали лыжи, другие внимали советам бывалых туристов, пытаюсь вот так, вдруг, овладеть навыками пользования компасом. Более ста команд спортивных коллективов Москвы ехали в неизвестность оспаривать первенство города по ориентированию на местности. Каждый коллектив был представлен четверками мужчин и женщин, имеющих туристскую квалификацию не ниже третьего спортивного разряда, и смешанной командой из шести значкистов «Турист СССР».

- У нас в школе ввели гласность и мы её сейчас учим.
- Одолжи мне свою резинку, сделай для меня гадость.
- Как мне лучше учиться, как надо или как лучше?
- Меня водили в магазин на смотрины.
- Приз самого умного получил самый хитрый.

На мою долю выпала честь руководить значкистами Электростанции, среди которых были две девушки. За несколько минут до остановки поезда нам вручили карты и объявили, что моментом старта считается время прибытия на станцию. По условиям соревнований значкистам с рюкзаками, весом не менее десяти килограммов, предстояло преодолеть дистанцию протяженностью приблизительно в двадцать километров, отыскать два контрольных пункта и не позднее полудня следующего дня финишировать в деревне Жучки. Для разрядников условия были, конечно, еще сложнее.

Распрощавшись с разрядниками (они стартовали от платформы «55 км» и станции Хотьково), под бодрые напутствия друзей выходим в Абрамцево. На обороте выкопировки с топографической карты полукилометровки указаны расстояния до контрольных пунктов и азимуты. Отложив в заданном направлении девять километров, угодили в сгусток горизонталей — глубокий овраг. В нем находился первый контрольный пункт. Второй, в шести километрах от первого, находился у выхода проселочной дороги на огромную поляну.

Если цель соревнований — отыскать два контрольных пункта и появиться на финише как можно скорее — была предельно ясна, то методы ее достижения в ночном зимнем лесу — совершенно неведомы. Полагаясь лишь на физическую подготовленность, туристскую смекалку и страстное желание победить, сочли, что этого вполне достаточно для успешного выступления. О, наивность! Решаем двигаться обычным туристским строем-цепочкой. Темп — по слабейшему. Команды соперников тоже не спешат выйти на маршрут, и, собравшись кучками, освещая фонариками карты, тщательно наносят на них предполагаемые точки расположения контрольных пунктов, обсуждают варианты движения.

Мы построились, проверили — в который раз — снаряжение. Всматриваясь в черное, усыпанное звездами небо, без труда нашли вначале Большую Медведицу, двойной Мицар, а затем и сверкающий глаз Полярной звезды. Как оказалось впоследствии, сделали это не напрасно. Уже истекал первый час ночи нового дня, когда мы шагнули в темноту. Смерзшиеся снежные заструги, обвислые ветви кустарника и непроглядная тьма с первых шагов доставляли нам массу хлопот. Начальные сотни метров наша цепочка из шести человек буквально на ощупь продиралась сквозь ночной лес. Ворчали про себя, пытаясь не выдать вслух неудовольствия, втягивались в ритм неведомой спортивной борьбы.

- *Рекорды — не моя стихия, мне бы только добежать.*
- *Смотрите, у него выпуклость ума!*
- *Из космоса виден только один микрорельеф.*
- *А если передать эстафету противнику?!*
- *Мой результат выше, чем у лидера, хотя время хуже.*

Беда настигла нас в конце первого километра пути, когда вышли к речке Воре. Коварную речку шириной с десяток метров с предельной осторожностью первым перешел самый «изящный» из участников — руководитель. Убедившись, что лед достаточно крепок, остальные также переправляются по одному. Предпоследней на лед ступила Галя. Ее крохотная фигурка робко передвигалась по уже накатанному следу, как вдруг хруст ломающегося льда возвестил о катастрофе. Она, видимо, испугалась, заторопилась, судорожными движениями разбивала полынью все больше, и спустя мгновение Галя, девушка-воробушек, ушла в «зеленоватые струи, в глубь Вори, тихой и неясной».

Последствия могли стать трагическими, если бы не ловкость и смекалка нашего замыкающего. Каким уж образом высвободил он ее из ледяной купели, представить сложно, но уже через несколько минут мы утешали на берегу Галю — мокрую, продрогшую, потрясенную неприятным событием. Ботинки, укрытые бахилами, оказались почти сухими, но все остальное на Гале было мокрым. Дальше последовала ночная сцена с переодеванием, которую, деликатности ради, мужчины решили не наблюдать, скрывшись в темноте. Дождавшись переодевшую во все сухое, отошедшую от нервного потрясения Галю, продолжили путь к первому контрольному пункту.

Досадное приключение подхлестнуло нас, мы увеличили темп, наверстывая потерянное время, но незнакомая местность и темнота заставляли все чаще прибегать к помощи компаса и карты. Тут-то и вспомнили о Полярной звезде. Убедились, что на дальних подступах к пункту можно с достаточной точностью определять направление с помощью «астрономического» метода. Так мы и делали, сэкономив массу времени.

Опушкой леса обходим деревню Уголки и, выйдя на просеку, движемся по найденной лыжне, пересекая множество оврагов. Но до «нашего» оврага еще далеко — километра три. Вот повернули на чуть приметную тропинку, миновали болото и вышли к началу узкой промоины, круто падающей в основное русло громадного оврага. Все идет хорошо, но отыскать цель оказалось делом нелегким. Около часа мы утюжили долину оврага, заваленную буреломом, в поисках злополучного контрольного пункта. И только миновав очередной изгиб оврага, почувствовали хорошо знакомый запах туристского костра. «По запаху» находим палатку, рядом с которой подвешено красно-белое обозначение контрольного пункта.

Радость от первой удачи трудно передать. На обороте карты получаем

- *Мой самый любимый город — это Ленинград, а в остальных я еще не был.*
- *Знаете, как я умею просить прощения, — загляденьте!*
- *Промочил ноги в сухую погоду.*
- *Погода какая-то: все ноль да ноль — ни туда, ни сюда.*

заветную отметку контролера. Отхлебнув из кружек теплого чая, любезно предложенного нам контролерами, окрыленные успехом, мчим ко второму пункту. Часы показывали начало шестого, когда, преодолев крутой склон оврага, в котором находился первый пункт, мы остановились для определения дальнейшей стратегии.

Крепко морозило. Московским туристам знакомы эти мартовские перепады в погоде, когда дневная капель сменяется вечерними заморозками, а к утру — стужей до двадцати градусов. В эту ночь было что-то похожее. Черное, в звездном крошечном небе на востоке светлело, лыжи отлично скользили по лыжням, которые в предрассветной хмари стали встречаться все чаще. Но стать удачным нашему дебюту на трассах ориентирования было не суждено. Второй контрольный пункт мы не отыскали. Бодро пройдя около двух километров, заметили, что два участника окончательно выбились из сил. Как ни велико было желание успешно закончить дистанцию, обстоятельства подсказывали другое, подленькое решение — идти к финишу. Скрепя сердце, принимаем его, находим отличную лыжню, и спустя час вдали уже сверкают огоньки деревни Жучки, где находится финиш.

Отыскав избу, где нас ожидала обслуживающая группа, выяснили, что никто не обморозился, но вымотались все основательно. Да и не мудрено. С листа преодолеть в морозную ночь около двадцати километров по сильнопересеченной местности, да еще с приключениями, согласитесь, не просто. За отличным завтраком с душистым кофе завязалась оживленная беседа. Участники наперебой рассказывали о приключениях, о долгих поисках контрольного пункта, но вскоре, сломленные усталостью, заснули.

Я направился к финишу. Оказалось, что неудачников вроде нас довольно много, а успешно закончивших дистанцию — всего две команды. У финишного створа царил обычная судейская суета. К девяти часам большинство команд закончили соревнования и судьи хлопотали над обработкой материалов.

В ожидании товарищей я бесцельно сновал возле судейских столиков и, видимо благодаря этому, привлек внимание руководителя спортивных арбитров. «Молодой человек, — услышал я грубоватый женский голос, — нет ли у вас желания помочь финишной бригаде?», — вопрос был адресован явно мне. Обращалась женщина в лохматой меховой ушанке, в штормовке, перетянутой широким армейским ремнем, в очках, сидя-

щих на крупном ястребином носу. Ирина Ивановна Вайнштейн, а это была она — фигура в московском туризме широко известная уже в те годы, объяснила, что к чему. Я пролетел что-то в ответ, сослался на отсутствие опыта, но... согласился и приступил к исполнению обязанностей секретаря финиша.

Вскоре финишировали и наши разрядники, а в двенадцать часов соревнования были объявлены закрытыми — истекло контрольное время. В избе, где собрались электростанционеры, все возбужденно делились впечатлениями, каждый старался выделить что-то свое, разбирали ошибки и тактические промахи. Казалось, обсуждению первого старта не будет конца. Так познакомилась мы с туристскими соревнованиями. Познакомились и... полюбили.

Неудача на лыжне сильно огорчала, но в целом первое знакомство для многих из нас оказалось полезным, а для меня, как показали последующие годы, долгим и прочным. В этих соревнованиях, несмотря на массу несовершенств, присутствовали сугубо спортивные компоненты: физические нагрузки, возможность применения различных тактических и технических приемов, состязательность. Окутанные непередаваемой атмосферой романтики поиска в ночном лесу, они напомнили мне о давних занятиях гимнастикой в Московском городском доме пионеров, куда я пришел десятилетним мальчиком в далеком 1942 году, а также о футбольном прошлом в составе команды мастеров столичного «Торпедо» в начале пятидесятых годов. Благодаря этим юношеским увлечениям мне были знакомы и жесткий ритм тренировочного процесса, и роль тренера в нем, и вкус спортивной борьбы. И вот теперь, после длительного перерыва, «ориентирование на местности» как бы приглашало в, казалось бы, забытый мною мир спорта. Приглашение было принято безоговорочно.

Здесь можно бы и точку поставить, только — говорю без всякого лукавства — та мартовская ночь не «отпускает» и поныне. Все нюансы того ночного действия и сейчас, много лет спустя, предстают отчетливо, словно это было вчера, особенно с таким трудом «взятый» первый контрольный пункт, открывший счет множеству других на таинственных тропах скажочно удивительного спортивного ориентирования.

- *Дождь бывает в слякоть.*
- *В секции спортивного ориентирования я учу внутренности леса.*
- *Кататься на перилах нехорошо: протирается заднее место у штанов*

- *Тренировка памяти мне не обязательна, потому что я помню все наперед.*
- *Ко мне нельзя приглядываться: можно сглазить!*
- *Не боюсь говорить правду, боюсь ее услышать.*
- *Папа купил машину вместе с хлопотами.*

Лыжное ориентирование в наши дни

Спартакиада учащихся России, Сыктывкар, 2011

На старте

После финиша

- Мне купили шубу, теперь я вместе с нею прею.
- Я благословил себя и перестал во что-нибудь верить.
- Если бы мы не разошлись по-мирному, то я бы тогда убежал.
- Я списывал сам у себя, и опять с ошибками.
- Наша дружба не имеет ничьих границ.

Бороздинский Евгений Михайлович

Ярославль

Родился в 1936 г. Окончил Ярославский педагогический институт, работал в Политехническом институте. Первый категорийный поход совершил в 1959 г. Всего пройдено 50 походов разной категории сложности, в основном на плотях. Мастер спорта СССР по туризму, судья всесоюзной категории по туризму. Возглавлял Ярославскую областную федерацию туризма, входил в состав совета ФСТ России и СССР. Автор нескольких книг и фильмов.

О риске оправданном и неоправданном

*Судьба ли меня защитила, собою укрыв от огня.
Какая-то тайная сила всю жизнь охраняла меня.*

Б.Окуджава

Что есть риск? Оправданный или неоправданный — все равно, но это вполне осознанное действие, поступок. Просто ты не знаешь, насколько удачно он закончится. Я вновь перечитал «На плотях с гор» Александра Бермана, весьма уважаемого мной автора. Было ли такое в моей биографии? Конечно, было, но, пожалуй, в меньшей степени. Плоты из камер уменьшили риск многократно. И все-таки...

Меня трижды сбрасывало с плота. На Риони — сломалась гребь и я с вальком вылетел за борт. На Казыре, когда практически не умел читать струю, с чужой тактикой плот набросило на огромный валун и так накренило в мою сторону, что дальше я плыл автономно. На Лабе в крутом сливе плот полностью ушел под воду, команду разбросало по настилу, но на плоту удержались. А для меня до сих пор впечатление: опора уходит из-под ног, и я — как в невесомости. Вокруг воздушные пузырьки. Даже красиво. Но вроде бы надо всплывать, а вода с воздухом не держит. Сделал несколько рывков по течению. Пузырьки пропали, потянуло вверх. Увидел плот.

Что это? Грани риска? Я бы не сказал. Тем более, таких моментов и в цивильной жизни хватало. И мне кажется, что у меня все-таки есть добрый ангел-хранитель. И низкий ему поклон.

- Я специалист по градусникам: у меня там всегда 37,7.
- В школу хожу по принуждению совести.
- У меня блудный взгляд, потому что я перетренировался.
- Ветер надул ухо, продул мозги и полетел дальше.
- Раз я девчонка, то и красота моя неопишима.

В детстве в городе Рыбинске купаться мы бегали каждый день. Нырjali с плотов, привезенных буксирами на дрова. Нырнул однажды, не оценив глубину, и почти сразу же ткнулся головой под углом в песчаное дно. На песке — канава, на лбу — царапины, а шея — не знаю, как и выдержала.

А вот еще случай. Тоже на воде. Мне как-то приглянулось, что некоторые парни не просто ныряют, а ради форса делают сальто назад. Я попробовал. Со временем стало получаться. Шли выпускные экзамены в школе. А купаться отправились с определенной целью — нырять с полузатопленной железной баржи. Вода была относительно высокой и борт баржи был близко к уровню воды. Чтоб сделать сальто, пришлось забраться на кнехт. Кнехт чуть дальше от края, и после переворота я по касательной задел головой борт баржи. Первое впечатление, когда вынырнул, — застывшие испуганные лица. Последние экзамены сдавал с перебинтованной головой. Шрам до сих пор.

Еще момент. Я уже работал и занимался в аэроклубе. Однажды там списали вертолеты, а запчасти, еще не тронутые, но уже ненужные, лежали в ящиках на улице. Мне приглянулся костыль — маленький задний амортизатор, и я унес его для изучения. Зажал в тиски на работе и стал развинчивать. Что произошло, я осмыслил только потом. Что-то возле головы свистнуло, шелохнуло воздухом волосы и с треском врезалось в бетонный потолок. Придя в себя, я нашел на костыле предостережение: заряжено воздухом 40 атмосфер...

А другие случаи или авария на «Яве»? Ну как тут обошлось без ангел-хранителя? Но это тоже ведь не грани риска. Не правда ли?

Опять возвращаюсь к тому, что риск — это осознанное действие. Когда начинает работать адреналин. Когда от страха или паники подкашиваются ноги, а какая-то сила азарта толкает тебя в голову или в зад. И оно, это толкание, пересиливает. И тащишь свои подкашивающиеся ноги к чему-то уже намеченному и пока неопределенному, но точно знаешь, что обратного пути не будет. А иначе не стоило бы и браться. Вот теперь я пишу и вспоминаю, конечно, маршруты. После одного из порогов на Оби-Хингоу, помнится, кто-то довольно точно сказал: «Да... Прошли только на самолюбии».

Может показаться, что кульминацией впечатлений является переворот плота. Увы, в этом плане мне не повезло — участвовал всего в паре бездарных, нетехнических оверкилей.

- *Если все время соблюдать тишину, то можно оглохнуть от шепота.*
- *Мы играли в шахматы до первой крови.*
- *Мы ходили с папой на охоту и видели там настоящую корову.*

По реке Чая мы шли на волейбольных камерах. Камеры — в двух продольных матерчатых гондолах. Проходили очередную шиверу, точнее — длинный неглубокий пережат, а веревки, крепящие одну из гондол, пережались. Пережат кончился, пошла более полная вода, и гондола начала смещаться к противоположному боку. В итоге на одном борту собралась пара гондол, а на другом — ничего. Мы откреняли свое судно изо всех сил, висели как яхтсмены на трапеции, но крен рос и вскоре стал критическим. Вода уже спокойная. Берег рядом, а плот неспешно сбрасывает нас, шмотки рассыпью, и позорно переворачивается.

Другой дурной оверкиль — на Риони. И струя была, и ишачка на гребях, но мы все-таки вмазали! Прохлопали и вмазали в бетонный бык моста. Можно ли в таких случаях говорить об адреналине — сомневаюсь.

Однако отрицательный результат тоже дает немало впечатлений и переживаний. Особенно если эти переживания тянутся во времени на час, на день. Я имею в виду тупиковые ситуации и последующие обносы плота.

Самый первый и запомнившийся обнос — порог Базыбай. Река Казыр, первая пятерка, показывала нам, что читать струю и творчески к этому подходить мы еще не умеем. Вдобавок ко всему дошел до нас слух, что в Базыбае погибли трое челябинцев. Спасатели уехали за день до нашего появления, поставив как предостережение за сто метров до порога огромный деревянный крест. На штурм порога мы не решились.

Еще обнос — на реке Бий-Хем. Дерево перегородило основной поток. Сбросить его не удалось, и вариантов не осталось.

И все-таки, все-таки адреналин... Это что? Я заглянул в энциклопедический словарь: «Гормон... Медиатор нервной системы и т.д.». Вот как в науке — просто до непонятности, неинтересно и приземленно. Все не так. На мой взгляд, адреналин — это ощущение. Мера ощущения в момент, когда мандраж переходит в борьбу и победу. И уж пару-то случаев я точно припомню, когда и как это было.

Маршрут по реке Чая, мое первое руководство пятеркой, заканчивался по большой воде. Порог Слепой, или Горло, открылся из-за поворота неожиданно. Посередине реки кипели гигантские коричневые валы. Они приближались с огромной скоростью, и, несмотря на наши усилия, плот затягивало в самый центр струи. Когда плот оказался во впадине перед первым гигантом, чтобы оценить его полностью, пришлось поднять голову. Остальное трудно вспомнить. Все делалось автоматически.

- *Четыре собачьих точки опоры.*
- *Я задумался наперекосяк.*
- *Присвист вдохновения.*
- *Пресно-сладкая вода.*
- *Премудрость совести.*

Вал накрыл весь плот до кормы. Когда мы вынырнули с другой стороны его, у меня уже не было гребя, остальные, мокрые, откренивали осиротевший плот. Гребь уносило в соседнюю струю.

Большой вал, следовательно и порог, мы протаранили. Дальше волна слабее, и, будь плот управляемым, можно было бы войти в хорошую воду. Наш же бедный плот несло неудержимо главной струей по самой середине валов. На относительно спокойных участках стараемся прибиться к берегу. При таком течении это практически невозможно. Но мы упорно машем одной гребью и байдарочным веслом с кормы — лишь бы не сидеть без дела. Снова слив в самой середине валов и снова круги на плоту с одной гребью. Сейчас эта сцена вспоминается с улыбкой, тогда же мы были в растерянности.

Сколько же можно плыть по этому многоводью! Чая впадает в широченную Лену, Лена — в океан. Скоро ночь... Фантазия добавляет красок. Вал за валом, слив за сливом, никто не считал километры.

Неожиданно справа возникла красивая скала — жандарм. Ориентир очередного порога. Ура! Неужели повезло? Ведь это должен быть Сторожевой — порог с двумя мощными уловами-водоворотами справа и слева от основной струи. Проносимся мимо жандарма. За ним сразу правый улов. Однорукий плот проскользил по краю водоворота. Не прихватило. Мощная струя тащит его дальше. Левый улов сильнее. Его струя уходит далеко вдоль берега против течения. Плот подносит к краю левого улова, несколько раз ударили единственной гребью, и... нос тормознулся. Затем весь плот повернулся влево и нехотя стал отходить от струи. Нельзя было упустить эту возможность. Кто-то с веревкой по грудь в воде уже пробирается к скалам! Вот он влез на них и уже тянет корму! Наконец и плот возле скал, за стремительной струей, за сливами и камнями порога. Все! Вот он — адреналин!

Я сомневаюсь, что мне удастся полностью и достойно сделать описание следующего эпизода, несмотря на то, что он четко сохранился в памяти и память обращается к нему довольно часто. Последние дни сплава по Оби-Хингоу. Позади интегральный прижим — место переворота плота и гибели Виктора Брежнева, первооткрывателя памирских рек. Памятник из трех вертикальных гребей.

Перед нами только что переломленные пополам шесть труб нашего дюралевого плота. Впереди мощный и плохопредсказуемый порог. Порог, о прохождении которого никаких данных найти не удалось. Возможно,

его еще никто не проходил, ведь за порогом до Комсомолабада менее двадцати километров — пара часов сплава — и относительно спокойно. Вдоль берега дорога.

Нас человек двенадцать. Второй плот еще жив. Но настроение — полный минор. Все разговоры сводятся к одному: хватит, финита ля комедия. И действительно, где-то в глубине сознания хочется, чтобы нашлась причина покончить с этой нервотрепкой, чтобы ни в какой порог больше не идти и дурные предчувствия чтобы сменились бесшабашной радостью. Ну где же найти эту причину и достойно закончить маршрут? Странные мысли, не правда ли? И каждый выражает их по-своему. Кто категорично, кто полуютверждающе, кто философски.

И вдруг чей-то прямой вопрос ко мне: «А ты пойдешь?» Нет времени на раздумье. Идти — ни малейшего желания. Настроение гадкое. А как же быть с авторитетом? Сколько раз тебе доверяли, ангел-хранитель берег и удача сопутствовала! «Да, пойду. Если будет команда», — сказал я спокойно, но с небольшой надеждой, что еще желающие идти вряд ли отыщутся. Вопросов больше не последовало. А вечером мне с лукавой улыбкой сообщают, что трое желающих уже есть! Что ж, рубикон перейден.

Дополнительная разведка показала, что пройти порог в принципе можно, если четко выполнить сложный заход, сильно отработать от навала на две каменюки величиной с троллейбус и удержаться в последних валах и сливах. «Гладко было на бумаге». Это мы поняли уже через несколько секунд после отчаливания. Река стала брать свое.

Косые валы никак не давали нам выйти на намеченное направление. Плот нырнул с незапланированного слива, врезался в мощный стояк с петухом. Корму забросило, и плот повернуло на 180 градусов. Полная импровизация. Работать! Успеть развернуть плот. «Троллейбус» уже близко. Но постоянно приходится страховаться за настил, иначе сбросит. Снова слив. Мы невольно и с радостью повторяем маневр. Плот наконец развернут правильно! А «троллейбус» мчитя прямо на нас! Последние частые гребки. Кто-то нам все-таки помогает — то ли струя невидимая, то ли кто-то, тоже невидимый, наверху. И... плот, даже не коснувшись, как по треку, проходит впритирку мимо каменной громадины!

Вот они, секунды радости, секунды счастья, которых так долго ждешь! Вот она, госпожа удача! Вот он, звездный час! Вот он, адреналин!

А дальше... Мощные сливы, хитрые зубья — все на автопилоте и энту-

- *В ключья разбитое сердце.*
- *Бесконечно длинный миг удачи.*
- *Программа неудач.*
- *Прыжки для разбега.*
- *Непонятная доходчивость.*

- *Умывался до прозрачности.*
- *В нашем классе юмор юморнее, чем в 7 «б».*
- *Он сеет разумное, чтобы выпендриться.*
- *У нашей дурочки безумная красота.*
- *Просидел на голове и на штанах.*

зиязме. И все предельно правильно. Пристали за шиверой в конце порога. Мокрые, но довольные сошли на берег, скинули жилеты. Холодно не было, но меня стала бить дрожь...

— Подходи по одному! — кто-то из нас снял каску — самое сухое место, вынул оттуда спички и пачку «Примы». Ну что может быть прекраснее таких минут, господа?!

На реке Лаба

Вспоминая прошлое

Не правда ли, это странно. Туристское прошлое вспоминается довольно часто. Но отнюдь, и не знаю почему, совсем не экстремальное. Возможно, потому, что экстремальные события, хоть и самые достойные, ну уж так похожи друг на друга. А может, потому, что все обошлось? Каждый маршрут остался в памяти какими-то штрихами. И порой непонятно, почему именно ими.

Вот река Чая, мое первое руководство пятеркой. Сложная заброска челноком, валы большой воды, дурацкий оверкиль. А в памяти чаще — оставленная на стоянке гитара, побывавшая в воде впервые взятая кинокамера, поломанный бамбуковый спиннинг, самодельные ложки.

Плывем по Балыктык-Хему. Наконец-то ненаселенка! Уставное причаливание. Я ухожу в прибрежный лес и... нахожу там бумажный рубль!

Каа-Хем. Спрашиваем местного: «Почему порог Бахаревский?» — «Так Бахарев потонул...» А дальше еще Панфиловский, Васильевский...

Каньон Стрелка — кульминация Каа-Хема. А в памяти — целый день разведки. Вверх по тропе, затем по курумнику на сто метров вниз к воде и снова вверх на протяжении семи километров. Я настолько измотался, что перед лагерем ноги в гору уже отказывались подниматься, и я брался за штанины и помогал переставлять их руками. Но плот прошел без разгрузки.

- *Простыл всей наружностью.*
- *Завтра еду участвовать в соревновании между мной и ими.*
- *В моей жизни наступили большие перемены, по сравнению с прошлыми большими переменами их стало больше.*
- *Наши оценки лучшие во всем нашем районе.*

«Эй вы, дороги, дороги, с древнею пылью дороги...» Но это не про нас. Аранецкая тропа. Приполярный Урал. Подходы к реке Вангыр — многокилометровая топь, болотина. Слупни сплошь покрывают рукава штормовки. В награду — вершина Сабля и хрустальные жилы и друзья при спуске.

Довольно нервным был маршрут по Риони. Нам не везло — постоянно рвались автокамеры. После очередного крупного ремонта Бося, руководитель, взял пузырек с резиновым клеем и зашвырнул его с железными словами: «Еще раз порвемся — сходим с маршрута». Мне с трудом удалось этот пузырек отыскать, и маршрут мы завершили полностью и с достоинством.

В Кызыле на базаре каждый год на одном и том же месте видим старушку. Продает кучками золотой корень и своеобразно рекламирует: «Вот вы здесь живете и ничего не знаете, а товарищ из Москвы на пять рублей взял».

Река Катунь. Гигантские высоченные валы, в которых только и орешь: «На вал! На вал!». И нет других команд, лишь бы не стать к этому валу лагом.

Или хитрый Тель-дек-пень — цепь мощнейших водоворотов. Даже на краю воронки корму так прихватило, что плот остановился и на треть ушел под воду. Более ярким воспоминанием было все же другое, в базовом лагере. Хлестанул дождь, треснул несколько раз гром. Потом все стихло. Выглянули из палатки — в нескольких метрах от нас горит дерево. Воду таскали из-под горы в полиэтиленовых пакетах. Но с огнем справились. Несколько кадров даже вошли в фильм.

Кстати, о фильмах. Вспоминается опять не то, что когда-то отмечено призами... 1980-й год. Союз принимал Олимпиаду. Тема эта была козырем для любого сценария, в том числе и для нашего, на реке Кызыл-Хем. Придумок была масса. Факел зажигали на высоком плато от сферического зеркала, такого, как на лбу лорврача. Затем пробежка с огнем к лагерю... На трех вертикальных перекрещенных длинных шестах — сковорода с ветошью в бензине. Факел — жестяная банка на ручке — дотягивается до края сковороды, и... вот он, наш олимпийский огонь, который будет сопровождать множество состязаний и придумок! «О спорт, ты радость!»... Все рухнуло разом: очередная неудача при проявке.

Таджикистан. Пристали плотом недалеко от кишлака. Я занялся мелким ремонтом. Набежали пацаны — им все любопытно. Пришел аксакал, сел невдалеке, долго смотрел и вдруг спросил, могу ли я починить

- *Мы боремся с красивыми девчонками, чтобы повысить успеваемость*
- *На первом вираже я его обогнал, на втором — он меня, потом виражи кончились.*
- *Вместе с высотой и шириной я рос еще и мозгами.*

ему будильник. Часы он вскоре принес, и я их сразу разобрал. К моему удивлению внутри было все на месте и работало. «Дед, в чем же дело?» — в свою очередь спросил я. — «А я его плохо слышу!»

В привокзальном скверике Абакана поздно вечером разбили палатки с тревожной мыслью, что утром нас отругают. И вот ни свет ни заря действительно будит мужской голос: «Эй, вставай!» Высовываюсь из палатки, тот же голос: «Дай стакан».

Лыжный поход по Южному Уралу. Разогнался с горы, пролетел кубарем, зарылся в сугроб. Выбираюсь. Перед носом — мои шерстяные носки. Первая бессвязная мысль: оторвалась подметка и... меня разуло? Щупаю — ноги и ботинки целы. Оказалось: разорвался карман рюкзака и вылетели запасные носки.

Тува. Вечер. Середина маршрута. «Ничего не могу понять, — громко и сердито недоумевает Баженов, — с самого начала меня преследует запах дегтя!» Пришлось объяснить, что, следуя одному из многочисленных советов туристам, я купил в аптеке пузырек дегтя и намазал им свои ботинки. Чтоб не промокали.

Река Риони. Вблизи лагеря двухметровый фонтан нарзана. «Мужики, пейте, пейте! Чтобы дорогу оправдать».

Перекат за перекатом — река Агул. Идем под дождем. Боб для сугрева хлещет спиннингом. Леска натягивается, затем мечется из стороны в сторону. «Ой, мама! Таймень!» Да такой, что вытащить удалось, только оглушив его дробью.

А кому приходилось плыть на плоту ночью? Нет, это не бред. Шли мы плотом и байдаркой. К концу дня послали байду вперед присмотреть место к ночлегу. Вечер, сумерки, ночь. На берегу ни людей, ни костра. И мы плывем. Вода черная. Луна сзади, и перед нами желтая лунная дорожка. Потрясающе красиво!

На реке Оби-Хингоу к лагерю подошел таджик. Когда его спросили о достопримечательностях, сказал, что недалеко на берегу есть могила Хрущева. Мы не стали удивляться и уточнять, так как поняли сразу, что, во-первых, не Хрущева, а Брежнева, а во-вторых, не того, а Виктора Брежнева, первооткрывателя памирских рек, погибшего именно в этом месте.

Есть и другие интересные воспоминания, порой довольно хлопотные. Мы собирались впервые в пятницу на Казыр. Это был конец июня 1967 года. А 30 июля — День Военно-морского флота и в аэроклубе меня запланировали для прыжков на воду. И то и другое почти одновремен-

но, неповторимо и восхитительно. Было принято почти соломоново решение: группа уезжает, захватив мой рюкзак, а я — как бог пошлет — постараюсь налегке их догнать. В полном восторге прошел праздник флота. Прыгали на Волгу! А с утра — сумасшедшая гонка. Почти по графику прибыл в московский аэропорт. Самолеты задерживают. Переночевал в садике на лавочке. Потом самолет — поезд — такси. Путь Ярославль — Нижнеудинск махнул ровно за двое суток. Группу застал уже на аэродроме.

Но один эпизод я всегда вспоминаю с чувством вины и благодарности своему ангелу-хранителю. Год 1966-й. Мы заканчивали маршрут по реке Агул. Вода была большая, река полная. Шли быстро, и через несколько часов должен был показаться поселок — конец похода. Но это значило и другое, и это мы знали: в поселке паромная переправа и через реку, стало быть, натянут трос. Витя, руководитель похода, все чаще стал вспоминать про него, нервничал и наконец скомандовал грести к берегу. У меня это вызвало непонимание и чувство протеста — зачем терять скорость у берега. А если трос действительно будет мешать, то его можно перекинуть через плот шестом. Я с трудом убедил команду, начальника и нашел шест. Вот показались причалы на берегу, и между ними обозначился трос. Плот шел по быстрине в месте максимального его провиса. И чем ближе подходили, зазор между тросом и водой казался все меньше и меньше. Я взял шест и встал наизготовку на носу плота. Команда, поняв бессмысленность моей затеи, принялась отрабатывать к берегу. А я, удерживаемый самолюбием, сначала с удивлением, потом почти со страхом таращился на приближающееся препятствие. Висел трос сантиметрах в 60 от воды, а толщина его росла ежесекундно — миллиметров 40, не меньше. А я собирался противостоять ему своим диким упорством и деревянным шестом...

Трос, даже не качнувшись, кинул меня от носа к корме, уложил заодно команду, прошелся по рюкзакам, скинув с них все лишнее, задел заднюю подгреблицу, но не сломав ее, а просто притопив, снова безмятежно остался висеть, дожидаясь новых приключений. До сих пор, как наяву, вспоминаю этот эпизод со страхом и чувством вины. А если бы вода была чуть выше?..

Среди сброшенных с рюкзака вещей оказался мой фотоаппарат. Начальник ругать меня не стал, видимо, посчитав, что я и так наказан и материально, и морально.

- *Настроение уже хорошее, а погода еще плохая.*
- *Снежинки порхали над полянкой и с шумом падали вниз.*
- *Взаимно-вежливое обзывание.*
- *В первый раз я выбежал на дистанцию с высоко поднятой головой и низко опущенными глазами.*

- *На внеклассных уроках мы занимаемся классными работами.*
- *Скоро кончится зима и начнутся переменные условия тренировок.*
- *В этом году «Гран-при» посадили в лужу*

По страницам водных отчетов

- «Как потом оказалось, 14-километровый участок порогов, который только что прошли, — самое сложное место на маршруте. Это нас очень расстроило» (Фальков, Косьва-81).
- «Выход на берег можно производить на оба берега» (Завьялов, Чирка-Кемь-82).
- «Ослы и местные жители беспокоят мало. Воровства нет. Много пешеходников» (Рыбинск, Лаба-81).
- «Самое главное заключение, которое можно сделать из опыта прохождения маршрута, — это неточность карты» (Назаров, Молога-83).
- «Последнюю ночевку посвящаем отдыху — купаемся, загораем» (Попов, по Ленинградской обл.).
- «Через три часа нудной работы появляются места, где можно встать на обед. Используя эту возможность, мы через 20 минут влетели в шиверу полтора километра длиной» (Сысоев, Кожва-84).
- «Утром к группе подъехал рыбак на лодке и попросил его похмелить. После отказа он дал ложную информацию о направлении движения» (там же).
- «Место для стоянки, где мы встали на ночевку, залито водой» (Говорова, Ока-84).
- «Вечером пошел дождь на всю ночь. Вода продолжает падать» (там же).
- «Следует сказать еще об одном препятствии, о котором стыдливо умалчивается в отчетах. Это местные жители» (Куницын, Алазань-84).
- «Дно устилает мелкая галька, песок. Вода мутноватая, особенно у свиноферм» (там же).
- «Единственным порогом на реке, на котором была проведена разведка, был Лузский порог. Это связано с тем, что между первой и второй ступенями порога был хороший клев» (Завьялов, Илекса-85).
- «Баня сделала свое дело, и среди участников похода был хороший эмоциональный настрой. Хороший настрой помог выполнить и вторую задачу — осмотреть Б. Ильинский порог» (там же).
- «Весла были снабжены непотопляемостью» (Королев, Юж. Буг-82).
- «Катамаран пытался оказать помощь, но гребец сам байдарку быстро поставил на киль и сделал самоспас» (Кузнецов, Катунь-86).

- *Читал правила по ориентированию: теперь знаю, где обманывать.*
- *Трудные задания я делю на два этапа: легко делаемые и легко списываемые.*
- *Разные ботинки, зато ноги одинаковые.*

- «Собака «уносит» один килограмм масла» (Савельев, Кубань-80).
- «Прошли несколько шивер и дошли до озера Шуанда. На шиверах все побились, особенно «ЯрПиво», экипаж которого после последней шиверы отливался каждые 500 метров и все же дотянул до выхода из озера» (Марков, Писта-98).
- «Мы с Любой быстро выбрали линию движения и решили идти. Впечатление незабываемое — скачешь по валам, как молодой козел» (там же).

Захочешь — не придумаешь

(Сам не видел, но слышал и верю)

Группа Блаженнова шла на Алтае по косягу — берегу реки. Метрах в пятидесяти увидела медведя, который, поедая малину, шел в их сторону. Вверх-вниз не пройдешь, назад не хочется. Начали пугать косолапого: стучать по котелкам, кричать и т.п. Медведь не замечал. Тогда кого-то осенило: встал на четвереньки и панически залаял. Медведь ушел.

В городе Лабытнанги жара. Начальник железнодорожного отдела милиции выходит на крыльцо: «Что это сегодня мух так много?!» Потягивается и замечает, что под его окном с открытой форточкой туристы сушат сувениры — большие щучьи головы. —?! Немая сцена...

Боб попросил порулить задней гребью. Проходя по-пизонски впритирку мимо камня, он хотел отвести корму всего одним гребком. Да гребнул не в ту сторону. Плот снимали с камня до вечера. А сколько с него уплыло всего!

На Памире жарко. Буклей решил обрезать брюки до длины шорт. Сделал это профессионально. Но когда надел, то ниже коротких штанин свисали два длинных брючных кармана...

Группа туристов вышла к железной дороге. Светка и Стас пошли на вокзал отправлять телеграмму: «Маршрут закончен. ШМИТ».

- Что за подпись? — спросили из окошка.
 - Это сокращение, — разъясняет Света. — Школа младших инструкторов туризма.
 - Не положено, пишете полностью.
- И тут вмешался Стас:
- Чего тут непонятного? Шмит — это я, я!
- Вопросов из окошка больше не последовало.

- *Я бегал на тренировке до бесконечности, поэтому через пять минут я выдохнулся.*
- *У меня замкнулась дисциплина, от этого и синяк под глазом.*
- *Спортзал — это место, где используют соковыжималку на человеке*

На горячем источнике в Забайкалье налили с собой целебной воды. Когда позже стали расплавиваться с шофером, то по ошибке отдали вместо спирта бутылку с этой вонючей водой. Утром спохватились и ужаснулись.

Байдарка со смешанным ярославским экипажем кильнула в завале и ее протащило под упавшими деревьями. К берегу подплывали автономно.

- А ты что из воды не вылезает? — спросил Стас девчонку.
- Отойди! С меня трико ветками стащило.
- Не переживай. Я очки утопил.

После ужина Бося и Санька, его младший, ушли в палатку и быстро заснули. Боська, как обычно, захрапел. Но на этот раз так колоритно, что Санька вскочил и, сидя в полусне, что-то соображал. В свою очередь проснулся и Бося:

- Ты что, сынок? Ты что?
- А мне показалось... Мне показалось, что трактор заводят.

Олег как-то рассказал, что встретил на Кавказе тургруппу, в которой шел парень с чемоданом. Чемодан был на лямках — на базе не хватило рюкзаков.

Фразы

- Юмор в походе заменяет калории.
- Тяжело в походе, но еще тяжелее без него.
- Турист, как правило, живет дольше человека.
- Скажи, как ты отдыхаешь, и я скажу, кто ты.
- Если туризм мешает работе, нужно работу бросить.
- Не то золото, что блестит, а которое легче нести.
- Отдыхают все по-разному: по-активному, по-праздному.
- Если тебя водят за нос, можно ли считать это экскурсией?
- Турпоходы обладают тем преимуществом, что после них любая работа покажется отдыхом.
- Хорошие туристы дома не валяются.
- Путник ослаб. Ему осла б.
- Главное в профессии туриста — вовремя уйти.
- Лучше передохнуть, чем передохнуть.
- Наш девиз — не падать вниз.
- Выражение «вокруг света» относится также и к абажурам.
- Не каждый, кто выходит один на дорогу, — поэт. Может быть, это турист.
- Рюкзак — понятие растяжимое.

- *У меня природное разгильдяйство, а природа ошибок не делает.*
- *Лыжи я сломал в борьбе за сидячее место в трамвае.*
- *Скорей бы лето! Хочется упасть в зеленую траву среди белого снега.*

- На пятой точке земной шар не объедешь.
- В комарах течет туристская кровь.
- Игнорировать сухой закон — перевернуться на байдарке.
- Если у костра поют — это туристы, если разводят руками — это рыболовы.
- Хорошо после баньки, особенно первые два месяца.
- Легче один килограмм в животе, чем сто граммов на спине.
- Рюкзак — тяжелая необходимость.
- Лучше переесть, чем недоспать.
- На юг обычно стремятся те люди, которые недостаточно устали за одиннадцать рабочих месяцев.
- Комар — насекомое, созданное для того, чтобы внушить нам любовь к мухам.
- Самого сильного в походе ставь последним, он будет подбирать брошенные другими вещи.
- Лучше плохо ехать, чем хорошо идти.
- Не пытайся с большим рюкзаком догнать уходящий поезд. Все равно одно из двух придется бросить.
- Метод ориентирования: «Скажите, пожалуйста».
- Горный турист — человек, зимующий летом.
- Лучше привал, чем перевал.
- На развилке двух дорог даже собака теряется.
- Пришивая пуговицу, поверни верхнюю дырочку на север, тогда нижняя укажет на юг.
- Греблом грести — не колом трясти.
- Туристов пьянили не столько походы, сколько привалы.
- Турист-дикарист.
- Если бы я был вершиной, то покорялся бы только альпинисткам.
- В начале похода у туриста голова всегда движется впереди ног.
- Верх скупости: не поделиться впечатлениями о походе.
- В туристском шалаше и без милого рай.
- Отчего так мало места на вершине Эвереста?
- Дальше едешь — тише будешь.
- Все проходит. Даже туристы.
- Команда: «Курс прежний, ход задний».
- Чем больше вы съедите, тем легче будет ваш рюкзак.
- Умей найти дорогу и без дороги.

- *Мысль о хорошей погоде капала мне на мозги.*
- *Скорей бы соревнования, хоть отдохнуть от тренировок!*
- *Весной природа просыпается вместе со звериной спячкой.*
- *Сашка, ты Таньку любишь? — Нет. — И я нет. Вроде и отлупить не за что!*

- Рюкзак — злейший враг в походе и друг на привале.
- Чем больше выйдет пота, тем больше войдет впечатлений.
- Чем дальше в лес, тем ближе к предкам.
- Хорошо смеется тот, кто первый достигает вершины.
- От малого до великого — один туристский поход.
- Автомобиль — не роскошь, роскошь — место в мотеле.
- Турист шел по меридиану и спотыкался о параллели.
- Маршрут был по плечу, а не по карману.
- Удивительное рядом, но за горизонтом все же интереснее.
- Комар был кровно заинтересован в приезде туристов.
- Умный в гору не пойдет, умный гору обойдет.
- Женщина в горах — не роскошь, а аварийная ситуация.
- Когда сыт, вокруг все красиво.
- Обед покажется вкуснее, если его готовить реже.
- Нет необходимых карт? Будем считать себя первопроходцами.
- Горы можно свернуть. Но куда их складывать?
- Со дна пропасти и края кажутся вершиной.
- У достигшего вершины есть оправдание: дальше идти некуда.
- На каждой вершине мы над бездной.
- Ездил, чтобы изучить жизнь, а изучил расписание движения поездов.
- Держись! До лагеря четыре веревки.
- Альпинист — тот, кто покорил гору. Турист — тот, кого покорила гора.
- Вода очень важна. Не будь ее, мы бы не научились плавать и все бы утонули.
- Гора с горой не сходится — опять ремонтируют канатную дорогу.
- Отпускники! Южный берег есть и у северных морей.
- Турист по одному и тому же месту путешествует трижды: в мечтах, в действительности и в воспоминаниях.
- В голове туриста ветер всегда попутный.
- Когда гора не пошла к Магомету, родился горный туризм.
- А знает ли вершина, что она покорена?
- Надо быть туристом, чтобы чувствовать себя в дороге, как дома.
- Как хочется отвести душу за городскую черту!

- *Бегать быстро, далеко прыгать и притом быть умненьким — это роскошь!*
- *Чистой воды муть.*
- *Дайте мне слово: ура!!!*
- *Я присмотрел ошибку.*

- Мимо, весело гремя карабинами, пронеслась вниз связка альпинистов.
- Альпинисты — они как яйца: либо крутые, либо всмятку.
- Дороги хватит на всех.
- Промочил ноги — промочи горло.
- Погода распогаживалась: становилась все гаже и гаже.
- В походе все стерильно: микроб от грязидохнет.
- Из опыта походов: есть надо много, но часто.
- Что важнее знать: куда дует ветер или откуда?
- Вечная погоня за отдыхом изматывает.
- Хотели как лучше, а вспотели как всегда.

Бестолковый словарь

Туризм — изучение географии при помощи ног.

Турпоход — отдых на ходу.

Вегетарианец — турист, съевший последнюю банку тушенки.

Альпинист — верхогляд.

Рюкзак — филиал магазина «1000 мелочей».

Дождь — спутник туриста.

«Ау» — позывные беспроволочной связи.

Песня — простейшее средство для выживания из вагона попутчиков.

Компас — прибор для потери ориентировки.

Шалаш — первое топорное сооружение.

Чайник — кличка начинающего туриста.

Облако — вода на седьмом небе.

Ледоруб — палка о трех концах.

Горы — очаг горной болезни.

Спелеологи — это те, кто вернулся обратно в пещеры.

Альпинизм — это пешком в космос.

Этимологический словарь

Мироед — человек, совершающий кругосветное путешествие.

Потоп — пеший турист.

Шатен — подвыпивший отдыхающий.

Бредень — турист.

Косуля — сильно выпивший.

Язычник — турист без путевода, находит дорогу с помощью языка.

Скалиться — заниматься альпинизмом.

Подушиться — принять душ.

- *Приземлился об землю.*
- *Не приставай ко мне, а то замолчу.*
- *Меня вытолкнули за дверь для определения места в жизни.*
- *Самолет сделал посадку и прекратил шевелиться.*
- *Гром с манной небесной.*

Горемыка — горный турист.
Скалозуб — альпинистский крюк.
Полицейский — альпинист, неоднократно побывавший в альплагере «Цей».
Чистоплотный — путешествующий только на плотах.
Весельчак — гребец.
Маринад — прогулка по морю.
Пиковая дама — альпинистка, покорившая не один пик.
Пойти по миру — заняться туризмом.
Паломник — турист образца XVI века.
Непутевый — турист без путевки.
Радиоактивность — туристы с транзисторами.
Аукцион — прогулка в лесу.
Сосняк — тихий час.
Непутевый — турист, не умеющий выбрать дорогу.
Ломбард — непопулярные авторы-исполнители.
Вездеход — турист.
Спиннинг — рюкзак.
Супермен — любитель супов.
Поясница — экскурсоводша.
Ельник — рот.
Пеньюар — бабаб, спиленный на юге Африки.
Самогон — велосипед.
Сноубордисты — барды, досидевшие на Грушинском фестивале до декабря.
Неряха — тонкое одухотворенное лицо.
Вареник — повар.
Веснушка — подснежник.
Пригубить — поцеловать.
Облепиха — рой комаров.
Рыло — лопата.
Спичка — маленький тост.
Подводка — закуска.
Горилка — костер, свечка.
Лягушка — строптивая лошадь.
Бархан — директор бара.
Валун — сильно выпивший человек.
Обвинить — спаивать.
Перепой — конкурс песни.

Изверг — вулкан.
Архимед — врач высшего ранга.
Антилопа — отсутствие аппетита.
Неделя — лентяй.
Тамбурмажор — веселые песни в поезде.
Ассортимент — милиционеры разных званий.
Монастырь — вор-одиночка.
Сплетня — корзина.
Хамелеон — почти хороший человек.
Крохобор — небольшой сосновый лесок.
Парень — любитель попариться.
Дерюга — деревенька на берегу Черного моря.
Параноя — двое из ковчега.
Пустозвон — каникулы в школе.
Простодушно — жарко.
Вранье — рано утром.
Капельмейстер — мастер разлива.
Деньжонки — день женки.
Развезло — таксист.
Оголтело — нагишом.
Садизм — движение за озеленение.
Тычинка — указательный палец.
Утконос — охотник, возвращающийся с охоты.
Облицовка — борода.
Дышло — легкие.
Верхогляд — астроном.
Наследник — гость с невытертыми ногами.
Заваруха — чай.
Противень — несогласный с руководителем.
Хахаль — насмешник.
Бибигон — авторалли.
Угрюм-река — река с промстоками.
Матрос — усиливающаяся ругань.

По поводу и без

- Неорганизованный туризм: кто в лес, кто по дрова.
- Туристский сезон был не за горами.
- Турист был легок на подъем.
- Тянуть туристскую лямку — одно удовольствие.

- Крылья радости меня не держат.
- Директор сделал мне ответственное замечание.
- Перестрелял всю тетрадку.
- Моей прическе надоело лежать и она встала дыбом.
- Таких, как ты, надо стричь и мыть.

- Как мы будем тренироваться, теоретически?
- Мое чувство обманули, но меня не проведешь.
- Мы любили друг друга безответной любовью.
- Любовь сложна и проста, а также легкомысленна.
- Я не любил потому, что сразу разочаровался.

- «Не пейте сырую воду», — кипятился турист.
- В поисках места под солнцем совершил не одно кругосветное путешествие.
- В голове туриста был ветер странствий.
- Участники конного маршрута были плохо подкованы.
- Столовая турбазы давала обильную пищу для размышлений.
- Осмотр действующего вулкана проходил на нервной почве.
- У кого от кругосветного путешествия не закружится голова!
- Держал жену в черном теле: ежегодно посылал на юг.
- Некоторые туристы и в пустыне могут наломать дров.
- Подводных камней было столько, что пришлось мелко плавать.
- Иногда и пешим путешествиям ставят палки в колеса.
- И в туризме можно стоять на месте.
- И на равнине можно горы свернуть.
- Полем его деятельности была тайга.
- И прямой маршрут может оказаться зигзагом удачи.
- И на сухопутном маршруте можно получить море впечатлений.
- План путешествий по пустыне оказался построенным на песке.
- На горные восхождения спелеолог смотрел свысока.
- Лезть в пещеру? Я выше этого!
- Никто не проявляет своих чувств так откровенно, как комары.
- Горел желанием побывать на полюсе холода.
- Альпинистов устраивало пиковое положение.
- Дела туриста пошли в гору: он стал альпинистом.
- Им было легче свернуть гору, чем овладеть вершиной.
- Изобрели рюкзак — рукам дали волю.
- Все картографы мыслят масштабно.
- Восхождение было головокружительным, падение — головолomным.
- Туристская тропа многих выводит в люди.
- Борцы за место под солнцем, вас ждут пустыни!
- Поворачивают реки вспять, чтобы не плыть против течения.
- Его поймали на слове, которое он написал на памятнике архитектуры.
- Участники похода так небрежно хранили карту, что на ней появились белые пятна.
- Интересно, нарушится ли экология, когда не станет козлов отпущения?

- Мужайся, я тебя опять полюбил.
- Любовь на доверии.
- К любви все возрасты преклонны.
- Отсутствует наличность лица.
- У меня знания вышли, а я осталась.

- В пригородном лесу не ступала нога человека — там ездили на машинах.
- На земле не осталось белых пятен — все испачкали.

Кроме шуток

- Интерес к живой природе возрастает по мере ее исчезновения.
- Природа возьмет свое. Если успеет...
- Наконец-то перед природой поставили гамлетовский вопрос.
- Когда ученые разгадают язык животных, много ли мы узнаем о себе лестного?
- Мы не можем ждать милостей от природы, пока сами ее не помилуем.
- Чем больше мы познаем природу, тем меньше ее остается.
- Лес — твой друг. Заруби это на носу, а не на сосне.
- Лес рубят — книжки летят.
- Пням еще долго слышится шелест листьев.
- Не опишешь пером всего, что вырублено топором.
- Берегите аистов! Если их не станет, что мы будем говорить детям?
- Поверхность воды была настолько загрязнена, что на ней можно было писать вилами.
- Когда-нибудь человек будет уничтожать оазисы, чтобы сохранить кусочек пустыни.
- Мы уже взяли столько милостей от природы, что вернуть их — наша задача.
- Сначала на планете исчезают белые пятна, потом зеленые.
- Не надо делать из Красной книги собрание сочинений.
- Среда окружает нас, но и мы ее обложили.
- В споре человека с природой родилась окружающая среда.
- Охрана окружающей среды — дело всех, окружающих ее.
- В природе ничего не исчезает, а просто заносится в Красную книгу.
- Охрана животных — дело не столько рук человека, сколько ног самих животных.
- Естественный отбор в природе теперь проводит человек.

- С иностранным языком все покончено: я никуда не еду.
- Грамоте не обучен, поэтому и пишу на мятой бумаге.
- Загляните ко мне в душу, там бьется породистое сердце настоящего друга человека.
- Просто взял и помылся, а вы всё «другой, да другой».

- Все меньше птичьих базаров. Все больше птичьих рынков.
- Все кричат о загрязнении окружающей среды, а сами при этом выдыхают углекислый газ.
- Мы не можем ждать милостей от природы после всего, что с ней сделали.
- Конкурс эрудитов: кто помнит, как пахнет чистый воздух?
- Иной человек в городе так дичает, что его опасно пускать в лес.
- Сколько причинено вреда от добычи полезных ископаемых!
- Чем меньше белых пятен, тем больше грязных мест.
- Чем меньше мы будем трогать природу, тем больше она будет трогать нас.
- В Черном море появилась заморская рыба. Она была обнаружена после очередного замора.

Смехоралли

Главное для путешественника — брать в дорогу вещей меньше, чем собрал, а денег — больше, чем собрал.

Покорись, вершина! Это принесет тебе известность!

— Эй, новенький, зачем ты туда забрался? Эта вершина еще не покорена!

Сорвались в пропасть два альпиниста — пессимист и оптимист. Пессимист: «Падаю...» Оптимист: «Лечу...»

Горы. Рядом стоят двое. Под уступом висит третий. «Здесь, в горах, странное эхо, — говорит один, — я кричу что попало, а оно отвечает только одно: помогите...»

- Как ты провел отпуск?
- Половину в горах.
- А вторую половину?
- В гипсе.

- Накануне отъезда в путешествие я всегда сильно волнуюсь.
- Это легко исправить. Отправляйся путешествовать на день раньше.

Турист с большим рюкзаком вываливается из трамвая:

- Слава богу, тяжелый отрезок пути позади.
- А вы куда едете?
- В Африку.

- *Размахистые промашки.*
- *Ох уж эта зима, одни проскальзывания!*
- *Еще немного — и без меня вам уже и не обойтись.*
- *Передник надевают, чтобы не видеть грязного платья.*
- *Милиционер взял меня под козырек.*

При встрече один альпинист спрашивает другого:

- Ты еще не переехал на новую квартиру?
- Что я, с ума сошел? Они предлагают мне третий этаж без лифта!

Из разговора первобытных туристов:

- Что-то мне не нравится наш руководитель.
- Не нравится — не ешь.

Совет по туризму взял на себя обязательство ввести близлежащий вулкан в число действующих.

Если вы заблудились в незнакомом городе, не теряйте самообладания, а помните, что стена, на которой растет мох, — северная.

Лесник предупреждает туристов:

- Смотрите, не ломайте деревьев!
- Само собой разумеется, у нас топор есть.

Туристы, выйдя на поляну, спрашивают у лесника:

- Можно ли здесь разводить костры?
- Нет, — отвечает лесник.
- А откуда же здесь столько головешек?
- Это оставили те, кто не спрашивал, можно ли разводить костер.

Из лекции: «На нашей планете есть еще такие места, где не ступала нога не только человека, но даже ученых».

В семи километрах от дома отдыха местными краеведами обнаружена скала, где Вася еще не был.

Турист интересуется:

- Сколько километров до следующей деревни?
- Здесь нет никаких километров, это проселочная дорога.

Знаете ли вы, что консервы «Завтрак туриста», съеденные с 13 до 16 часов, называются обедом туриста, а с 17 до 22 часов — ужином туриста.

Для вас, гурманы. Поступило в продажу печенье «Пустынное». Достаточно съесть одно, и вы ощутите песок на зубах, а через некоторое время — жар.

Новые консервы, приятный сюрприз для туриста — «Сгущенная вода». Приготавливается из обычной воды путем сгущения. Для употребления достаточно растворить одну чайную ложку продукта в стакане обычной воды.

- *Мне дали грамоту за успеваемость на дистанции.*
- *Такси — средство передвижения с роскошью.*
- *Сделайте мне снова замечание, а то я забыл, что я сделал.*
- *Живу ради спортивного интереса.*
- *Я себя знаю только с хорошей стороны.*

В конце похода туристы вышли в поселок. Завхоз пошел в магазин, остальные просят:

- И мы с тобой.
- Зачем?
- На продукты посмотреть.

- Скажи, где ты был в отпуске?
- Не знаю, фото пленка еще не проявлена.

— Врач посоветовал мне летом сходить в турпоход, — говорит жена мужу. — Куда мы пойдем?
— К другому врачу.

- Стая диких гусей держит путь на юг. Молодой гусь спрашивает:
- Почему мы всегда летим за одним и тем же вожакom?
 - У него карта.

Турист, автор самодеятельной песни, пишет в редакцию: «Прошу вас напечатать мою песню. Если нельзя напечатать с мелодией, то напечатайте хотя бы слова. Если и слова нельзя, то хоть фамилию назовите».

Прекрасный подарок скоро получат краеведы: местное издательство большим тиражом выпустило сборник наскальных надписей туристских маршрутов Крыма и Кавказа.

Принято считать, что не осталось белых пятен на географических картах. Это мнение опровергли полиграфисты, выпустившие недавно географический атлас.

В Кижях гид рассказывает туристам: «Вы, вероятно, знаете три Спаса...»
Турист-водник думает: «Спасжилет, спасконец, а третий?»

Вчера около одиннадцати вечера экскурсовод Мухаметова захватила автобус с туристами и четыре часа удерживала их в заложниках, рассказывая несчастным историю родного края.

Из справочника: «Сенбернар — крупная собака, обитает в Швейцарских Альпах. Эти удивительные собаки ищут в горах пропавших туристов и альпинистов... Тем и живут».

В России две беды — дураки и дороги. При их объединении получают туристы.

Приглашаем в секцию спортивного ориентирования. Найти нас просто:

- Угостите меня своим подарком.
- Трудные переделки.
- Детская мечталка.
- Если я буду хвастаться по-настоящему, то вы от зависти лопнете.

от станции метро «Площадь треугольника» по азимуту 136 до поваленного дерева, оттуда 4653 шага на северо-восток, переплыть реку возле водокачки и там у кого-нибудь спросить.

Восемь человек пропали в тайге при испытании новой модели компаса.

Чтобы понять, что такое рафтинг, возьмите говорящего попугая и смойте в унитаза. Поймайте его на очистных сооружениях — птица поделится впечатлениями.

Самый отдаленный пункт земного шара к чему-нибудь да близок, а самый близкий — от чего-нибудь да далек.

Не сбрасывай камень на инструктора: он опытнее и сделает это лучше тебя.

Только у туриста не существует понятий «дальше некуда» и «хуже не бывает».

Экскурсовод сообщает пассажирам автобуса: «Дальше дорога непроходима, ее могут осилить только ослы и мулы. Поэтому прошу выйти и проделать путь пешком».

Заблудившись в тайге, Борис сварил и съел брючный ремень. Когда он выбрался к жилью, больше всех радовался его сын Санька, который в этот день принес из школы три двойки.

Объявления

- Вниманию туристов! Меньше рубля в фонтан не бросать.
- На ценнике в магазине: «Сыр пешеходский».
- У края пропасти: «От великого до смешного — один шаг».
- На палатке: «Прежде, чем войти сюда, подумай, нужен ли ты здесь».
- Ищу спутника для путешествий по реке жизни.
- Сдаюсь с палаткой.
- Будьте любезны с людьми во время вашего восхождения!
Вам придется встретиться с ними, когда вы будете спускаться.
- Лес украшала табличка: «Не блуди!»

- Мысли вслух при закрытых дверях.
- Когда я бываю грамотным, тогда и пишу без ошибок.
- В зале я переодеваюсь из ученика в спортсмена.
- Где мне сидеть? На чьем пьедестале?
- Это не ползанье — это подпрыгивание в замедленной форме.

Азарт

На соревнованиях по спортивному туризму

- *Хочу достичь таких высот, чтобы можно было спрыгнуть.*
- *Разглядите меня получше: я же опять нормальный человек.*
- *Словарь для настоящих слов.*
- *Я с учителем теперь торгуюсь, от этого успеваемость.*
- *Ремонт обуви с завязыванием шнурков.*

Суровиков Валерий Яковлевич

Нижний Новгород

Родился в 1938 г. Педагогический стаж составляет 46 лет, много лет работал учителем физической культуры в школе. Туризмом начал заниматься в 1953 г. С детьми прошел туристскими маршрутами по многим регионам Советского Союза. Принимал участие в организации и проведении туристских слетов и соревнований по ориентированию. Создатель и первый директор (1979–1981) одной из крупнейших в стране детско-юношеской спортивной школы по ориентированию в г. Горьком. Судья всесоюзной категории по ориентированию, почетный работник общего образования Российской Федерации.

Юные россияне на II Всесоюзном туристском слете-соревновании школьников (Белоруссия, 1976 г.)

Белорусский город Жодино гостеприимно встретил посланцев всех союзных республик, городов Москвы, Ленинграда — участников II Всесоюзного туристского слета-соревнований школьников. В программу слета-соревнований входили: туристский поход, спортивное ориентирование по выбору, туристская полоса препятствий, топографическая съемка местности, различные конкурсы.

Главным судьей Всесоюзного слета-соревнований был генерал-лейтенант Иван Иванович Лисов — заместитель командующего воздушно-десантными войсками СССР, президент Международной федерации парашютного спорта. Иван Иванович был настоящим главным судьей, а не почетным генералом, — до этого он возглавлял судейские коллегии I Всесоюзного слета-соревнований (1973 г., Украина), Первых Всесоюзных соревнований по ориентированию среди школьников (1974 г., Литва), а в 1979 году был избран первым президентом Федерации спортивного ориентирования СССР. Он, в основном, решал вопросы общего характера, обеспечивал взаимодействие судейской коллегии с оргкомитетом, проводил совещания ГСК с руководителями команд. А вопросы непосредственного судейства соревнований осуществляли его

- *Я надела тапок своей подруги и стала бегать на одну ногу быстрее.*
- *После второй тренировки из некоторых товарищей выпал дух.*
- *Я не бежал потому, что берегу свою спортивную форму.*

заместитель Ю. С. Константинов, работник Центрального совета по туризму и экскурсиям, и главный секретарь Е. А. Нарбутайте, заместитель директора Центральной детской экскурсионно-туристской станции Литовской ССР.

Команду Российской Федерации представляли ребята школы № 20 г. Горького — победители Всероссийского слета юных туристов, проводившегося в 1975 году в Смоленской области. Руководителем команды был назначен В. Я. Суруков, заместителем руководителя — А. И. Третьяков, работавшие учителями в этой школе.

Программа слета-соревнований была очень насыщенная, державшая в напряжении ребят, а руководителей — тем более.

На первом этапе — многодневный туристский поход I категории на 150 км. Это наиболее трудная часть соревнований. Необходимо проходить в день 10–15 км, собрать и обработать краеведческий материал, оказать помощь колхозу или совхозу, составить маршрутную ленту и оформить отчет о походе.

Особенно трудно пришлось при сборе краеведческого материала и его ежедневной обработке. Директор одной из школ был удивлен тем, что наши ребята не спят, а занимаются обработкой собранного за день краеведческого материала, печатают фотографии. И, вероятно по простоте душевной, сказал, что участники команды Белоруссии еще в зимние каникулы собирали по маршруту краеведческий материал.

Ежедневная обработка собранного материала объяснима. Согласно положению о слете, команда по приходе на поляну слета обязана в течение четырех часов сдать отчет о пройденном походе.

Не менее трудная работа выпала на долю топографов, ведь составлять маршрутную ленту длиной в 150 км — настоящий подвиг. Судья, оценивающий этот элемент соревнований, военный топограф, не мог поверить, что это сделали ребята. Провели эксперимент — дали контрольный участок. Работа была выполнена качественно и в два раза быстрее.

Поход проходил через известную всему миру Хатынь. Но большее впечатление произвело другое: в полях и на больших лесных полянах на месте сожженных деревень стоят деревянные таблички с указанием названий деревень, количества погибших жителей...

Удивила доброжелательность местных жителей, которые угощали ребят холодным молоком и домашним квасом. При движении по грунтовой дороге встречные машины, поднимающие за собой тучи пыли, останавливались, ожидая когда мы пройдем.

- *Соблюдать диету — это значит есть как можно больше диетической пищи.*
- *Я бежала, не отрывая носков от пяток.*
- *Заблудился потому, что потерял дистанционное управление.*

И снова «в бой». Вид соревнований «Топографическая съемка»: дистанция 3,3 км, отведенное время — четыре с половиной часа. Оцениваются точность и графика. Мы заняли пятое место. До сих пор не могу понять — лучшие в соревновании по маршрутной ленте похода, а такой результат в этом виде соревнований...

Как всегда, нелегкой была туристская полоса препятствий, этапами которой были переправа на лодке через реку, «кочки», качающееся бревно, забор, навесная переправа по перилам, подъем спортивным способом, укладка рюкзака, установка палатки.

День проведения соревнований начался с ЧП. Ночью у нашей команды украли кроссовки. Самое интересное, что рядом с нашими палатками находился пост милиции, охранявшей участников соревнований. Выручили команды других республик, и поэтому ЧП не выбило команду из колеи.

Вопреки положению о соревнованиях ручную грудную обвязку заменили на стационарную. Во время тренировок мы много внимания уделяли вязке узлов «булинь» и «проводник» — эти страховочные узлы являются основой грудной обвязки. Вязка узлов была доведена до автоматизма. Надевание стационарной грудной обвязки вызывало затруднения и как результат — потерянное время. Имея превосходную физическую подготовку, мы, единственные из всех команд, прошли «кочки» без сбоев. Судейская бригада не запустила перед началом соревнований «контрольного участника», и расстояние между «кочками» было явно завышено. Еще один повод для гордости за команду — время установки палатки. В итоге — первое место.

Следующий вид соревнований — ориентирование по выбору. Наша команда комплектовалась из спортсменов-ориентировщиков. В день соревнований погода была пасмурная, стелился туман. Старт групповой, через каждые пять минут уходит группа из 18 человек. По традиции сильнейшими были латыши, на втором месте — хозяева соревнований, третье место наше.

В незачетных видах команда выступила также уверенно: общее второе место, краеведческая викторина — второе место. Наши девочки стали лауреатами конкурса художественной самодеятельности.

Интересно, что перед подведением итогов соревнований наша команда имела отрыв от команды Белоруссии в семь очков. Но все решил «туристский быт», нашей команде дали последнее место, а нашим соседям,

- *Природа радует мое чувство обоняния.*
- *На уроке английского мы учились говорить по-русски.*
- *Я пришел на урок, а там все на месте.*
- *Моя жизненная позиция — хотеть.*
- *Почему, как не у меня, так все есть?!*

москвичам, — первое, хотя москвичи всегда удивлялись образцовому порядку в нашем лагере.

На следующее утро вывесили итоговые протоколы соревнований: первое место заняла команда Белоруссии, имея с командой Российской Федерации одинаковое количество очков.

По поводу результатов соревнований я обратился к главному судье соревнований генерал-лейтенанту Ивану Ивановичу Лисову. Ответ удивил меня. Его, главного судью соревнований, не пригласили при подведении итогов соревнований на заседание оргкомитета, которое проводилось руководством республики на самом высоком уровне.

В результате наша команда заняла второе место.

Что же помогло успешно выступить на соревнованиях?

Во-первых, целенаправленная подготовка команды в течение года. Это четырехразовые тренировки в неделю: физическая и техническая подготовка, вязка узлов, топографическая подготовка, участие в соревнованиях по ориентированию.

Провели в весенние каникулы сбор в г. Горячий Ключ Краснодарского края для повышения уровня физической подготовки и отработки навыков в спортивном ориентировании.

В мае провели тренировочный поход в Ичалковский бор для отработки навыков ведения маршрутной съемки, повышения уровня физической подготовки.

Помог тренировочный сбор на реке Узоле: повышение уровня физической подготовки, отработка элементов туристской полосы и спортивного ориентирования.

Участвовали в туристских слетах: областном, городском, в Москве, где выступали в отдельных видах программы.

С тех пор прошло больше сорока лет, но и сейчас я и участники команды — мои бывшие ученики с большой теплотой вспоминаем дни, проведенные на славной земле Белоруссии, ее гостеприимных жителей, великолепную атмосферу, царившую среди юных туристов и их руководителей — представителей разных республик великого в те годы государства.

- *Если не уступите мне место, упаду вам на руки.*
- *По новой школьной программе домашнее задание остается в школе.*
- *Глубокий сон в ванной.*
- *Разными путями мы шли в разные стороны.*

Ключников Михаил Юрьевич

Тула

Родился в 1940 году. В 1962 г. основал в Туле секцию велотуристов. С 1967 г. активно занимается автотуризмом, руководил областной секцией автототуризма. Был призером первенства СССР на лучшее автототуристское путешествие. Кандидат в мастера спорта по туризму. Провел более ста соревнований разного уровня по автототуризму, судья Всесоюзной категории по туризму. Председатель Тульского филиала Международной академии детско-юношеского туризма и краеведения. Автор многих публикаций.

И пламень сердца, и мотор...

Замечательный человек живет в городе с красивым названием Ясногорск. Здесь его знают все. Я знаю Виктора почти пятьдесят лет, ни больше ни меньше. Виктор Баранов — очень увлеченный человек. По профессии — наладчик станков, более 30 лет отдавший служению родному Ясногорскому машиностроительному заводу. Он неутомимый путешественник, его «Ява» пробежала практически по всем дорогам всех бывших республик СССР: он побывал на Кавказе и в Прибалтике, на Урале и в Средней Азии, в Карелии и на Карпатах... Созданная им Ясногорская городская секция автототуризма объединила любителей мотоцикла этого районного городка. Ребята стали не только путешествовать, но и выступать в различных соревнованиях. Его команда участвовала также во всесоюзных и республиканских слетах «моторных» туристов.

Виктор влился в состав областной секции автототуристов не с момента ее образования, поэтому по существовавшим документам не имел еще достаточного туристского опыта, хотя и много путешествовал «диким образом». Основная команда области уже имела солидный опыт путешествий и соревнований по автототуристскому многоборью и даже была бронзовым призером чемпионата СССР на лучшее путешествие. Нас постоянно приглашали на всесоюзные и республиканские слеты, а также на международные слеты «Друзья Явы».

Желание Виктора ездить с основной командой было огромным, но

- *Улица напомнила мне первую половину моего детства.*
- *Хуже всего ждать — ничего делать не хочется.*
- *Давайте возьмемся за руки и поощаем друг друга.*
- *Он со своими умственными способностями мешает мне учиться.*

маршрутно-квалификационная комиссия не разрешала его брать в команду. Но он все же ехал! Вспомним о двух наиболее ярких случаях из его биографии...

Борис Васильевич Никитин, ветеран туризма, руководитель секции мототуристов Алексинского опытно-механического завода, отправлялся с группой в мотопутешествие на Памир, чтобы пройти очень сложный участок маршрута Ош — Хорог. Конечно же, Виктора Баранова с собой не могли взять. Группу торжественно проводили из Тулы в дальнюю дорогу, а Виктор вернулся домой в Ясногорск. Каково же было удивление, рассказывал Борис Васильевич, когда на четвертый день увидели стоящего на берегу Баранова перед отправлением парома Баку — Красноводск. Группа отправлялась на другой берег Каспия в Среднюю Азию. Виктор стоял на берегу, махал рукой и откровенно плакал.

И еще был интересный случай. Областная команда отправляется на Международный слет мототуристов «Друзья Явы». В составе команды и Виктор Баранов. Берем курс на Тбилиси. Конец месяца, какая-то заминка на производстве, и Виктора не отпускают с работы, хотя было ходатайство даже от областного Совета по туризму и экскурсиям. Команда уходит, так как до финиша надо еще пройти пятидневный маршрут и привезти на финиш отчет о проделанной на маршруте патриотической работе (раньше на это обращали особое внимание). На центральной площади Тбилиси — сотни мотоциклистов со всех уголков страны и, конечно же, из Чехословакии. Встречаются друзья, заводятся новые знакомства, готовятся к вечернему торжественному построению и открытию слета команды-участницы. На душе тревожно, так как у нас неполная команда. Конечно же, нас допустят к соревнованиям, но мы сразу же окажемся в конце турнирной таблицы — таков закон слета.

Но вернем события на пять дней назад. Виктор работает два дня подряд — за себя и своего сменщика, впереди два выходных дня, и его все же отпускают с работы. Виктор садится на мотоцикл и... гонит. Конечно же, догнать команду не получится, и он принимает решение срезать маршрут, ехать побережьем, а там — через Главный Кавказский хребет на Тбилиси! Только так по расчетам можно было успеть к открытию слета. До Кавказа добраться для Виктора — не проблема. Заправка, еда на ходу и только вперед! Пожалуй, не впервой! Действительно, к концу вторых суток он стоял уже спиной к Черному морю, перед ним возвышался Кавказский хребет и где-то там, впереди, долгожданный Тбилиси и его команда.

- Уйму времени тратишь на разгон, а потом на торможение.
- Учись, я это сделал своими руками: дунул, плюнул и готово!
- Стали жить по-новому: миримся перед дракой.
- Мне не дают надевать то, что украшает человека.
- Я боролся до конца и до потери памяти.

Дорога постепенно становится все круче и круче. Неожиданная остановка — шлагбаум. Двое в зеленых фуражках внимательно осматривают мотоцикл, обходят кругом и поднимают шлагбаум. Счастливого пути! Виктор покатил дальше. Через несколько километров — такая же ситуация. Шлагбаум. Правда, один в теплой куртке и зеленой фуражке, не говоря ни слова, сразу же открыл шлагбаум. Проезжайте! И снова вперед — навстречу вдалеке виднеющимся снежным вершинам. Прошло буквально несколько минут, как сзади показался военный «ГАЗ-66» с включенными мигающими огнями. Он стремительно приближался, наконец догнал и резко остановился, преградив дорогу. Несколько военных выпрыгнули из кузова, буквально подхватили Виктора и его мотоцикл, забросили в кузов и, ничего не говоря, поехали назад. На КПП он оказался в холодной изолированной комнате. В то, что он турист, едет с маршрутной книжкой на слет в Тбилиси, — не верят. Несколько часов он просидел в холоде и голодный под стражей. К счастью, все закончилось неожиданно и приятно. Виктора открыли, накормили горячей кашей с тушенкой, заправили мотоцикл и сопровождали на машине до перевала, который ближе всего открывал дорогу на Тбилиси.

А что же произошло на самом деле? Вот что рассказали пограничники... Поступил звонок на первый (главный) пост: сейчас в горы проедет один «туз», не задерживайте его. Пограничники внимательно осмотрели «Яву» Виктора, посмотрели на номер «ТУЗ 01-38», дали добро, позвонили на следующий пост: «Будет проезжать на мотоцикле один “туз”, не задерживай!». Так и проскочил Виктор Баранов два поста пограничников, удивляясь их гостеприимству. А когда к первому посту подъехал настоящий «туз», за Виктором направили погоню. К счастью, по спецсвязи быстро сделали запрос в Ясногорск и выяснили настоящее положение дел.

В Тбилиси наш путешественник приехал поздно вечером после торжественного построения команд как раз в тот момент, когда оформляли стартовые документы на завтрашние соревнования. Наша команда вышла на старт в полном составе. Вот как поступают настоящие туристы, настоящие парни!

Друзья, если увидите на дороге мотоциклиста с гармошкой за спиной, да еще на красной «Яве», исписанной названиями различных городов (Самарканд, Бухара, Челябинск, Казань, Рига и т.д.), знайте: это наш Виктор Баранов — уникальный человек из тульского районного центра — Ясногорска.

- Я так волновался перед стартом, что вынужден был отойти в сторону.
- Приз Ленинградского телевидения: там главное, как выглядишь, а не как бегаешь.
- На их выговор я ответил заговорам.

Константинов Юрий Сергеевич

Москва

Родился в 1947 г. Туризмом занимается с 1959 г. Работал в Доме пионеров, на детских экскурсионно-туристских станциях: Московской областной, Российской республиканской, Центральной СССР, в Центральном совете по туризму и экскурсиям. В 1982–2009 гг. — директор Федерального центра детско-юношеского туризма и краеведения. Вице-президент Международной академии детско-юношеского туризма и краеведения, избирался председателем президиума Федерации туризма РСФСР, вице-президентом Федерации спортивного ориентирования России. Судья всесоюзных категорий по ориентированию и по туризму. Доктор педагогических наук, заслуженный учитель Российской Федерации, заслуженный путешественник России. Автор более пятидесяти книг, двухсот публикаций по вопросам туризма, ориентирования, педагогики.

В школе инструкторов

Наибольшего расцвета в нашей стране самодеятельный туризм достиг в 1960-е годы. Каждое воскресенье толпы людей с рюкзаками устремлялись за город, действовали многочисленные секции в коллективах физкультуры, работали клубы туристов, в школах инструкторов готовили общественные туристские кадры, проводилось много слетов и соревнований.

В 1962–65 гг. я занимался в кружке юных топографов Московского городского дворца пионеров, руководителем которого был Валентин Михайлович Куликов — педагог-турист от бога, талантливый во многих областях. Он обладал даром художника, писал стихи, великолепно рисовал карты и схемы. Занятия во Дворце пионеров проводились один раз в неделю, один-два раза в месяц по выходным мы обязательно отправлялись на практические занятия на местности, ездили на соревнования по туризму и ориентированию.

Такой режим позволил мне и двум моим друзьям из кружка в

- Ты беги на камеру быстро — как бы стартуешь, а потом медленно — как бы финишируешь.
- Когда общий вид плохой, снимают крупным планом.
- Скажите, в какую сторону бежать на камеру?
- Взяла северо-южное направление.

1964–65 годах начать параллельно заниматься еще в школе инструкторов лыжного туризма Ленинского клуба туристов. В нашем отделении мы были самыми молодыми, остальные участники — студенты, молодые рабочие. Занятия проходили один раз в неделю с обязательными двухдневными походами дважды в месяц. Причем все это проводилось на очень хорошем уровне, лекции читали известные туристы, походы были с многокилометровыми маршрутами по интереснейшим местам Подмосковья, с холодными ночевками в палатках. До 1966 года в СССР была шестидневная рабочая неделя, поэтому в поход мы выходили в субботу вечером, а зимой задача была одна — уйти от населенных пунктов хотя бы на несколько километров, что в ранних сумерках зимой было довольно-таки сложной задачей.

В одном из таких походов в начале марта наше отделение в количестве пятнадцати человек начинало маршрут в районе Звенигорода (в «подмосковной Швейцарии»). Стемнело рано, мы отошли на несколько километров от станции, лагерь делали в еловом лесу, снега было много. Поставили палатки, развели костер и начали готовить ужин. В нашем отделении была фишка — вечером традиционно готовили в больших канах пельмени, закупленные в магазине, — быстро и сытно. Расчищали от снега место под костер и сидения вокруг него, ставили из лыжных палок стойки под перекладину — длинную, около трех метров, жердь, на которую вешали каны. Так было и в этот раз. Когда пельмени были готовы, каны сняли с жерди, а я взял ее и решил убрать от костра. Снега было по колено, лезть далеко не хотелось, поставил жердь вблизи костра вертикально, прислонив к высокой ели. Отделение сидело вокруг костра на бревнах, усиленно поглощая пельмени. Вдруг из темноты падает жердь и бьет концом по голове Алексея — руководителя нашего отделения. Алексей, выплевывая пельмени, падает на снег и теряет сознание. От неожиданности наступает тишина.

Сразу понимаю, чем это может закончиться для меня, и поднимаю крик: «Кто догадался так поставить жердь?» Всем не до этого, бросаются к Алексею, пытаются оказать первую помощь. Спасло его то, что на голове его была модная в те годы папаха-пирожок, которая смягчила удар, и все обошлось большой шишкой. На радостях расследование проводить не стали.

Наш маршрут закончился на железнодорожной станции Скоротово, мы вышли на платформу уже в темноте. Электрички там ходят редко,

- У этого спортсмена есть пункт, он ориентировщик.
- Желудочная вместительность на уровне котелка.
- Я с самого начала подозревал, что буду ориентировщиком.
- Если ты меня хоть раз как-нибудь обзовешь, то знай, я этого не услышу.

место туристское, поэтому скопилось много туристских групп. Алексей, недавно вернувшийся из армии, построил нас в колонну по двое, лыжи на плечо, мы начинаем маршировать. На платформе была лужа, в которую он нас завел, и рисуясь, громко начал командовать: «Ножку, ножку не слышу». Отделение поддержало его, так как вокруг собралась большая толпа туристов, среди которых были и две группы из нашей школы инструкторов. Отделение, громко топая и разбрызгивая воду, начало подыгрывать Алексею. Зрители наблюдают спектакль:

— Сеперович! Что это у вас на пиджаке? Верситетский значок? Снять верситетский значок, здесь вам не верситет, здесь армия, здесь головой думать надо!

— Сеперович! Что это у вас за пазухой? Бутылка? Сдать бутылку в помощь командному составу.

— Сеперович! Что у вас на носу? Пенсне? Снять пенсне, на начальство глядеть ясными глазами!

И в подобном тоне вспоминается армейская служба. Толпа с огромным удовольствием наблюдала за происходящим, время до прихода электрички пролетело незаметно.

Электричка прибывает на Белорусский вокзал и из нее вываливается несколько сотен человек с рюкзаками и лыжами. Мы медленно двигаемся в толпе по туннелю к выходу из здания вокзала. Какая-то туристская группа запекает песню Ю. Кима о гренадерах. И вдруг вся эта огромная толпа, не сговариваясь, подхватывает припев: «И пусть повезет гренадеру живым с поля брани уйти». Кажется, вокзал вот-вот рухнет. Это было так неожиданно и так здорово, что и сейчас я отчетливо помню то удивительное чувство единения, причастности к туристскому братству.

Сила приказа

В 1966–68 годах я проходил службу в Советской армии, непосредственно в спортивном клубе Бакинского округа ПВО, куда я попал благодаря усилиям Е. Иванова и Б. Огородникова по моему переводу из учебки, которая располагалась в Грозном. Ориентирование в Азербайджане находилось в зачаточном состоянии, им занималось несколько десятков человек, а фактическими лидерами-организаторами были мастер спорта по современному пятиборью Октай Рзаев и преподаватель Бакинского высшего общевоинского училища подполковник Политуха. Так как я уже имел туристский опыт, меня направили в отдел туризма Окружного

- Батарея на базе не грела, и я грелся о бег трусцой.
- У меня запоминающее устройство забыло включиться.
- Я сломал ногу, хотя врач сказал, что все кости целы.
- Заглянул в душу через плечо товарища.
- Мне подарили велосипед для душевного равновесия.

дома офицеров, где я, рядовой солдат, за год службы сумел создать из офицеров и служащих несколько туристских секций в воинских частях, а также команду по ориентированию, которая стала сильнейшей в республике.

В июне 1967 года меня вызвал начальник отдела туризма майор Валентин Павлович Черногорцев и сказал, что к нему приехал его друг, начальник физподготовки Волгоградской дивизии капитан Посохов, и попросил взаймы команду ориентировщиков, которая выступила бы за Волгоградскую дивизию на первенстве Северо-кавказского округа по ориентированию, входящего в программу Спартакиады округа. «Юра, не надо быть первыми, но надо войти в командном зачете в тройку, тогда Посохов получит звание майора», — в форме приказа поставил задачу Валентин Павлович.

Наша команда из четырех человек вылетела в Волгоград, там нам оформили документы — разрядные книжки (я стал чемпионом Волгограда по ориентированию), в военные билеты поставили печати о принадлежности к Волгоградской дивизии, и мы вылетели в Майкоп, в окрестностях которого и проводилось первенство. Возглавлял команду капитан Посохов, энергии и пронырливости которого не было предела. Он нас разместил в Майкопской дивизии, решил все вопросы с питанием в офицерской столовой, достал топографические карты для тренировок, а сам покинул нас, оставив за старшего сержанта Кешу и дав указание тренироваться два раза в день.

За четыре дня без капитана мы избегали окрестности дивизии, попали на два дня на гауптвахту, так как командир Майкопской дивизии дал указание постараться всех «чужих» посадить, чтобы не тренировались, а трое из нашей команды нарвались в самоволке на самого коменданта города.

Наш капитан прибыл в день проведения мандатной комиссии и предупредил, чтобы мы в спортивной форме, обязательно с компасами и ручками ждали его около ворот части рядом с грузовиком, который он где-то

- У меня взавравадшний взгляд.
- Когда я вытер лицо личным полотенцем, оно стало ножным.
- Убавьте звон в вашем голосе.
- Хочу снова в пятый класс: я там была отличницей.
- Неограниченные возможности с последствиями.

достал. Он ушел на комиссию и часа через полтора, страшно довольный, бегом кинулся к нам. «Нет ничего крепче армейской дружбы. Держите карту с завтрашней дистанцией, едем на старт», — шепотом сказал он. Только мы полезли в кузов, как к машине подбежали несколько офицеров. «Это Армавирское училище — они нам не конкуренты, у них свой зачет. А начальник физподготовки — мой друг, значит, надо помогать», — объявил Посохов. Офицеры залезли в кузов и машина тронулась. Уже подъезжая к воротам, заметили еще одного бегущего офицера в форме, которого Посохов также по дружбе пригласил с собой. «Ай да Посохов, молодец, соображает», — заявил капитан, забираясь к нам в кузов и вынимая еще одну карту с дистанцией.

Пока доехали, стало смеркаться. Понимая, что всю дистанцию пройти не удастся, капитан поставил мне задачу: вывести всю нашу толпу на первый КП, так как «первый участок самый трудный». Надо сказать, что в нашей бакинской команде все четверо до армии были ориентировщиками — из Башкирии, Молдавии, Москвы — и мы относились к нашему молодому виду спорта с подобающим почтением, поэтому приказ своего начальника восприняли с внутренним протестом. Однако в армии приказы не обсуждаются, а выполняются. По молчаливому сговору со своими товарищами я предложил путь на первый КП по азимуту длиной около километра, хотя был простой вариант с использованием высоковольтной просеки. Во главе этой большой группы я по азимуту вышел в район первого КП, и капитан обратился ко всем: «Запомнили дорогу! Завтра утром каждый участник моей команды покажет бумажку, на которой будут записаны азимуты и расстояние до каждого КП. А карту я должен буду вернуть до шести утра».

Вернувшись в часть, он провел с нами детальный разбор плана завтрашнего дня, сказав в конце: «Я буду вам помогать на дистанции», — не объясняя деталей этой помощи.

Стартовали мы в спортивной форме, на старте заставляли расписываться за полученную топографическую карту масштаба 1:25000 и ракету, которую надо было использовать в аварийной ситуации. Это делалось после того, как на предыдущем первенстве округа, когда участники бежали в военной форме и сапогах, от теплового удара скончался один лейтенант.

Со старта я решил бежать по азимуту, однако, упершись в труднопроходимый участок, свернул на высоковольтную просеку и бежал по ней. Тут за мной пристроился капитан (мастер спорта по пятиборью), выез-

- *Мои часы остановились вовремя.*
- *На линии старта терзали душу и пикали.*
- *А теперь все дружно покричали начальника дистанции!*
- *Кто последний на финиш?*
- *Забрался в кусты и увидел всех остальных.*

жавший вчера с нами, и я решил использовать его более мощные физические возможности и бежать в паре, пропуская на линейных ориентирах его вперед. Вдруг около очередного высоковольтного столба раздается звук свистка и из-под опоры появляется фигура в красном спортивном костюме — капитан Посохов, который возглавил наш бег по просеке. Добежав до поворота высоковольтки, он делает прыжок в кусты и увлекает туда нас. Это привязка, от нее до КП метров триста, я хочу бежать по азимуту, однако Посохов меня останавливает. Он дует в свисток, а когда с КП раздается ответный одинарный свист, говорит: «Ждем, там участники». Стоим несколько минут, пока с КП не раздается двойной свист, что означает «свободно». Выбегаем на КП, там майор с радистом, которым Посохов говорит: «Мои все, с меня бутылка». После этого он обращается к нам: «Надеюсь, теперь вы добежите сами», — и исчезает.

Несколько КП я бегу с капитаном, двигаясь в сложных местах первым и пропуская его вперед на дорогах и просеках, корректируя движение, что позволяет передвигаться в очень хорошем темпе. Очередной этап очень простой — по просеке до реки, там КП. Капитан бежит впереди и вдруг со всего размаху напарывается лицом на колючую проволоку, натянутую поперек просеки и скрытую в этом месте в кустах. Мы видим сплошной забор из колючей проволоки, который идет перпендикулярно нашему движению. Решаем обегать его слева или, если будет рытвина или канава, подлезть под забор и двигаться дальше. Вдруг внутри ограждения видим картину: двое в спортивной форме идут под охраной автоматчика, стоит сплошной мат, выясняют отношения. Один из арестованных кричит нам: «Там, в ста метрах, канава под забор, но внутри стоит старшина, который арестовал уже больше десяти человек, не лезьте!». Мы бежим вдоль забора и видим притаившегося на той стороне, в кустах около небольшой канавы, старшину с пистолетом в руке. Останавливаемся, мой капитан, переходя на начальственный матерный язык, пытается объяснить старшине, что он не прав, подвергая аресту офицеров — участников первенства Северо-Кавказского военного округа, среди которых есть и подполковники. На том же самом языке, размахивая пистолетом, старшина отвечает, что вверенный ему военный объект он будет охранять согласно уставу, а нас посылает в определенном направлении. Я рядовой, они для меня все командиры, поэтому предлагаю капитану продолжить соревнования и лучше обежать запретную территорию, с чем капитан соглашается, поскольку боится меня отпустить и остаться с лесом один на один.

- *Я так люблю свою школу, что готов вечно в ней учиться.*
- *Все время бросало в тень.*
- *Я могу много и еще самую малость.*
- *Помогите мне вернуться к жизни: дайте мне попить!*
- *Об этой неожиданности я уже знал.*

Наше боевое содружество продолжается, и таким тандемом мы приходим на последний КП. Я показываю капитану тропинку, ведущую на финиш, после чего он меня покидает, а у меня уже нет сил бежать дальше. Впереди у меня подъем из оврага метров двадцать высотой, еле ползу по склону вверх, и вдруг кто-то меня толкает в зад и выталкивает из оврага на финишную прямую. Оглядываюсь — мой капитан Посохов, сам оставаясь в овраге, кричит: «Бежать!..». Видно финиш, до него метров триста, но сил нет совсем, сейчас упаду. Но капитан кричит: «Я тебе приказываю бежать!!!...» — и я бегу.

Немного придя в себя, вижу, что показал великолепный для себя результат — сказались бег в паре и использование присланного из Москвы друзьями самодельного жидкостного компаса (на данном первенстве это был единственный спортивный компас). И, тем не менее, — у меня только третье место, первое для зачета определили начальнику дистанции — подполковнику, потом в протоколе стоял какой-то офицер из Армавира, который, по его признанию, бежал вообще без компаса, потом с приличным отрывом от следующих — мой результат. На мои сетования по поводу несправедливости Посохов заметил, что здесь не гражданка, а армия, а в ней на все существуют приказы, которые необходимо выполнять всем, даже судьям.

На второй день дистанции были также сложными из-за жары и рельефа — глубокие овраги. После нашего неплохого выступления в первый день капитан Посохов команде поверил и не стал давать никаких наставлений, советов и приказов. Я стартовал где-то на пятидесятой минуте и, помня о неожиданностях на дистанции, на первом этапе двигался осторожно. И не зря — придя в район, КП сразу не нашел. Судьями было объявлено, что радиостанции будут стоять на всех КП, поэтому решил не метаться, а попробовать услышать радиста. Мой расчет оказался правильным — сначала услышал, а потом увидел КП.

Прибегаю в район второго КП и вижу картину: все стартовавшие передо мной участники безрезультатно прочесывают местность. Понимаю, что КП не появится, явно стоит не там, где находимся мы. Хотя ситуация до безобразия простая — точка стоит на пересечении просеки и ручья. Сажусь на пенек и начинаю искать параллельную ситуацию, которую нахожу в соседнем квартале, в полукилометре от места, где сижу. Решаю сбежать туда, ведь ничего не теряю. Подбегаю к берегу ручья и слышу: «Я КП-два, через меня ни один участник не пробегал». Быстро отмечаюсь и, счастливый, лечу дальше.

- *Во время бега ноги разъезжались далеко в стороны, а потом приезжали обратно крест-накрест.*
- *Моя мечта сбывается только во время маминой зарплаты.*
- *Я свернулся калачиком и пропал без вести.*
- *Стартовал с последнего КП.*

А дальше все идет, как по маслу, на всех КП я первый, силы не пропадают, а увеличиваются, уже вижу себя победителем. Остается последний КП, от которого до финиша метров шестьсот, причем этот пункт стоит на дне глубокого оврага, на ручье. Бегу по дну оврага, в карту уже не смотрю и вдруг чувствую — пролетел. По инерции продолжаю бег, но понимаю — полет закончен, пора думать. Тормозит просека, значит, после точки КП пробежал больше четырехсот метров. Разворачиваюсь, бегу вверх по ручью, опять КП нет. И тут началась паника, опять вниз по ручью, потом вверх. А навстречу уже бегут плотной группой участники, и видно, что последний КП ими найден, бегут на финиш. Один из них кричит: «Наверху!»

От точки, обозначенной на карте, лезу вверх по склону высотой метров пятьдесят, проклиная все на свете. С крепкими выражениями вылетаю из оврага и на самом верху вижу полянку, на которой вокруг скатерти со снедью и бутылкой сидят несколько офицеров, а рядом на радиостанции работает солдатик. На мои выражения и вопросы, где они должны находиться, один из офицеров говорит: «Сидели долго внизу, у ручья, но там комары, поэтому перебрались сюда». А другой ставит меня на место, прерывая мои высказывания вопросом: «Ваше звание?!», — после чего я предпочитаю скорее исчезнуть.

Так я и не стал чемпионом округа, но команда выполнила приказ, а капитан Посохов получил за ориентирование звание майора.

На соревнованиях по ориентированию:

Селигерские страдания

В 1971 году мы готовили спортивные карты для Кубка РСФСР по туризму среди школьников. От места нашего полевого лагеря бригада рисовщиков ежедневно добиралась до входа в район более шести километров в один конец пешком, проходя каждый раз через территорию турбазы «Чайка», а назад возвращались в то время, когда там начинались танцы. Нас было пять молодых парней, самому старшему — немногим за тридцать, поэтому наше появление вызывало у женского населения определенный интерес, звучали приглашения, но мы стойко проходили мимо. На третий день у вечернего костра кто-то робко предложил: «Мужики, а может быть, сходим на танцы, ведь там одни женщины». На это Владимир Иванович Тыкул, один из самых авторитетных тренеров и талантливых наставников по многим жизненным вопросам, мрачно жуя манную кашу, пригтовленную моими кружковцами, выдал следующий экспромт:

«На женщин мы теперь и не глядим,
Усталость отбивает всю охоту.
Мы лучше манной каши поедим,
И спать пойдем — ведь утром на работу».

Надо отметить, что все дни проведения Кубка стояла отвратительная погода — похолодало, почти все время лил дождь. Не был исключением и день проведения соревнований в заданном направлении. Участников и судей к месту старта, где в палатках жили мы — начальники дистанций, доставили на теплоходе, причем привезли на час раньше, а держать массу детей (около пятисот человек) под холодным дождем нельзя, надо давать старт. Не успев перекусить, мы бегом разводим контролеров с радистами, помогаем оборудовать старт и финиш. Наконец даем раньше запланированного времени старт, и конвейер заработал.

Главный судья Кубка, Ефим Пистуневич из Калинина, встречает меня недалеко от старта и говорит: «А ты настаивал, чтобы судей привезли еще с вечера. Видишь, успели даже старт раньше дать, все идет хорошо». В ответ говорю: «Да, успели, но я еще нигде не видел, чтобы на старте участникам карты выдавала заместитель министра, так как больше некому». Заместитель министра просвещения РСФСР Любовь Кузьминична Балясная, которая была на Кубке все дни и жила в палатке, увидев, что

- *На последнее КП я катился на заднем месте, зацепился за карандаш, отметился и поехал дальше.*
- *Сор из избы прямо в глаза.*
- *Лесная домашняя обстановка.*
- *До чего же природа ухищряется быть красивой!*

в сумятице мы не можем найти свободных судей, взялась помочь и была допущена к работе на старте до тех пор, пока Пистуневич не нашел ей замену.

Старт идет под проливным дождем, холодно, тентов и укрытий нет, стоять на месте неприятно, и Балясная предлагает мне выйти на дистанцию и показать ей несколько контрольных пунктов (КП) и как на дистанции работают дети. Свой компас я кому-то отдал, но мы находимся в районе, который я сам рисовал, поэтому смело предлагаю пройти два первых КП на дистанции девушек, с чем она соглашается. За нами увязывается корреспондент «Советского спорта» — крепкая женщина со значком «Мастер спорта СССР», и мы выходим на дистанцию. Первый КП стоит недалеко от старта на вершине холма, выходим на него сразу, наблюдаем, как работают девочки. До второго КП также недалеко, не более 400 метров, но идти надо по азимуту и, хотя компаса нет, я уверенно иду в нужном направлении. Мои сопровождающие неспешным шагом идут метрах в пяти позади меня, рассуждая о проблемах детского спорта, а я пытаюсь выбирать путь полегче, чтобы не надо было перелезть через мокрые, лежащие на земле огромные ели. Таким образом двигаемся более десяти минут, и тут меня начинают одолевать сомнения, так как КП до сих пор нет, да и участников почти не видно. Продолжая движение, пытаюсь хотя бы сориентировать карту на север, на озеро, но как назло не слышно ни одного звука моторной лодки, которые всегда, когда не надо, снуют по озеру. Небо серое, низкие тучи, дождь, мелкий закрытый таежным лесом рельеф. Я впервые попадаю в такую ситуацию, но страха пока нет, есть чувство досады и стыда за то, что на своей карте не могу понять, где же я нахожусь, тем более в таком сопровождении. Пытаюсь незаметно определить север по мху на деревьях, но древние ели укутаны им со всех сторон, никакой закономерности не видно. Понимаю, что заблудился, но вида стараюсь не подавать, тем более что женщины заняты разговором и не смотрят по сторонам.

Продолжаем двигаться дальше, и вдруг Балясная спрашивает: «Юра, а мы не заблудились? Ведь ты говорил, нам идти минут десять, а мы двигаемся уже больше получаса». Успокаиваю их, хотя у самого на душе мутно. И тут мы неожиданно выходим на единственную в этом районе тропу, и я понимаю, что моя репутация спасена. Я знаю, что тропа восточным концом упирается в финишное поле, а западным — в болото, рядом с которым находится второй КП дистанции мальчиков, и поэто-

- *Как приятно приходишь на финиш, все уже ушли, а тебя ждут!*
- *У меня перед едой сутулится живот.*
- *Чем быстрее бежишь, тем чаще по морде получаешь: то веткой, то результатом.*

му в любом случае мы выйдем к людям. Но понять, в каком направлении двигаться по тропе, не могу — не получается сориентировать карту. Мимо в обоих направлениях по тропе снуют дети, увидев заместителя министра, прибавляют ходу, а остановить кого-нибудь и взглянуть на его компас мне не позволяет профессиональная гордость.

«Любовь Кузьминична, можно я немного пробегу, иначе на такой скорости я не могу думать» — говорю я и, получив согласие, бегу по тропе влево, а женщины не спеша идут в этом же направлении. Пробежав метров триста, упираюсь в хорошо знакомое болото, а от него рукой подать до второго КП мальчиков. Уверенно возвращаюсь назад и вывожу на этот КП Балясную и корреспондентку, которые видят на призме второй номер, но не догадываются, что я вывел их уже на дистанцию мальчиков. Балясная спрашивает: «А за какое время участники пробегают этот отрезок?» — и, получив мой ответ: «Минут за десять», — с уважением смотрит на очередного пацана, который одной рукой пытается штампом отметить в карте, а другой подтягивает намокшие и сползающие тренировочные штаны.

В это время я по радиации связываюсь с Альбертом Юрченковым — директором Горьковской ДЭТС, который является старшим судьей финиша: «Альберт, я с Балясной на втором КП дистанции мальчиков». На его недоуменный вопрос: «Как вы там оказались?» — прошу: «Позже объясню, а сейчас гони по тропе спасательный газик нам навстречу». И уже через полчаса мы были на финише.

В моей практике это был первый случай, когда я заблудился, и это чувство беспомощности перед лесом, природой осталось в моей памяти навсегда. После этого был еще подобный случай, но я там был один и отвечал только за себя, не надо было держать соответствующую марку.

В связи с большим количеством не готовых к соревнованиям по ориентированию на очень сложной местности участников Кубка РСФСР по туризму, для того чтобы отсечь совсем неподготовленных, мы установили на прохождение третьего КП (примерно половина дистанции) контрольное время в два часа и тех участников, которые в это время не укладывались, дальше решили не выпускать. На совещании представитель Рязанской области Юрий Чернов попробовал оспорить это решение, но я заявил, что, по мнению судейской коллегии, если участник не успел пройти за установленное время этот КП, то он технически не подготовлен и в соответствии с правилами может быть снят.

- После дождя Наташка закрыла лицо на реставрацию.
- В протоколе я был под чужой фамилией.
- Вы от меня больше требуйте, чтобы я чаще обещал.
- Наша палатка как автобус: вмещает столько, сколько влезет.

Я вышел на дистанцию, решив посетить наш третий КП, на котором шел контроль времени прохождения участников. Подходя к району КП, услышал гул голосов и вскоре увидел интересную картину: вниз по склону холма спускается начальник дистанции Валерий Суровиков, а за ним тянется длинная цепочка участников, не выпущенных дальше на дистанцию. Валерий выстраивает их на дороге, заставляет пересчитаться — их более шестидесяти — и во главе этого отряда идет на финиш.

А на КП сидит Николай Бурлинов со стартовыми протоколами, и каждый участник, перед тем как отметить, должен сверить у него свое время прохождения, и если оно более двух часов, то дальше его не выпускают. Вижу, как рядом с КП переминаются с ноги на ногу двое пацанов, которые задают Николаю вопрос: «Дяденька, сколько еще осталось до двух часов?». Он отвечает: «Еще три минуты, ждите», — а мне поясняет: «Таких много, которые сами не хотят сойти, а ждут, когда их снимут за превышение времени, так им будет легче объясняться с командой и тренером».

Этот КП сыграл для нас неоценимую роль, однако поиска заблудившихся избежать не удалось, да этого мы и ожидали при том количестве стартовавших, разнице в их подготовке, сложности местности и погодных условий. Район соревнований имел природные ограничения с трех сторон, а с четвертой была хорошо заметная, но узкая просека. Мы отмаркировали эту просеку красной бумагой и выставили заградотряд, который отловил много желающих убежать за нее, но одну участницу все-таки не заметил. Уже около шести часов вечера стало известно, что на финише и в лагере нет одной девочки. Я не помню, из какой она была команды, но то, что ее звали Галей, запомнил на всю жизнь. По протоколам было установлено, что она пропала после второго КП, поэтому решили прочесывать лес между вторым и третьим контрольными пунктами. В спасательный отряд вошла служба дистанции, ряд взрослых ориентировщиков, а также принять участие в поисковых работах выразил желание секретарь Калининского обкома партии, которого поставили с краю шеренги рядом с Юрченковым.

Дождь по-прежнему не утихал, быстро смеркалось, и нам пришлось очень непросто. Наша цепь, пятнадцать участников которой двигались на расстоянии прямой видимости метрах в десяти друг от друга, начала прочесывать лес, сначала по пути движения участников, потом на особо сложных участках. Я был поражен тем, что, несмотря на запрет продви-

- Сашка, займи мне место вместо вон той бабки!
- Во время эстафеты я «паровозил» два этапа.
- Все деньги, которые дает мне мама, я трачу на копилку.
- Я оказал Степке недоверие, но он оказался сильнее — пришлось доверять.

жения по болотам и нелогичность движения по ним, почти все они были истоптаны и покрыты тропами, сделанными участниками. Мы двигались по лесу, непрерывно крича: «Галя! Выходи на голос!». Так продолжалось несколько часов, пока не стемнело. И тут в темноте голосом Владимира Ивановича Тыкула прозвучало: «Галя! ... Только попробуй выйти!», — и сразу же стало ясно, что поиски ни к чему не привели.

Параллельно с нашими действиями заместитель министра просвещения РСФСР Балясная организовала кипучую деятельность в лагере. По районному радио начали давать информацию о пропаже участницы, из Калинина на раннее утро были заказаны армейские вертолеты, а из представителей команд был сформирован большой поисковый отряд, который вооружился факелами и был готов выходить на поиски. И тут, уже в темноте, в лагере появилась Галя, которая рассказала, что она ушла за отмаркированную просеку и, переходя от одной деревни к другой и преодолев более пятнадцати километров, самостоятельно вернулась в лагерь, сразу же став героиней дня.

А тем временем наша группа в темноте вышла на берег озера и мне надо было принимать решение, что же делать дальше. И тут за озером, где находился лагерь участников, начинают пускать множество ракет, что по договоренности означает: пропажа нашлась. Мы же, весь день прошедшие под непрекращающимся дождем, вымотанные до предела, даже не можем слова сказать, никаких эмоций. Нас ожидает санитарный УАЗик, и я даю команду всем грузиться в него. В это время кто-то говорит: «А ведь секретаря обкома нет, неужели потеряли?». И точно, нет его и Альберта Юрченкова, что сразу же нас успокаивает. Слышали их крики в цепи недавно, когда уже шли в сторону озера, Альберт — опытный ориентировщик, не заблудится, ну а за секретарем машину точно пришлют. Придя к такому выводу, связываемся по радиации с лагерем, загружаемся в машину и едем в лагерь. По пути встречаем машину, посланную за отставшими секретарем обкома и Юрченковым.

В лагере полнейшая тишина, хлещет холодный проливной дождь. В центре стоит большая освещенная палатка, а в ней — одинокая фигура заместителя министра просвещения РСФСР Любви Кузьминичны Балясной. Она встречает машину, смотрит на нашу мокрую и измотанную бригаду, подзывает меня и говорит: «Юра, спасибо за работу». А у меня чувство вины за все произошедшее, в голове крутится: «Это за сложную дистанцию, за заблудившуюся девочку и вообще за ориенти-

рование, доставившее всем такую нервотрепку». В ответ я произношу: «Издавайтесь?», — на что Балясная растерянно говорит: «Ни в коем случае. Спасибо за проделанную работу». И я думаю, что когда через одиннадцать лет, в 1982 году, она предложила мне перейти на работу директором Центральной детской экскурсионно-туристской станции РСФСР, история с проведением Кубка РСФСР по туризму на Селигере сыграла свою роль.

А на следующий день должна была состояться военно-туристская игра «Рубеж», в основе которой лежало ориентирование. Команда состояла из трех патрулей по два человека, которые должны были при помощи карты посетить несколько КП — рубежей — с выполнением различных военно-спортивных заданий (метание гранаты, надевание противогаза, стрельба и т. п.), а затем, собравшись вместе, финишировать, водрузив свой флаг на финишной высоте.

Я должен был развести судей на ряд рубежей. Выполнив свою работу, вернулся на рубеж «стрельба из духовой винтовки», на котором каждый участник прибегающего патруля должен поразить три воздушных цветных шарика, подвешенных на горизонтальном шесте. И все это на время. На рубеже судят два учителя физкультуры, физически крепкие тридцатилетние парни, их задача — выдать винтовки с тремя зарядами, подвесить шары к шесту. Но когда планировали рубеж, организаторы забыли, что шары надо еще и надуть.

Наблюдаю следующую картину. Первые два патруля выполнили свою задачу без проблем — шарики висели на месте, судьи все выполнили отлично. Но дальше началось невообразимое: патруль прибегает, а шарики еще не надуты, судьи просто физически не успевают это сделать. Один из них уже сидит на земле, лицо красное, он старается, дует, но голова идет кругом, просто не хватает воздуха. А рядом стоит пацан, перебирая ногами и торопя: «Дяденька, побыстрее». На каждый патруль надо надуть шесть шариков, а таких патрулей около восьмидесяти, причем патрули стартуют через две минуты и на рубеж приходят «с нахлестом». Считаю — соревнования из-за одного рубежа будут сорваны, надо что-то делать.

Предлагаю решение — пусть шарики надувают и завязывают ниткой сами участники, отдают их судьям, которые их и будут подвешивать. Как только это опробовали на следующем патруле, дело пошло.

А я еще раз сделал для себя вывод: на соревнованиях не бывает мелочей, все должно быть заранее просчитано.

- *Наконец-то дождь, теперь я могу сказать, что я мылся.*
- *Дистанция стала короче, когда я с нее сошел.*
- *Палатка стояла не на жизнь, а на смерть.*
- *Который раз я делаю глупости, а этого никто не замечает.*
- *Замаскировался с помощью нежных слов.*

- *Я так устала, что даже бултыхаться не могу.*
- *Где здесь можно опиться?*
- *Еще медленней ускоряйся!*
- *Ой, мамочки! Еще КП!*
- *Рисовал карту, получились обою.*

Слет в Карпатах

В июле 1973 года Центральная детская экскурсионно-туристская станция Министерства просвещения СССР (ЦДЭТС МП СССР) проводила в районе города Сколе Львовской области I Всесоюзный туристский слет-соревнования пионеров и школьников (далее — Слет), в котором приняли участие команды всех союзных республик, городов Москвы и Ленинграда, школ системы Министерства путей сообщения, причем по двум возрастным группам. Программа Слета была сложной, учитывала уже сложившуюся практику проведения туристских слетов в различных республиках. Команды принимали участие в многодневном походе по Карпатам (старшие — в походе I категории сложности), в соревнованиях по ориентированию по выбору, по топографической съемке, в туристской полосе препятствий, в различных конкурсах. Ставилась задача создания единой системы проведения массовых мероприятий, выработки единых правил туристских соревнований школьников. И эта задача была выполнена, всесоюзные слеты по данной системе проводились раз в три года вплоть до развала Советского Союза, причем в пять этапов — начиная от школьных до Финала Всесоюзных туристских слетов-соревнований.

Важным условием было комплектование команды из учащихся одной школы. Только через несколько лет стало известно: чтобы не нарушить это условие, в целях комплектования сильнейшей команды, несколько человек из различных киевских школ были заранее на целый год переведены в школу, представляющую команду Украинской ССР в старшей возрастной группе.

В двадцать шесть лет мне довелось возглавить организационно-педагогический отдел ЦДЭТС МП СССР, который начинал буквально с нуля создавать единую всесоюзную систему организации массовых мероприятий по туризму и ориентированию, подготовку туристских кадров, разработку нормативно-правовой документации, регламентирующей развитие школьного туризма. Поэтому я был назначен ответственным за проведение Слета по служебной линии, а также как судья республиканской категории утвержден первым заместителем главного судьи Слета. Главную судейскую коллегию возглавил Иван Иванович Лисов, генерал-лейтенант, заместитель командующего воздушно-десантными войсками СССР. Причем он не был «свадебным генералом», возглавлял Федерацию парашютного спорта СССР, имел звание судьи международной категории, сам совершил несколько сотен прыжков и провел массу

соревнований, включая международные. Умный, интеллигентный, но в необходимых случаях — жесткий, он доверил мне всю спортивную и содержательную часть Слета, оставив за собой решение организационных вопросов, проведение совещаний с руководителями команд, взаимодействие с членами оргкомитета и местным руководством. Было интересно наблюдать, как областные начальники подходили к Ивану Ивановичу почти строевым шагом, а все его пожелания выполняли как команду, только честь при этом не отдавали. Мне работать с ним было легко, так как Лисов поддерживал почти все мои предложения.

Слет прошел хорошо, несмотря на очень плохую погоду — ежедневные дожди при резком похолодании. Никаких чрезвычайных происшествий, программа была выполнена полностью.

Для подготовки двух спортивных карт района Слета была сформирована бригада из работников ДЭТС, которая собралась в апреле в Сколе на турбазе Львовской областной ДЭТС «Карпаты». Нас было двенадцать мужчин и одна женщина — Зинаида Вдовкина из Киргизии. В состав бригады входили тогда уже признанные, хорошо известные в мире ориентирования Советского Союза специалисты: И. Штейнбук (Ленинград), В. Сафронов (Саратов), В. Суриков (Горький), В. Антропов (Краснодар) и другие.

Армения в состав бригады прислала сотрудника республиканской ЦДЭТС Генриха Арташесовича Тиграняна. Это был небольшого роста, энергичный, веселый, все время пытающийся кому-нибудь помочь армянин, но не имеющий к туризму или ориентированию никакого отношения. У него была странная присказка, с которой он начинал знакомство: «Это Генрих Тигранян — самый лучший из армян! Миру — мир, армянам — деньги!». Ему поручили заниматься нашими бытовыми вопросами, а также готовить пищу. В день отдыха он приготовил на всю бригаду великолепный шашлык. Вечером все собрались за большим столом, Генрих вынес шашлык в большом эмалированном тазу и поставил по середине. И над столом сразу повисла тишина, только слышно, как дружно и торопливо все едят. Я же рассчитывал, что люди будут отдыхать, вести общие беседы, все будет степенно... На мой недоуменный вопрос: «А поговорить?!», — кто-то произнес: «Надо было шашлык разложить по индивидуальным мискам, а сейчас, пока будешь говорить, все съедят. В кругу друзей — клювом не щелкай». В следующий раз эта ошибка была исправлена.

- *Я тихонько подошел к Ольге, подышал ей в затылок, вздохнул и пошел домой.*
- *Бежала вперед лицом.*
- *Отдыхать надо с аппетитом.*
- *У детей все желания на вырост.*

- *Выбирать так выбирать! Поэтому что осталось, я беру себе.*
- *Пройди еще два последних километра.*
- *Меня усыновила общественность.*
- *Что же это такое? Бежал, бежал, а получилось — приплыл.*

Начался слет. В судейской коллегии Генрих не имел постоянной должности, но он к этому и не стремился, постоянно пропадал в команде Армении, поэтому мы опасались утечки судейской информации. Между собой шутили: «А казачок-то — засланный», но знали, что особых секретов Генрих вследствие своей некомпетентности команде сообщить не сможет. Накануне проведения соревнований по топографической съемке главный судья вида Валентин Михайлович Куликов (мой учитель в туризме и ориентировании) сделал заявку на выделение ему трех человек для подготовки маршрута по глазомерной топографической съемке. Узнав об этом, Тигранян упростил меня направить его в помощь Куликову, и его просьба была удовлетворена. На следующий день, уже вечером, он еле живой возвратился с дистанции и с обидой обратился ко мне: «Говорили, будем готовить маршрут, а Куликов дал в руки топор и заставил чистить тропу от кустарника и деревьев. И это все время под дождем. Что я своим смогу рассказать?». Но зато на следующий день после соревнований он в команде Армении приготовил великолепный шашлык, и этот момент попал в документальный фильм о слете, снятый Центральным телевидением.

К организации и проведению детских туристских мероприятий, как правило, подключалось много организаций. Мероприятия всегда имели большое идеологическое значение. Оргкомитет Всесоюзного слета возглавлял заместитель Министра просвещения СССР Федор Ефремович Штыкало, в его состав входили руководители союзных, украинских республиканских, львовских областных организаций. На торжественное открытие слета было приглашено много почетных гостей — среди них Герои Советского Союза, ветераны войны, артисты, спортсмены. Мне по секрету сказали, что ожидается летчик-космонавт Павел Попович, а в 1973 году космонавтов было мало, поэтому их всех знали в лицо.

Я уже отмечал, что большую часть времени шел затяжной холодный дождь, который накладывал определенный отпечаток на проведение мероприятий. Для того чтобы сохранить поляну, на которой стоял лагерь участников, было принято жесткое решение установить на въезде шлагбаум с дежурным милиционером и выдавать специальные пропуска на проезд транспорта. Судьи жили и работали на турбазе «Карпаты», примерно в полутора километрах от поляны, и нам ежедневно приходилось по несколько раз мотаться по разбитой дороге от базы до поляны.

Со своими кружковцами, которых использовали в качестве комен-

- *Люблю рисовать масляной акварелью.*
- *Это новая наша правильная линия, а старая правильная линия уже не правильная.*
- *На твой вопрос еще не выпустили БСЭ.*
- *Грозно урча изнутри, Эдик разоскалится на всю морду.*

дантского взвода и судей-контролеров, я шел на торжественное открытие слета. Подходим к шлагбауму, перед которым образовалась громадная грязная лужа (мы называли ее Миргородской), и наблюдаем следующую картину. Едет легковая машина «Чайка» — машина первого секретаря Львовского обкома КПСС, хозяина области, за ней в нескольких десятках метров — синяя «Волга». Милиционер берет под козырек, поднимает шлагбаум перед «Чайкой» и сразу же опускает перед «Волгой», которая вынуждена остановиться прямо в луже. Из нее выскакивает водитель и начинает что-то втолковывать милиционеру, на что тот, рисуясь перед нами, громогласно отвечает: «А мне плевать, не пуццу без пропуска». Водитель возвращается в машину и через несколько минут из нее вылезают два человека в великолепных синих костюмах с подвернутыми почти до колена брюками и прямо в ботинках бредут по луже, обходя шлагбаум. Все это происходит на наших глазах, дети начинают обсуждать действия милиционера, одобряя его. Выходим на поляну, а нам навстречу бегут солдаты, в руках у которых длинные доски. Когда возвращались назад, через лужу уже был построен небольшой мостик.

Оказывается, первый секретарь отдал «Чайку», в которую помещается больше людей, своим сотрудникам, а сам вместе с Павлом Поповичем поехал на «Волге». Попович был в гражданской одежде, а на портретах все привыкли видеть его в военной форме, при орденах. Вел он себя скромно и его почти никто не узнавал, пока он не был представлен и не выступил на открытии слета, вызвав восторг у всех участников.

На третий день слета Лисов сказал мне: «Заседал оргкомитет слета, из-за постоянных дождей было внесено предложение эвакуировать все команды в город Сколе, разместив их в двух школах. Я как главный судья это решение отклонил, но тогда было предложено завтра с утра вывезти участников по графику на помывку в городскую баню. Я дал согласие, надо выполнять, нужен транспорт». На мои возражения, что это будет перед полосой препятствий, он сказал, что ему было неудобно отказывать оргкомитету.

Лагерь слета стоял на берегу горной бурной реки Стрый, а на другом берегу на окраине города Сколе размещались казармы и гаражи полка правительственной связи, который относился к системе КГБ. В автогородке полка стояли на катках несколько десятков законсервированных армейских машин «Урал». У нас со штабом полка была установлена полевая телефонная связь, которой мы не пользовались, но связаться можно было даже с Москвой.

- *Интересно! Место бабушке надо уступать одно, а нас четверо!*
- *Троллейбус ходит колесами.*
- *Светочка, хочешь я тебе погадаю про то, что ты мне вчера рассказала.*

Иван Иванович говорит: «Юра, свяжи меня с командиром полка». Кручу ручку полевого телефона, меня связывают с полковником — командиром полка, которому я говорю: «С вами будет говорить генерал-лейтенант Лисов». На другом конце провода некоторое замешательство, Лисов ждет, потом спокойным тоном говорит: «Голубчик, о слете ты знаешь, сам помогаешь в его проведении. Оргкомитетом принято решение вывозить детей на помывку в баню. Завтра к девяти ноль-ноль ты должен подать на поляну пятнадцать машин для транспортировки детей, будет несколько рейсов». Слышу, как в трубке что-то говорят о невозможности выделить такое количество машин, они находятся на консервации. Иван Иванович меняет тон и резко говорит: «Повторите приказ!» — и кладет трубку. Утром с судьями едем в город, а навстречу идет колонна, в которой мы насчитали пятнадцать машин.

Но весь фокус был в другом. Детей успели помыть почти всех, но после обеда начались соревнования на туристской полосе препятствий. Этот вид готовила украинская бригада, которая включила в дистанцию этап «мышеловка» с преодолением ползком почти десятиметрового участка. Все мои увещевания об исключении этого этапа, который из-за дождей превратился просто в глинистое болото, не принимались службой дистанции. И участники команд, только что помытые в бане, на финише после прохождения «мышеловки» вынуждены были повторно мыться уже на берегу реки.

А я для себя сделал вывод: во время проведения мероприятия должен быть только один начальник, в данном случае — главный судья, которому принадлежит вся законодательная и исполнительная власть, он принимает решения, но и отвечает за их выполнение.

«нам мама разрешила»

На Всероссийском туристском слете учителей 2002 г.

«Овсянка, сэры!»

В июле 1985 года Центральная детская экскурсионно-туристская станция РСФСР организовала Всероссийский туристский лагерь на озере Селигер, в котором принимали участие пятнадцать групп из разных регионов, а также кружковцы станции. В программе лагеря были занятия по пешеходному и водному туризму, конкурсы и соревнования, а также комбинированный шестидневный поход к истокам Волги. Так как байдарок на всех участников лагеря не хватало, была использована схема: половина групп три дня идут к истоку пешком, а другая половина плывет по озеру на байдарках, а достигнув истока, участники меняются маршрутами.

Я был со своим кружком, в котором были одни мальчишки — учащиеся девятого класса, группа уже схоженная и дружная, мне как руководителю было легко, поэтому мог заниматься делами лагеря. Все внутренние дела группы, в том числе и обеспечение продуктами, меню, решались самими ребятами, я был спокоен на этот счет.

На второй день, лежа в палатке, слышу вопрос, адресованный дежурным: «Что у нас сегодня на завтрак?» — и их ответ: «Овсянка, сэры!». Накануне вечером у костра у нас шел разговор о Шерлоке Холмсе, об англичанах, поэтому приготовление этого блюда на завтрак не было неожиданностью. Вечером, во время ужина, уже новые дежурные подходят к костру и объявляют: «Овсянка, сэры!», на что группа отзывается одобрительным гулом.

Утро следующего дня начинается с возгласа дежурных: «Овсянка, сэры!», это же повторяется в ужин, что настораживает меня. Когда на следующее утро едим овсяную кашу, понимаю: что-то надо делать. Осторожно интересуюсь у командира группы: может быть, продукты получили в ограниченном количестве, нет других круп? Он говорит, что все в порядке, а овсянка всем в группе нравится. Хотя мы и находимся в лагере, моя группа живет по режиму водников — в обед первое (суп, борщ и т.п.) и третье, завтрак и ужин обычные, поэтому одно и то же блюдо — не самый хороший вариант. Дежурные готовят овсянку то с тушенкой, то молочную, то с ягодами, но основа-то одна. Решаю не вмешиваться в вопросы самоуправления, тем более что руководители других групп, которые уже знают о причуде группы Константинова, наперебой зовут меня на ужин к себе. А у моих появилась фишка, о которой знают все, ходят гордые, уже откликаются на кличку «англичане». Спрашиваю

- Если дружишь с девчонкой, то надо это делать чересчур вежливо.
- Мое вдохновение зависит от счастливой случайности.
- У нас с Вовкой разные цели в жизни: он вырабатывает характер, а я — иммунитет.

- Председателем совета отряда выбрали Таню: она умеет держать язык за зубами.
- С новыми учебниками — на второй год.
- Мы свою учительницу задарили цветами.
- Чрезмерное пространство.

командира: «Ведь выданная овсянка уже должна кончиться?», на что он отвечает: «Мы ее выменяли у других групп».

Выходим на три дня в пешеходную часть похода, моя попытка овсянкой продолжается, а группа, как ни в чем не бывало, утром и вечером одобрительно откликается на возглас дежурных: «Овсянка, сэры!». Побывали на истоке Волги и в Свапуще пересаживаемся на байдарки, чтобы пройти еще три дня. Ну, думаю — все, однако вечером опять: «Овсянка, сэры!». Мне завхоз говорит, что у всех групп нашего потока они овсянку уже давно выгребли, поэтому при получении байдарок они сумели обменяться с группой Минделя из второго потока. И еще три дня мне пришлось питаться овсяной кашей, чего хватило на всю оставшуюся жизнь.

Чем была вызвана эта причуда всей туристской группы? Я пытался понять, но ничего, кроме ребячества, показного единения, я не увидел. Конечно, если бы я в самом начале попытался надавить на них своим авторитетом руководителя, сумел бы изменить ситуацию, но не сделал этого и не жалею. Прошло много лет, но возглас: «Овсянка, сэры!» — напоминает мне о том славном времени, о моих кружковцах, о Селигере.

Происшествие на Великой

В августе 1985 года я со своей группой кружковцев Центральной станции юных туристов Российской Федерации совершал поход на байдарках по реке Великой в Псковской области. Шли мы двумя группами: у меня было десять человек — только одни мальчишки, а второй группой, в которой было двенадцать человек мальчишек и девчонок, руководил Олег Алексеевич Аверичев, которого все называли Адмиралом, так как он имел большой опыт водных походов и выглядел соответственно — по-адмиральски важно. Вторым руководителем у него был Дмитрий, его воспитанник, уже отслуживший в воздушно-десантных войсках. Начинали мы свой маршрут с истока реки и планировали закончить его в районе Пушкинских Гор. Адмирал возглавлял кавалькаду из двенадцати байдарок, мне было доверено ее замыкать.

Лето было жаркое, дождей немного, река неглубокая, с песчаным дном и небольшим течением, берега красивые, населенных пунктов немного. Местами встречались небольшие перекаты, но ежедневно на пути в деревнях нам приходилось делать обносы разрушенных местных гидроэлектростанций, построенных в послевоенные годы и потом заброшенных.

На второй день во время обеденного привала мы с Адмиралом немно-

- *Перешли в следующий класс с новым классным руководителем и старыми традициями.*
- *Устойчивая расхлябанность.*
- *Когда бежал через болото, видел кикимору — это наша Ленка.*

го отошли от реки и были поражены: большой бугор был весь обсыпан крупной красной брусникой. Мы взяли с собой большие ведра, позвали желающих и до конца привала занимались сбором ягод, которые решили привезти домой. Дети немного попаслись, наелись ягод, а собирать бруснику желания не изъявили. А у меня с Адмиралом появился настоящий охотничий азарт, на каждом большом привале, взяв посуду, мы выходили на тихую охоту — за брусникой, благо ее было много.

На четвертый день похода к обеду мы подошли к разрушенной плотине, остаткам старой мельницы. Место красивое, да еще оборудованное, видимо туристами, двумя столиками. Решили сделать полудневку, так как погода благоприятствовала, в график мы вписывались, да и брусники вокруг много. После обеда, часа в четыре, Адмирал с Димой, прихватив ведра и пригласив с собой желающих, двинулись на промысел, а меня оставили дежурить на два лагеря. Моя группа, глядя на руководителя, решила никуда не ходить, а просто отдыхать.

Часа через два ушедшие с Адмиралом ребята вернулись, сказав, что руководители увлеклись сбором брусники, а их отпустили. Моя группа поужинала, а я пошел к соседям и обнаружил, что они даже не начали еще готовить ужин — ждут команду, а руководителей нет. Распорядившись, чтобы ребята не ждали, а готовили ужин, я вдруг на столике увидел принадлежащий Адмиралу роскошный финский компас «Суунто» — зависть всех участников похода. Дети пояснили, что его не взяли, уходя в лес, так как сбор ягод намечался в районе нашего лагеря. Когда уходили в лес, всюду светило солнце, рядом река, так что заблудиться просто нереально.

Когда группа поужинала и стало смеркаться, а руководителей все не было, у меня возникла легкая тревога. У нас был небольшой судовой колокол, который был снят с заброшенного корабля во время похода по Ахтубе летом предыдущего года. Дал колокол моему заместителю и послал его с небольшой группой мальчишек на перекресток просек, метрах в четырехстах от лагеря, с заданием звонить и кричать — звук вечером слышен далеко. Уже стемнело, когда эта бригада вернулась, а Адмирала с Димой все нет. Делать нечего, остается ждать утра, даю обоим группам указание — спать.

Утром просыпаюсь рано, иду к соседям с тайной надеждой, что руководители уже вернулись. Но компас лежит на столе, рядом стоят их миски с кашей, приготовленной на ужин, а палатка пуста. В полном мол-

- *Убежал за карту и, не найдя себя, вернулся на место старта.*
- *Теперь ты будешь ничего не делать, а я буду тебя проверять.*
- *В.Я., он надо мной издевается, только непонятно как.*

чании проходит завтрак. Надо принимать какое-то решение, дети обеих групп с надеждой смотрят на меня, а я просто не могу понять, куда могли деться два взрослых опытных мужика. Пытаюсь поставить себя на их место — ничего не получается.

Надо что-то делать, чем-то занять детей. Вывожу обе группы на просеку, идущую параллельно реке Великой, и говорю: «Все смотрели фильмы, как немцы прочесывали лес при наступлении на партизан? Растягиваемся в цепочку, метров двадцать друг от друга, в пределах видимости, и двигаемся в направлении реки!» Я иду в центре, понимая, что вряд ли прочес поможет, хотя... Место, где мы стоим, — партизанский край, возможны развалины землянок, воронки.

Вдруг видим в глубине леса мужчину с парнишкой лет четырнадцати — грибники с корзинками. Спрашиваю: «Не видели ли двух взрослых мужчин — туристов?» Грибник отвечает отрицательно, а потом вдруг говорит: «А может быть, их НЛО похитил? У нас в Опочке на той неделе над городом висел НЛО, много людей его наблюдало, даже электричество отключилось. Об этом и в районной газете было написано». Это уже версия. Доходим до реки — никаких следов, я сворачиваю поисковую операцию, и мы возвращаемся в лагерь.

Полдень, сдвигов никаких, что-то надо предпринимать. Решаю: группам продолжить дневку, а самому с документами своими и Адмирала на байдарке идти в районный центр Опочку, чтобы сделать в милиции заявление о пропаже туристов. Беру своего капитана группы в качестве гребца, заместителя оставляю руководить двумя группами.

Уже подготовили байдарку, минут через десять выходить, и вдруг крики: «Олег Алексеевич с Димой идут!!!». Из леса по просеке выходят к лагерю измученные Адмирал с Дмитрием, идут ко мне и начинают свою исповедь.

Когда с детьми пошли после обеда за брусникой, взяли большие каны. Собирали ягоды недалеко от лагеря, но дети много вокруг пощипали, поэтому после их ухода сменили место. С одного бугра переходили на другой. Сбор ягод увлек, оставалось до края посуды совсем немного, хотелось наполнить ведра. Сами не заметили, как наступили сумерки, а когда опомнились — уже темно. Куда идти, в каком направлении? — компаса-то нет. Люди взрослые, опытные: Адмирал — турист с большим стажем, к тому же учитель географии, Дима — десантник. Выберемся, не такое бывало!

Уже в темноте наткнулись на ручеек, ну а там понятно — надо идти

- Я поставил приблизительный азимут и вышел приблизительно в полукилометре от КП.
- Плавать могу только в воде.
- Достижения мои! Сам ими и горжусь!
- Сидеть рядом с Андреем не буду — он храпит.

вниз по нему, ближайшая река — Великая, все ручьи впадают в нее, а потом по реке идти вверх по течению до лагеря. В полной темноте двигались по ручью, а он добежал до болота и пропал. Решили двигаться по болоту, где-то должен вытекать из него ручей, но после долгих мытарств поняли, что можно и пропасть в этом болоте. Нашлась большая кочка, хорошо, что были нож и спички: развели небольшой костерок и вздремнули, сидя спиной друг к другу.

Едва начало светать, появился солнечный отсвет — значит, это восток. Решили идти на запад, в сторону Опочки. Ни троп, ни дорог, тяжелый буреломный лес, шли напрямик несколько километров. Вдруг услышали звук мотора, еще через километр вышли к ферме — работал сепаратор, перерабатывая молоко после утренней дойки. Доярки, увидев двух небритых, одетых кое-как мужиков, сначала испугались, но потом сжалились и напоили их парным молоком. Объяснить, как пройти к реке Великой, они не смогли — просто не знали, но показали дорогу к ближайшей деревне, до которой было километров шесть. Уже на подходе к деревне их догнал грузовик, шофер которого сразу же задал вопрос: «Ребята, а вы не инопланетяне?» Довез их до деревни, где у местного населения с большим трудом они узнали, что до развалин старой мельницы на реке никто не ходит, дорога заросла, идти по тропе несколько километров. И они пошли. Продолав путь около двух десятков километров, наконец вышли к нашему лагерю, вызвав бурный восторг у своих подопечных.

А самое главное — всю дорогу они несли по ведру, заполненному до самого верха спелой брусникой!!

Камень Пушкина

В этом же походе произошел случай непосредственно со мной. Наша кавалькада байдарок насчитывала 12 судов, я шел в трехместном «Таймене» последним. И так получалось, что практически все мои ребята каждый вечер зашивали и клеили свои байдарки, судоходный опыт давался им с трудом, они постоянно пропарывались, так как Великая в этом отношении — река непростая. Я, имея определенный опыт, а также идя последним, мог наблюдать и вовремя реагировать на опасные места. Каждый вечер я с шутками комментировал работу по ремонту байдарок, что немного нервировало моих кружковцев.

На шестой день похода река стала довольно-таки широкой, метров до тридцати, течение более быстрым, появились населенные пункты. На

- В жизни так мало радости, что смеешься без причины.
- Ученым я никогда не стану, но про кое-что рассказать могу.
- Я следил за Ромкой и обнаружил, что он за пазухой ничего не держит.
- Моя застычивость от неудобной позы.

подходе к деревне Поддубье проходим под деревянной высоковольтной линией, и мой матрос поворачивает голову назад и вдруг спрашивает: «А разве могут быть черные изоляторы?» Я и остальные члены моего экипажа машинально поворачиваем головы назад и смотрим вверх на провода. Однако боковым зрением замечаю: все байдарки моей группы начинают спешно табанить и разворачиваться, ребята выражают восторг, кто-то кричит: «Шеф сейчас сядет!» Тут вижу посредине реки громадный плоский камень, размером примерно два на два метра, и нас со скоростью несет прямо на него. Реакция была поздней, единственное, что нас спасло — мы налетели не носом, а навалились на камень левым боком. Байдарка сразу же стала тонуть, хорошо, что глубина там была по пояс. До берега, на котором стояли несколько бань, было метров шесть, мы сразу же выпрыгнули и выбросили байдарку на берег. С левого борта в результате навала на камень появилась дыра длиной около метра.

Надо было видеть, как все байдарки сразу же начали подплывать к нам, а ребята, скрывая свою ехидную радость, выражали нам глубокое сочувствие и предлагали помощь. «Юрий Сергеевич, как же вас угораздило налететь на единственный в реке камень?» — этот вопрос задал почти каждый экипаж. Дыра была громадная, но мы довольно быстро ее зашили и продолжили движение, а вечером уже наложили большую заплатку.

Активную часть похода мы закончили в городе Опочка, где разместились на две ночи в Доме пионеров. Вечером мне в руки попала книга, рассказывающая о достопримечательностях Псковской области и окрестностях Опочки. Читаю ее, и вдруг мне попадаются знакомые названия деревень, мимо которых мы проплывали. И среди них деревня Поддубье, стоящая на Великой. В эту деревню несколько раз приезжал Александр Сергеевич Пушкин, который любил на лодке подплывать к огромному камню на середине реки, вылезал на него, отдыхал и даже написал там несколько стихотворений.

Вся моя группа лежит в спальниках на полу, и я им говорю: «Вот вы поролись на каких-то корягах, остатках мостов, а я пропоролся на знаменитом камне, единственной достопримечательности на всей реке, связанной с Пушкиным!», — и зачитываю им отрывок из книги. Реакция была интересная, все с уважением стали рассматривать книгу, а кто-то подхалимски заметил: «Ну так вы же наш руководитель, вам положено совершать поступки, которые должны быть для нас примером!»

Конкурс туристской кухни

В июле 1983 года Центральная детская экскурсионно-туристская станция РСФСР проводила первую матчевую встречу команд школьников по технике пешеходного туризма. Мы решили опробовать идею проведения Контрольно-туристского маршрута (КТМ) в форме трехдневного туристского похода с прохождением различных этапов и выполнением специальных заданий. Опыта проведения таких соревнований еще не было, сами этапы и задания бригада судей разрабатывала прямо по ходу движения, в соответствии с местностью. Дистанция проходила в Подмосковье, на пересеченной местности Клинско-Дмитровской гряды. В матчевой встрече участвовали 15 команд разной степени подготовленности из регионов России. С каждой командой шли два руководителя, но основным условием КТМ была проверка готовности команды, поэтому руководители шли не со своей командой, а являлись своего рода судьями, которые также должны были обеспечивать безопасность участников.

Была хорошая погода, местность овражистая, этапы получались интересными — со спусками и подъемами с использованием веревок и без них, километраж также соответствовал — в день проходили около пятнадцати километров. Атмосфера внутри команд, среди руководителей и судей также была дружеская.

Второй день команды закончили в долине реки Волгуша, до темноты оставалось около двух часов. Мы предложили командам условие — за час должен быть поставлен лагерь и приготовлено одно блюдо и чай на ужин. Все это команды должны сделать сами, без участия руководителей, которые были изолированы и находились в судейском лагере. На приготовление ужина команде давалось 45 минут.

У нас в составе судейской бригады шла Марина Бородина — методист отдела краеведения, хрупкая девушка, практически не имевшая туристского опыта. Она наравне со всеми шла по маршруту, стойко переносила все трудности, судила задания, связанные с краеведением. Но к концу второго дня заметно устала, принимать участие в установке судейского лагеря и приготовления пищи ей уже было трудновато. Она подошла ко мне и спросила: «Юрий Сергеевич, можно я буду судить конкурс “ужин команд”, я справлюсь и одна» Я согласился, и она начала обход команд, следила, как разводят костры, отмечала у себя в протоколе начало приготовления пищи. Запустив эту процедура, возвратилась в судейский лагерь и на зависть всем судьям организовала себе рабочее место для приема от команд приготовленной пищи.

- *Самый простой путь к сердцу девчонки — не обращать на нее внимания.*
- *Я все время находил себя на карте, а про КП забывал.*
- *В летний сезон осень набирает силу.*
- *Мой друг Пашка теперь мне просто товарищ.*

- *Среди всех остальных я был первым.*
- *Который культурный, он и ругается культурно.*
- *Если в школе нет занятий, значит кого-нибудь выбирают.*
- *Бег в горку укрепляет не только ноги, но и конечности.*
- *После старта выяснилось, что карта не этого района.*

И вот через сорок минут прибегают первая команда и приносит миску с манной кашей и кружку чая. Марина победно смотрит в сторону судей, так как в судейском лагере костер еще только начинают разводить, говорит: «Молодцы, успели досрочно и сварили манную кашу, которую я люблю», после чего демонстративно медленно начинает ее даже не пробовать, а кушать. В это время подбегает вторая команда, приносит также миску с манной кашей. Марина, нахваливая, начинает пробовать и ее, а в это время бегут еще несколько команд, и у всех манная каша. После восьмой пробы манной каши она подходит ко мне и говорит: «Я уже не могу, у всех команд манная каша, дайте замену». Я ей отвечаю: «Посредине конкурса менять судью нельзя, терпи». И она терпит, давится, но продолжает пробовать все ту же манную кашу. Оказалось, дети из всех команд, не сговариваясь, решили готовить манную кашу, так как за 45 минут они бы вряд ли сумели приготовить другое блюдо.

Бедная Марина разлюбила манную кашу на всю оставшуюся жизнь, а я для себя сделал вывод, что при проведении традиционного конкурса туристской кухни нельзя ставить условием приготовление одного блюда для каждой команды, так как тогда конкурс невозможно объективно оценить даже опытной экспертной бригаде. Нужно позволить участникам проявить творческий подход и продемонстрировать мастерство поваров, да и судейская коллегия будет довольна, ведь и ей кое-что перепадает из приготовленного.

На Главном Кавказском хребте

В течение многих десятилетий в туризме складывались законы и правила, которые «писались кровью» и направлены на обеспечение безопасности, на профилактику несчастных случаев. Это продиктовано спецификой нашего вида деятельности — автономным нахождением походной группы в природной среде, когда все зависят друг от друга, а также от природных явлений.

Постоянно приходится обращать внимание на то, что в походе пренебрежение к выработанному опыту, рекомендациям порой может привести к чрезвычайной ситуации. Но, видимо, так устроен человек, что пока он сам не испытал, не обжегся, на данные рекомендации внимания обращать не будет. С подобной ситуацией пришлось столкнуться в походе по Главному Кавказскому хребту.

В период с 1983 по 1990 г. Центральная станция юных туристов

- *Когда кричишь душой, вокруг почему-то гробовая тишина.*
- *Я бежал сначала один, а потом по карте.*
- *А как бежать через озеро?*
- *Мне бы хоть разок стать первой!!!*
- *Вода вскипела, а грязь сварилась.*

России ежегодно в сентябре проводила курсы (семинар) по подготовке организаторов туристской работы со школьниками. Семинар проходил на турбазе Краснодарской станции юных туристов в ауле Кирова Лазаревского района, в горах, около тридцати километров от берега моря. Программа предусматривала четырехдневный теоретический курс, а также зачетный поход в два кольца — одно в течение пяти дней с подъемом на гору Псеушко и выходом к морю, второе, также пять дней, — подъем на Главный Кавказский хребет и движение по нему с возвратом на базу. Сентябрь, почти всегда великолепная похода, красивейшие горы, теплое море, великолепная атмосфера в кругу единомышленников — профессионалов детского туризма, интересная учебная программа — все это способствовало тому, что семинар пользовался большой популярностью. Ежегодно в нем принимали участие более шестидесяти работников станций юных туристов из всех регионов России.

В 1987 году мы скомплектовали четыре отделения, в том числе одно из двенадцати директоров станций юных туристов и двух молодых сотрудников, которое я и возглавил. Народ бывалый, по возрасту от 30 до 50 лет, с хорошим жизненным опытом, но с различной физической подготовкой. Профессиональный опыт руководящей работы накладывал определенный отпечаток: у каждого свое мнение по спорным вопросам — куда и как идти, по режимным моментам, но и жесткое подчинение решению руководителя.

Когда мы выходили на берег моря, то останавливались на окраине Лазаревского, на берегу реки Псеуапсе, примерно в полутора километрах от моря. Это было очень неплохое место с небольшими полянками в тополиной роще, которое почему-то у местного населения называлось «городская свалка» и это избавляло нас от посещения посторонних. Каждое отделение ставило свой лагерь, оставляло дежурных, и уходило на берег моря загорать, купаться и между делом, продолжать практические занятия. Картина: на пляже сидят два десятка человек и, загорая, вяжут туристские узлы.

Вернувшись к вечеру в свой лагерь, я услышал окончание рассказа Антонины Иншаковой из Карачаево-Черкесии, как им в походе пришлось спастись от наводнения, когда они стояли во время дождя в русле реки. Легли спать раньше, так как начал накрапывать небольшой дождь. Часа через два проснулся от того, что началась гроза, а дождь стал лить

- *Я бегу на лыжах как молодой кенгуру.*
- *Я бежала от пункта к пункту на цыпочках, чтоб соперники не слышали, как я беру КП.*
- *Ты новенькая? — Новенькая! — А я старенькая, но все равно ничего не знаю.*

по-настоящему. Все четверо, ночевавшие в палатке, с тревогой стали прислушиваться к гулу, который сопровождал ревущую реку Псезуапсе, такую мелководную и приятную, которую мы хорошо знаем.

Говорю: «Если вода пойдет через нашу поляну, выпрыгиваем из палатки, выдергиваем колья, и не сворачивая ее, тащим с вещами на склон». Иншакова говорит: «Так я уже рассказывала о наводнении, ведь это произошло прямо здесь, на Псезуапсе!». Сидим еще около получаса в полной готовности, но чувствуем, что вода перестала прибывать.

Рядом, в соседней палатке, находился Витюша — участник из Воронежа, немного странный парень, которого пришлось взять в «отделение директоров», чтобы он находился под особым наблюдением. Палатка недалеко от нас, и мы слышим между раскатами грома какие-то вопли и причитания. Соседи рассказали потом, что Витюша, встав на колени в палатке, начал кланяться до земли, причитая на полном серьезе: «Говорила мне мама — иди в художественную самодеятельность, а я, дурак, — в туризм, в туризм!».

Скоро гроза и дождь так же внезапно прекратились, никто из наших двух отделений не пострадал.

В любых рекомендациях всегда указывается, что лагерь лучше не ставить рядом с руслом горной реки, что это чревато большими неприятностями. В этом мы и убедились на практике, хорошо, что все обошлось. Но урок запомнился на всю жизнь.

Через три дня наши два отделения вышли с базы на второе кольцо — на Главный Кавказский хребет. Сделав более двадцати километров до ночевки, на второй день мы начали подъем на перевал Хакуч (Грачевского). Иду первым по хорошей тропе, рядом с грунтовой дорогой, проложенной для обслуживания газопровода, протянувшегося через перевал. Передо мной бегут две собаки, увязавшиеся с нами из аула и ставшие членами нашей группы. Вдруг они испуганно останавливаются и пропускают меня вперед. Метрах в тридцати перед нами на тропе стоит большой медведь, внимательно смотрит в нашу сторону. Мы останавливаемся в полной тишине — все слишком неожиданно, хотя мы знаем, что в этом районе медведи не редкость. Медведь пересекает тропу и медленно уходит в лес, а мы через некоторое время продолжаем движение.

Подъем на перевал технически не сложен, можно идти по дороге, идущей серпантинном, можно срезать петли и лезть в лоб, что на открытом склоне и в жару дается с трудом, но значительно сокращает время подь-

ема. Сам перевал — большое открытое пространство — луг с альпийской растительностью. Влево, по Главному Кавказскому хребту уходит грунтовая дорога, переходящая в хорошую набитую тропу, по которой мы и продолжаем движение. По этому маршруту мы уже ходили в предыдущие годы, даже маркировали тропу, когда она пропадала в низкорослом лесу или в густой альпийской растительности на открытых местах. Тропа идет по самому верху Главного Кавказского хребта, иногда траверсируя его, картины слева и справа захватывают дух.

К вечеру подходим к подъему на вершину Бекешы (1671 м), решаем остановиться на ночлег, спустившись на северный склон. Есть родник, большие террасы в чистом, без подлеска, буковом лесу, идеальное место для лагеря. Отделение Маслова занимает верхнюю террасу, мы становимся на нижней, несколько в стороне. Погода немного портится, но дождя нет, сильный ветер раскачивает верхушки буков, но внизу он чувствуется слабо. Быстро начинает темнеть, и тут оказывается, что в моем отделении директоров кое-чего не хватает. Так как директора считали себя настоящими туристами-профессионалами, привыкшими руководить, на так называемые мелочи при подготовке похода они не обратили внимания. На четыре палатки взяли только один сдыхающий фонарик и маленький туристский топорик. Зато не забыли коробку домино и приличных размеров радиоприемник «Хитачи», который доверили нести мне как руководителю.

Игра в домино продолжается и в сумерках при свете костра, но наступившая темнота заставляет рано ложиться спать. Луны и звезд не видно, темнота в горах — просто глаза выколоть. За много лет работы с детьми у педагогов-туристов, как правило, вырабатывается постоянное чувство ответственности и беспокойства за детей, когда спишь вполглаза, реагируешь на каждое движение в спальном детском лагере. Часа через два это чувство беспокойства руководителя заставляет меня проснуться и прислушаться. Слышу какие-то шаги вокруг нашего лагеря, какие-то шорохи, и все это на фоне шумящих под ветром буков. Сел у выхода из палатки, а положение дурацкое: что делать? Кричать и будить всех — будет паника, так как фонарей нет, единственный топор также неизвестно где. Вдруг немного выше нашей палатки слышен звук падения камня, через несколько минут — такой же звук ниже. Думаю: «Вилка! Следующий камень — наша палатка». Слава богу, продолжения падения камней не последовало. Мои соседи по палатке проснулись, сквозь сон спрашивают:

- Я на своей карточке написал его фамилию потому, чтоб плохой результат был у него, а не у меня.
- После финиша я регулярно отдыхаю, чтобы с новыми силами услышать свой результат.
- Если бы я знала, куда бегу, я бы прибежала еще раньше.

- Я не кричу, я шумлю.
- Заблудился по компасу.
- Утром встал и, не евши, помылся.
- Я восстановил в памяти все, что помнил.
- У меня от приседаний перегиб в коленках.

«Шеф, чего не спишь? Что происходит?» Успокаиваю, еще около получаса сижу — все вокруг спокойно, можно продолжать спать.

Утром сразу же пошел к Маслову: может быть, кто-то из его отделения решил с нами так пошутить, но он сразу же отверг это предположение. Оглядываю место вокруг своей палатки — лежат два булыжника, которых раньше не было. Поднимаюсь по склону немного выше и вижу следы медведя — все сразу же становится ясно: был ночной гость.

Подхожу к костру, завтрак идет в полнейшей тишине, люди какие-то задумчивые. Рассказываю о медвежьих следах, все оживляются, а Витюша говорит: «Это медведь, я его видел». Оказывается, он вечером решил не спать в палатке, а залез в спальник, завернулся в полиэтилен и лег рядом с палаткой. Проснулся от того, что кто-то обнюхивает его лицо, а когда Витюша заворочался и зашуршал — отошел. Куда в это время делись наши собаки, появившиеся к завтраку, непонятно.

Наше счастье, что все так обошлось, но разговоров на эту тему хватило до конца семинара. И один из сделанных выводов — в подготовке к походу не должно быть мелочей. Есть список туристского снаряжения — будьте добры не забывать ничего, тем более — связанного с обеспечением безопасности.

Нам повезло с погодой, все время солнце. Так как мы идем по гребню, особо не жарко, но потеть приходится. В предпоследний день похода на обед мы остановились на склоне хребта, решили сварить только суп и два кана компота, благо разных ягод на хребте хватает. Сбросив рюкзак, достал свою литровую кружку и, наполнив вкуснейшей водой из родника, сразу же выпил. Потом две полные кружки компота, а перед выходом с привала — еще полкружки воды. Через переход понял, что сделал что-то неправильно,

В такое сложно поверить

- *О чем мы сегодня будем задумываться?*
- *Я видел только обессиленного себя.*
- *Если не будете меня награждать, то и вперед лезть незачем.*
- *Кусты оказались проходимыми, но одежда слабая.*
- *Через забор перелезли дружным махом.*

чувство жажды стало основным, а воды на хребте уже нет. Два часа спуска и мы разбиваем лагерь на берегу великолепного ручья с чистой горной водой. Напиваюсь, погасил чувство жажды, но уже через полчаса опять приходится черпать воду из ручья. И это чувство жажды уже не покидает, даже укладываясь спать, приходится ставить у входа в палатку полную кружку воды. Понимаю, что это уже начальная стадия заболевания, надо собрать всю свою волю и перебороть себя. С утра вплоть до обеда не пил ни капли чая и воды, пока двигались — терпел, несмотря на самые настоящие мучения. И только к вечеру эта пытка жаждой стихла.

Этот случай для меня стал настоящим уроком, когда я на собственном опыте убедился в рекомендациях, что при движении в походе лучше не пить, перетерпеть.

И общий вывод: какими бы крутыми мы себя ни считали, в туризме не стоит пренебрегать рекомендациями и опытом предыдущих поколений.

Из книги «Ориентирование как образ жизни, или с улыбкой об ориентировании»

1974 год. Первые Всесоюзные соревнования по ориентированию среди школьников, Литва. Старт первого этапа эстафеты юношей группы «А» выносной, километрах в четырех от центра соревнований, на военном полигоне. Нами разработана сложная система нескольких стартов, однако наличие радиостанций успокаивает, все рассчитано до минуты. Вдруг за пять минут до старта по рации сообщают: к месту старта юношей приближается танковая колонна, что делать? Передаю радиостанцию главному судье соревнований, генерал-лейтенанту, заместителю командующего Воздушно-десантными войсками СССР И. И. Лисову, который командует: «Старт давать вовремя, танки не пропускать!» На месте старта инспекторы соревнований Володя Сафронов (Саратов) и Алексей Чекасин (Свердловск) выскакивают на просеку, по которой идут танки, и буквально ложась грудью на броню первого из них, останавливают колонну. Танкисты, с интересом посмотрев старт эстафеты, продолжили движение.

- *Руки замерзли и скрюковались.*
- *Осень — золотая пора для дождей.*
- *Разглуповался.*
- *Мой второй завтрак равен первому обеду.*
- *Мою маму украшает отдых.*

На заключительном вечере, который устроил в ресторане после окончания Первых Всесоюзных соревнований школьников по ориентированию министр просвещения Литвы, сажусь рядом с генерал-лейтенантом Иваном Ивановичем Лисовым и говорю: «Ну, вот и наступила шестая стадия». На вопрос Лисова, что это означает, поясняю: «Проведение любого крупного мероприятия в нашей стране складывается из шести стадий. Первая — шумиха, вторая — неразбериха, третья — поиски виновных, четвертая — наказание невиновных, пятая — награждение непричастных, шестая — пьянка». Лисов соглашается, но поправляет: «Шестая — банкет». Отвечаю: «У вас, генералов, — банкет, а у нас чаще всего — пьянка».

Сидящий рядом с нами судья из Москвы Володя Тыкул замечает: «Что-то Константинов все рядом с генерал-лейтенантом старается сесть, видимо, надеется, что лампы отпечатаются?»

Всероссийские лично-командные соревнования по ориентированию в Муромцеве, север Омской области, 1976 год. Перед входом в стартовый коридор висят таблички, указывающие возрастные группы: М, Ю и Ж, Д. Перед ними мечется молодая особа и вдруг кричит тренеру: «Павел Иванович! А я кто — девушка или женщина?!»

В 1972 году я впервые выехал за рубеж — в составе туристской группы специалистов на Первенство мира по ориентированию в Чехословакию. В день отдыха участников первенства нас выпустили на дистанцию первого дня. На середине дистанции я встретил председателя Украинской секции ориентирования Михаила Горностайпольского и несколько КП мы брали вместе. Мне было двадцать пять лет, ему под сорок, и он, конечно, для меня был большим авторитетом. В одном месте тропа поворачивала налево, а вправо уходила набитая в высокой траве стежка. До КП оставалось около ста метров и я предложил бежать по тропе, однако Михаил сказал: «Бежим по натопанной, так как мой жизненный опыт говорит, что народ в своей массе поступает правильно». Я последовал за ним, и через несколько минут мы вышли на КП. Прошло много лет, но в сложной ситуации я часто вспоминаю Горностайпольского и следую его принципу.

- *Жизнь стала такой трудной, что приходится трудности обходить.*
- *Я теперь могу не только работать, но и кое-что делать.*
- *Возьми обратно свой ножик — он теперь не мой.*
- *Моя бабушка уважает дедушки.*

На Московской многодневке по ориентированию 1979 года, посвященной памяти моего друга, судьи всесоюзной категории Анатолия Гурцева, ежедневно стартовало в течение пяти дней около двух тысяч человек. Это были одни из самых первых в России платных стартов, и все собранные средства (около шести тысяч рублей, что по тем временам очень большие деньги), были положены на счет жены-инвалида. Я — главный судья и председатель оргкомитета, как работник Центрального совета по туризму и экскурсиям использую свой административный ресурс. Обслуживала соревнования большая судейская бригада, а также разнообразные хозяйственные службы: торговля, автотранспорт, врачи, милиция. Причем все это делалось без оплаты, с использованием административных рычагов и дружеских отношений.

В последний день ко мне подходят ходоки и говорят: «Все задействованные в проведении хотели бы после окончания собраться за столом и отметить удачное проведение. Нужны деньги». — «Все деньги уже лежат на сберкнижке, ищите другое решение» — отвечаю я и уезжаю на выносной старт.

В мое отсутствие по радио было объявлено, что всем желающим спортсменам за умеренную плату (взрослые — 50 копеек, дети — 25) на их футболках будет сделана накатка эмблемы московской многодневки, которую до сего дня имели только судьи.

Возвращаюсь часа через три и вижу следующую картину. В центре поляны у флагштока развернута мастерская по нанесению эмблемы соревнований способом шелкографии. К ней стоит большая очередь, но порядок в ней отмененный, так как его поддерживают прикомандированные к соревнованиям два капитана милиции в форме, которые вот уже пять дней живут вместе с нами в палатках.

На моих глазах идет педагогический процесс. Пацан платит пятьдесят копеек и сдает две футболки, но одна из них детская, а вторая — взрослая. Наш милиционер, обративший на это внимание, укоризненно говорит: «Обманывать очень нехорошо», — но в виде исключения заказ выполняется.

Все заработанные таким способом деньги пошли на организацию прощального ужина, который, по отзывам всей судейской коллегии, удался.

- *Трудно высказать, а еще труднее не высказать.*
- *Бабушка, садитесь пожалуйста, только поплотнее.*
- *Меня ругают не только каждый день, но и каждый раз.*
- *Задержите его! Он третий раз финиширует!*
- *Как хочется чего-нибудь сладкого от жизни!*

Суровцев Геннадий Николаевич (1947–2021)

Петрозаводск

Врач высшей квалификации, работал главным врачом районной поликлиники в г. Петрозаводске. Активный член городского туристского клуба «Сампо», мастер спорта СССР по туризму.

Путораны-81

или удивительные приключения самповцев во время путешествия по Таймыру

На плато Путораны все мы, члены туристского клуба «Сампо», «облизывались» давно, но отпугивали расстояния. Но, как часто бывает у туристов, все решилось за три дня до подачи документов. Итак, решение принято — и вот мы на Таймыре.

День первый. Озеро Лама. Завтра на маршрут, а сегодня еще отдых, поэтому двое участников со знаменитым на весь Таймыр егерем Петровичем уехали на не менее знаменитую рыбалку. Уже через два часа они ошалело бегали по берегу, потрясая пойманными рыбинами, а потом до вечера позировали друг другу с добычей в руках. В этот же день мы приобщились к национальной кухне: нас научили готовить местное блюдо «сагудай». Рецепт его прост. Берется в небольшом количестве рыба и в большом количестве соль, перец, уксус, лук, чеснок и прочие специи и пряности. Все это перемешивается в течение 15 минут. Затем слабонервные нюхают блюдо и, держась за животы, убегают в лес. Более закаленные кладут кусочек рыбы в рот и затем полчаса не могут отдышаться.

День второй. Командор объявил, что в группе свобода действий: что хотим, то и делаем, только нужно соблюдать три параграфа:

- 1) командир всегда прав,
- 2) если он не прав, смотри параграф первый,
- 3) если прав ты, то смотри параграф второй.

На любой вопрос типа: «Может, ягод поедим или отдохнем?» — он отвечал: «Как скажете, так и будет». Так все и было, но только все равно оказывалось, что привалы получались один раз в час и в самом неадекватном месте.

- *Вот видишь, тут развилка, так я побежала прямо назад.*
- *Земное притяжение нас отталкивает от неба.*
- *На втором КП я потерял карточку, а не добегая до третьего КП, потерял себя.*
- *Я взяла направление между азимутом и железной привязкой.*

День пятый. При подъеме на перевал замыкающий вдруг заметил: метрах в пятидесяти от нас не спеша прошли три черные росомахи, причем ему показалось, что одна из них даже свирепо ухмыльнулась. Тут же кто-то заметил, что животные — они такие, наверняка только и сидят за углом и ждут туристов, чтобы потихоньку съесть каждый день по одному замыкающему. Сообщение было выслушано в напряженной тишине, а когда группа двинулась дальше, выяснилось, что замыкающего больше не существует, — все шли в одну шеренгу, беспрестанно оглядываясь по сторонам. Отстающих в этот день не было, поэтому группа сумела сделать два дневных перехода. Росомах, правда, никто больше не видел, зато на картах осталось красивое название «Перевал трех росомах».

День седьмой. Наш главный специалист по камням геолог-минералог Витя нашел красивый камень агат и имел неосторожность сообщить об этом вслух. Весь день к нему приставали с вопросами: «А это что за камень?» Вечером Витя решил покончить с вопросами и объявил новую классификацию найденных минералов, по которой они делятся на три разновидности: первая — агат, вторая — аметист и третья — выбрось его нафиг.

День 15-й. Мы идем вдоль реки, по которой будем сплавляться. Первые километры показали, что это не река, а речонка, зато у нее не берега, а бережищи — сплошь завалы. Эти чащобы мы терпели ровно полдня и, как только показалась «приличная» вода, единодушно решили собирать катамаран. Когда он через полдня был спущен на воду, кто-то предложил разведать водную обстановку. Как показала разведка, неподалеку начинался трехкилометровый обмелевший порог. Следующие полдня мы проводили свое судно между камней. Но вот порог пройден, все с криком «ура» прыгнули в катамаран и сплав начался.

Через несколько минут впереди сидящие услышали посторонние крики, и, обернувшись, увидели, что задняя перекладина плывет рядом с ними, а двое назад смотрящих скачут вслед за судном, высоко поднимая ноги, хотя воды было по пояс. Первое крещение состоялось.

Дни 16-й и 17-й мы провели за штопкой гондол, которые порвались после первого часа пути. Во избежание перегрузки дальше на катамаране остались двое, остальные пошли пешком. Не помогло: через километр снова порвалась гондола. Судно было вытащено на берег для очередного ремонта.

Витя пошел в лес на разведку, но через десять секунд вылетел оттуда

- *Мы будем печь торт из бутербродов.*
- *Высочила на извилистую просеку.*
- *У Сережки час отдыха: он ни с кем не дерется.*
- *Сделал усталый вид и пошел отдыхать.*
- *Тепло души его хранит тулуп.*

с криком: «Вооружайся!» — схватил весло и спрятался за лопасть. Еще через две секунды выскочил медвежонок и, крутанувшись возле нас, скрылся в кустах. Витя «второй» безуспешно в это время искал ракетницу в рюкзаках, хотя она висела у него на поясе. Завхоз легла грудью на мешок с сахаром и кричала: «Только через мой труп!» Андрей запрыгнул на лежащий катамаран, призывая: «Мужики! Рубите концы!» Лишь умудренный жизнью Вася тут же цокнул языком и сказал: «Эх, какая шапка ушла!» Еще через несколько секунд все увидели, что «шапка» ушла не одна, а вместе с «шубой»: через речку вскачь неслись медвежонок и медведица. Вася тут же заметил, уже без сожаления: «Ну и черт с ней, с шапкой, хорошо, что вовремя ушла».

Дни 18-й и 19-й шли пешком, неся на себе разобранный катамаран, ну а рядом, как водится, текла отличная глубокая река.

Дни 20–23-й гребли сто километров по озеру Хета. Впечатлений было мало, а были нажитые мозоли, шторм и богатый улов, который мы не могли съесть по причине малой грузоподъемности судна.

День 24-й на реке Рыбной прошел в ожидании первого водопада, которым нас все пугали. Местные жители нам сказали, что сначала будет стоять большая железная бочка, а потом уж водопад. Водопад открылся неожиданно, метров за тридцать. Сзади голос: «Ну, вот и приехали!» Оценить мрачный юмор никто не успел, так как через несколько секунд мы уже скользили по сливу, а еще через десять секунд, когда вынырнули, кто-то сказал: «А вот и бочка». Действительно, на берегу стояла большая бочка. Местные при рассказе не уточнили, что они не спускались, а поднимались по реке.

Следующие пороги с водопадами мы проходили по привычной схеме. Голос шкипера: «Вроде шумит!» — ответ командора: «Шумит вроде». Вопрос шкипера: «Как пойдём — на слух?» — ответ командора: «Как скажешь». Во время этого диалога впереди показывался слив, и все хваталась крепче за перекладины.

На 27-й день мы уже разбирали катамаран недалеко от Норильска. Обратный путь до Петрозаводска занял ровно одни сутки, что является рекордом доставки снаряжения в турклубе «Сампо».

Опубликовано в газете «Комсомолец» 9 июня 1984 г.

- Третий раз захожу на КП, третий раз его в упор не вижу.
- Стасик не только отличник и хороший товарищ, но и активный участник личных интересов.
- Славка призадумался и сглупил.
- На КП карандаш был облизан многими языками.

Фалевский Сергей Владимирович

Киров

Родился в 1949 г. Инженер. Занимался туризмом, совершил несколько категорийных походов. Позже увлекся ориентированием, член сборной команды Кировской области, мастер спорта СССР. Составитель многих спортивных карт, судья республиканской категории. Автор стихов и песен, учебного пособия по ориентированию.

У костра

Многодневные соревнования ориентировщиков. Палаточный лагерь на берегу Клязьмы. Вечерняя трапеза у костра. Нина, перебирая в памяти происходившее сегодня на трассе, вдруг заулыбалась и голосом, сразу привлекающим внимание окружающих, обратилась к Николаю:

— А я тебя сегодня видела в районе пятого, общего, КП.

И со смехом рассказала, как Николаша (а он — мужичок с ноготок) не захотел обегать подковообразную старицу и пошел вброд. В одной руке у него карта, в другой — компас, на голове — легкая кепочка. Ширина озера небольшая. По мере продвижения — с увеличением глубины — стал Николай поднимать руки все выше, выше и вдруг — р-раз — видит Нина только плывущую кепочку. Но испуг ее длился лишь пару секунд. Вынырнувший неудачник первым делом водрузил на законное место кепочку, после чего несколькими гребками преодолел глубину.

Добрый смех, вызванный описанием плывущей кепочки, стал чем-то вроде сигнала остальным — «затравки» для припоминания забавных ситуаций. Ветераны вспомнили времена давние. Начал Юрий:

— В шестидесятых годах как-то на соревнованиях допускали на старт без свистка. «Потеряетесь — как мы вас искать будем?» — вопрошали организаторы-перестраховщики.

— Как же, помню-помню, — подхватил Максимыч. — У них тогда были не очень точные карты. Я в одном месте на длинном перегоне проскочил, слышу — глухари взлетают. Тогда и смекнул про ошибку:

- Меня лишили удовольствия, а я поделился с друзьями.
- Как нам лучше поздравить учителя: цветами или хорошим поведением?
- Кто меня еще не узнает?
- Это у меня случайный финиш, мне еще на последний КП.

эти осторожные птицы в местах, где пробегали ранее стартовавшие, не засиживаются.

— А мне однажды змея «удружила», — воскликнул Сергей. — В урочище Красная Гора под Казанью. Всего ничего до очередного КП оставалось, когда я на нее чуть не наступил. Перепрыгнул. И тут такая боязнь новой встречи появилась, что устремил все внимание под ноги. По сторонам и в карту смотрел уже невнимательно. Не заметил, как развернул карту на сто восемьдесят градусов и стал искать контрольный пункт в противоположном направлении от, казалось бы, «железной» привязки — пересечения просек... Лишь через пять минут сообразил.

— А кто помнит трассу в Дрязге? — вступил в разговор наш корифей Виктор. — Там горьковчане старты прямо от берега Волги давали. Судья, планировавший дистанции, привнес некую «изюминку»: мужской маршрут дважды точнехонько посередине пересекал длинные, километра по полтора, пойменные озера. Соображайте, мол, где обегать: справа или слева. Когда ближе к концу дистанции передо мной этот вопрос встал повторно, я до того уже набегался, что решил... переплыть.

— Наверное, организаторы соревнований предупреждали, что нельзя?

— Конечно. Но ведь запретный плод сладок. И к тому же духота была невероятная. Я быстренько разделся. В футболку и брюки (в трико тогда бегали) завернул шиповки, компас, карту. Снятые с руки часы засунул в плавки — не выпадут — и поплыл. В этом месте ширина озера была... метров сто. Так что, придерживая одной рукой сверток над головой, другой загребая, переплыл я довольно быстро. Плюс ко всему освежился...

Повисла пауза.

— А смеяться-то здесь в каком месте? — вдруг произнес Федька.

— Да вот я потом все думал: зачем часы в плавки спрятал?

— А и в самом деле — зачем?

И тут все грохнуло. Смеялись от души. Лишь юный Федька в непонимании хлопал глазами.

Милый Феденька, как тебе объяснить? Ты новичок. У тебя впереди познание не только чувства азарта, но и той самоотдачи в спортивной

- Мама сшила мне зеленый костюм от преследователей.
- Я за Славку отвечать буду только за пятерку.
- К нам в гости приехала тетя с большими запросами.
- На лице было написано, что писали зеленым шариком.
- Впервые настоящую жизнь я увидел во сне.

борьбе, когда в экстремальных условиях мозг оставляет себе шанс стопроцентно здраво работать лишь на победу. Все остальное — третьестепенно. Что же до смеха и юмора... Это хорошие союзники.

На боне

В двадцати пяти километрах южнее Котельнича на берегу Вятки расположена Вишкильская турбаза. В тот раз после успешно проведенного похода на ней ночевала группа школьников, чтобы на завтра по прибытии заказанного автобуса отправиться домой в Киров.

Руководитель группы — Александр Исаевич (Сан Саич, как привыкли величать своего тренера воспитанники). Проснувшись в пять утра, он зашел в лес. Пока ребята спят, надо набрать грибов — вернуться домой без них в это щедрое лето было бы несправедливо.

Полтора часов хватило, чтобы наполнить взятые пакеты и вернуться на базу. У входа в спальный корпус попался Вася Ляпишев с удочкой. Вечером рыбачить ходили почти все мальчишки, но только тринадцатилетнему Василию хватило силы воли прервать сладкий сон ради возможного «снятия сливок» с активного клева на зорьке. Хотя подобные действия и являются нарушением дисциплины, Сан Саич, вспоминая себя в этом возрасте и понимая, что на запретах далеко не уедешь, не стал препятствовать. А сам отнес пакеты с грибами к своим вещам и быстро догнал Ляпишева.

Вместе дошли до реки. Берег Вятки, от сосен обрываясь на три метра, дальше метров пятнадцать полого нисходил к уровню воды. По приставленной грубо сколоченной лестнице спустились. Тренер присел на торчащее из песка бревно. Васька направился к бонам, под острым углом уходящим от берега. Сан Саич, в удивлении вздернув правую бровь, воскликнул:

— Василий! Вам ведь разрешили рыбачить лишь с берега.

— Да я только донки проверю, с вечера оставил.

Мальчишка бросил удилице на песок, после чего, прихватив пакет для рыбы и банку с червями для обновления насадки, ступил на бон. Шел не торопясь, широко ставя ноги.

Донка — снасть нехитрая: леска, крючок, гайка в качестве грузила. Чаще всего на нее попадают ерши, любители глубины. От них в ухе навар хорош бывает. Вот и сейчас с первых донок Васька снял пару крупеньких. На двух следующих — голые крючки. Пятая вытаскивалась

- Я КП не видел и видеть его не хочу.
- Микро-ямка — это когда воды по колено.
- На развилке тропинки у меня произошло раздвоение личности.
- Я финишировал, а этого никто не видел.

так легко, словно грузило отвалилось. Все произошло молниеносно: за все-таки сидевшим на крючке хилым ершиком из тени бона устремилась полуметровая щука. Будучи вместе с ершом выдернутой на поверхность, она уж «плюнула» на него — а точнее, выплюнула — и шлепнулась, но не в воду, а на бон. Юный рыбак среагировал мгновенно: подкосив ноги, упал на рыбину, прижав грудью к бревнам.

Сан Саич, зафиксировав Васькино падение с веером брызг от коснувшейся воды кроссовки, чрезмерного волнения не испытывал: мальчишка был вне опасности. Но все же поспешил к нему. И правильно сделал, так как зубастая, бившая хвостом по бону, могла удрать: пацан, торопясь ее накрыть, упал неловко, руки оказались вытянутыми вдоль туловища, и при попытках их перемещения ослаблялось прижатие щуки. Рыбачок чувствовал это. В общем, крепкие руки подросшего тренера сделали доброе дело.

Оставлять рыбачить любителя острых ощущений с подмоченной — не репутацией — штаниной резона не было. Да он и сам, довольный добычей, на этом не настаивал.

Все утро у ребят, ощутивших и измеривших (от носа до кончика хвоста — шестьдесят два сантиметра!) хищницу, только и было разговоров, что о рыбаке и рыбке.

В девять ноль-ноль состоялся завтрак. А в одиннадцать прибывший по заявке автобус был быстро заполнен отъезжающими и, многократно известив клаксоном о прощании с лагерем, повез загоревших, отдохнувших, возмужавших туристов в Киров.

Около шести часов вечера в квартире Александра Исаевича раздался телефонный звонок. Звонивший — а это был Ляпишев-старший, Васин отец, — выяснив, что тренер свободен, через двадцать минут на машине заехал к нему и повез к себе в гости. Когда они прошли в гостиную, открылась дверь из кухни и появился Василий с румяным пирогом на подносе.

— Рыбный. Из нашей щуки!

Шедшая позади мама пояснила:

— В дороге у него мысль созрела. Приехал и стал прямо-таки умолять испечь... и вас пригласить.

Прогулка

Наплевав на карту местности,
Вьюги мощная метла
У Порошино окрестности
Без разбора замела.
Но нисколько мне не чудится —
Заманили вновь меня
Стежки, просеки — как улицы,
Где уже бежит лыжня.
Лапы елей, словно лестницы,
Вдруг подсказывают путь...
Для знакомства с ясным месяцем
Стоит руку протянуть.
Сосны возраста почтенного
В окружении внучат,
Что из снега глубоченного
В белых чепчиках торчат.
Несмотря на расстояние,
Слышу чей-то разговор,
Смех — туристы на поляне,
Полыхающий костер.
По привычке ли, наитию
Юность, кружками звеня,
Приглашает к чаепитию
Незнакомо-го меня.
Разрумяненно-сияющи
Лица хлопцев и девчат.
В круг поющих завлекающе
Песни славные звучат.
К русской лирике пристрастие,
Голосов приятных лад.
А на память и на счастье —
Обалденный звездопад.

- *Когда мы прибежали из леса, наш тренер вздохнул и заулыбался.*
- *Ура! Завтра мы едем в настоящий лес!*
- *Вылетело из головы, упало и разбилось.*
- *Соревнование прошло успешно для оргкомитета.*

- *Купить билет на электричку — это трагедия для Андрея.*
- *Прошу сделать для меня повторный старт.*
- *Восстановите мне то положение, которое было у меня после отбоя.*
- *Разминалась на уровне мастера спорта.*

Родина

Ностальгические сети:
горы, тундра, степь, леса —
в них гармонии столетий
заколдована краса.
Струны чуткие задеты,
льются сладостно-легко
соловьиные рассветы
сквозь тумана молоко.
Сделав тысячи излучин,
сказ ведет издалека
и степенно, и могуче
полноводная река.
Мимо — скальные утесы
и равнины берега,
рощи, старицы, покосы,
медоносные луга,
где в объятиях заката
свет невидимых костров,
бормотанье переката,
звон висящих комаров,
запах ландыша лесного,
мелодичной песни грусть
и, подобно эху, слово —
все вмещающее —
Р у с ь!

- Кооператив по обжуживанию.
- Чтобы стать сильным, надо силы ни на что не тратить.
- За заслуги и по заслугам.
- Где здесь группа для начинающих подростков?
- Мой папа такой молодец, что мама даже его похвалила.

Алексеев Алексей Александрович

Москва

Родился в 1950 г. По специальности — горный инженер. Первый поход состоялся в 1969 г. Всего пройдено более 100 многодневных походов, из них 64 категорийные. С 1988 г. работает в учреждениях дополнительного образования Москвы и Московской области. Совершил со школьниками более 40 степенных и категорийных походов. Автор книг и методических пособий, около 150 публикаций в периодических изданиях по спортивному и детскому туризму, экологии. Мастер спорта России по туризму, заслуженный путешественник России, инструктор горного туризма, трехкратный призер первенства СССР по туризму.

Об общественной работе и местном колорите

По поводу общественной работы в походе должен заметить, что при определенных условиях и правильной организации она органически вписывается в походный быт, оставляет самые приятные воспоминания и позволяет рассчитывать на доброжелательное отношение и помощь местного населения (чаще всего айраном или сыром). Так, в походах по Кавказу наш участник, прекрасный механик, нередко с помощью отвертки и гвоздя чинил будильники пастухам, вблизи которых мы останавливались на ночлег. В походах по горам Средней Азии наши медики консультировали жителей отдаленных кишлаков и пастухов на летовках, среди которых распространен авитаминоз и некоторые заболевания, связанные с неполноценным питанием; студенты МИФИ на пограничных заставах рассказывали об институте, консультировали солдат по правилам приема в вузы.

При походах в один и тот же район появлялись знакомства, помогавшие добывать транспорт на Памире и чувствовать себя в относительной безопасности на Кавказе даже в начале 1990-х годов. В горах сведения о туристах распространяются гораздо быстрее, чем движется группа, и бывает приятно и неожиданно, когда незнакомые люди, встречая вас, говорят: да, знаем о вас, а ваш друг имярек сейчас находится там-то.

- Премия за уважение.
- В простонародье меня зовут «эй ты!»
- Мы своими хорошими делами закончим их хорошие дела.
- А где взять миг удачи?!
- Вокруг такое разнообразие, что хочется изобилия.

Чего только не приходилось делать, даже оборванные провода на столбах соединять.

Курьезный случай произошел с нами в долине Зеравшана в 1981 году. Спустившись с ледника, за первыми моренами мы нашли домик местного муллы. Мулла имел классическое арабское образование, но в остальных вопросах напоминал старика Хоттабыча из известной детской книги. На оформленной в восточном стиле терраске мы обнаружили 6 (шесть) радиол ВЭФ-202. «Не работают!» — печально развел руками хозяин. Имевшийся в группе электронщик с некоторым сомнением (ни паяльника, ни запчастей) взялся за дело. Когда мы покидали гостеприимный кров, на террасе голосило аж пять приемников. В четырех пришлось поменять батарейки, а в одном с помощью гвоздя подпаять оторванный проводок. «Вы хороший люди», — напутствовал нас мулла. И это слово катилось перед нами по всей длиннющей Зеравшанской долине три дня.

Для «хороший люди» находились машины, отводилось почетное место среди аксакалов на свадьбе. При том аксакалы знали (не спрашивали!), кто в группе табиб — врач, и прямо обращались к нему. Табиб оказался на высоте, раздав все оставшиеся витамины и дав снотворное дедушке, страдавшему бессонницей. Через полчаса дедушка храпел так, что урюк с веток сыпался. А еще через сутки, уже на тракте, в сотне километров за двумя смытыми мостами от домика муллы, чайханщик, уважаемый человек на трассе (!), для «хороший люди» мигом организовал бесплатный проезд в Душанбе.

Обращаясь к истории: в далекие шестидесятые

В своей книге «Спортивный туризм в СССР и России» я привожу воспоминания Бориса Александровича Понятовского — директора Московского клуба туристов (1940 г.р.).

В 15 лет у меня был первый поход, это был 1955 год. Просто спонтанно собрались с другом и пошли. Мы были самые обычные, нормальные ребята, не хулиганы. Захотелось вдруг пойти в поход. Какая-то карта у нас была, ткнули пальцем, взяли рюкзачки, взяли еду, компас, и этот компас нас, 15-летних мальчишек, особенно привлекал. Сели на электричку, доехали до Талдома и три дня шли до Вербилкок.

Тогда в центре, на Смоленской площади, были три школы. В одной из них, 47-й, я учился. Эти школы имели свои туристско-спортивные лагеря на Пестовском водохранилище. В лагерях были молодые преподаватели

- Я контрольную не списал, а почерпнул знания у соседа.
- Ябеда-профессионал.
- В английском стиле ушел с урока.
- Посмотрите на Андрея и испугайтесь!
- Неумным лицом ничего не трогать.

и такой же начальник лагеря. Тех учеников, кто хорошо учился, брали в эти лагеря. Занимались там водным туризмом. Я помню, мы ходили на байдарках летом в дальние походы. Однажды шли через Ивановское водохранилище и дальше в Москву. И так я постепенно увлекся походами, а потом это просто стало образом жизни.

Примерно с 1963 года был десятилетний период, когда туризм буквально захлестывал не только Москву, но и всю страну. Не только в школах, но буквально на лестничных клетках из соседней организовывались туристские группы. Была атмосфера невероятного энтузиазма. Массовость туристского движения была потрясающая. Тогда на все праздники, майские, ноябрьские, да и просто в выходные вокзалы накрывала лавина туристов. Многие сотни групп заполняли все электрички, шли по всем дорогам.

Особым шиком считалось ездить без билетов. Подходили контролеры: «Ваши билетки? Нет — платите штраф!» Тогда начинали валять дурака: «У тебя есть деньги? — нет; а у тебя? — нет; у тебя? — тоже нет!» Тогда контролеры соглашались взять два штрафа со всей группы человек в 15. Нужно было набрать три рубля на каждый штраф. Кто-нибудь начинал собирать со всей группы и считать копейки, специально сбивался, бросал на лавочку, начинал считать сначала. Хорошо помню эту сцену. Контролеры свирепели, но ничего не могли поделать.

Денег у нас тогда действительно не было. И опытные контролеры, видя туристов, обходили их стороной.

Отрывок из «Антитуристской песни»

Авторы, к сожалению, неизвестны:

Долой, долой туристов, бродяг-авантюристов,
Избавьте нас от этого жулья,
Отколь, скажи на милость, их столько расплодилось,
Не стало от них мочи, не стало и житья.
Ни дачникам-пижонам, ни толстым ихним женам
В субботу в электричку не попасть.
Туристы там хохочут, билеты брать не хотят
И песни непристойные поют, чтоб им пропасть!

Шиком считалось ходить в прожженных штормовках с небритыми рожками. На вокзалах расклеивали объявления о походах. Я помню, весь Курский вокзал был ими заклеен. Шли с плакатами, с гитарами, в каждом вагоне было по несколько гитар.

- Теория — это упражнения на усидчивость.
- Друг — это когда помиришься.
- Ой! Я совсем забыла, мне же пора вспомнить про уроки!
- Сегодня не только выиграю у Сашки, но и подскажу ему, куда бежать.

Года два-три было так: после праздников майских и ноябрьских группы заканчивали маршрут и шли со всех вокзалов на Красную площадь. Вся площадь заполнялась. Тысячи людей туда шли с гитарами, с рюкзаками. И нас пускали.

Плакаты 1960-х годов

- *Геркул — яркий представитель сильной воли.*
- *Два раза в неделю я веду себя хорошо: перед воскресеньем и перед детективом.*
- *Зима украшает части света в белый цвет.*
- *У меня ум — от природы, а знания — из школы.*

Собаченька

Мы с супругой записные туристы, ходим в походы сами и водим школьников. К февралю, когда наша собака Дина (кличка Собаченька) немного подросла, решили взять ее в лес. Не оставлять же одну дома на два дня! Однако ходить на поводке Собаченька тогда еще не умела и все время лезла под ноги. Пришлось посадить ее в рюкзак сверху и завязать так, чтобы только голова торчала. И вот картина: идет по переходу в метро молодая дама с лыжами и огромным туристским рюкзаком, а из-за ее плеча выглядывает вторая голова, полосатая и ушатая. Да-да, именно ушатая, а не ушастая. Нам это слово больше нравилось, и стали мы, лаская, называть Собаченьку еще и «Ушатый» или «Ушатенький». А школьники подхватили: «Ушатый-блшатый»!

В походе Дина показала себя с лучшей стороны: на холоде не скулила, упорно бежала за группой по лыжне, и хотя, конечно, большую часть пути преодолела в рюкзаке, а ночью забралась к нам в спальный мешок, боевое крещение состоялось.

Пришли весенние каникулы, а с ними и многодневные походы. Собирались мы с ребятами в клубе. Пока укладывали рюкзаки, Собаченька отыскала где-то давно забытый высохший батон и, хоть был он почти с нее размером, весь сгрызла. Сгрызла, а потом водички попила. Тут батон взял да и разбух и стал из Собаченьки вылезать. Плохо стало бедняжке, и мы не знали, что делать. С одной стороны — смотреть смешно, а с другой — жалко глупую скотинку! Но все обошлось.

Этот поход Дина прошла целиком своими лапами. Не жаловалась, только на привалах мстилась на чей-нибудь рюкзак и несколько раз крутилась на месте, пока не удавалось улечься целиком не на снег. А когда кормили, есть не спешила, ходила и смотрела в глаза, выпрашивая кусочки и корочки, и только убедившись, что люди поели, тяжело вздыхала и шла к своей миске.

Наступила весна, а с ней — пора туристских слетов. Ребятам — раздолье, руководителям — заботы, а Собаченьке — сытая жизнь. Время тогда было голодное — 93-й год, разгар перестройки. Денег ни у кого нет, ходи и облизывайся! Но на клубный слет наш директор умудрился достать гречку, макароны и тушенку. Однако родители, как и положено родителям, отрывая от себя, снабдили детей несметным количеством бутербродов. Обычно нехватка ведет к дополнительным потерям. Так и в нашем случае, отведав «мамин завтрак», школьники оставили кашу. Поэтому,

- *Почему температура тела находится подмышкой?*
- *Чтобы в школе поведение было хорошее, надо приходить туда как в гости.*
- *Самая высокая гора в Кавказе — это трамплин.*
- *Я умею не только терпеть, но и выжидать.*

когда я объявил через мегафон о пустующей собачьей миске, нам предложили огромный кан (это такое плоское туристское ведро), а в нем литров пять гречки с тушенкой. Сами бы съели, да неудобно. Пока думали, во что бы переложить, псинка сунула в кан нос и вскоре, подняв голову, обвела нас недоуменным взглядом. Мы к кану, а он пустой! Пяти литров каши как не бывало! Куда, спрашивается, поместилось? А Дина грустно так на нас смотрит: неужели все?

Впрочем, вскоре Собаченька узнала коварный характер туристской посуды. Как-то раз залезла в узкий кан, дотянулась до дна, а вынуть голову не смогла. Плоское ведро застряло на ушах. Бегаёт собака по поляне, скулит, а вместо головы — закопченный кан!

Постепенно Собаченька стала опытным слетовским волком. Свою порцию каши не ела, оставляла место. Под утро, часа в четыре, тихо вылезла из-под тента и скрывалась в кустах, а к подъему возвращалась, с невинной мордой встречая просыпающихся. Вскоре в лагерях начинался шум. Сколько ни говори туристам-новичкам, что на ночь продукты надо убирать, пока не обожгутся — не научатся.

Как-то раз приготовили школьники на конкурс поваров 38 бутербродов. Да каких! С масляными розочками, колбасными цветочками, сырными бабочками! Украсили зеленью, первыми огурцами и положили на ночь под полиэтилен в ожидании прихода судей. Утром просыпаются, уголок полиэтилена аккуратно отодвинут и лежат рядами 38 кусков хлеба, но ни колбасы, ни масла, ни сыра, одна зелень осталась. С тех пор на слетах нашего клуба Дине пожить не удавалось, но были ведь и другие слеты...

Особенно любила Собаченька слеты авторской песни и Юморину. Опытных туристов ходит туда немного. А у бардов и шутников привычки к порядку нет. Словом, приходилось прикреплять на ошейник плакат «ПРЯЧЬ КОЛБАСУ!» Кто не прятал, пенял на себя!

Пригодился Собаченьке туристский опыт и на даче. Отдыхающие после пиршества под яблонями частенько оставляли там же недоеденные деликатесы. Утром в адрес местных котов летели грозные проклятья, а мы скромно молчали, хоть и знали, что коты тут ни при чем.

Конечно, в туристских компаниях Дина не только ела все что ни попадя. Во-первых, она исправно оповещала о приближающихся гостях, а во-вторых, веселила всех умением в великолепных вратарских бросках ловить подачки, бегать и плавать за брошенной палкой. Иногда

кто-нибудь брался за палку руками и предлагал Собаченьке ее отнять. Дина тянула палку зубами и при этом грозно рычала. Однажды за концы длинной палки взялись два школьника. Дина вцепилась в середину и никак не хотела уступать. Тогда парни стали палку поднимать. Дина встала на задние лапы. Они потянули сильнее, и Собаченька повисла на зубах, издавая протяжные рычаще-воющие звуки. Атракцион понравился и не раз выполнялся потом на потеху зрителям.

Долго ли, коротко ли — настала пора дальних походов. И пошла Собаченька на Кавказ в спортивный поход первой категории сложности. И было все удачно, но на последнем перевале Дина чуть не потерялась. Группа не рассчитала время и вниз шла уже при луне.

Собаченька, как и положено дочери сибирского лайка, во время движения бегала от начала к концу колонны, пасла «олений караван». А тут снег кончился (высоко в горах снег лежит и летом) и началась длинная россыпь камней. Следы авангарда, ушедшего вперед ставить палатки, потерялись. Бросилась Дина вправо — никого, бросилась влево — только тени от бегущих облаков. И стало ей страшно. Села она на камень и горько заплакала. Холодно вокруг, темно и сыро, лапы устали и есть хочется, кто теперь накормит, кто в палатку пустит: У... у... у...!

Картина была жуткая: темное ущелье, призрачный лунный свет, вспоминались леденящие душу истории и тут... Волки? Снежные люди? «Черные альпинисты»? Туристы, обосновавшиеся над ледником на морене с гордым названием «Песчаная гостиница», выскочили из палаток! Тут со снежника спустились остальные участники похода, и радости собачьей не было предела. Но так она переволновалась и устала, что сразу забилась в палатку и заснула. Даже есть не стала. А утром, отдохнувшая, вылезла из палатки, думала, что на подмосковную травку, а вокруг песок и камни! Ужас, вчерашний ужас отразился на собачьей морде, и она спряталась обратно.

Кстати, о выражении морды. Если хозяева не ограничивают без нужды собачьей свободы, не превращают любимца в подобие раскормленного, капризного ребенка, песик проявляет чудеса сообразительности и на собачьей физиономии можно прочесть радость, испуг, удивление, смущение — словом, всю гамму человеческих чувств, и выражаются они вполне человеческой мимикой. Вот, к примеру, приходите вы домой, а собака вместо радостного лая ходит вокруг на полусогнутых, буквально стелется по полу и униженно вертит задом. Значит, в чем-то виновата

- *В.Я.! А он вместо меня подсматривает!*
- *Мое мнение такое же, как и у Игоря, но я его еще не спрашивал.*
- *Я свои лыжи намазала свечкой и они теперь готовы поскользнуть.*

- *Обезьяны — не звери, потому что из них люди получаются.*
- *Зашел за угол, а там тридцатое царство.*
- *Я прислонился к забору и упал вместе с ним в одуроченном состоянии.*
- *Лыжи — моя слабость и я ее укрепил палками.*

и заранее извиняется. По такому случаю наш малолетний сын, Святик, сказал: «Дина леженя!» Нет в русском языке такого слова, но кто видел виноватую собаку, поймет, что определение дано точно. Как говорится, устами младенца...

А вот еще пример: достался хорошо поевшей Дине кусок хлеба, и решила она его спрятать, сделать нычку на черный день. Выкопала ямку под корнями дерева, задвинула в нее носом хлеб и носом же зарыла. Через час мы показали ей это место и скомандовали: «Мышь!». Собаченька начала яростно разгребать когтями землю и вдруг наткнулась на свои запасы. Остановилась, повернула к нам смущенную морду, как бы говоря: «Ой, да это же мое!», и стараясь скрыть ямку от посторонних взглядов, снова ее засыпала.

В зимнем лагере кормили детей с утра до вечера невкусными котлетами, называя их то шницелями, то бифштексами, то еще как-то. И доставался Собаченьке по этому случаю литр котлет утром, литр котлет днем, литр котлет вечером! В первые дни неаппетитная по нашим меркам масса исчезала вмиг, но к десятому дню надоела и скотинке. А дома, по возвращении, ей предложили обычную ячку. Сунула Дина нос в кашу и повернулась к нам. На морде испуг, обида, недоумение: «Как, это мне?!»

Или еще случай. Собираемся мы в поход. Нажарили на поезд большую миску котлет. Миска стоит на столе, ожидает своей очереди. Тут понадобилось снять что-то с антресолей. Возвращаюсь всего через минуту и вижу, сидит Дина и на морде написано: «Я очень послушная собака и ну ни в чем не виновата!» Заподозрив неладное, осматриваю пол вокруг рюкзака. Все на месте, тогда почему же собака «ни в чем не виновата?» И только глянув на стол, понял: миска на месте, а котлет нет! Съесть столько всего за минуту — недооценил я собачьи таланты!

Прошло несколько лет. Дина побывала в Крыму, на Центральном, Северном и Западном Кавказе, в Хибинских и Ловозерских тундрах на Кольском полуострове и даже в гостях у Тараса Бульбы на острове Хортица. Как-то раз, собираясь в очередной поход к подножью Эльбруса и записывая в маршрутную книжку туристский опыт школьников, я понял, что по человеческим меркам Собаченька выполнила второй спортивный разряд. И стало мне за нее обидно. Наравне с людьми терпит жару, холод, на страховке переходит ледовые трещины, форсирует горные реки и — ни значка, ни разряда! Взял и записал ее для шутки: Собакина Дина Бокслаевна (помесь боксера с лайкой). И далее, как положено: год рожде-

ния, туристский опыт, адрес места жительства. А в графе «Должность» — «Сторожевая собака».

Поход мы прошли и подали отчет на первенство Москвы среди школьников. И вдруг звонит мне секретарь судейской коллегии и кричит в трубку: «Ты соображаешь, что делаешь! У тебя в походе аж третьей категории сложности ребенок десяти лет (по правилам должно быть не менее 16 лет. — ААА), и ты еще пишешь предыдущий опыт участия в трех походах! Да еще девчонка! Да мы тебя за такие дела...!!!» — «Постойте, — говорю, — вы строчку-то до конца дочитайте!». Только тут бдительный секретарь, между прочим — человек в московском школьном туризме уважаемый и даже любимый, увидел, кем была в походе мнимая «девчонка», прошелся по поводу наших «дурацких шуточек», и успокоившись, повесил трубку.

Не верите? Тогда посмотрите наш отчет за 2001 год в библиотеке Московской станции юных туристов, что в Филях, или в городском туристском клубе на Большой Коммунистической!

Незваные гости

- У меня двойка по литературе за то, что я передразнил Герасима.
- Поймите меня, я это сделал для вашего заблуждения.
- Сзади закричали по-звериному: пришлось уступить лыжню.
- В Африке климатические условия черного цвета.

- Скорей бы выйти в большие люди!
- Меня рано разбудили, поэтому я поздно встала.
- Мое призвание — получать призы.
- Просить на дистанции?! — Лучше уступить!
- Я не «чайник», это я пыхчу от усталости.

Миндель Александр Яковлевич

Москва

Родился в 1950 г. Туризмом начал заниматься в школе. С 1971 года профессионально работает в системе детского туризма: Центральная детская экскурсионно-туристская станция РСФСР, Московский городской дворец пионеров, Научно-исследовательский институт Российской академии образования. Около тридцати лет руководит общественной организацией «Образование. Спорт. Реабилитация», занимающейся туристской работой с учащимися. В Осташкове на озере Селигер создал Дом путешественника, при котором ежегодно проводятся детские туристские лагеря и путешествия, в том числе и для детей с ограниченными возможностями здоровья, многодетных семей.

Кандидат педагогических наук, доцент, заслуженный путешественник России.

Случай на маршруте

Жаркий август 1972 года, в Подмосковье пожары, а мы шагаем по таежным лесам в предгорьях Западного Саяна. Группа сборная, в которой представители из разных регионов России — участники спортивных сборов по повышению туристской квалификации работников детского туризма. Перед выходом на маршрут мне вручают мелкокалиберную винтовку тульского завода («Тозовку»), дают небольшой боезапас и предупреждают: это не для охоты. Маршрут пролегает по ненаселенной местности, поэтому нередки случаи встречи с бежавшими из мест заключения, оседающими на время в тайге и поджидающими туристов для того, чтобы раздобыть носильные вещи, документы, продукты. Так что надо держать ухо востро. А охотой будут заниматься несколько сибиряков, имеющих такой опыт.

Маршрут проходит в штатном режиме, без особых сложностей, разве что дает о себе знать несхоженность ранее незнакомых между собой участников, их разный опыт и физическая подготовка. Я был в группе замыкающим, то есть за мной не должно быть никого. Тем не менее,

- Я подпрыгивал туда и обратно.
- Он укусил меня за мою булочку.
- Угощайся, пожалуйста, но только поскромнее.
- Я разбежался, подпрыгнул и встал.
- Дремали вполголоса.

к концу каждого перехода (через 40–50 минут после начала движения и объявления привала для десятиминутного отдыха) около меня собиралась небольшая группа в три-четыре человека, кто не мог держать общего темпа, и тех, кто их опекал на маршруте. Если разрыв с основной группой был значительным, то я становился во главе этого арьергарда и вел наш маленький отряд до места привала.

Так был и на этот раз. Прекрасная погода, мы идем вдоль небольшой речки по водопойной тропе, проложенной дикими животными, коих вокруг великое множество. Вот вчера встретились с медведем. Тот стоял метрах в пятидесяти, невероятно крупный, и нас не разделяло никакое ограждение, как, например, в зоопарке. Сцена молчаливого взаимного разглядывания была короткой, до первого возгласа от удивления или страха с нашей стороны. Медведь бросился в заросли карликовой березы и исчез. Нам впечатлений от этой встречи хватило на всю оставшуюся жизнь. До конца маршрута любой хруст веток ассоциировался с недавно увиденным хозяином тайги.

Но вернемся к главной нити повествования, только обратим внимание читателя на красоты этих первозданных мест, обилие грибов и ягод. По каменистым стенкам растет красная смородина садовых размеров, земляника — как наша европейская клубника, а уж голубики — просто море! Одна беда: поесть ягоду нет никакой возможности. С утра до вечера маршрут, жесткий график движения, на пути горные ручьи и реки, то набор высоты, то спуски. Какая уж тут ягода!

Но на этот раз я не удержался, благо кусты голубики высокие и я мог практически не наклоняясь, на ходу захватывать в ладонь сколько-то ягод и в движении их съесть, полный удовольствия и восторга. При этом мотивировал свой поступок тем, что осталось всего три дня пути, что потом буду сожалеть, что не смог в полной мере принять дары природы.

Мои рассуждения неожиданно прервал крик идущей сзади Нины Головановой, опытной путешественницы из Саратова: «Что ж ты опять не смотришь под ноги!». Я почувствовал вину, не зная еще за что. Дело в том, что незадолго до этого мы переходили по камешкам через горный ручей. У впереди идущего был шест, который он передавал идущему сзади не поворачиваясь, а только протягивая руку назад и отпуская шест. Предполагалось, что шест сделает маятниковое движение и попадет в руки идущему сзади. Только для этого шест надо слегка подтолкнуть. Вот так я и сделал, не предполагая, что идущая за мной почти след в след

- В гонке участвовали лыжники и судьи с секундомерами.
- Праздники бывают разные: веселые и обязательно веселые.
- Я уже третий раз перехотел.
- Отлетает от зубов, как пять пальцев.
- Стукнулась о раздевалку чашечкой.

Нина находится так близко. Она приняла шест лбом, и я выслушал все, что она обо мне думала. Поэтому, когда раздался ее очередной возглас, я, смотрящий не под ноги, а в ладонь с ягодой, априори посчитал себя виноватым.

Поворачиваюсь и не могу ничего понять. Все как в мультфильмах с пластилиновыми героями: на глазах смотрящих с непониманием на Нину окруживших ее товарищей по походу верхняя губа Нины начинает выворачиваться вверх, щека надувается и наплывает на глаз, совсем его закрывая. Оказалось, я потревожил осиное гнездо, а досталось все Нине, плотно за мной идущей. И вылетело-то всего две «птички», но и их Нине хватило с лихвой. Лицо обезображено, боль невероятная, обида переклеивается через край. Но это все у Нины, а мы не смогли удержаться от смеха, чем еще сильнее ее обидели, и она натянула на лицо маску (типа медицинской повязки) от солнца, которая до этого просто болталась у нее на шее.

Требовалась пауза. Я предложил минутный внеочередной привал для отдыха, снятия напряжения и сбора ягод. Через какое-то время мы услышали стрельбу — это волнующаяся за нас группа нам сигнализала, чтобы мы легче определили направление движения. Быстро надеваем тяжелые рюкзаки и спешим к месту общего привала.

Такого приема мы не ожидали — здесь идет настоящее партсобрание (по существующим правилам партийной дисциплины в экспедициях и многодневных путешествиях могла создаваться временная партийная ячейка). Вот партийцы-походники и обсуждают факт проявления нашей недисциплинированности. Нам выговаривают, что мы сильно отстали, группа волнуется, а мы ягоду собираем. Я попытался возразить и сказать, что ягода здесь ни при чем. Но меня никто и слушать не хотел, указывая на наши черные от голубики губы и пальцы. Попробовал отшутиться, сказав, что это ни о чем не говорит, просто нечаянно упали на кусты голубики и испачкались. Партийцы стали злиться еще больше, и я решил, что меня сейчас исключат из партии, в которую еще и принять-то не успели. Тогда я перешел в наступление.

— Вот, — говорю я, обращаясь к группе, — вам-то хорошо идти по тайге такой толпой, а к нам опять медведь вышел.

Наступила пауза.

— Тот же? — спрашивают легковверные.

— Врет! — резюмируют партийцы.

- *Вам помочь или сами устанете?*
- *Следующая остановка не для моего выхода.*
- *В меня плюнули слюной из крана.*
- *Ты меня попроси, а я тебе не дам.*
- *Люблю собак за собачьи выходки.*

Игнорируя реплику верных партийцев, я продолжаю свой рассказ:

— Ну, тот или не тот — не знаю, но такой же большой!

— Ну, и что дальше-то было? — заинтересованные вопросы основного состава группы. Я продолжаю импровизацию:

— Ну, тут все бросились ко мне, ты, мол, единственный у нас при оружии, давай, спасай, не подведи!

— Ну, а ты?

— Ну, а что я, — говорю им, — стреляю хорошо, но винтовка-то мелкокалиберная, да однозарядная. Стрелять надо точно, перезарядить возможности не будет.

— Ну и что дальше-то?

Даже партийцы притихли.

— Ну, что дальше? Я зову Нину, прошу ее привлечь внимание зверя, чтобы у меня была возможность лучше прицелиться.

— Врет! — дружно заявляют партийцы, тем не менее переводя взгляд на Нину, скромно сидящую в сторонке, отвернувшись от всех.

— Ну, не тяни.

— Ну, Нина человек дисциплинированный и мужественный, смело пошла на зверя — продолжаю я, не зная еще, как закончу свой рассказ. — Тут стрельба ваша началась, зверь от Нины отмахнулся и рванул в кусты, ну а мы бегом к вам.

— Врет! — победно резюмируют партийцы.

— Нина, покажи личико! — тихо произношу я.

В группе шок. Ведь все видели Нину двадцать-тридцать минут назад, а тут — губа вывернута, щека опухла, глаза нет!

Вот как бывает на таежных маршрутах! А вы говорите...

«Тогда я еще курил!»

Много лет мы ходили в походы с детьми вместе с очень красивым, интересным и достойным коллегой — Олегом Алексеевичем Аверичевым. В то время еще не было строгих инструкций по количественному составу детских туристских групп и обязательному количеству взрослых руководителей. Тем не менее, на интуитивном уровне, опираясь на опыт, мы понимали, что лучше, чтобы взрослый руководитель в детской группе был не один. Иногда приглашали своих бывших воспитанников в качестве помощников, очень редко — родителей. Мы нашли и свой собственный вариант обеспечения детской безопасности — идти параллельными

- *Я при вас не мелочусь.*
- *Как закончу школу, так забуду все начисто и начну все сначала.*
- *Зубы болят от зависти.*
- *Облился сиропом и загазировался.*

маршрутами. Каждая группа автономна, самостоятельно готовит пищу, устанавливает для себя палатки. Но когда в непосредственной близости дружественная группа — всегда спокойней и надежней. Были случаи, когда это подтверждалось на практике, но это тема другого рассказа и к случаю, о котором я хочу рассказать, не имеет никакого отношения.

Мы ехали в электричке с Павелецкого вокзала двумя нашими группами в самостоятельный зимний туристский лагерь, который на инициативных условиях сами и организовали, договорившись о размещении в сельской школе поселка Верзилово. Это были счастливые времена, никаких респотнадзоров, бумажной волокиты, особых требований обеспечения детской безопасности. Мы даже представить себе не могли, что доживем до времени чиновничьего беспредела и абсурда. Но не будем о грустном. Продолжим рассказ.

Пока добирались на метро до вокзала Олег Алексеевич мне несколько раз сказал о том, что он бросил курить. Садимся в электричку, в вагоне принято было туристским группам петь песни, мы это тоже любили. В каждой паузе между песнями Олег Алексеевич вставлял фразу типа: «Представляешь, два дня не курю и совершенно не тянет» или «Можешь проверить, у меня даже ни один бычок в кармане не завалился».

Приехали в школу, расположились в спортивном зале в спальнях мешках, на матах. Поужинали. В центре зала сложили имитированный костер-свечку и стали рассказывать разные байки из туристской жизни, вспоминать смешные случаи, петь песни. В этих посиделках было и свое воспитательное значение, ненавязчиво рассказывали о своих традициях, пройденных маршрутах, укрепляя интерес детей к путешествиям и обещанию в детском туристском коллективе.

Интересно, шли годы, детские группы менялись, а мы продолжали петь одни и те же песни: «Пуговку», «Люди идут по свету», «Дым костра таежного», «Баксанскую». Да и рассказы у туристских костров пересказывались нами детям, как заученные стихотворения. Было так и на это раз. Сели мы вокруг своего «костра» в школьном спортзале и после традиционных песен я обращаюсь к Олегу Алексеевичу с просьбой рассказать ребятам о том, как он на Алтае попал в водопад. Рассказчик он замечательный. Олег Алексеевич соглашается и начинает свой рассказ: «Было это лет двадцать назад...» и, поворачиваясь ко мне, бросает фразу: «Тогда я еще курил».

На маршрутах всякое случается

Было это в те старые добрые времена, когда в Москве проводилось много разных туристских мероприятий — как клубных, школьных, районных, так и городских. Участие было открытое. Одним из таких мероприятий был рейд «Партизанские тропы», или ночные соревнования по ориентированию на местности. Родоначальниками таких соревнований были очень достойные и уважаемые в туристской среде люди — Людмила Марковна Ротштейн и Валентин Михайлович Куликов. Не подумайте, что это авантюра. Все хорошо подготовлено: и участники, и оборудование, и транспорт, да и судейское обеспечение очень квалифицированное. Это были времена, когда за инициативу не наказывали и уж тем более ничего не запрещали.

Вот на такие ночные соревнования, которые проводились, по-моему, в районе Скоротово, мы с уже известным читателю Олегом Алексеевичем и вывели свои группы. Пришли на старт. Времени — часов 11–12 ночи. Предстартовая проверка, инструктаж, и мы выходим на маршрут. Осень, морозящий дождик, но группа не ропщет — знали, на что шли. Моя группа впереди, за нами группа Олега Алексеевича, команды передаем в колонне.

Вдруг сзади сообщают, что Олег Алексеевич упал и повредил руку. Остановились. Я подошел к Олегу Алексеевичу и увидел его лежащим на своем рюкзаке. Из его рассказа понял, что он поскользнулся и неудачно приземлился на локоть. В результате — острая боль в плече и боязнь пошевелиться. Я осмотрел плечо — явно плечевой сустав нарушен. Он спрашивает, могу ли я поставить сустав на место. Я не решился: плечевые мышцы Олега Алексеевича — на зависть любому атлету, тут сложно переместить плечевую кость, тем более резко дернуть. Кроме того, что это надо уметь делать, есть еще риск навредить.

Решили остановиться на короткий привал, я вернулся на старт, благо ушли недалеко, вызвал скорую помощь (вот видите, какое надежное обеспечение, а ведь мобильных телефонов тогда не было). Вернулся к группе, дождался машину скорой медицинской помощи. Врач после осмотра тоже не решился вправлять сустав в полевых условиях, Олега Алексеевича усадили в машину и повезли в стационар. Предварительно договорились, что мы двигаемся двумя группами кратчайшим путем на финишную поляну, ночуем, а утром выдвигаемся к электричке для отъезда домой.

- *Выехал из тьмы в люди.*
- *Мяч попал в мою голову и шарахнулся в ворота.*
- *С гиканьем и гавканьем мы приехали в лес.*
- *Почему комар — не зверь, если от него озвереть можно?*
- *Дед треснул по швам.*

- *Вспотел от зависти.*
- *Желудок воркующим голосом просил поесть.*
- *Из-за сильного снегопада я не видел спину товарища, а он мою.*
- *Радоваться надо с ненабитым ртом.*

Нам повезло, на старте стоял автобус Московской городской детской экскурсионно-туристской станции (МосгорДЭТС), на нем наши группы перевезли на финишную поляну, где мы спокойно установили палаточный лагерь, натянули тенты, развели костер, перекусили и улеглись спать.

Каково же было мое удивление, когда часа в четыре утра молния моей палатки расстегивается и я вижу улыбающееся лицо Олега Алексеевича. Он рассказал, что когда его привезли в приемный покой местной больницы и попросили снять куртку, то сустав сам стал на свое место. Оказывается, у Олега Алексеевича был так называемый привычный вывих плечевого сустава — результат старой спортивной травмы. При нагрузках или резких движениях сустав легко выходил из суставной сумки. Отдышавшись и поблагодарив за помощь, Олег Алексеевич стал возвращаться к группе (вот она — высокая ответственность руководителя детской группы). Подробностей его возвращения я не помню, но все закончилось благополучно. До утра мы доспали в палатке, а потом все по расписанию: подъем, радость встречи, завтрак, сворачивание лагеря, дорога домой.

Хорошо все, что хорошо заканчивается.

«Смотрите — чукчи!»

Лыжные походы — трудно, но очень интересно! В северных широтах зимой световой день короткий — практически часа в три дня надо вставать на ночлег, присмотрев место у хвойной сушины, чтобы обеспечить и костер, и дрова для печки. Позже будет трудно разглядеть нужный ствол, да и двигаться по сильнопересеченной местности в темное время не принято, да и просто опасно. Главное — заблаговременно выбрать хорошее место для палатки, а откопаться в глубоком снегу можно при свете фонариков и без них. Все делается не спеша, размеренно, без лишней суеты. При хорошем снаряжении и опыте — все не так трудно.

Группа у нас схоженная, преимущественно старшекласники и несколько педагогов. Живем дружно, остается время и на шутки. Одной из шуток было обращение друг к другу с указанием лыжной палкой на лесную чащобу и ставшая крылатой фраза: «Смотри — чукчи!» Конечно, чукчи, кого же еще можно встретить за Полярным кругом в феврале или марте?!

- *Я на лыжах кататься не умею.
Можно я буду кататься пешком?*
- *Пока я болел, у меня в школе было хорошее поведение.*
- *Уехала в гости для визирования родственников.*
- *В третий раз прошу! Исчезни безвозвратно!*

Маршрут мы завершили успешно. Не обошлось и без курьезных случаев. В составе группы были несколько учительниц, которым трудно было объяснить, что в лыжном походе зимние женские сапожки не понадобятся. «А как же в городе?» — парировали они. Словом, одна из учительниц, взявшая такие сапожки, не могла их пристроить внутри рюкзака и закрепила под его верхним клапаном. Это сейчас, по прошествии времени, кажется, что все было легко и просто, а на маршруте... Тяжеленные рюкзаки, подъемы-спуски, ветки деревьев, норовящие удержать твой рюкзак.

У меня был случай в таежном походе, когда я подобрал рога марала (сибирского оленя). Вероятно, волки так добросовестно организовали свою трапезу, что от оленя остался только скелет. Вот и решил я привезти эти рога как сувенир. Было это в самом начале маршрута, и мне пришлось идти со своим сувениром, закрепленным на рюкзаке, километров двести. Вот тогда я и посочувствовал оленю: как же ему тяжело проходить между деревьями с таким украшением.

Думаю, что такая же проблема была и у нашей Ольги Викторовны, у которой торчащие в разные стороны сапожки постоянно задевали за ветки деревьев. Картина первая. В какой-то момент она заметила, что из-под клапана рюкзака выглядывает всего один сапог, а другой, вероятно, уже давно потерян. В расстроенных чувствах она вытаскивает и другой сапог и кидает его в снег.

Картина вторая. Замыкающим в группе шел Александр Васильевич, вдумчивый и обстоятельный педагог, прекрасно играющий на гитаре и большой мастер фотосъемки. Из его рассказа: «Иду, вижу — лежит у лыжни новый женский сапог, поднял, положил в рюкзак, пожалев, что нет пары. Подумал: неужели чукчи оставили? Через какое-то время увидел второй сапог и обрадовался — ну вот и хорошо, привезу жене подарок». На привале пришлось разочароваться — нашлась настоящая хозяйка.

Вот и закончен маршрут. Мы идем по вечернему северному поселку, в котором собираемся переночевать, немного отдохнуть, отмыть закопченные лица. Вдруг навстречу выкатывается группа местных ребятишек. Они дружно тычут в нас пальцами и кричат: «Смотрите, чукчи!»

- *Димочка, ты мальчик или идиот?!*
- *Пуржилистая погода.*
- *Когда весна распустится, деревья начнут пахнуть.*
- *Очки ношу потому, что утратил прозорливость.*
- *В год змеи ох как надо извиваться.*

Хороший инструктор

Доброй памяти Игоря Федоровича Попова

Сидели мы как-то вечером на туристской базе в комнате инструкторов, пили чай, беседовали. Тему для разговора задал Игорь Федорович Попов — маститый и уважаемый в туристских кругах Москвы человек. Его часто называли учителем учителей, а еще за его именем закрепилась присказка: «Игорь Федорович Попов не боится холодов!»

Так вот, подходит Игорь Федорович к приоткрытому окну, плотно его закрывает и говорит, извиняясь: «Знаете, мои юные друзья, ночевать в снегу могу, а вот сквозняков боюсь». И разговор начался о туристском снаряжении. Стали вспоминать, как раньше его сами изготавливали. Игорь Федорович рассказал о том, как с возрастом меняются приоритеты: «Вот раньше, в молодости, спали в обычных групповых спальниках-пакетах, головы всех были ориентированы в одну сторону. Всем удобно, особенно если рядом в спальнике приятная дама. А сейчас решили: чего место-то пропадает, давайте шить пакеты, чтобы можно было спать в летом. Ведь уже не важно, кто и что рядом — голова или ноги соседа». Потом он рассказал случай из своей жизни о первом для него ночлеге в зимнем лесу. Привожу его рассказ по памяти.

В середине пятидесятых годов молодой учитель физкультуры, закончивший школу инструкторов туризма в Ленинграде, вернулся в Москву, пришел в городской клуб туристов и предложил свои услуги. Ему обрадовались и направили в лыжный поход с группой туристско-производственников (членов туристской секции при предприятии). Прошли маршрут, стали готовиться к ночлегу, поставили большую палатку-домик, развели хороший костер. К маршруту Игорь Федорович подготовился основательно. Взял валенки, ватные брюки, теплую китайскую куртку, фонарик и ватный спальник (в те времена индивидуальный спальник был редкостью и роскошью). Поэтому когда к нему подошел кто-то из членов группы и попросил теплые вещи для оборудования спального места, Игорь Федорович отказался, сказав, что сделает это сам, и попросил оставить ему место у края палатки. Мелькнула мысль, что спальников-то ни у кого нет, а сейчас его спальник уложат поперек палатки под всех и спи, как хочешь.

Пужинали, посидели у костра, и группа ушла спать. Наступил звездный час Игоря Федоровича. Он прогрел теплые вещи у костра, надел ватные брюки, куртку, валенки. Взял спальник и направился к палатке.

- *Зима дыхла морозом, и мы выдохнули пар.*
- *У меня нет желаний и увлечений: я сирота.*
- *В поисках съестного я прочитал книгу.*
- *Со мной случается только хорошее: вчера упала и ничего не сломала.*

Группа мирно спала, слышалось только похрапывание. Игорь Федорович расстелил свой новый спальник и не только ухитрился влезть в него в валенках, ватных брюках, куртке, застегнутой на все пуговицы и шапке-ушанке, но, застегнув спальник, ухитрился даже вставить руки в меховые варежки. Вот оно, долгожданное блаженство!

Проснулся довольно быстро, от страшного холода его просто трясло. Попытался расстегнуться, достал фонарик и осветил. Рядом из группового спальника высунулась рука в тельняшке — человеку, вероятно, было жарко. Игорь Федорович вышел из палатки, раздул костер, у которого и просидел всю ночь. Под утро стал растапливать снег для приготовления завтрака. Группа проснулась и дружно заявила, что им очень повезло с таким ответственным инструктором — встал раньше всех, развел костер, да еще и снег растопил.

Подробности своего ночного бдения Игорь Федорович группе решил не рассказывать.

Алюминиевая миска

Как-то на одном из инструкторских семинаров-сборов мы задали вопрос инструктору из Алтайского края о том, как они ходят по дикому краю, в непосредственной близости от дикого зверя. Дама ответила, что оружия действительно, как правило, нет. Стараются громко разговаривать, отпугивать зверя голосом, стучать по мискам. Мы с недоверием задали вопрос: что, мол, помогает? Она ответила, что как-то они вышли на туриста-одиночку, сидящего у костра и стучащего ложкой по миске. Он объяснил, что рядом ходит медведь и он всю ночь вынужден был стучать по миске. «Вот видите», — он протянул алюминиевую миску с вмятинами от многочисленных ударов ложкой. При этом пояснил, что вечером эта миска была эмалированной, а сейчас от эмали и следа не осталось.

Рыбалка

В каких только рыбных местах не приходится бывать в туристских походах! Конечно, есть рыба и на Селигере, правда, уже не в таких количествах, как раньше. Видел, как хранят зимой рыбу в Сибири, например на севере Якутии, — прямо как дрова у нас в Европейской части (в холодных сенах и такими же «поленницами»). Меня часто балует своими снимками Алексей Филиппов из Тувы, на которых тоже рыба невероятных размеров и в невероятных количествах. Помню и рыбную Ахтубу, где рыбы в реке столько же, сколько и воды. На каждом привале Игорь Алексеевич Дрогов вытягивал щуку за щукой калиброванного килограммового размера. Но запомнился мне другой случай.

Начало семидесятых, идем мы со школьниками по Ахтубе, прямо от Волжского. Ребята готовились к походу по рыбной реке, начитались разной литературы, подготовили снасти. Каждая свободная минута — рыбаки у воды, да вот что-то не ладилось, рыба не ловилась.

На пятый или шестой день похода, проходя на байдарке близко к берегу, я обратил внимание на местного рыбака. Было ему за шестьдесят, простенькое самодельное удилище, маечка и перекинутая через плечо сумочка (из такой же ткани, как и майка, — вероятно, жена сшила). Одной руки нет, поэтому ловко справляется единственной рукой.

Я перестал грести, чтобы не мешать его лову, поздоровался и задал для проформы дежурный вопрос: «Как клев?». Рыбак посмотрел на меня очень деловито и спросил: «Рыбой интересуетесь или просто так любопытствуете?» Я немного растерялся, потому что действительно спросил просто так, не ожидая продолжения разговора. Услышав вопрос, я не решился в этом признаться, как-то неудобно стало, что просто так отвлекаю на себя внимание пожилого человека. Я ответил, что действительно интересуюсь рыбой, потому что у нас самих что-то рыбалка не складывается. Рыбак воткнул удилище в землю прямо у ног, достал из воды кулан и продемонстрировал двух огромных рыб (язей или сазанов).

Я потерял дар речи, но понял, что обязан разговор продолжить. Сказал рыбаку, что для нашей большой группы этой рыбы будет маловато, вот если бы еще одну такую! Рыбак мне ответил так, как будто я веду с ним торг в рыбном отделе гастронома: «Ну-ка, сынок, постой немного в сторонке!» Я послушно зацепился за кустики метрах в десяти от рыбака. Минут через пять-десять он выловил, словно по моему заказу, третью такую же большую рыбку. В общем, пришлось купить весь его улов, которого нам хватило на всю нашу группу в двадцать человек.

- *Математика учит: если хочешь кого-нибудь стукнуть, сосчитай до 100.*
- *Поели за оба уха.*
- *Кино было таким интересным, что я с трудом заснул.*
- *Лишний обед образовался от недоедания.*

Вот такая она, Ахтуба!

И еще немного о рыбе. Когда мы шли первый раз по Днестру и подошли к лиману часов в двенадцать дня, то немного испугались сильного ветра и волнения на открытой воде. Причалили в зарослях, окружавших плотной стеной дом бакенщика, поинтересовались, стихнет ли ветер? Ответ бакенщика нас обнадежил, тот сказал, что каждый день в восемь вечера как будто кто выключает ветер и наступает штиль до самого утра. Пришлось готовить обед здесь же, на островке, используя сухой плавник. Было время и на отдых с дневным сном в тени, и на подготовку к вечернему переходу через лиман. Противоположный берег пока не виден, но до него и прибрежного Белгорода-Днестровского — километров двенадцать.

В двадцать ноль-ноль отчалили как по расписанию. Тихо на воде, и следа от дневного волнения не осталось. Шли часа три, южная ночь наступила без всяких сумерек, как свет отрезало. Но включили звезды и засветились огни Белгорода-Днестровского. В общем, идти было вполне комфортно. Тишина, только шум от наших весел. И вдруг! Из воды выпрыгивает довольно большая рыба и падает прямо на собаку, спокойно дремавшую на днище байдарки. Собака от неожиданности прыгнула за борт, а рыба осталась в байдарке. Вот такая произошла рокировка.

А вы говорите — Ахтуба!

Гонки на одеялах

Спустя лет пять мы снова оказались на Днестре у того же самого домика бакенщика. Мы пришли с намерением не ждать у моря погоды, а пройти лиман днем по ветру, да еще не поперек к Белгороду-Днестровскому, а вдоль до самой Затоки (расстояние больше чем в два раза) и выйти под парусами в Черное море. Пара часов у нас ушла на увязывание байдарок в катамараны и тримараны, установку мачт, навешивание импровизированных парусов из одеял, спальников и тентов. Наконец-то отошли от берега! Свежий ветер уверенно понес нас к морю. Катамараны и тримараны — конструкции устойчивые, как говорят о судах: имеют хорошую устойчивость, то есть их перевернуть не просто.

Страха никто не испытывал, да и мимо нас постоянно курсировал наш товарищ на байдарке, вселяя в нас уверенность, что даже байдарка способна уверенно идти под парусом. Андрей Васенин только демобилизовался, он служил в элитных войсках Балтийского спецназа и ему действительно, как говорят, «было море по колено». Вместо паруса —

- *Оттепель и дождь — питательная среда для насморка.*
- *На меня начихали насморком.*
- *Стали делать плохое мороженое — я перестала болеть ангиной.*
- *У меня целый рубль и одной бумажкой.*

полотнище от туристского шезлонга. Роль гика (нижней поперечины, оттягивающей полотнище паруса) выполняла тяжелая металлическая трубка от этого же шезлонга. Выглядел он сообразно настоящему корсару — тельняшка, косынка, трубка в зубах, а речь — сплошные морские термины и упоминание трех тысяч чертей! Обгоняя нас очередной раз и желая на наших глазах совершить красивый разворот, Андрей эффектно отдает команду сидящей впереди жене: «Трави шкот по левому борту!» Марина непонимающе пытается что-то сделать, но явно не то. Трубка Андрея перекачивается по зубам слева направо. Он снова повторяет команду с тем же результатом понимания. Трубка скрипит на зубах, перекачиваясь теперь справа налево. Он уже заложил руль и байдарка начала поворот. Ветер захватывает парус, резко переводит его на противоположный борт, крепко ударяя Марину гиком по голове. «Отпусти веревку, дурочка! — обреченно и беззлобно произносит Андрей. — Такой маневр испортила!»

Мы продолжаем движение, получая удовольствие от крейсерской скорости, для достижения которой, оказывается, и грести-то не надо вовсе. Благополучно выходим в море, где нас принимают пограничники и запрещают дальнейшее движение на судах. В советское время даже надувные матрацы нельзя было спускать на морскую воду: вероятно, была опасность уплыть на них за рубеж.

Тем временем независимо от нас развивалась другая история. На маршруте нас сопровождал автобус, который привез из Москвы наше снаряжение и должен был отвезти его назад по завершении маршрута. Какие счастливые для детского туризма были времена! Автобусу пришлось заложить большую петлю в объезд лимана, чтобы добраться до прибрежного поселка Затока. Желая получить о нас хоть какую-нибудь информацию, водитель заезжал на все спасательные станции, посты которых выходили на лиман. Никто нас не видел. В отчаянии он стал с пристрастием допытываться у кемарящего на солнце старого спасателя, не видел ли тот байдарки, пересекающие лиман. Старик отмахнулся от навязчивого «следователя», но потом сжалился и сказал, глядя в бинокль: «Байдарок не видел, а вот на одеялах кто-то прошел часа три назад!»

«Иди, я тебя потом догоню!»

Эту историю услышал я от своего учителя Анатолия Зотовича Романова и много раз ее пересказывал от первого лица — не из удовлетворения личных амбиций, а для простоты дела.

В походах по Молдавии не зайти на местный винзавод просто невозможно и неправильно, тем более когда путешествует в отпускной период группа учителей-туристов. Конечно, вино можно купить в любом доме, но винзавод — это совсем другое дело. Там ведь обязательно предложат продегустировать. Так было и на этот раз: село с винзаводиком километрах в пяти от реки. Сделали дневку и пошли на экскурсию, конечно, со своими кружками, а то вдруг предложат пробовать в маленьких стопочках.

Старый винодел рассказал о производстве вина, традициях его изготовления и местных рецептах и повел в погреб, где стояли бочки с краниками. Перед дегустацией напомнил старую поговорку: «Водка говорит человеку: “Я с тобой”, имея в виду ее быстрое действие. А вино: “Иди, я тебя потом догоню!” Приятной вам дегустации».

Пили прохладное вкусное вино с удовольствием и помногу. Просто утоляли жажду. Надо сказать, что вода в колодцах и колонках там отдает хлоркой, тепловатая и невкусная.

В общем, жажду удалили впрок. Стали возвращаться к реке, да только на половине пути дегустаторов догнало молдавское вино. Пришлось устроить отдых с легким сном.

В порядке послесловия. Я рассказал эту байку на вновь открытом Вьсегонском винзаводе в Тверской области с современным импортным оборудованием и автоматизированным процессом производства. Оказалось, что этой поговорки там никто не знает. Вырождаются настоящие виноделы...

Кавказское гостеприимство

В какое хорошее и счастливое для любителей путешествий время нам пришлось жить! Разве можно сейчас представить, что государство, уделяя серьезное внимание подготовке туристских кадров для работы с детьми, могло проводить спортивно-тренировочные сборы и семинары в популярных туристских районах страны. У коллег из разных регионов была возможность личных знакомств, обмена профессиональным опытом, ознакомления с популярными туристскими маршрутами. С теплом вспоминаем такие сборы и встречи даже по прошествии почти пятидесяти лет.

- *Прозвонил звонок и я выскочил на перемену, оказалось — звонок на урок.*
- *Мы убрали класс так чисто, что учитель подумал, что там были воры.*
- *Инвалид школьной программы.*

- *Я весь вымазался в лыжной мази, а на лыжи чуточку не хватило.*
- *Ты чего здесь разаукалась?*
- *Раньше наш класс делился на девочек и мальчиков, а теперь девочки сплотились и тоже стали мальчишками.*

Начало семидесятых. Орджоникидзе (ныне Владикавказ), гостиница «Турист», где собирались участники сборов для отъезда на турбазу в районе Цейского ледника. Сборы всероссийские, участники из разных регионов страны не могут прибыть одновременно, а потому для заезда были определены два дня. Я приехал в первый день вместе с заместителем директора Федерального центра детско-юношеского туризма и краеведения (в то время ЦДЭТС МП РСФСР) Инессой Васильевной Соколовой. Она личность известная, а я новый молодой сотрудник. В этот день уже часть участников заехала, в основном представители дальних регионов с трудным сообщением. Вечером всех собрали для знакомства и неформального общения (официальное открытие сборов планировалось только на следующий день).

Вот оно, настоящее кавказское гостеприимство! На столах зелень, шашлыки, графинчики с чачей, доброе общение, знакомство, тосты. Я как человек непьющий сразу обратил на себя внимание хозяев. Сначала они поинтересовались, почему я не пью, и мой ответ, что не пью вообще, никого не убедил. Потом спросили у Инессы Васильевны, что это с вашим молодым сотрудником? Она честно ответила, что я только пришел на работу и она обо мне ничего не знает. Умудренные опытом аксакалы узрели в этом потенциальную опасность — как бы их гостеприимство им боком не вышло. А вдруг заложит и скажет назавтра, что сам не пил, но был свидетелем, и вообще все не одобряет и т. д.

В общем, застолье было остановлено. Ко мне подходит убеленный сединами человек с наполненным чачей рогом и мягко интересуется, бывал ли я раньше на Кавказе. Я встаю из-за стола (негоже сидеть, когда напротив стоит уважаемый человек). Не дожидаясь ответа, продолжает: «Видно, что первый раз, обычаев наших не знаете. Это у вас, в России, можно сказать, что не пью. У нас не так. Ты можешь не пить, но рог из моих рук принять ты обязан!» Ну, думаю, все. Сейчас рог примешь, а потом что с ним делать, ведь поставить его нельзя.

А за столом уже волнение началось, все поторапливают, ждут продолжения банкета. Ситуация критическая. Я поворачиваюсь и вижу слева от себя моего соседа по столу, увлеченно беседующего с соседкой, сидящей по другую его руку. Ахпол, так звали моего соседа (мы с ним только сейчас здесь же за столом и познакомились), был занят разговором, а потому ничего не слышал. Тут меня осенило и я говорю: «Из уважения к обычаю хозяев я этот рог принимаю, а учитывая состояние гостя, мой друг Ахпол

- *Когда я получаю двойку, меня ругает только папа, потому что у мамы больше сил нет.*
- *Стас пострадал за правду, он не смог обмануть учителя.*
- *Я не выдумываю, я передразниваю.*
- *Я Свету отлюбил, теперь отлюбливаю Наташу.*

его за меня выпьет!» — и поворачиваюсь с рогом в руках к Ахполу. Тот, услышав свое имя, встал, я передал ему рог, который тот лихо опорожнил и снова повернулся к своей соседке для продолжения разговора.

На некоторое время наступила тишина. Потом старейшина, получив назад пустой рог, произнес: «Врешь, ты не первый раз на Кавказе!» Застолье к всеобщей радости было продолжено, а меня больше с обязательной выпивкой никто не донимал.

Вот что значит настоящее кавказское гостеприимство!

Отцовская педагогика

Шли мы как-то по Ахтубе с детской группой. Компанию нам составил Генрих Александрович Стуков с женой и восьмилетней дочерью Еленой. Мы с ним в дружбе до сих пор. Он много лет работал в детском туризме, потом возглавлял отдел безопасности Центрального совета по туризму и экскурсиям. Человек обстоятельный, много знающий, но, как многие люди с научно-аналитическим складом ума, не придающий значения второстепенным мелочам. Как-то, рассказывая дочери об окаменелостях, которые иногда можно было найти у воды, он сказал, что десять тысяч лет назад этот камешек был, например, улиткой. Он пояснил дочери, что десять тысяч лет — это очень большой срок и за этот период, совершенно естественно, множество живых организмов поумирало.

Дочь нахмурилась и ее глаза оказались на мокром месте. Жена упрекнула Генриха Александровича, напомнив, что маленькая дочь, как и многие дети, боится любого упоминания о смерти. Генрих Александрович решил исправить ситуацию: «Знаешь, Леночка, что такое десять тысяч лет — это громадный срок. За это время я умру, твоя мама умрет, ты умрешь, твои дети и внуки...» В общем, продолжения не потребовалось, слезы брызнули из глаз Леночки, и началась легкая истерика. «Спасибо, ученый муж! Ты нашел самые нужные слова! — произнесла Нина Федоровна. — Твое педагогическое образование очень пригодилось!»

Как тесен мир!

В середине семидесятых я проводил небольшой туристский лагерь на берегу Пестовского водохранилища под Москвой. Этот лагерь запомнился мне одной историей. Основной состав — пятиклассники. Мы отработываем технику гребли. В каждой байдарке два человека, буйками обозначено на воде небольшое кольцо, по которому с интервалом в длину

- *Ленка плакала горячими слезами, а Димка подливал масла в огонь.*
- *В планетарии звезды видны без микроскопа.*
- *Я разорвал штаны от узости моды.*
- *Все гарантии я уже раздал.*

корпуса байдарки двигаются новоиспеченные экипажи. Я посоветовал им, для сохранения нужного темпа и обеспечения синхронности гребков, считать вслух, как во время зарядки. Так вот, сижу я на берегу с мегафоном и слежу за тренировкой. Детские голоса монотонно отсчитывают: «Раз-два! Раз-два!», а кто-то: «Раз-два-три-четыре!»

Вдруг я обращаю внимание на детский голос, ведущий порядковый отсчет от одного до двадцати, потом его сменяет другой детский голос и также считает до двадцати. Я быстро нашел глазами этот замечательный экипаж. В новой группе были два откровенных «сачка», которые постоянно отлынивали от общей работы. Я соединил их в одном экипаже, думая, что здесь уж они будут работать добросовестно, так как стоят друг друга. Вот они и нашли свое решение, чтобы никто не работал за другого: гребли по очереди. Один гребет, а другой его гребки считает, потом меняются. Конечно, такие детки в группе не задержались. Мой учитель Анатолий Зотович Романов постоянно нам говорил, что в походах существует правило: «Старайся сделать больше товарища!» Только при таком отношении к делу и друзьям получится настоящая команда.

По каким-то делам мне надо было съездить в Москву. В электричке я устроился на крайние два места в конце вагона, так как был с собакой и не хотел мешать другим пассажирам, благо в будний день свободных мест было достаточно. На одной из остановок в вагон вошла очень красивая супружеская пара и остановилась около нас. Я предложил им пройти в вагон, думая, что собака им может помешать, но они сказали, что именно из-за собаки и остановились. Завязалась обычная дорожная беседа. Спросили, как зовут собаку, я ответил, что овчарку зовут Питер, но я его называю Петей. Потом поинтересовались, много ли я с ней путешествую и куда. Я назвал среди других мест и Селигер. Так, в разговорах, доехали до Ярославского вокзала и попрощались.

В июле того же года мы с детской группой были на Селигере. Начинали и заканчивали кольцевой двухнедельный байдарочный маршрут по озеру близ деревни Никола-Рожок. Мне это место показал в свое время мой учитель Анатолий Зотович Романов, которого я уже упоминал в своем рассказе. Место популярное в те времена из-за хорошего подъезда к воде.

Отдыхающих много, никто за собой свои места закрепить не мог, поэтому, как правило, останавливались на любом свободном месте, а потом, по мере миграции отдыхающих, перемещались на свои традиционные места стоянок. Так было и с нами. Вернувшись с маршрута, мы увидели,

ли, что наше место занято и стали разгружаться на свободном пятачке. У воды сидела девушка, наблюдавшая за нашей разгрузкой, и, увидев собаку, спросила, как ее зовут. Я сказал, что ее кличка Петя и продолжил разгрузку байдарок. «Петя? — удивилась девушка. — А у нас здесь есть собака по кличке Миша!». Я никак не отреагировал.

Через какое-то время к девушке подошел хозяин Миши, и она ему сообщила, что у нас теперь и Петя появился. Хозяин Миши заинтересовался и описал девушке мою внешность. Девушка сказала, что похож. Каково было мое удивление, когда в хозяине Миши я узнал своего путчика из подмосковной электрички. На этом мое удивление не закончилось. Оказалось, что они тоже часто отдыхают на Селигере и показал им это место их бывший сокурсник по институту физкультуры Толя Романов.

Как тесен иногда оказывается мир!

Чего не сделаешь с испуга!

Считается, что человек в обычных условиях использует всего процентов сорок своих физических возможностей, и тому множество подтверждений. Спасая свою жизнь, убегающий от полиции перемахнул трехметровый забор; рабочий, падая вниз со строительных лесов, удержался, схватившись одной рукой на лету за висящую веревку. Похоже, что был подобный случай и со мной.

Наш базовый лагерь располагался в пяти километрах от города Осташкова. По каким-то делам я решил сходить в город на своей байдарке «RZ-Фаворит», оборудованной парусом и швертами (боковыми дополнительными опускающимися килями-плавниками, повышающими остойчивость и позволяющими двигаться при боковом ветре). Ветер был свежий, я полагал, что дойду быстро. Пошли: я сзади со шкотами для управления парусом в руках, ноги на рулевых педалях. Передо мной лежит овчарка Питер, которая разделяла со мной трудности и радости всех путешествий того времени. Хороший ход, светит солнышко, впереди показались маковки городских церквей.

И вдруг я на какое-то время из-за излишней самоуверенности упустил руль, байдарку резко развернуло бортом к волне, которая, перехлестнув через невысокий борт, прошла через байдарку. Собака, то ли от неожиданности, то ли от дисциплинированности, даже не дернулась, но я, по-моему, за этот короткий миг прогнал всю свою жизнь перед глаза-

- Димка так сильно ударился головой, что сотрясение от стенки перешло к нему на мозги.
- Упражнение на дом было трудным и несгибаемым.
- Мне сказали, что надо исправить двойку, а у меня как назло шарик не пишет.

- Восьмой КП я взяла вместо шестого, а девятый вместо финиша.
- Я заболел, причем официально.
- Да, я капризный, но это еще не предел.
- Ископаемые бывают разные, откапываемые и открытые.

ми. Удалось ситуацию исправить, байдарку выровнял, воду по возможности отчерпал и только потом, осознав, что могло произойти, испугался. Весь путь до Осташкова я не отрывал взгляда от приближающихся храмов, благодарил Бога за спасение и обещал, если дойду благополучно, так со стихией больше не шутить.

Вот он, долгожданный берег, вытаскиваю байдарку, укладываю мачту, поднимаю тяжеленную байдарку на плечо, не сливая воды, иду к зданию Станции юных туристов. Все на одном дыхании, правда, в некотором замешательстве. Остановился, застряв в дверном проеме, и только тогда опустил байдарку на пол и пришел в себя. Сначала удивился: зачем я пытался занести байдарку в помещение, потом попробовал ее немного подвинуть, но поднять не смог. Рядом оказался сотрудник СЮТур, и мы вдвоем с большим трудом вынесли байдарку во двор.

Решимости снова сесть в этот день в байдарку у меня уже не нашлось.

Историческая высадка десанта

В 1987 году был у нас интересный водный маршрут по Аксаю — притоку Дона, самому Дону до устья (лукоморья) и Таганрогскому заливу. Лагерь мы разбили на противоположном берегу, где нас ждал сопровождающий автобус, и переночевали. На следующий день на автобусе мы съездили на экскурсию по городу, а вернувшись на берег, поужинали и легли спать.

Мы решили пересекать довольно широкий Дон ночью, так как были выходные дни и на воде наблюдалось много моторных лодок с не очень трезвыми ростовчанами. Была еще одна причина: на следующее утро у нас была назначена встреча с детской туристской группой из Ростова-на-Дону, с тем, чтобы дальше двигаться по маршруту вместе. Местом встречи было определено устье реки Северский Донец, впадавшей в Дон с правого берега прямо за городом.

Лагерь сняли еще до ужина, байдарки загрузили на берегу, не спуская на воду, оставив только спальники и коврики. Проснулись в 24.00 и отчалили. Темная южная ночь, свет только от звезд. Все мы в спасжилетах, с фонариками двигаемся в кильватерном строю (друг за другом) с интервалом в длину корпуса байдарки. Через кратное время подается сигнал рынды.

Команды и нужная информация передаются по строю через экипажи. От пьяных моторок мы спаслись, но оказалось, что ночью шла разводка

судов, и мы были предельно внимательны. Пришли часа в два-три ночи. Вытащили байдарки на берег уже Северского Донца, не разгружая их. И снова улеглись на берегу на коврики, не устанавливая палаток. Наш Александр Васильевич Пучков терпеливо ждал рассвета, чтобы сделать снимок, и заснул только под утро.

Группа крепко спала после тревожного ночного перехода и проснулась от дружного детского смеха. Оказалось, что метрах в двадцати от нас выше по берегу стоял обелиск, к которому приводили в плановом порядке школьников из ближайших пионерских лагерей. Так было и на этот раз. Вожатая читает текст, начертанный на граните, о том, что в этом месте в период оккупации Ростова-на-Дону дважды высаживался советский десант, при этом все участники первой высадки погибли на этом месте, — и делает жест рукой в нашу сторону. Немая сцена, потом дружный детский смех и шутки типа: «Так они до сих пор и лежат!». В общем — тожественного момента не получилась.

Пионеры ушли, мы продолжили спать, потом подъем, утренний туалет, завтрак — все в штатном режиме. Ждем ростовскую группу, а ее все нет. Я пошел по берегу поискать группу в окрестностях, но никого не нашел. Когда вернулся в наш лагерь, увидел причаливший к берегу катер, милиционера и других людей, беседующих с нашими педагогами. Оказалось, что в городе объявлен карантин (в воде обнаружена холерная палочка). На реке постоянный пост, который снимает с маршрута все группы. Этим объяснялось и отсутствие группы из Ростова-на-Дону, которую мы ждали. Нас не заметили, потому что мы прошли мимо города ночью.

Нас отпустили с миром, и мы продолжили свое путешествие.

Потом в дневнике похода появилась запись о том, что после Ростова-на-Дону группа поделилась на две части: холерных и нехолерных. Холерные — это те чистоплотные члены группы, которые уже успели почистить зубы водой из Дона до прибытия катера.

Далее маршрут продолжался и завершился благополучно.

- *Меня исказили фактами.*
- *У нас два севера: один на северном полюсе, другой на южном.*
- *Если идти все время на север, то замерзнешь.*
- *Север находится..., ну это смотря откуда смотреть.*
- *Чтобы узнать где север, надо встать к югу спиной.*

- *Промоина — это канава, прорытая естественным путем.*
- *Карты бывают цветными и бесцветными.*
- *Голубой цвет — мокро, желтый — светло, зеленый — недоступно.*
- *Компас и карта — источники брожения.*

Хренов Сергей Николаевич

Ярославль

Родился в 1951 г. Образование высшее дважды, техническое и педагогическое. Туризмом начал заниматься в 1972 г. На его счету многочисленные категорийные походы по водному, горному, пешеходному, лыжному туризму, проведение различных мероприятий по подготовке туристских кадров. С 1980 г. начал работать с детьми, в настоящее время — педагог дополнительного образования. Автор и исполнитель туристских песен. Заслуженный путешественник России, кандидат в мастера спорта по водному туризму.

Самая непроходимая река

Когда в кампании туристов-водников заходит разговор на тему непроходимых рек, практически всегда каждый участник расскажет свой вариант или приведет случай из своей практики. Некоторые самые мудрые скажут, что это еще не пройденные реки Гималаев, Анд, Кордильер. Я же на своем опыте убедился, что самая труднопроходимая река на территории бывшего Советского Союза — это река Алазани в Грузии.

В начале 1990-х мы в осенние школьные каникулы группой сотрудников Ярославской областной станции юных туристов под руководством директора Александра Евсеевича Назарова решили пройти Алазани на байдарках «Таймень» и надувной резиновой лодке «Волна».

Когда в Москве на Казанском вокзале садились в скорый пассажирский поезд «Москва–Тбилиси», кто-то подметил, что грузимся мы в поезд № 13. Все дружно посмеялись и забыли об этой цифре. Доехали замечательно и через двое суток с пересадкой на электричку были уже в городе Телави. Там жил мой друг и коллега по туризму Юра. Он встретил нас на вокзале и вместо того, чтобы довезти до начала сплава в село Ахметы, привез нас к себе домой на окраину города. У него свой дом с садом и виноградником, очень гостеприимная жена-грузинка, трое детей, родители жены и старенькие бабушка с дедушкой. На мой вопрос: «Почему домой?» — он ответил, что так принято по законам гостеприимства, особен-

но в праздники. Вот так мы узнали, что вся Алазанская долина в эти дни отмечает праздник урожая, праздник молодого вина. Тут же за столом мы и познакомились с продукцией местных мастеров-виноделов. А как чудесно поют грузины свои народные песни, на голоса, с душой. Были приглашены соседи и родственники, вместе с нами человек пятьдесят. Закусывали тем, что растет в саду и на грядках. Тосты тамада говорил через каждые три-четыре минуты. Уже через час застолья я понял, что больше ничего не хочу, да и не могу. Ночевали в палатках прямо в саду между плодовых деревьев.

На следующий день утром уехали к началу сплава. С утра было пасмурно и накрапывал мелкий дождик. Поставили палатки недалеко от моста у самой реки и начали собирать байдарки. Мимо проезжал пожилой грузин в рабочей фуфайке на ослике, вез хворост из леса, который был метрах в пятистах от нашего лагеря. У него то и дело падали сучки, и я подарил ему кусок капроновой ленты для того, чтобы он связал дрова. Мы разговорились, он неплохо говорил по-русски, в конце войны был призван в армию, дошел до Вены, потом служил во Владимирской области. Поговорили про урожай, про здоровье его и его семьи, и он уехал.

Часа через два он вернулся уже на коне, в парадной бурке с газырями, при кинжале, в парадных сапогах, и что-то было перекинуто через луку седла. Я подумал, что это барашек, но ошибся. Это оказался бурдюк с вином. Он попросил подойти всех к костру (мы в это время собирали байдарки) и произнес торжественную речь. Да-да, именно так! Начав с предков и обычаев гор, он перешел к главному событию на сегодня — празднику молодого вина. Достал кожаный бурдюк и налил всем нам по кружке вина, потом еще и еще. Мы говорили, что нам надо собирать байдарки, но он был неумолим... Только после пятой кружки мы сказали решительное «нет» и продолжили сборы. Вскоре пообедали и пошли. Но прошли немного. Сказалось выпитое, и через полчаса сплава по довольно быстрой воде резиновая лодка, в которой капитаном экипажа был я, налетела на железный штырь в воде, и мы зачалились на ремонт, который затянулся до вечера.

На следующий день погода наладилась и мы вышли рано, порогов нет, но везде быстроток. Река неширокая и очень извилистая, на поворотах прижимы, технически не сложно. В середине дня прямо посередине реки увидели легковую машину «Нива», вокруг которой ходил водитель, что-то говорил и размахивал руками. Мы зачалились на правый берег

- *Меня с колыбели приучили к дисциплине на перемене.*
- *Как я хочу побывать на море, понырять и поныривать там!*
- *Видения бывают мимолетные — это в поэзии, а залётные — это из 4-го «а».*

- *Кругом так тихо, что хочется покричать.*
- *Чтобы не болтаться по улице просто так, я позвал Колю.*
- *Успел перебежать дорогу, пока милиционер штрафовал Сережку.*
- *Поменял время на деньги, теперь хожу без часов.*

и спросили, что случилось и нужна ли наша помощь. Он сказал, что машина заглохла на броне, и попросил помочь вытолкнуть ее на берег. Что мы без особого труда и сделали. Пока мы делали небольшой перекус, он сумел ее завести и радости его не было предела, даже станцевал что-то типа лезгинки. Потом подошел к нам, спросил, кто старший, поблагодарил нас всех и Саню отдельно и ушел к машине. Через три минуты вернулся к нам с канистрой светлого вина, сказал тост за дружбу народов, за великий русский народ, за родителей, дедов и прадедов, за благословенную землю, которая родит богатый урожай, и предложил выпить за это. Отказаться было невозможно. Второй тост был за праздник, третий на дорогу или, как у нас говорят, на посошок. Тут мы засобирались, но уже когда садились в байдарки, он сказал еще тост за здоровье и пришлось осилить еще полкружки.

На ночь решили остановиться на острове, чтобы никто не беспокоил. Но вечером два джигита на конях переправились к нам, один из них оказался братом того человека, которому мы помогли, и праздник продолжился до позднего вечера.

На следующий день перед обедом группа ушла пешком смотреть старинный Алавердинский христианский монастырь — жемчужину архитектуры Грузии XI века, а я остался готовить обед. Вскоре на берег выехал самосвал и двое грузин загнали его в воду и принялись мыть. После окончания процедуры подошли ко мне, мы разговорились. Один из приехавших, мой ровесник, спросил, откуда мы. И услышав ответ, воскликнул: «Да я же там сидел в колонии». Оказалось, это было у нас в поселке завода «Резинотехника», где в то время работала технологом на производстве моя сестра Ольга. Он ее вспомнил и очень хорошо о ней отзывался. Я угостил их сигаретами, покурили и они уехали.

Пришли ребята, рассказали про то, что видели, сели обедать. И вот картина Репина маслом: подъезжает тот же грузовичок, из кабины выходят двое и несут с собой канистру и бутылку литров на десять. Это оказалась чача, то есть грузинский виноградный самогон. Ох уж эти законы гостеприимства! Пришлось выпить. Тем более что рядом было село Напареули (вспоминается одноименное грузинское вино).

Четвертый день сплава начался не очень удачно. Мы потеряли основную реку и ушли в Алазанский канал. Поняли это поздно, когда русло сузилось до трех метров. Уже вечерело и пришлось встать на ночевку прямо у канала во фруктовом саду. Вечером пришел сторож, познако-

мились, поговорили, объяснили ему ситуацию. Он ушел, но вернулся с виноградом, фруктами и виноградным вином. Сидели до поздней ночи.

На следующий день руководитель нашей группы сказал, что останавливаться на обед не будем, перекусим в каком-нибудь укромном месте в кустах. Часов в пять вечера ему глянулось одно местечко — именно со всех сторон заросшее кустами, со столом и кострищем на поляне. Мы встали на перекус. И только мы вышли из байдарок, из кустов появились два грузина, подошли к нам. Разговорились. Оказалось, что один из них служил в армии в Ярославле и казарма стояла на площади Труда. Он восхищенно вспоминал наш город, службу и девушку Любу, на которой чуть не женился, но запретили родители. Попросил разыскать ее и передать самые искренние извинения и то, что он ее очень любит и никогда не забудет.

Когда они ушли, Саша Назаров дал команду срочно сниматься, но не тут-то было. Моментально из кустов вынырнули те же два грузина с вином и закусками и начался очередной праздник. Как выяснилось немного позднее, мы встали в тридцати метрах от ресторана на окраине города Телави, немного не дошли до Телавского моста, это середина маршрута. Ребята были настойчивы в своих предложениях, и мы изрядно выпили, да что там изрядно — больше, чем могли. К вечеру, немного отойдя, обнаружили, что в лагере нет Игоря Панковского. Оказалось, что он ушел в рабочей одежде, гидроштанах и спасжилете на матч двух чемпионков мира по шахматам. В ДК «Металлург» играли Нона Гаприндашвили и Майя Чибурданидзе. Его туда не пустили, вернулся он поздно ночью опять же в сопровождении гостеприимных жителей этого города.

На следующий день утром, увидев след туристского ботинка на лампочке над столом и окружающий полный бардак в лагере, посмотрев на группу, руководитель сказал: «Все! (непарламентские выражения, что совсем не свойственно Евсеичу) Поход закончен!»

Мы сошли с маршрута, едва достигнув середины, и благополучно вернулись в Ярославль, частенько по дороге вспоминая поезд № 13 и гостеприимных грузин, сорвавших категоричный поход по, казалось бы, не очень сложной реке.

- *Промина оказалась такой маленькой, что плыть по ней было совершенно невозможно.*
- *Огрызнулся с улыбкой на лице.*
- *Занимаюсь спортом для физкультуры.*
- *Если идти передом, то на север, а если задом, то на юг.*

- *Спортсмен должен быть не только смелым, но и с сильным духом.*
- *У нас лидер в классе Димка, он прыгуч и могуч.*
- *В столовой кормили сытными запахами и длинной очередью.*
- *Громкий голос Блохина — лучший подсказчик.*

Кошки на тумбочке

Юре Иванову, Алексею Ванину, Александру Скипетрову посвящаю...

Что такое Пайер? Это самая высокая гора Полярного Урала высотой 1499 метров. Находится она за Полярным кругом на границе Европы и Азии. Название горы ненецкое. «Пэ» означает «камень», а «ерв» — «князь», «господин». Получается «князь-гора». Шутники из туристов назвали небольшое плато под горой, где удобно ставить базовый лагерь, «Азиопа». Тот, кому выпало однажды на пути к Пайеру солнечным весенним днем увидеть заветную вершину среди гор, повисших в морозном воздухе над белым покрывалом тундры, почувствует себя счастливым. И обязательно придет сюда снова, через морозы и пургу, чтобы поделиться радостью открытия со своими друзьями.

Я заболел тундрой и Полярным Уралом после лыжного похода в тот район с группой под руководством Володи Панова. Странное чувство опять и опять зовет в дорогу. Оно состоит из детской восторженности от окружающего пейзажа (иногда даже хочется кричать от восторга, потеряв границу белого и синего цветов) в гремучей смеси с чувством глубочайшей усталости и постоянного желания разрубить топором лыжи на мелкие куски и немедленно сжечь их. На эти два чувства накладывается многоэтажный (без слов) внутренний разговор с самим собой, постоянные выражения на всех и на самого себя во время хода с часто повторяющимся пронзительным криком: «Зачем пошел, чужак на букву М!» Наконец приходит самый желанный момент: стенка из снежных кирпичей поставлена, палатка стоит, примус горит, гречка с тушенкой сварена, вода под чай вот-вот закипит. Сидим раздетые по пояс. Затем начинаем потихоньку утепляться, ныряем в групповой спальник, зарываемся с головой, тревожный сон до утра. А утром все сначала...

Кампания сложилась неожиданно и странно, ключевое слово — «Резинотехника». Леша Ванин, учитель физкультуры в средней школе № 77, мой друг и коллега по клубу «Абрис» и работе с детьми. Саша Скипетров, в то время заместитель председателя профкома завода, опытный турист-горник. Юра Иванов, заместитель начальника отдела сбыта завода, член правления Ярославского городского клуба туристов, член Зональной маршрутно-квалификационной комиссии, опытный турист-пешеходник. И я, в то время учитель географии в СШ № 77 и руководитель туристских кружков в Ярославском областном центре детско-

юношеского туризма. Из четверых только двое, Иванов и Скипетров, имели навыки преодоления горных перевалов с использованием страховки и самостраховки в условиях отрицательных температур. Мы же с Лешей знали только теорию и отрабатывали ее на практике в Ярославле (как потом выяснилось, совсем не зря).

Идея, на мой взгляд, пошла от Юры Иванова. Решение созрело быстро: доехать поездом до станции Илецкий, подойти по тундре к подножию хребта, подняться к предвершинному взлету горы Пайер и совершить восхождение, спуститься в базовый лагерь, уйти на другую сторону хребта и выйти к железной дороге.

Сами в клубе туристов «Абрис» шьем палатку из ткани, похожей на брезент. О благословенная и солнцеподобная «Резинотехника», как же мы ей были благодарны за эту цельнотянутую ткань. Изнутри и снаружи от дыхания и примуса на ткани намерзал небольшой слой льда, который спасал нас от ночного холода. Леша вшивает молнии в брезентуху, Саша шьет групповой спальник из капрона и синтепона, все вместе делаем санки. Юра штудирует карты и описания (надо отдать должное — вел всегда очень четко, ни разу не потерялись).

Удачной оказывается только четвертая попытка восхождения. Все остальные были неудачными по одной и той же причине: плохая погода. Маршрут был почти один и тот же. Подходили к предвершинному взлету или немного ниже, начиналась пурга, сидели три-четыре дня под пургой, потом, когда пурга заканчивалась, уходили к железной дороге. Подниматься на вершину после пурги было очень опасно, возможен в любой момент сход лавины. Юра Иванов на Полярном Урале однажды летел вместе с группой в лавине, остался жив, поэтому очень серьезно подходил к проблемам обеспечения безопасности.

В четвертый раз сценарий повторился: два дня дул очень сильный ветер, но с небольшими снежными зарядами. Решили встать за большим камнем в ветровой тени на подходах к перевалу, с которого хотели штурмовать вершину Пайер. Ветер усилился к 15 часам настолько, что в момент строительства стенки Юра Иванов пролетел надо мной со снежным кирпичом в руках, подхваченный сильным порывом ветра.

Весь процесс подготовительных бивачных работ занимал около трех часов: надо было найти хороший наст, выпилить ножовкой снежные кирпичи, перенести их к месту установки палатки, выкопать яму под палатку глубиной до полуметра, поставить палатку, поставить снежную

- Лампочка подмигивала и давала свет кусочками.
- Слава плохо спрятал КП, его нашли все участники.
- Как пройти на второй КП? Я начальник дистанции!
- Благородные привычки передаются от людей с интересным прошлым.

- Конфет всего два килограмма, поэтому третий лишний.
- Употребил к качеству компостера сломанную вилку.
- Можно и подвинуться, только в какой части тела.
- Искал, чем бы поживится, наткнулся на живого Славку.
- В кино пошли всем классом, а не дошли половиной.

стенку, заделать щели. И только потом можно было забраться внутрь палатки, переодеться, снять мокрое ходовое и надеть ночное сухое белье, развести примус, поставить топиться снег в котелке, сварить горячее и вскипятить чай. Сырую одежду сушили в спальнике. Пока шел процесс приготовления пищи, в палатке становилось теплее и можно было даже немного раздеться. А потом опять одеться и залезть поглубже с головой в спальник. Вчетвером было достаточно комфортно, к тому же через день менялись местами, от стенки в серединку.

И вот сильный ветер в 12.00 резко прекратился, как будто выключили вентилятор. Очень быстро собрались и вышли двумя связками: я с Юрой, Леша с Саней.

В 17.00 были на вершине. Там увидели стоящие вертикально грузовые сани для упряжек северных оленей. Кто-то не поленился и занес их наверх. Записки наверху никакой не было, оставили свою. Перекусили, отдохнули и начали спуск по кратчайшему пути по стенке к озеру Кечпельто, но через несколько метров встали: со свежего снега вышли на ледовую доску, где надо было двигаться в кошках и со страховкой в связках. Буквально перед восхождением выяснилось, что я оставил свои кошки дома на тумбочке. Но решили все же идти, надеясь на свежий снег. Дальше по льду Юра спускал меня на веревке как мешок с картошкой. Я принимал его на площадке со страховкой через ледовый крюк. Затем он меня снова спускал мешком на 30 метров. Стало темнеть. Первая связка уже спустилась под стенку и поджидала нас между камней, спрятавшись от ветра. Мы спускались больше трех часов, ребята основательно подмерзли.

Стемнело. Ситуация критическая, если не найдем палатку, мы погибли. На наше счастье не было облачности, светили луна и звезды. К тому же пошло и северное сияние, можно было сориентироваться по месту. Из центра, который был, казалось, прямо над вершиной Пайера во все стороны расходились светящиеся лучи. Они переливались нежным зеленоватым светом, сливаясь друг с другом, меняя форму и рисунок линий. От страха и восторга хотелось кричать.

Удалось к часу ночи найти палатку. И только мы в нее залезли, переоделись, поставили примус, налили с устатку по пятьдесят граммов спирта, опять, как по отмашке стартера, включили «вентилятор». «Везет дуракам и пьяницам!» — в задумчивости сказал Юра. Но нам хорошо, мы за стенкой из снежных кирпичей, нам почти не дует.

- *На 23 февраля девочки подарили мальчикам те подарки, которые мальчики должны им передарить на 8 марта.*
- *На маркере я ушел на женскую срезку, а когда это понял, то сказал сам себе: «Так настоящие мужчины не поступают!»*
- *У Наташки такая улыбка, что хочется ударить Димку.*

И еще трое суток пурги. Бесконечные и непрерывающиеся философские беседы, начинающиеся, как всегда, с туризма и заканчивающиеся, как всегда, женщинами! Впрочем, есть и еще одно развлечение — еда.

Потом жуткая оттепель, и по растаявшей тундре, порой по кустарникам без снега с рюкзаками и санками, по воде надо льдом (река Енга-Ю), проваливаясь в ручьи, идем к маленькому железнодорожному разъезду. Еще раз хочется сказать: все хорошо, что хорошо кончается.

На Байкал с англичанами

Идея проведения пешеходного похода по берегу озера Байкал была не моя, а английской стороны. Они меня нашли через Ярославский филиал Российской международной академии туризма, где я преподавал спортивный туризм.

Участники похода с английской стороны — тринадцать парней и девушек из молодежной скаутской организации, руководитель и три помощника. С нашей стороны — шесть студентов, руководитель (это я), доктор и переводчик.

Англичане приехали в Ярославль, за несколько дней прошли предподходную подготовку с пешеходной практикой и подгонкой снаряжения, были обучены технике движения по травянистым и осыпным склонам, страховке и самостраховке на спусках, подъемах и переправах через водные препятствия. И, конечно, поездили с экскурсионной программой по Золотому кольцу России.

До Байкала в целях экономии средств решили добираться по железной дороге. Купили билеты в плацкартный вагон почтово-багажного поезда и пять суток в этом вагоне добирались до станции Слюдянка (южная оконечность озера Байкал). Те, кто ездил в таких вагонах, рисуют картину маслом: нет воды, грязно, тараканы, запах, своеобразная публика и проводники...

В общем и целом поход прошел хорошо, без травм и происшествий, все живы-здоровы, восторг полнейший. Программа научных исследований успешно выполнена, маршрут пройден полностью. Тогда, по окончании маршрута в Листвянке, я не мог понять англичан, когда они взхлеб говорили: «Вы не понимаете сами, какие вы, русские, счастливые люди!» Но я хочу рассказать о нескольких курьезных случаях...

Начнем с вагона. В результате непростых переговоров с начальником поезда и проводниками удалось заставить их помыть полы в вагоне, отремонтировать туалет, сделать воду в обоих туалетах, положить туда мыло

- *Если бы она меня первая не толкала, то и я бы ее первая не толкала.*
- *Почему в школе не учимся по выбору, как в ориентировании?*
- *Девочки рождаются с противоположным полом, а мальчики — наоборот.*

и повесить полотенца, даже постелить на столы небольшие скатерти из ткани и повесить занавески на окна. Часа через четыре с половиной удалось все более-менее уладить, люди начали укладываться спать.

И вдруг где-то в середине вагона раздался громкий крик. Я вместе с переводчиком, врачом и руководителями с их стороны побежал в середину вагона. Мы увидели такую картину: в углу у окна сидела девушка, закрывшись простыней, и что-то очень быстро говорила. Наша переводчица Марина Беспалова (в то время студентка четвертого курса Академии туризма) некоторое время не могла понять, что со слезами объясняет девушка. Наконец удалось перевести примерно так: «Я с этими сволочами дальше не поеду». Напротив, у окна, на боковых местах сидели двое наших командированных вполне приличного вида — снабженцы и по традиции наливали с «отъезхалом» и закусывали нехитрым домашним угощением. Я накатил на них, но они мне спокойно объяснили, что даже не разговаривали громко. После этого диалога переводчица поняла, о чем речь! Дело в рыжих поездных тараканах. Руководитель англичан Энди требовал сделать дезинфекцию. Я нашел начальника поезда, который чуть не упал с лавки от смеха, услышав мое предложение. Он сказал, что тараканов морят зимой во время стоянки в депо в течение недели в нетопленных вагонах.

В это время поезд пришел в Пермь. Там ночью я выскочил на вокзал и нашел ларек с химией. Средства от тараканов не нашлось, в продаже оказалось только средство под названием «Лана». Я купил два баллона. В вагоне сказал англичанам и своим, что нужно сделать респираторные повязки на органы дыхания (это были мокрые полотенца) и закрыть глаза. Потом пошел по вагону, разбрызгивая содержимое с очень сосредоточенным и умным видом. После такой обработки в первом купе, рядом с проводниками, убрали из-под нижней лавки рюкзаки (закинули их наверх). На дно ящика положили газеты, на них налили немного подсолнечного масла и покрошили черных сухарей, заготовленных на поход. Ловушка для тараканов готова. Далее ожидаем полчаса, Андрей Волков, наш доктор, поднимает крышку ящика, а я беру в руки ботинок и начинаю колотить тех тараканов, кто уже прибежал. И так через каждые полчаса. Убито было несметное количество, но тараканов в вагоне больше не видели...

На следующий день после отбоя проводники обнаружили задымление в дальнем тамбуре и сообщили об этом нам в первое купе. Сходяв на разведку, я понял, что кто-то из пассажиров (но не наши, у нас был

введен сухой закон и нулевой вариант по табаку) бросил в ящик с тряпками окурков, началось тление. Ключи от ящика проводники не нашли. Перед этим кончилась вода в дальнем туалете, и созрело решение заливать тряпки водой из другого туалета, но надо было таскать воду в котлах через весь вагон. При этом решили ничего не говорить про пожар... И вот картина: четверо взрослых русских плюс проводница бегают с котлами с водой через весь вагон, причем туда с полными, а обратно с пустыми. Англичане спрашивают через переводчика, что мы делаем? Я объясняю, что мы носим воду в другой туалет для общей пользы. А чтобы было интересней, делаем это на скорости и кто быстрее. А вот как, по словам переводчицы, объяснил ситуацию руководитель англичан: «Не поймешь этих русских. Выпили после отбоя и устроили соревнования по переноске воды на скорость!».

Запомнилось еще то, что у них почти у каждого был счетчик калорий, в соответствии с показателями которого они принимали пищу. Питались они в ресторане один раз в сутки. И еще сухой паек с чаем утром и вечером. От сгущенки, тушенки, сыра, консервов и сухарей они отказывались. Естественно, мы все это съедали с благодарностью.

В Слюдянке, на берегу Байкала, мы сразу же развели костер и стали готовить обед из трех блюд. Я зачерпнул воду из Байкала и поставил котлы на костер. Подошел Энди, снял котлы, вылил воду, сказав, что ее пить нельзя, и послал своих ребят на станцию за водой. Этот обед мы готовили на воде из водопровода.

Прошли по берегу порядка десяти километров и встали на ночлег. Разбиваем лагерь на берегу озера в устье небольшого ручья, впадающего в озеро, на поляне, заросшей высокой травой. Со всех сторон десятки вопросов: «Здесь можно поставить палатку?», «Можно мять траву?», «Можно срубить сухое дерево?», «Можно развести костер?», «Можно из ручья почерпнуть воду?», «Можно половить рыбу на удочку? А на спиннинг?», «Можно пить воду?». Я не выдерживаю прессинга и говорю: «Делайте все, что хотите, только чтобы не было больно вашим друзьям и природе». После перевода Энди подходит ко мне с переводчиком и делает комплимент о большом педагогическом таланте. Я млею...

Параллельно быту англичане достают какие-то индикаторные полоски и опускают их в воду. При этом ни одна из полосок не изменяет цвет. На второй день все пьют воду кружками прямо из Байкала и говорят, что в Англии такая чистая вода продается только в магазинах за хорошие деньги.

- Урок физкультуры шумел через окно школы.
- Полоса неудач кончилась, остались только вспотыкания.
- Сергей, ты что там делаешь? — Отделяюсь от Аньки!
- Я люблю Наташку за то, что ее не надо провожать домой.
- Анька выпендривается, что она девочка.

- Примета хорошего человека — это быть на виду.
- У меня в классе положение очень неустойчивое: то сиди, то выйди вон.
- Мои тренировки не проходят бесследно, они переходят в мясо.

Мною ошибочно был выбран вариант движения по шпалам старой Байкальской железной дороги, которая построена вдоль берега озера планными поляками в XIX веке (после восстания Костюшко). После двух дней пути доктор останавливает группу на дневку лечить мозоли, которые в наличии у всей группы на ногах (стопах), у меня почему-то на плече от ремня рюкзака.

Для своих мы готовим на костре суп и чай, англичанам делаем кипяток, которым они заливают паек бойца НАТО. Попробовал — фигня, я бы умер на второй день с такой пищей. Ни вкуса, ни запаха, одни калории. Очень хорошо идет рыба и подножный корм: ягоды, грибы.

Несколько подъемов в горы сквозь кустарник с бесчисленным количеством мошки и комара, от которых освобождаешься только выше границы леса на открытых обдуваемых площадках. И еще их почти нет на берегу Байкала.

Через десять дней пришли в порт Листвянка и ждем парохода на причале. Сумасшедше вкусно пахнет свежим хлебом. Все просят найти и купить. А я-то знаю, что после сухарей нельзя сразу много хлеба, расслабит стул. Но под напором Энди и кампании уступаю и иду в пекарню. Первый лоток из десяти буханок серого хлеба был съеден за две-три минуты. Во втором подходе я уже взял два лотка хлеба.

С пароходом оказался прокол, хотя все было заказано заранее. Просто вокруг нигде не было соларки, не завезли. Решили ждать на базе Центра детско-юношеского туризма Иркутской области. Это деревянный дом с общими комнатами на 30 мест и кроватями с растянутой металлической сеткой, но зато с белым бельем. Пищу готовили на костре на улице (хотя кроме наших ее никто не ел). Туалет с выгребной ямой был во дворе, и сутки туда была непрерывная очередь.

После переговоров выяснилось, что соларку привезут только через несколько дней, поэтому доставка в Иркутск будет проведена на автобусе. А далее ночь и экскурсии в Иркутске, а затем чистый уютный фирменный поезд «Байкал» и обратный путь без проблем и даже с домашними тапочками от железной дороги. Свежайшее, чистое и сухое постельное белье, занавески на окнах и скатерки на столах с фирменными знаками, удивительно вкусный и ароматный чай с байкальскими травами в стаканах с посеребренными подстаканниками. Радужные и приветливые проводницы. В общем, трое с половиной суток отдыха в раю!!!

Педагогический прием, или «Абрис» на реке Вуокса

На рубеже 1980–90-х я работал на Областной станции юных туристов руководителем кружков. В это время школа № 77 города Ярославля, Областной центр и Педагогический университет начали на базе школы проведение экспериментальной работы под названием «Туристско-краеведческий социально-педагогический комплекс». В курсе этого эксперимента был доктор педагогических наук А. А. Остапец-Свешников, научным руководителем был кандидат педагогических наук профессор В. А. Щенев. Школа и туристский организатор школы Елена Павловна Хренова были награждены грамотой Министерства народного образования. В расписании можно было увидеть такие предметы как «Спортивный туризм», «Ориентирование», «Родной край», «Краеведение», «Земляки». При школе был создан клуб туристов «Абрис», у которого был свой президент, избираемый тайным голосованием, и совет клуба, состоящий из учеников старшей школы, родителей и учителей. Было хоть и небольшое по площади, но свое помещение для встреч, проведения занятий, изготовления снаряжения и для других совместных дел. На стене школьного здания сделали первую в Ярославле искусственную скальную стенку, где проводили занятия и соревнования учащихся и взрослых. Отряды были разновозрастными — по модному тогда педагогическому направлению. Работой одного из них руководил я и по совместительству преподавал в школе географию.

И вот в 1990 году было принято совместное решение идти в водный поход по реке Вуокса с прохождением Лосевского порога. Зимой и весной готовили снаряжение: клеили байдарки, сами шили спальные мешки и палатки. Набор котлов из нержавейки сделали родители на заводе «Резинотехника». Первую клубную форму сшили учителя из двух подаренных клубу парашютов. Запланировали поход на июль.

Сверлила одна мысль: надо придумать какой-то педагогический прием, который еще не применяли. И вот кому-то из педагогов пришла в голову такая идея: постричь всех участников машинкой наголо, или «под ноль», как тогда говорили. В то время мы еще ничего не знали про Брюса Уиллиса и про крутых лысых ребят в малиновых пиджаках и с цепями на шее. Наоборот, это было минусом по жизни, так как совсем недавно наголо стригли в вытрезвителях и в исправительных учреждениях (читай — на «зоне»). На взгляд автора проекта, трудность появления на людях в таком виде надо было каждому преодолеть, этот факт должен

- *Маркированная трасса так петляла, что было карту не узнать.*
- *В ожидании электрички Славка грустно выл на луну.*
- *У меня температурное чувство вдохновения.*
- *Круг замкнулся, получился блин.*

- *Круговая тренировка закружила мне голову.*
- *Пробежал хорошо, да и штраф хороший!*
- *Соревнования прошли, а я только что разделся.*
- *Спортивная форма должна быть прилегающей к разным местам.*

был закалить характер. Кстати, прошло уже больше 30 лет, а при встрече ребята вспоминают с теплотой и этот эпизод из походной жизни.

И вот в 16 часов 45 минут, за 15 минут до закрытия, мы в парикмахерской недалеко от вокзала в Приозерске. Уговорили тетеньку нас всех постричь. Почему всех? А это уже было условие наших ребятшек — руководители тоже постригаются наголо... Деваться некуда, пришлось и нам с Борисычем подстричься наголо. Это мой друг и товарищ по всем походам, учитель физкультуры Алексей Борисович Ванин, добрейшей души человек. С ним я ходил и на Полярный Урал на лыжах, и в горы Тянь-Шаня, и в пустыню Кара-Кум. И до сих пор ходим на катамаранах в водные категорийные походы.

Когда все собрались на берегу озера, немного поржали, глядя друг на друга. А в группе нас было 14 пацанов и двое руководителей.

Пять дней пролетели незаметно в трудах на воде и в волоке по суше. На шестой день встали на берегу Красноармейского озера, где обычно стоит палаточный лагерь во время проведения соревнований по технике водного туризма на призы газеты «Смена».

Дров поблизости не оказалось, и я отправил два экипажа на разведку вдоль берега в поисках дров. А сам с Борисычем пошел на турбазу «Белкино», где нужно было заказать баню для ребят и договориться с инструкторами на турбазе о проведении на следующий год выездного палаточного лагеря для наших детей с обучением их технике гребли (что мы и осуществили на следующий год со старшими ребятами). Здесь мы встретили Бориса Полоскина, автора и исполнителя туристских песен, а также и друзей-туристов из Питера. Ну и, естественно, немного задержались, вернулись в лагерь уже затемно. Костер горит, дрова заготовлены, палатки стоят, все на местах и все в порядке.

На следующее утро меня разбудил гул мотора и зычный начальственный голос со стороны берега. Я оделся и вышел из палатки. На берегу у катера стоял круглый как мячик мужчина в очках и со строгостью в голосе расспрашивал наших дежурных о том, кто мы такие и откуда.

Мы разговорились, это был директор пионерского загородного лагеря с противоположной стороны озера. Он с возмущением говорил о том, что вчера кто-то неизвестный спилил и утащил местную достопримечательность — сухую сосну, которой более 150 лет. Дежурили наши младшие. Я посмотрел на них и понял — что-то произошло. Костер горел очень хорошо, но был черный дым, как будто подбрасывали резину. В аккуратно

сложенной поленнице крупных поленьев не увидел. Как потом оказалось, старшие их предусмотрительно убрали в хозяйственную палатку. Ну и не найдя каких-либо весомых доказательств вины моих детей, я выдвинул последний аргумент: «Посмотрите, они у меня все мелкие и не могли утащить большое дерево». Директор окинул взглядом ребятшек и согласился со мной. С этим и отбыл.

Через 5 минут все были подняты по тревоге и выяснилось, что разведчики, обнаружив вышеуказанную сосну и не найдя других сушин, вернулись в лагерь за помощью. Они свалили дерево, обрубили сучки, стащили ствол в воду, привязали к байдарке и притащили в лагерь. Мы три дня готовили на этих дровах и ночью сидели у костра. Почему так коптило? Видимо, в древесине было очень много смолы. И получилось так, что эта копоть, осевшая на лицах, руках, одежде ребят, позднее помогла нам.

Особенно интересным оказалось прохождение знаменитого Лосевского порога. Все участники проходили порог в полной экипировке и в экипаже со мной или с Борисычем. Были удачные прохождения и перевороты. И только одному экипажу из старших мы разрешили пройти порог на байдарке «Ласточка» вдвоем.

И вот вся команда на берегу, мы на страховке. У жандарма переворот, струя выносит экипаж и байдарку в озеро. Мы подходим и зачаливаем их к берегу. А Олег почему-то надел на сплав новые тапочки. Выходит из воды, одного тапочка нет. Снимает с ноги второй и забрасывает его в порог со словами: «Подаvisь!». Через две минуты вытаскивают на берег байдарку, переворачивают и сливают из нее воду. Вместе с водой на песок выливается второй Олегов тапочек. Под гомерический хохот друзей Олег забрасывает в порог и его...

Через четыре дня мы добрались до Московского вокзала в Ленинграде. Встали как всегда у свободной стенки табором, и я пошел в кассу за билетами до Ярославля. Оказалось, что билетов на ближайшие сутки нет. Неожиданно посетила идея — дойти до начальника железнодорожного вокзала. Пришел к нему в кабинет, объяснил ситуацию, что нам нужно уехать, что нет денег на продукты и хлеб, что ребята хорошие и из спецшколы... Видимо, в горячке полемики не сказал, что из спецшколы туристско-краеведческой направленности. Он меня резко оборвал и сказал: «Пойдем, посмотрим». И вот подходим мы к нашему биваку. Видим такую картину: все чумазые, в грязной одежде, лысые, сидят на байдарках и шумно, с криками, играют в карты. Не прошло и минуты — начальник вокзала сказал мне: «Пошли». Он привел меня в коридор за

- *Ориентировщик должен быть сильным из-за лесных завалов и недоступности.*
- *Олечка петляла по дистанции, как Димочка.*
- *В программе «Спорт, спорт, спорт» я играла роль спортсменки.*

- *Угадай, что у меня в кулаке? — Будущий синяк!*
- *Я бежала лососиной тропой.*
- *Шапка сидела на голове блинчиком.*
- *Меня окликнули засекреченными позывными.*
- *Руки у меня чистые, несмотря на отвратительный вид.*

кассами, вызвал старшего билетного кассира и дал команду отправить нас из Питера на ближайшем поезде. Уже через два часа мы ехали в плацкартных вагонах (в разных) в Ярославль.

А как же педагогический прием? Нас с Борисычем его жена назвала лысыми дураками, коллеги некоторое время подшучивали... А вот ребята — молодцы. Выдержали все насмешки и намеки сверстников, спокойно общались со школьными друзьями и родственниками. И лишь один просидел месяц на даче родителей, как принцесса в замке...

*На занятиях в палаточном лагере «Юный спасатель».
г Ростов Великий*

- Я отвлеченно манничал свое.
- Ты КП видел? — Ага, он за углом поляны!
- Ленка плакала горячими слезами,
а Димка подливал масла в огонь.
- В планетарии звезды видны без микроскопа.

Минхаиров Фарит Фатхиевич

Арск

Родился в 1954 г. в г. Арске Республики Татарстан. Более 40 лет работает преподавателем и тренером секции туризма Арского педагогического училища. Воспитал свыше 20 мастеров и кандидатов в мастера спорта. Является одним из основоположников зальных соревнований в России. Написал два учебных пособия: «Турист на дистанции» (2004) и «Соревнования учащихся “Школа безопасности”» (2015), отмеченные дипломами лауреата и дипломанта Всероссийского и международного конкурсов.

«Маленькие еще...»

В феврале 1981 года нашу команду отправили в Казань для участия в республиканских соревнованиях по технике лыжного туризма.

Вообще-то туда приглашались ученики 8–10 классов. У нас был период становления, поэтому пришлось взять тех, кто имелся. Наши занимались туризмом полтора года, а учились в пятом и шестом классах...

На мандатной комиссии мои ребята выглядели лилипутами среди великанов. Одна «тетенька» из министерства воскликнула: «Ой, какие маленькие!», а важный «дядька» сказал, что мы не туда приехали, тут соревнования среди старшеклассников, и посоветовал отправиться домой. Возвращаться мы не хотели, ответили, что приехали соревноваться. «Дяди с тетями» из мандатной комиссии заулыбались, услышав эту «детскую непосредственность», мнения о нашем участии разделились. Но «строгий дядя» стоял на своем, говоря членам комиссии: «Да вы представляете, какую ответственность берете на себя, допуская этих малышек к соревнованиям. Им как минимум не хватает двух-трех лет. И не одному участнику, а всей команде!» В общем нас не допускали... Тогда другой «умный дядя» посоветовал мне написать бумажку с просьбой допустить нас к соревнованиям и что в случае чего буду сам нести ответственность за случившееся. Я написал это под диктовку, подписал и отдал «строгому». Прочитав бумажку, он сказал: «Хорошо, допустим вашу команду, но вне конкурса! Потому что маленькие еще...»

- Я разорвал штаны от узости моды.
- Все гарантии я уже раздал.
- В нашем классе я первый закончил учебный год.
- История — наука о вчерашнем прошлом.
- Любочка прокукарекала человеческим голосом.

Соревнования проходили на крутых склонах Центрального парка. Дистанция была действительно сложной. Перед нами стартовали старшекласники одного из городов республики. Они очень долго не могли справиться с этапом «подъем по склону». Им не хватало то ли «физиухи», то ли технического мастерства. Судьи тревожно поглядывали на нашу команду, стоящую в ожидании старта. Один из них подошел к нам и попытался уговорить нас не стартовать. Но мои ребята рвались в бой...

Соревнования закончились, вывесили протоколы, и все увидели, что «малыши» из Арска заняли 1-е место с результатом 29 минут 40 секунд, а занявшие 2-е место старшекласники прошли дистанцию больше чем за 41 минуту. Мы радовались победе, как не радуется человек, выигравший в лотерею автомобиль! Но остальные участники вспомнили о бумажке, которую я написал, и... подняли шум. Откатываться на одно место вниз никто не пожелал, тем более призеры. Диплом за первое место нам не дали, вместо него вручили грамоту с надписью: «За лучший результат, показанный на республиканских соревнованиях...». «Строгий дядя», вручая грамоту, сказал: «Маленькие еще для таких соревнований. Подрастите немножко...»

Ориентирование по... пупку

Старшего сына я начал с двух лет брать в походы, а с четырех — и на районный турслет. Я был главным судьей, Анис был предоставлен сам себе. В то время он умел вязать восемь узлов. Когда тренеры просили меня показать какой-нибудь узел, я отправлял их к сыну. Учителя с недоверием отнеслись к моему предложению, но вскоре к сыну выстроилась очередь из школьников...

На третий день слета приехала младшая сестра — Фарида. Ей было 23 года, она очень любила собирать ягоды. Выкроив полчаса, решил показать ей земляничную полянку, обнаруженную накануне. С собой взяли и Аниса. Когда дошли до места, сестренка тут же бухнулась на колени и стала собирать ягоды. Сын был более сдержан...

Уходя, я думал, что они легко найдут обратную дорогу, но в душе заскребли кошки и я решил объяснить сынишке вариант возвращения. Сделал это в шуточной форме. День был солнечным, через час, описав дугу в 15 градусов, светило должно было висеть как раз над нашим лагерем. Я повернул сына к солнцу и сказал: «Анис, когда будете возвращаться, следи за тем, чтобы лучи падали тебе прямо на пупок...»

- Не успеваем снимать пену: дежурный забыл мыло в котле.
- Ты взял листочек с результатом на финише? – Листочек-то я взял, а вот результат порвался.
- Вовка, не плачь! Все равно у КП номер не наш! Лучше давай покричим кого-нибудь!

Сестра, увлеченная ягодами, инструктажа не слышала. Как я и предполагал, через час они решили возвращаться. Окинув взглядом поляну, Фарида двинулась. И тут разгорелись нешуточные дела. Сын не пошел за тетей. «Анис, пойдем, папа ждет», — сказала сестра. Сын не шелохнулся. «Пошли!» — повторила сестра строже. Юный турист продолжал стоять. Тогда она, взяв Аниса за руку, силой потащила в избранном направлении. Видя, что борьба неравная, сын захныкал: «Папа сказал, чтобы лучи на пупок падали...» Сестра удивилась: «Какие лучи, какой пупок?!» — «Папа сказал, чтобы солнце мне на пупок светило...» — продолжал сын. О способе ориентирования при помощи пупка сестра, разумеется, никогда не слышала. Но справиться с плачущим ребенком, который отказывался идти с тетей, тоже не могла... Решив, будь что будет, она сказала: «Ладно, что говорил тебе папа?» — и передала «управление» мальчишке. Фарида была уверена, что Анис уведет в ненужную сторону: «Будет ему уроком, чтобы больше не спорил со старшими...» — И сказала: «Веди, Сусанин...»

Далее творилось нечто комическое. Анис, следуя тексту инструктажа, повернулся к небесному светилу, задрал до подбородка запроваженную в шорты футболку и, выпятив свой животик, уверенно зашагал вперед. Сестра с ужасом смотрела на нерукотворный «пупочный компас», который, судя по всему, должен был вывести их к палаточному лагерю. Сомнения усиливались еще и потому, что сын пошел совсем в другую сторону...

Туристы на поляне слета были озадачены, увидев вышедшего из леса мальчугана, который, глядя то на собственный пупок, то на солнце, уверенно шел в направлении к нашему лагерю. Позади мальчика шла взрослая девушка, на ее лице была полная растерянность...

Ну, корова, погоди!

В 1984 году поехали с сыном проводить районный туристский слет. Ему исполнялось пять лет, и я решил приобщить его и к ориентированию. В свободное время провел тренировку на дистанции, поставленной для школьников, а затем поставил для сына несложную трассу метров на 800 с пятью контрольными пунктами. Выпустив сына одного в лес с картой и компасом, стал нетерпеливо ждать его возвращения. Через промежутки деревьев мне было видно, что он, успешно найдя первый пункт, побежал ко второму, затем к третьему. Все шло по плану...

- Меня обозвали по имени и отчеству.
- Ой, какая красивая прическа! Как у меня!
- Маша ушила коленку выше пояса.
- В музее я почерпнул красоты прошлой жизни.
- Я тренируюсь для нагуливания аппетита.

Сына не было довольно-таки долго, и я начал за него волноваться. Минут через десять он появился... заплаканный. «Что случилось?» — спросил я. — «Ты неправильно поставил пятый КП, его нет там...» — заливался сын. Я стал утешать его, что бывают такие ситуации, когда ориентировщики ошибаются и ищут КП в другом месте: «Ты молодец, ведь четыре КП ты смог найти!» Другой бы успокоился, но только не Анис. Он продолжал свое: «Пятый КП не на своем месте!» К нашему спору появился интерес, стали подходить другие туристы. Над моим авторитетом главного судьи повисла угроза. Спорили отец и сын Минхаировы. Старший — будущий «Отличник физической культуры России» и младший, который через 16 лет станет мастером спорта по туризму...

Пора было продолжать соревнования школьников. Но тут возник принципиальный спор, тренеры, ехидно поглядывая на нас, ждали развязки. Я сказал сыну: «Давай быстренько пройдемся по твоей дистанции. Иди так, как ты шел, когда искал контрольные пункты». Пошли. Сын шел правильно, вторично отыскав четыре КП. Наступал ответственный момент, я с жалостью ждал, когда обнаружится ошибка сына. В своей правоте я был уверен...

Сын, глядя на карту, вывел меня точно к месту расположения пятого КП. Но призмы не было. «Вот здесь он должен быть, а его нет. Ты неправильно поставил КП», — продолжал давить на меня пятилетний ориентировщик. Складывалась неприятная ситуация...

На кустике, где должна была висеть призма, обнаружили обрывок веревочки. Понятно, призму кто-то унес. О том, что ее сорвали, а не развязали, говорило и то, что листья с веток были содраны «под корень» и веером лежали на земле...

Метрах в двадцати от нас паслась корова. Она что-то тщательно пережевывала. Один из сельских тренеров, который увязался за нами, чтобы посмотреть, чем закончится наше «противостояние», направился к корове. И... стал что-то вытаскивать из ее пасти. Трофеем оказалась изрядно изжеванная призма...

Ради команды... в прорубь

В конце 1980-х годов мы начали ездить на Всероссийские соревнования по лыжному туризму, проводимые среди педучилищ. Однажды, приехав в Москву накануне соревнований, отправились на тренировку в Измайловский парк. Мы уже часа два занимались с веревками, изуча-

ли подъемы и спуски на местности, как одна из студенток закричала: «Ой, смотрите, дядька в проруби купается!» Ребята захотели посмотреть на него поближе. Я сказал: «Собираем снаряжение в рюкзаки и идем». Пока собирались и подходили к проруби наш «дядька» выскочил из нее и куда-то убежал...

«Ну во-о-от, так и не увидели...» — разочарованно произнес кто-то. На что я сказал: «Вы что, никогда человека в проруби не видели?» Раздалось дружное: «Не-е-ет». «Сейчас увидите», — сказал я, скидывая одежду. Было холодно: –16 градусов, температура воды, надо полагать, не выше четырех градусов. «Бассейн» был прорублен размерами 1,5 метра на 10 метров...

Холодная вода острыми шипами впиалась во все тело. Я решился на этот шаг, вспомнив, что в школьные годы, провалившись под лед, ни разу после этого не чихнул и не кашлянул. Вода у входа в купель доходила до колен, а на дальнем конце была метра полтора глубиной. Пройдя и проплыв туда и обратно, я выскочил на лед у берега и стал вытираться... футболкой. Полотенца у меня не было. В конце концов, не купаться же я пришел в московский парк в середине января! Быстро оделся и сказал студентам: «Все ребята, побежали, стоять теперь мне нельзя!» Пока бежали два километра по парку, я не чувствовал холода. Но когда ждали трамвай в течение пятнадцати минут, казалось, что тело мое покрывается ледяной коркой. Видя, что я превращаюсь в «баклажан», ребята со всех сторон окружили меня и, плотно прижавшись, закрыли от ветра — стало чуть теплее...

Прошел год, мы снова приехали в Москву и опять пошли на тренировку в тот же парк. Команда наполовину обновилась: ушли, закончив педучилище, наиболее опытные, на смену им пришел молодняк. После тренировки проходили мимо той самой купели, которую вновь прорубили к Крещению. И тут один «молодой» спрашивает: «Фарит Фатхиевич, а правда, что вы в прошлом году здесь купались?» Говорю: «Правда». В ответ молодежь: «Не может быть!!!» — И вопрос: «А можете нам тоже показать?» Старшие студенты, которые были свидетелями моего прошлогоднего купания, загадочно улыбались, словно не понимая, о чем идет речь...

Мысленно чертыхнувшись, опять начал снимать одежду. Полотенца и запасной одежды снова не было... Но я знал, что если тренер ради команды лезет в ледяную воду, то и команда ради победы сделает все возможное и невозможное. И в этом я убеждался не раз...

- *На этой дороге я был первопроходцем.*
- *Артемка! Я выполнил третий разряд! — Ну и что, я его перевыполнил!*
- *Отцвела моя детская молодость.*
- *Я в нашей семье первенец, а второй была бабушка.*

- *Каждое утро я просыпаюсь с недосмотренными снами.*
- *Двигатель у трактора состоит из множества лошадей.*
- *У Леши нескромная жизнь.*
- *Ты сколько взяла КП? — Все! — А я на один больше!*
- *Наташка поела сладкого и теперь липнет ко всем.*

Охотник в засаде

Произошло это в Фанских горах. Мы, учителя-тренеры по туризму из Татарстана, проходили акклиматизацию перед походом. В перерывах между занятиями лакомились диким виноградом, который всем пришелся по вкусу. Однажды я полез за ним на огромный тополь. Никакой мистики, просто виноградная лоза выбрала это дерево опорой, ну раз уж такой сосед попался. Росли они, крепко обнявшись, так что в нижней части срослись в единое целое. Внизу винограда не было, а вот на высоте трех-четырёх метров висели аппетитные гроздья...

Потом, перейдя на другое место, нашел еще виноградную лозу и начал срывать ягоды. Когда потянулся за очередной гроздью, вдруг услышал змеиное шипение. Я резво отскочил назад, но не убежал, а остался на месте. Любопытство пересиливало страх. Начал рассматривать сквозь листву гроздь, которую хотел сорвать. Рядом с ягодами пристроилась гюрза — змея, яд которой значительно сильнее яда гадюки. Виноград ее не интересовал, у нее были совершенно другие планы. Она сидела в засаде в ожидании птиц, слетающихся полакомиться ягодами, и виноград в этом случае был приманкой. Мои размеры не позволяли быть проглоченным змеей, а тратить свой яд попусту ей не хотелось. Вот она и «шикнула» на меня, чтобы я не зарился на чужую приманку, да и вообще не мешал охотиться...

Придя в себя, я двинулся к палаточному лагерю. Шел и думал, что во всем нужно находить положительные моменты. И скоро нашел два плюса. Первый — хорошо, что змея «шикнула», а не ужалила. Второй плюс — было здорово, что когда на меня «шикнули», я стоял на земле, а не сидел верхом на стволе тополя. Настроение сразу улучшилось!

Бородатая наживка

Летом 1991 года я принял участие во Всесоюзном ВИПе (высшая инструкторская подготовка) с совершением пешего похода V категории сложности по Баргузинскому хребту. Вернувшись в августе домой, как и все жители нашей страны, оказался в состоянии Чрезвычайного положения, которое впоследствии привело к распаду Советского Союза. Оказалось, что ВИП такого уровня был последним...

На турбазу «Максимиха», что находится на берегу Байкала, съехались 34 туриста. Три дня знакомились, притирались друг к другу, слушали лекции, готовили снаряжение... Нас разделили на четыре автономные

группы по восемь-девять человек. В таком составе нам предстояло за 20 дней пройти 260 километров по безлюдным, труднопроходимым местам. Для каждой группы был разработан свой маршрут...

Наша группа, состоящая из восьми человек, погрузившись на вездеход, выдвинулась в северо-восточную часть Байкала. В группе были туристы из Москвы, Ленинграда, Киева, Оренбурга, Иркутска, Баку и я из Татарстана. Полдня ехали по дороге, больше похожей на направление, наконец остановились. Дальше начинался маршрут. Нужно сказать, что походы V категории сложности являются походами высшей трудности. В них выполняются нормативы на звания «мастер спорта» и «кандидат в мастера спорта». Но мой рассказ пойдет... о рыбалке.

Руководил нами степенный 60-летний Владимир Варламов, мастер спорта по туризму, профессор, преподаватель одного из московских вузов. На одной из дней, Виталий (питерский) сказал мне: «Ну что, Фарит, порыбачим, в речке полно хариусов». Я говорю: «Удочек-то нет». — «Есть», — сказал Виталий, доставая из кармана маленькую коробочку, где лежали 3–4 крючка и моточек лески. Затем подошел к одному кусту и, срезав две трехметровые ветки, собрал рыболовную снасть. «Вот, почти все, что нужно», — проговорил он. «А поплавки?» — спросил я. «Не нужны ни поплавки, ни червячки. Будем ловить на бороду руководителя», — с заговорщицким видом подмигнул «питерский». Как ловят рыбу таким чудным образом, до этого мне видеть не приходилось. Вспомнилась сказка, как Волк по совету Лисы на свой хвост ловил рыбу в проруби... Тем временем «питерский», достав из ремонтного набора ножницы, направился к Варламычу — так уважительно мы называли нашего «руководы». «Варламыч! Может быть, сегодня уху сварим, макароны уже начали надоедать», — издали начал Виталий. «Из консервов, что ли, собираешься варить?» — пробурчал Варламов. — «Нет, из свежих хариусов», — продолжал «питерский». «Руковод» оживился — честно говоря, за десять дней похода и ему начали надоедать макаронные изделия... «Варламыч, — вкрадчиво продолжал Виталий, — нам для рыбалки, на приманку, нужна борода. И чем знаменитее обладатель бороды, тем лучше будет клевать...» Остальные туристы, отложив дела, тоже подошли к беседующим и, поняв в чем дело, начали подзуживать: «Борода-то у Варламыча — профессорская!», «Столичная!», «Ма-а-астерская!!!»

Варламыч усмехнулся и, поддаваясь общему веселью, сказал: «Ладно, режьте. Но если не наловите хариусов!!!» — «Наловим! Когда рыбки

- Катя потеряла свой портфель в укромном месте.
- Начинать надо с малого, за это не накажут.
- Вчерашние школьники — это завтрашние люди.
- В этом году я брошу все свои дела и начну хорошую жизнь.
- Я буду первым, а ты рядом.

- У меня столько желаний, что родители выгнали меня на улицу.
- Если на старый снег лег новый, то и мазь на старую клади новую.
- Лицо грязное оттого, что раньше было чистое.

узнают, чья это борода, сами встанут в очередь к сковородке». Виталий аккуратно срезал кончик бороды длиной три-четыре сантиметра.

Похоже, что «питерский» знал толк в рыбалке, и я уже не хотел пропускать этот мастер-класс. Порывшись в ремонтном наборе, он достал оттуда красные и зеленые нитки. Взял несколько профессорских волосков, сложил их пополам и, прижав к крючку, начал обматывать нитями. Затем аккуратно подравнял ножницами торчащую во все стороны бывшую профессорскую растительность. «Готово!» — произнес Виталий и показал «живность», похожую на муху. Когда он взялся за изготовление второй наживки, я, поглядывая на него, принялся мастерить третью.

Удочки были готовы, мы осторожно, чтобы не спугнуть рыб, подошли к воде. Хариусы в чистой горной реке были прекрасно видны даже на глубине трех-четырех метров. Они лениво шевелили плавниками на дне ямы, не делая лишних движений. «Прямо как старослужащие солдаты», — пришло мне на ум.

Я решил понаблюдать, как будет рыбачить мой товарищ. Хариусов до этого мне ловить не приходилось. Честно говоря, и в ловле других рыб мастаком не был. Виталий взмахнул удочкой, и мушка шлепнула по воде. То, что упавшее было не мухой, а частью бороды, знали только мы. Рыбам такая глупость в голову прийти не могла. «Дембеля» зашевелились, и один из них, описывая круги, начал неспешно подниматься к приманке. Все происходило как на экране большого телевизора, нам было видно все до деталей. И стоило рыбе раскрыть рот, чтобы отведать «вкуснятину», Виталий тут же подсек удочку. Через секунду хариус трепыхался в его руках. Мастер-класс был закончен.

Чтобы не мешать наставнику, я отошел к другой яме, где собралась еще одна стайка рыб. За два часа поймал штук пятнадцать хариусов размером с «магазинную» селедку. Это стало самой памятной рыбалкой в моей жизни. Виталий выудил штук тридцать. Рыб хватало и на уху, и на «жареху», осталось даже на малосольный деликатес. Этот день стал рыбным днем, туристы ели и хвалили Варламыча: «Да-а-а, вот это борода-а-а!», «Столи-и-ичная!», «Ма-а-астерская!», «Профе-е-ессорская!» Вдруг добавилась новая версия: «Рыболо-о-овная!» Все прыснуло от смеха...

- Мне сказали, что по такой карте назад дороги нет.
- Ночью были заморозки и зубостучание.
- Вовка тихо пришел, тихо лег в палатку и громко захрапел.
- Я исправился в сторону.
- Нога болит в локте.

Пешком по облакам

Июнь 1994 года. Предыдущий год был нелегким. Мы строили дом и в декабре вселились в него. В марте бурили колодец, в апреле ставили баню. В мае вскопали огород, участок представлял собой поле битого кирпича. К началу отпуска я был выжат как лимон, мне бы отдохнуть, но тут поступило предложение — совершить двухнедельный пеший поход IV категории сложности по Полярному Уралу. Я набирал баллы для выполнения норматива КМС по спортивным походам и согласился...

Сорокакилограммовый рюкзак предупреждающе треснул швом, когда, взвалив на плечи, я выходил с ним из дома. Во избежание дальнейших неприятностей я немного разгрузил его, переложив пять килограммов продуктов, «приговоренных к уничтожению» в поезде, в отдельный пакет. За три дня, что ехали к месту похода, содержимое этого пакета исчезло в наших желудках. По моим наблюдениям, туристы едят больше в поезде, чем на маршруте...

Группа состояла из шести человек, от мастеров до перворазрядников. Руководителем был Андрей Степочкин — мастер спорта, который вечно горел новыми идеями, чтобы сделать поход сложнее и интереснее. Нам предстояло совершить траверс хребта Полярного Урала. Андрей говорил, что в случае успешного завершения похода мы станем чемпионами республики.

Третий день поездки. Сходим с поезда на станции Сивая Маска и идем в сторону гор, до которых было километров пятьдесят. Наш путь пересекает река Уса, переправляемся на совхозном катере. Капитана судна деньги не интересовали, пришлось расплатиться литром спирта, взятым для подобных ситуаций. Шли по растаявшей болотной воде, доходившей до колен. Путь прощупывали шестами, которые иногда уходили глубоко вниз...

На специально взятой одноместной резиновой лодке преодолели реку Юньяху шириной метров шестьдесят. Переправлялись по одному, вытягивая лодку обратно при помощи репшнура. Когда переправились три человека и трое оставались на исходном берегу, при помощи двух веревок сделали «паром» и переправили рюкзаки. Местность на другом берегу также была заболоченной...

Дойдя до гор, пошли траверсом хребта в направлении на север. Мимо нас с запада на восток и обратно проплывали облака, мы шагали по ним, «раздвигая» их плечами. На девятый день из Азии в Европу пошли

- У людей нет недостатков, у них нет достоинств.
- Мой лучший результат — это когда я вернусь вовремя.
- Я обиделась на Надьку за то, что она обиделась на меня.
- Сегодня на обед давали завтрак.
- Дима написал Наташке ультиматум про любовь.

густые дождевые облака, влажность воздуха была максимальной, вся одежда тут же отсырела. Видимость упала до нуля, двигаться в такую погоду запрещалось. Мы вынуждены были прекратить маршрут на неопределенное время.

Расстояние между палатками было не более пяти метров, однако друга мы не видели. Поднялся сильный ветер, который вскоре превратился в ураган. Температура воздуха опустилась до трех-четырёх градусов. Тучи, проносясь мимо, словно проводили по лицу мокрой тряпкой. Вслед за одеждой отсырели и спальники, мы лежали, плотно прижавшись друг к другу, чтобы хоть немного согреться. Сколько времени это продлится: сутки, двое, неделю? Никто не знал. В голову начали лезть нехорошие мысли...

Прошли сутки нашего «плена». Мы лежали молча, говорить не хотелось. И лишь время от времени переворачивались на другой бок, чтобы отогреть промерзшие части тела. На вторые сутки ураган начал стихать. Один из наших решил выйти «по делам». Как только он расстегнул палатку, раздался радостный крик: «Ребята, видимость улучшилась!» Действительно, было видно не только соседнюю палатку, но и участок гор в 20–30 метрах от нас. Мы выскочили из палаток и, не сговариваясь, быстро начали бросать снаряжение в рюкзаки. Было предчувствие, что тучи снова заволокут небо, и поэтому поспешили вниз, в долину, подальше от этой «ловушки».

Через два дня мы снова поднялись в горы. На этот раз, чтобы покорить высочайшую вершину Полярного Урала — Пайер. Туристам редко удается взойти на нее из-за метеоусловий. На этот раз нам сопутствовала удача...

А медаль в том году мы получили, став чемпионами Республики Татарстан среди пеших путешествий IV и V категорий сложности. Так что Андрей нам не соврал...

Слабый дождь

Довелось увидеть это в августе 1997 года в Краснодарском крае на чемпионате России по туризму. Он проходил в красивейшем уголке Кавказа — Гуамском ущелье.

Небольшая речушка Курджипис с водой по колено приветливо журчала меж камней. Организаторы соревнований, уложив десятиметровый ствол, соединили два берега, получился мостик. Судьи расположились

на одном берегу, участники — на другом. Так как мы приехали далеко не первыми, лучшие места у воды были заняты. Пришлось ставить палатки выше речки метров на сорок.

Участники сновали от своего лагеря к судейскому и обратно: кто-то проходил мандатную комиссию, кто-то техническую. Вечером прошло совещание и жеребьевка команд. Стемнело быстро. Ночь укутала горы в непроглядную темень. Вставать предстояло рано, и мы разбрелись по палаткам...

Пошел мелкий дождь. Монотонная дробь действовала убаюкивающе и вскоре усыпила нас. Проснувшись ночью, убедился — осадки продолжают. Эта местность является одной из самых дождливых в России, и поэтому земля насквозь пропитана влагой. До слуха стал доноситься какой-то шум неизвестного происхождения. Вскоре я уснул. Через некоторое время снова проснулся. Дождь накрапывал с прежней силой, а вот шум усилился и было жутковато...

Начало светать, шум превратился в грохот — спать было невозможно. Я вылез из палатки и обомлел: наша безобидная речка теперь стала полноводной бушующей рекой. Она вышла из берегов и отвоевывала свою территорию, отданную туристам в кратковременную аренду. Вода не доходила до нас всего метров десять. Все палатки, которые стояли у воды, теперь располагались выше нашего бивака. Ночью из-за рева реки мы не слышали, как переселялись застигнутые врасплох туристы. Мостик был снесен — вода бурлила на метр выше его уровня. Одичавший поток нес сломанные ветки, стволы и даже целые деревья, вывернутые с корнем...

Через два часа после рассвета дождь прекратился, но река продолжала неистовствовать. Судьи со своего берега что-то кричали нам, но их крики тонули в грохоте бушующего потока. Местные команды сказали, что река не утихомирится до вечера, а судьи не смогут переправиться на наш берег, чтобы провести соревнования. В это верилось с трудом, но они оказались правы. Река успокоилась только к вечеру.

Таковы особенности этих мест. Хотя дождь и был слабым, маленькие ручейки, собранные по капле с огромных площадей горных склонов, стекают в долины небольших речек. И, объединившись с тысячами себе подобных ручьев, превращаются в ревущие потоки, сдержат которые не может ничто ...

- Я занял место между первым и вторым.
- На финише я уступила Екатерине полплеча, а она мне полкеда.
- Я не умею врать, но могу поучиться.
- Меня не искали потому, что я был здесь.

- У меня есть знакомый ориентировщик, но его надо найти.
- Одолжи мне недожеванную жвачку.
- Кто взял у меня куртку, она же не моя.
- Это не микромяк — это кочка с дыркой.
- Без конца тряусь на старте, а резинка у трусов слабая.

Суточные гонки

В конце сентября 2000 года команды Татарстана: водники, пешеходники и велотуристы — принимали участие в Фестивале туристских клубов России в городе Сочи. После основной части программы были проведены соревнования «Школа выживания». Каждая команда состояла из трех мужчин и одной женщины. Предполагалось, что команды, которые дойдут до финиша, будут соревноваться в течение 24 часов. За это время им предстояло выполнить более 50 заданий и преодолеть около 40 километров. Старт был назначен на 10 часов 30 сентября, финиш — на 10.00 1 октября. Сначала я поставил на эту изнурительную гонку своего сына Аниса, но за два часа до старта решил пробежать сам. Тем самым отметить свой 46-й день рождения так, чтобы запомнился на всю жизнь. Это удалось — запомнил...

Какие задания в течение суток нам предстояло выполнять, было неизвестно. За час до старта выдали список снаряжения и озвучили, что дистанция будет разбита на десяток блоков. В каждом из них от двух до шести заданий. Те, кто не справится с большинством заданий блока или покажут худшие результаты, выбывают из дальнейшей гонки.

Восемнадцать команд выстроились на старте. В 10.00 судья объявляет первое задание «Вязка узлов... держа руки за спиной». Справляемся, как впрочем, и другие команды. Следующее задание — «Открыть консервную банку без какого-либо инструмента». Открыли путем трения банки о камень. Следующее задание — «Изготовить лук и стрельнуть на дальность». Изготовили, стрельнули, выиграла... Это были легкие задания. Дальше они усложнялись: «Снять обувь и носки, сделать из подручных материалов обувь и пройти 1 км». Времени отводилось 15 минут...

Ночь. Мы уже 12 часов на дистанции. Из восемнадцати команд «в живых» осталось только восемь. В кромешной темноте, стоя на осыпном склоне, выполняем задание «Поставить палатку, развести костер без спичек, вскипятить воду в объеме литра», на все давалось 40 минут. Чтобы поставить палатку ровно, мы брали камни со склона выше себя и складывали ниже, держа в руках фонари. С костром справиться не успели, как и остальные команды...

Самые сложные этапы: ориентирование по карте, переправы по веревкам — были запланированы на ночное время, «чтобы жизнь медом не казалась». За нашими действиями следили судьи из-за укрытий, ну прямо как работники ГАИ. Мы их не видели, они ни во что не вмешива-

- *На КП висели недогрызки.*
- *Я нарисовал карту кухни неточно, потому что мама все время переставляет кастрюли.*
- *После финиша надо проверить, правильно ли тебя обсчитали.*

лись. И только когда заканчивался блок этапов, они появлялись перед нами «как черт из табакерки», чтобы выписать «штраф» — зачитать перечень допущенных нарушений и отправить очередную жертву в лагерь спать. «Выжившим» командам вручался конверт с перечнем следующих заданий. Прошло 20 часов гонок, светало. Нас осталось три команды: две местные, из Сочи и Майкопа, и мы из Татарстана. Остальные сошли с дистанции...

Последнее задание было настоящим испытанием, связанным с риском для жизни. Предстояло перейти вброд горную реку с сильным течением. Я уж не говорю о температуре воды. Это талые воды с ледников Кавказских гор. Пологие берега реки были без единого деревца или кустика, не за что застраховаться веревками. Мы стояли в раздумье. Было понятно, что команды поодиночке с заданием не справятся — унесет течением. Решили, объединив усилия, переправляться через бурный поток «таджикским» способом. Подготовили рюкзаки, укоротив лямки, чтобы груз был поднят как можно выше над водой и придавливал нас своим весом ко дну. На берегу встали в круг, вцепившись друг в друга. Двигаться предстояло приставными шагами, наклонившись вперед и совершая вращательное движение. Немного потренировавшись, вошли в реку. Ледяная вода доходила до пояса, стремительный поток пытался сбить с ног. Случалось, что река кого-то «полоскала» на поверхности, но руки не разжимались, и остальные 11 человек под дружные: «Раз-раз-раз...» — медленно, но верно двигались к цели. Когда вышли на берег, мы чувствовали себя одной сплоченной командой. А сплотила нас большая опасность...

К финишу одновременно подходили три команды, но выглядели они как одна — никто не вырывался вперед. Шли, крепко обнявшись, как во время опасной переправы, усталые, но счастливые оттого, что дошли до конца...

На дистанции соревнований по спортивному туризму

Митраков Валерий Константинович

Михайловка

Родился в 1954 г. Образование высшее. Педагогический стаж 45 лет. Свой первый поход совершил в первом классе. За спиной походы по Уралу, Тянь-Шаню, Кавказу, Горному Крыму, Кольскому полуострову и, конечно, по Волгоградской области. В основном пешеходные походы, а также водные и велосипедные. Вот уже 35 лет работает директором станции юных туристов г. Михайловка Волгоградской области.

Радоновые источники

Этот случай произошел в далекие советские времена в одном из категоричных походов по Кавказу. Наш маршрут пролегал из Архыза в Адлер. Уже в Архызе на первой ночевке нас предупредили, чтобы ночью никуда не выходили и были осторожны на маршруте, так как какие-то преступники впереди нас ушли в горы. Нас было две группы — из Волгограда и Михайловки. Мы, два руководителя, имели третий взрослый разряд по туризму. Второй ночлег мы совершили под горным перевалом на берегу речки. В палатке с девочками на всякий случай лег мой заместитель.

Пришла ночь. Посреди ночи выползаю по необходимости. Отошел в сторонку метров на десять. Возвращаюсь назад — палаток нет. Десять минут рысканья в разные стороны — результат нулевой. Догадался подняться по склону на тропу и только тогда нашел палатку.

Приходит утро. Мой заместитель рассказывает, как ночью кто-то бродил возле их палатки и даже один раз ударил по голове. Но это точно был не я.

Преодолеваем перевал, спускаемся к Большой Лабе. Переходим ее по мосту — дереву диаметром полтора метра, лежащему поперек реки. И так получилось, что мы два раза догоняли группу взрослых с I – II разрядами по туризму. Первый раз, когда накрапывал дождь и было довольно-таки сыро, мы подошли к их биваку и поставили палатки недалеко от них. Наши кострища оказались буквально в десяти метрах друг от друга. Почему-то их дежурная бригада не могла разжечь костер. Мы сделали это быстро, и соседи приходили к нам за углями.

- *Компас лучше всего показывает на север, а хуже на юг.*
- *У лица есть два основных выражения: мысленное и неммысленное.*
- *Я не вытворяю, я варю.*
- *Занимаюсь борьбой и боксом для спокойной жизни.*

Второй раз мы догнали эту группу у речки Санчаро. Их руководители стояли на берегу и обсуждали способы переправы через реку. Мы, не ожидая осуществления их планов, решили переправиться своим способом. Для этого из стволов четырех деревьев построили мост. Руководитель из Волгограда с помощью ледоруба перешел вброд Санчаро на самом ее широком участке. Мы с этой стороны перевалили ему стволы. Все — мост готов. Когда мы занимались организацией переправы, я обратил внимание, что наши соседи прекратили обсуждение и внимательно наблюдали.

В радиальном выходе на радоновые источники на реке Санчаро подошли к скале, из-под которой вытекали роднички. Над каждым из них надписи — от какой болезни помогает та или иная вода. Над крайним источником надпись гласила, что прежде чем переходить к лечению, следует выпить стакан воды из него. Мы, конечно, только попробовали, а один мальчик рискнул и выпил целый стакан. Походили еще немного по долине и двинулись назад. Двигаемся по тропе, и вдруг этот мальчик хватается за живот. Кричу ему, чтобы он бежал вперед, а мы подождем. Парень только ринулся вниз, как навстречу ему двигается группа. Он кидается вверх по склону к кустам, а оттуда показывается мужик, косящий траву. Он кидается назад. Наконец он среагировал на мой крик, чтобы бежал дальше в гору. Все обошлось хорошо.

На этом наши приключения в походе не закончились. В одном километре от Адлера остановились на последний ночлег. Площадка была расположена на правом пологом берегу Мзымты. Конечно, были тучки и даже немного накрапывал дождь. Рано утром, пока группа спала, мы втроем смотались в Адлер за продуктами. Возвращаемся назад. Группа еще спит, но площадка почти вся покрыта водой чуть ли не по колено. Но все спят и фактически в палатках плавают на надувных матрасах. Так что утренний подъем для группы был большим сюрпризом.

Где деньги?

Этот курьезный случай произошел тоже в советские времена годом позже предыдущего похода. Так получилось, что мы изменили немного маршрут и в результате не попали на тропу, ведущую в ущелье с рекой Санчаро. В Адлер мы пришли на два дня раньше и встали на ночлег на левом берегу Мзымты ниже моста. Удобно, и Черное море рядом. На противоположном берегу недалеко видны дома Адлера.

Вечером из города слышны музыка, радостные крики. К ночи все за-

- *Аня позволяет себе роскошь, снимает лишнее.*
- *Наши соседи шумят по ночам, а мы в перерывах.*
- *А как же Вовка вышел из лесу? Его там же не было!*
- *Этот компас — чудо природы с повышенной вертлявостью.*
- *Сейчас будем прыгать через козла! — Иванов! Иди сюда!*

тихло и мы легли спать. У нас было три палатки: одна десятиместная «Зима» и две четырехместные. В одной из них спали девочки. И вот наступила ночь, тишина. Вдруг посреди ночи раздаются крики, визг из палатки девочек. Мы с замом вскочили, слышим топот, звук падающих со склона камней, девичьи крики. Выскакиваем из палатки, вдали слышим шумное падение в воду. Бежим к девчатам, те рассказывают, что ночью проснулись от того, что кто-то ползает вокруг палатки, а потом полез в нее. Они и заорали.

Но остальная часть ночи прошла спокойно, и мы смогли заснуть. А утром к нам пришли гости — муж с женой. Оказалось, что мужик под хмельком ночью заблудился и попал в наш лагерь. Полез в палатку, в которой спали девочки, испугался их дикого визга и побежал, упал в воду с опоры моста и потерял кошелек с деньгами. Супруги извинились за беспокойство, даже попросили помочь найти кошелек. Мы не отказались, прошли вдоль берега, дошли до каменных опор бывшего моста. Но кошелек так и не нашли.

После завтрака мы предложили детворе продолжить поиски. Особенно упорно искали в Мзымте у опор. И вот оно, счастье, — одному мальчишке удалось в водорослях обнаружить кошелек. Двадцать рублей с копейками тогда были деньги, так что мы немного попиروвали.

Но на этом наши приключения не закончились. В один из наших выходов в Адлер кто-то из местных вскрыл десятиместную палатку и кое-что украл. Дежурные сидели с противоположной стороны палатки и воришек никак не могли заметить. Так что находка смогла компенсировать кражу.

Вспоминает педагог

Педагог дополнительного образования нашей станции Лариса Борисовна Гречишникова однажды рассказала следующее.

«Мне уже 58 лет, в туризме с прошлого века. Успела стать чемпионом СССР по туризму. На данный момент работаю с детворой начальной школы. У нас на станции туристов более двадцати лет существует палаточный лагерь под названием «Средиземье». Учащиеся со всех школ нашего городка обучаются навыкам туризма. Так вот, в одном из лагерей случился такой интересный случай. Поляна, стоит кухня, навес, стол, костер — как полагается, дальше в тенечке палатки детей. Утро, дети на испытаниях, я на кухне кашеварю и, оп-па, выходят из кустов четыре

- *Машка, вырви мне листочек из тетради, а я тебе потом кучу рваных отдам.*
- *Я по правилам не могу! Я из леса вышел!*
- *Я бежала по краю азимута.*
- *Кто тут первый? У меня внеочередность!*

кабанчика! Представьте мое состояние! Оглядываюсь, жду, что сейчас выйдет и мама — кабаниха! Ужас! Куда бежать!? А кабанята такие милые, маленькие, любопытные. Обшарили они мою кухню и ушли. После обеда опять появились. Среди детей — паника, восторг, визг, писк. Не знаю, кто больше верещал, — дети или кабанята. Конечно же, нашелся кусочек хлеба, чтобы угостить зверей. Все оставшиеся дни поросята приходили строго по распорядку дня: завтрак, обед, ужин. К окончанию лагеря оздоровились все — и детвора, и кабанята! До сих пор не знаю, где была их мама-кабаниха.

А вот помнится еще один случай из юности: соревнования по технике лыжного туризма. Дело было на Камчатке (я оттуда родом). Представьте: зима, мороз, палатки, костры, трасса. На следующий день утром — «полоса препятствий» с переноской «пострадавшего», которым назначена я. Наш руководитель Сергей Валентинович Кожин дает указания: «Завтра трасса, надо выспаться. Тарасову (моя девичья фамилия) кладем в тамбур, чтобы хорошо отдохнула». Ну, понимаете, слово руководителя — закон! Легла. Я даже сейчас, когда пишу, вспоминаю, как я мерзла всю ночь! Утром всем лагерем отпаивали меня горячим чаем. Все равно у нас было второе место, а первое взяли вулканологи».

Транспортировка «пострадавшего»

- *Вася временно стал Петей.*
- *Ты где взял жвачку? — В Виталькином рте!*
- *Когда много успеваешь, плохо! Потом сидишь без дела.*
- *Я не услышал вашего вопроса потому, что любовался вами.*
- *Посмотрите на меня, какие мы сегодня красивые!*

Яшин Сергей Васильевич (1954–2021)

Йошкар-Ола

Много лет работал директором Центра детско-юношеского туризма «Азимут» г. Йошкар-Олы. Объездил Россию от Камчатки до Кольского полуострова, путешествовал со школьниками по республике Марий Эл и за ее пределами. Писал песни, стихи и прозу. Мастер спорта по водному туризму, отличник народного просвещения, отличник физической культуры и спорта, заслуженный работник образования Республики Марий Эл.

Случайный юмор

Водный поход по Большой Кокшаге. Я — руководитель группы. Гребу в задумчивости и вслух декламирую стихи С. Есенина:

«Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость».

Через некоторое время догоняет меня байдарка и впереди сидящий ученик просит: «Сергей Васильевич, расскажите еще раз стихотворение про бутылку». Я ему говорю, что не знаю такого стихотворения. И тут он напоминает мне две первых строчки: «Пускай ты выпита другим, но мне осталось»...

Весна, пригород Йошкар-Олы. Говорю одному из участников похода:

— Возьми котелок, чтобы набрать березового сока.

В ответ на это он возмущенно бормочет:

— Что я — идиот, чтобы лезть на верхушку дерева?

— А зачем лезть на верхушку?

— Так сок снизу вверх поднимается, он наверху слаще!

Из ответов воспитанников Центра, участников туристской викторины. Вопрос: как определить направление течения реки?

— Нужно выплыть на середину реки. Куда тебя понесет, туда и течение.

- Если ученик усидчивый, значит он чего-то выжидает.
- Лицо было местами выпуклым, местами опухшим.
- Вовка стал человеком раньше времени.
- Как быстро летит время, только вчера был день рождения, а сегодня уже все съел!

— Надо положить в воду камень. Вода всегда течет за камень.

— Надо воткнуть в воду кол, за колом образуется ямка, вода течет в сторону ямки.

Возвращаемся из похода по Хамар-Дабану. В поезде — разговоры о пройденном маршруте. Рядом в плацкартном отсеке, как и мы, группа туристов травит анекдоты и рассказывает байки. Привожу одну из них.

Порог высшей категории сложности проходит на катамаране экипаж из двух женщин и двух мужчин. В первом сливе катамаран переворачивается, в следующем сливе его снова крутит и ставит в первоначальное положение. Группа страховщиков удивленно замечает, что мужчин смыло, а на катамаране остались сидеть только женщины. После того, как спасатели выловили мужчин и стали разбираться в случившемся, те возмущенно заявили: «Не надо упрекать, что слабый пол оказался гораздо сильнее нас, ведь мы женщин привязали к катамарану!»

Отрывки из книги «За кулисами души»

В напряженной тишине купе мягко потрескивали лампы дневного света, скрипели перегородки, молчали люди, слушая перестук колес.

— Давайте попьем чаю, — предложила Марина, — у меня есть вкусняшка.

Она достала из маленького дорожного рюкзачка несколько пачек макового печенья в шоколаде и положила на стол.

Вытирая стол салфеткой, Марина взяла в руки талон, вывалившийся из упаковки постельного белья, — на маленьком квадрате желтой бумажки было написано «Упаковщик № 3».

Мы сходили за кипятком и, заварив чай, дружно обсуждали предстоящее путешествие. За переборкой в соседнем отсеке плацкарта проснулся Семен, разбуженный громкими разговорами. Он, как обезьяна, не вставая на пол, перебрался к нам и спросил:

— А что это у вас на столе? В раскладке продуктов такого не было.

— Это я у проводницы отоварила талоны, которые были в упаковке с бельем, — сделав серьезное лицо, сказала Марина. — Ты разве не знаешь, что сейчас есть такая услуга в каждом вагоне. Сервис...

Она все время вертела талон в руках, потом протянула его Семену, сказав: «Вот остался еще один неотоваренный».

— А я, когда заправлял постель, наверное, выкинул его вместе с мусором, — с сожалением, опустив голову, сказал Семен.

- Каждое утро меня тормозит мысль о школе.
- Если я не сделаю уроки, то получу заслуженную двойку, а если же сделаю — то незаслуженную!
- Если желания не пришли, то они никуда не уйдут.
- Меня дома порют для профилактики! — А меня из-за тебя!

Видя, что он принял шутку за чистую правду, все включились в игру.

— У проводницы ничего уже не осталось, лучше к ней пока не ходить, но она сказала, что талоны можно будет отоварить после очередной станции, — посоветовал я, еле сдерживая смех.

Семен уполз обратно в свой отсек плацкарта и через минуту появился снова, держа в руках несколько талонов. Он подобрал их с пола и довольно улыбался, сказав шепотом:

— Мои соседи выбросили талоны, видимо, не знают, что их можно обменять на продукты.

— А зачем ждать станцию, сходи в вагон-ресторан и там отоваришься.

Марина уже не могла сдержаться и стала громко смеяться, но мысли Семена уже были там, в ресторане. Он снял свое трико, надел джинсы и красную майку, которую специально купил для поездки. На майке большими буквами поперек груди красовалась надпись «Не дождетесь!»

— Я в ресторан, — сказал он и ушел, подобрав по дороге еще несколько талонов.

Мы ждали развязки ситуации, посмеиваясь над Семеном. А он был совершенно безобидным и добрым человеком. Всегда говорил, что дружба превыше всего, не обращая порой внимания на наши недостатки и прощая ошибки.

Семен появился в вагоне через полчаса, неся в руках огромный пакет со сладостями, и, улыбаясь, сказал:

— Развели, гады... Ребята, как же я вас всех люблю!

Разведя приличный костер, все начали толпиться вокруг него и, мешая дежурным, сушить промокшие носки, от которых исходил такой запах, что Николай, не выдержав, прокричал:

— Глаза режет!

Сделав еще один костер неподалеку, народ дружно ретировался туда.

Сильно проголодавшись, все расхваливали ужин, уплетая содержимое большого котелка за обе щеки.

— Ты где раздобыла копчености? — спросил Серега Наташку, попросив добавки. — Я составлял меню, в раскладке продуктов такого не было.

— Кому еще добавки?

Раздавая очередную порцию, Наташка выгребла со дна котелка шерстяной носок.

— Чей? — провизжала она.

- Мы с бабушкой ходили на «детям до шестнадцати», она ничего не поняла.
- Каждый КП встречаю с трепетом, а вдруг это не он?
- Я КП поставил сверху лоцины, а он скатился вниз!
- Прими мои извинения! — Давай!!!

— Мой... Это я носок никак найти не мог, думал, что он в костре сгорел, — Рустам готов был умереть или провалиться на месте.

— На, ешь, — сказала Наташка, положив носок в миску Рустика.

К своей тарелке она так и не притронулась.

— А я буду, уж очень есть хочется, — Николай взял ее миску. — В следующий раз снова сделаем супчик с копченостями, но положим туда уже два носка, — засмеялся он.

Весь вечер за разговорами у костра периодически раздавались вспышки громкого смеха и шутливые споры о том, чьи носки будут вариться в бульоне в следующий раз.

— Что сегодня на завтрак? — спросил я у Рустама.

Рустам закончил десятый класс школы, он занимался в моей группе, где я руководил кружком художественной лепки, работая преподавателем во Дворце пионеров.

— Макароны, — доставая пакет, сказал Рустам.

Я вспомнил старый прикол про продувание макарон и спросил его:

— А ты их продул?

— А что, их надо продувать?

В этот момент я думал, что Рустам притворяется, но он был совершенно серьезен.

— Ты что, никогда не готовил макароны?

— Нет!

И тут меня понесло! Я стал громко говорить, чтобы это слышали все. К костру стали подходить те, кто успел проснуться.

— А ты знаешь, чем отличаются макароны первого сорта от второго?

Рустам молча помотал головой.

— Да ничем, — сказал я, — просто макароны первого сорта продутые, а второго сорта — не продутые. Вот когда я дома покупаю макароны, то всегда продуваю их пылесосом. Все так делают. Не будешь же их водой мыть, это ведь не крупа. Твоя мама дома их наверняка продувает. У вас пылесос есть?

— Есть, но я не видел, чтобы их пылесосом...

— Значит, у вас дома покупают макароны первого сорта, но мы-то деньги сэкономили. Зачем тратить на дорогие?

Никто не вмешивался в наш диалог, все молча слушали и ждали развязки, тихонько посмеиваясь. Рустик достал второй полиэтиленовый

- В настоящей жизни каждого человека должна быть такая вещь, которую трудно достать.
- Я открыл глаза и увидел КП, пришлось к нему бежать.
- Денис психанул нервными клетками.
- На КП я даже не глядел, потому что шел по азимуту.

пакет и стал старательно дуть в каждую макаронину.

Еле сдерживая смех, к нему подошел Николай и сказал, что надо дуть быстрее, потому что вода уже закипела. Он сходил в автобус и принес насос для накачивания шин, потом взял в кулак сразу несколько макаронин.

— Качай, — сказал он. — Вот так надо, понял?

Затем повернулся ко мне и громко сказал, чтобы слышал Рустик:

— Может, продует и те, что остались? Не тащить же насос в горы!

Качая насосом, Рустам усердно продул все макароны.

За завтраком все дружно смеялись, поздравляя друг друга с тем, что первый раз в жизни ели продутые макароны.

Опубликовано в журнале «Вестник “Азимута”», Йошкар-Ола

- Димка насвистывал ветреную песенку.
- Я так сильно споткнулся, что прежде, чем упасть, свалился в яму.
- Рыскать по лесу надо с умом.
- Костик был временно дурак.

Митрахович Сергей Стефанович

Минск, Республика Беларусь

Родился в 1955 г. В туристские походы начал ходить в школе. Окончил географический факультет БГПУ. Работал геологом, учителем географии, завучем школы. С 1984 г. — заместитель, а с 1985 по 2013 г. — директор Белорусского республиканского центра туризма и краеведения учащейся молодежи. Спортивный судья национальной категории по туризму. Преподает в Институте повышения квалификации и переподготовки кадров Белорусского государственного университета физической культуры. Автор многочисленных публикаций по вопросам туризма.

Что славянину хорошо, то немцу...

Начало 1990-х годов — интереснейший период в развитии бывших советских республик, вышедших из состава СССР. И если еще совсем недавно при проведении туристского слета работников республиканских станций юных туристов, который проводился Центром детско-юношеского туризма РСФСР, мы с опаской смотрели на реакцию Центральной детской экскурсионно-туристской станции Министерства просвещения СССР, то с распадом Советского Союза у нас появились широкие возможности в самостоятельном осуществлении международных связей. Благоприятные условия для этого создавала взаимная заинтересованность как с нашей стороны, так и со стороны западных партнеров.

В этот период геополитические преобразования происходили во многих странах Европы. Распались Югославия, Чехословакия, но объединилась Германия, в состав которой вернулись ГДР и Западный Берлин. Ввиду совместной заинтересованности в изучении опыта работы с детьми и молодежью именно немецкая и белорусская стороны предпринимали попытки сотрудничества.

Наиболее активные контакты установились у нас с коллегами из одного из крупнейших районов Западного Берлина — Райнинкендорф. Делегация Беларуси, в состав которой входили работники Министерства

- Меня мама теперь не ругает, ей это надоело.
- Когда скажут «беги», стой и жди меня.
- Когда меня порют, я чувствую себя как побитый.
- Сегодня на обед давали по полмиски и по полкружки.
- Машка ласковая, но кусачая.

образования и руководители республиканских внешкольных учреждений, в течение недели познакомились с опытом немецких коллег. К нашему удивлению, у них тоже были внешкольные учреждения. Здание, в котором мы расположились, очень напоминало наши станции юных туристов — на первом этаже офис и кафе, на втором — помещения для занятий с детьми, а третий мансардный этаж занимали спальные комнаты на 30–40 мест с двух- и четырехместным проживанием. С удивлением узнали, что в 1930–45 годах это здание принадлежало детской фашистской организации Гитлерюгенд. Вот уж многолетние традиции государственного воспитания подрастающего поколения с учетом идеологии и заказа государства!

Поездка изобиловала многими интересными впечатлениями и обменом мнениями о работе с молодежью. Одной из тем для обсуждения стала разница между социальной работой и социальной педагогикой. Впрочем, эта поездка и стала началом развития в системе образования Беларуси социальной педагогики.

Эта поездка сблизила меня с Хартмутом Купфером — моим ровесником, родившимся в Западном Берлине и жившим в нем до объединения Германии, сотрудником окружной администрации города, неплохо владевшим русским языком. При более близком знакомстве поразил его рассказ о жизни в Берлине, который был буквально разрезан стеной с полной невозможностью для жителей бывать в разных частях города. После падения берлинской стены в ноябре 1989 г. Хартмут в течение дня на велосипеде объездил всю восточную часть города. Для него это были незабываемые впечатления.

Результатом нашего близкого знакомства с Купфером стал ряд проектов с участием белорусских и немецких школьников и педагогов. Один из них был реализован летом 1993 года, когда к нам в Беларусь Хартмут и его коллега Эфи привезли 20 немецких ребят. Примечательно, что в целях изучения социализации подростков в условиях объединенной Германии половину группы составляли учащиеся, выросшие в Восточном Берлине, а другую половину — школьники из Западного Берлина. Как оказалось, дети из двух частей одного города действительно очень отличались.

Прием группы было решено провести еще в 1992 году. Мы продумали интересную программу, включавшую знакомство с Минском и последующее пребывание в оздоровительном лагере под Витебском.

- *Я не вымыл миску, чтобы вкусный запах остался на ужин.*
- *Я на каждом КП высмеивал свои ошибки.*
- *Вовка намылился до неузнаваемости.*
- *Кроме того, что я плохо засыпаю и мне снятся кошмары, так вы меня положили рядом с Игорем.*

Руководителем областного детского туристского центра в Витебске тогда работала Лариса Бруева — очень творческий и ответственный человек, поглощенная интересными идеями по развитию туризма и поискового движения в Витебской области и Беларуси. В целях качественной подготовки к приему делегации я выехал в Витебскую область, чтобы ознакомиться на месте с условиями приема в оздоровительном лагере. На мой взгляд, все соответствовало необходимым требованиям. Однако в запланированные сроки поездка не состоялась. Ее удалось организовать летом 1993 года. Прием группы немецких подростков изобиловал забавными моментами и ситуациями.

По ряду причин наши витебские коллеги поменяли оздоровительный лагерь, запланированный для приема группы. После их заверений, что новый лагерь не хуже выбранного ранее, и из-за недостатка времени было принято решение довериться витеблянам.

Минская часть программы прошла гладко и организованно. В течение трех дней гости встречались с белорусскими сверстниками, познакомились с городом, посещали культурно-исторические объекты. По понятным причинам тему войны мы деликатно обходили стороной.

Первая необычная ситуация возникла при переезде из Минска в Витебск. Автобус, в котором ехали наши немецкие друзья, сломался. И произошло это аккуратно недалеко от поворота на мемориальный комплекс «Хатынь», воздвигнутый на месте уничтоженной фашистами в годы войны белорусской деревни Хатынь. Вот уж, действительно, мистическое стечение обстоятельств. Автобус не подлежал оперативному ремонту и его пришлось заменить. Впрочем, незапланированный отдых в живописном белорусском лесу тоже доставил удовольствие.

Мне удалось приехать в лагерь размещения группы только к завтраку следующего дня. Сам лагерь и помещения, в которых проживали ребята, оставляли приятное впечатление. Однако проблемным звеном оказалась организация питания. Когда утром пришли в столовую на завтрак, сразу обратили внимание на ряд моментов, которые насторожили, а затем расстроили. Столовая — достаточно большое, но плохо освещенное помещение со столами темно-коричневого цвета и такими же стульями. Посуда — металлические продолговатые тарелки, алюминиевые и далеко не новые вилки и ложки и, конечно же, граненые стаканы, которые, очевидно от частой термической обработки, имели белесоватый вид. Завтрак включал гречневую кашу с переваренными сосисками — изогнутыми

- *Когда включили свет, храп стал слышен еще лучше.*
- *Лица до 16 проходят на цыпочках.*
- *Ольга бежит, ломая все на свете.*
- *Я не кручусь, я ориентирую местность вокруг карты.*
- *В палатке было холодно, поэтому спальник не грел меня.*

и местами лопнувшими, масло, кусочек сыра и чай. Интерьер столовой, меню, а главное — качество приготовленной пищи не способствовали хорошему аппетиту немецких школьников. И если ребята из Восточного Берлина пили чай с маслом, сыром и белым хлебом, посыпая его сахаром, то западноберлинские не притрагивались к пище вообще. Пришлось, как говорят, «разруливать» ситуацию с участием витебских коллег и заведующей столовой. На мою озабоченность и вопрос: «Вы понимаете, что такое отказ от приема пищи?» — Лариса Бруева отвечала: «Да не волнуйтесь вы, у них с собой полные чемоданы еды».

Продолжение, но уже положительное, организация питания получила в этот же день, когда после завтрака группа немецких ребят отправилась в несложный поход-прогулку с посещением областного туристского слета учащихся. Пройдя 8–10 километров, мы пришли к месту проведения слета на живописном берегу озера. После знакомства с палаточным лагерьем, ходом проведения туристских соревнований, общения со сверстниками, группа прибыла к месту питания судей слета. Учитывая утренние сложности, было решено ограничиться чаем, бутербродами с колбасой и печеньем. Место питания судей было спланировано как обычно: продуктовая палатка, покрытый красивой клеенкой стол на 25–30 человек, скамейки и костер, на котором в 30- и 50-литровых котлах готовился обед. В одном из таких черных, закопченных снаружи котлов готовился суп из рыбных консервов. Очевидно, мастерство поваров-туристов значительно превосходило мастерство поваров в столовой оздоровительного лагеря, так как запах, исходящий из котла с рыбным супом, будоражил аппетит. Расположившись за столом с бутербродами, но учуяв аромат готовившейся на костре пищи, один из немецких ребят спросил: «А можно попробовать?» Получив порцию супа и осторожно попробовав несколько ложек, он со словом «фиш» («рыба» по-немецки) буквально в считанные минуты все съел! Тут же его примеру последовали остальные участники группы. Не надо и говорить, насколько этот случай поднял настроение всем педагогам.

Все-таки ситуацию с питанием удалось исправить, насколько это было возможным. Оперативно несколько изменили интерьер столовой, привезли новую посуду, с участием немецких педагогов откорректировали меню. Ну, а наилучшим лакомством для немецких ребят стала белорусская стуженка, которую они распробовали также во время пребывания на слете.

- *Я этого не делал и недоделывать не буду.*
- *Поделись бутербродом! — Сейчас, только доем.*
- *Одолжи мне миску, только не отхлебывай.*
- *Я размахнулся своим лицом и ударил им Дениса в живот.*
- *Когда будут делать уколы? — Когда штаны снимешь.*

При подготовке программы приема наших гостей было принято решение: показать красоту белорусской природы с использованием активного способа передвижения. Во время одного из таких мероприятий — водного похода по рекам Лучеса и Западная Двина произошел еще один запомнившийся случай.

В этом водном походе в качестве плавсредств использовались легкие складные многоместные лодки на 6–8 человек. В походе принимали участие как немецкие ребята, так и их сверстники из витебских школ. Тем летом Лучеса была не очень полноводной, для беспрепятственного прохождения маршрута участникам приходилось покидать лодки и подталкивать их, стоя по колено в воде. Это делало путешествие еще более интересным.

Выход на просторы Западной Двины упростил наше передвижение. Пройдя несколько километров по плавному течению, решили остановиться на привал в одном из живописных мест на берегу реки. Причалив к песчаному берегу, поросшему местами невысоким ивняком, мы заметили, что на участке протяженностью метров тридцать в песке находилось несколько сотен неоформленных бланков комсомольских билетов. Под воздействием атмосферных осадков они потеряли свой первоначальный вид, выглядели очень коряво. На вопрос-удивление руководителей немецкой делегации: «Это, наверное, осталось со времен окончившейся пятьдесят лет назад войны?» — нам пришлось объяснять, что такое ВЛКСМ и почему его уже нет. Очевидно, руководители одного из распущенных райкомов комсомола города Витебска просто вывезли бланки билетов за город и выбросили на берегу реки.

В целом, поездка немецким ребятам понравилась, а впереди была экскурсия витебских школьников в Берлин.

Знакомство

Панов Илья Игоревич

Москва

Родился в 1973 г. Туризмом увлекся в школе. Обучался в нескольких школах туристской подготовки, с 1992 г., будучи студентом, начал заниматься туризмом со школьниками. Путешествовал со своими воспитанниками по Хибинам, Кавказу, Карнатам, Крыму, Алтаю, Саянам и другим районам. С 2009 г. работает в Федеральном центре детско-юношеского туризма и краеведения. Кандидат в мастера спорта, старший инструктор спортивного туризма, почетный работник общего образования.

Крымские гуляния

1993 год. Осенние каникулы. Начало ноября. Мы отправляемся в пешеходный поход по Крыму. Начинаем с Феодосии. Действующие лица: я — еще студент, пока только практикуюсь водить детей в походы. Руководитель группы — опытный турорг, мастер спорта по туризму — Маша. Но это для меня. Для детей, разумеется, Мария Юрьевна. Я с ней уже ходил в походы со школьниками, познакомился в школе инструкторов туризма, где она была у меня инструктором отделения. И ребята — человек, кажется, 15. Причем это ребята примерно двух категорий: первая — ребята 12–15 лет, уже более или менее опытные туристы. И «мелкие»: 10–11 лет, новички, у многих это первый, «рекламный» поход. Мы называем их ласково «мумитролли» по имени сказочного персонажа Мумий Тролля, а сокращенно они просто «мумики». Идем все большой дружной командой.

Начали с Феодосии, картинная галерея И. А. Айвазовского, автобус... И вот мы проходим поселок Рыбачье и поворачиваем на север, проходим долину с виноградниками и начинаем подъем на Караби-Яйлу. Яйла — это плоское горное пастбище на высоте примерно 1000 м, где обычно довольно ветрено. Останавливаемся на стоянке Чигинитра. Это южная оконечность яйлы. Погода прекрасная, днем солнце, тепло, вечером не холодно, загораем. На следующий день поднимаемся на яйлу и ночуем там. Вечером погода слегка портится, но вроде не страшно. Наутро просыпаемся... Ба!!! Все вокруг белым-бело!!! Снега навалило много, и он все

- Я не ненормальный, у меня любовь.
- У моего брата столько преданий, что он охотно ими делится со мной.
- Мы ездили в колхоз для прохождения студенческих навыков.
- Нас было оба.

идет. Пурга средней силы, довольно холодно и видимость — ну, прямо сказать, не очень...

Решаем с Марией, что делать. Наш дальнейший путь лежит на запад по яйле в сторону Ангарского перевала, где финиш похода. Но надо пересечь всю яйлу, а это не менее 10 км. До обратного поезда осталось 3 полных дня. Все в снегу под полметра. Понимаем, что все вместе не пройдем, наши «мелкие» еще не готовы к таким экстремальным передвижениям. И принимаем решение... разделиться. Я забираю всех «мелких», а Маша — всех опытных. Опытные идут по яйле и спускаются на турприют Ай-Алексий, на юго-восточной оконечности яйлы. Ну, а я беру мелких, спускаемся с яйлы на юг и идем мимо Чигинитры по нижней тропе вдоль яйлы на запад, а вечером встречаемся все вместе на Ай-Алексии. Этот путь должен быть проще, не должно быть ветра и пурги, это гораздо ниже, уже в зоне лесов и кустарников. Не мешкая собираем лагерь, прощаемся и, лелея надежду на скорую встречу, расстаемся.

И тут стоит рассказать еще о двух колоритных персонажах — это двенадцатилетние братья-близнецы Ваня и Петя. Я стал их более или менее безошибочно отличать друг от друга только примерно через год знакомства с ними. Но весь коллектив для упрощения общения их называл обобщенно «Вано-Петро». Причем так их называли и каждого по отдельности и обоих вместе. Мне в помощь решили дать Петю как более мужественного парня.

И вот мы двинулись. Видимость очень плохая, по-прежнему метет, хотя и не очень холодно. Карта есть, но идти приходится больше по компасу, вчерашнюю тропу замело, везде все одинаково. Решил, что нужно скорее спускаться, прятаться от ветра, может, и видимость будет лучше. Но где идем — понять сложно. Решил, что самое главное — выбрать генеральное направление и выдерживать его, остерегаясь выхода на скальные сбросы. Мое генеральное направление — юг.

Тут случилось одна неприятность. Вроде иду верно, временами поглядываю на компас, выдерживаю генеральную линию... Немного увлекся, чуть дольше не доставал компас, спохватился, выхватил и... остолбенел... Иду на север! Пот холодный прошиб, но виду никому из своих архаровцев не подал, смолчал, излучаю полную уверенность, а внутри все кипит... Делаю плавный поворот на 180 градусов и выправляю свое направление. Ничего катастрофического мои башибузуки не почували, уже хорошо... И Петро тоже ничего не стал говорить. И вот уже часа 3–4

- Когда меня стукнули по голове, я стал разбираться — чем.
- Ты чего вернулся на старт? — Хотел узнать, быстро ли я бегу!
- Вы знаете, как долго шел я к победе! Быстрее Гарика.
- Меня сначала выманили, а потом заманили.

дня. Останавливаюсь и тут меня посещают мучительные размышления... У меня трудный выбор: либо «кровь из носу» ломиться на Ай-Алексий, во что бы то ни стало выполняя договоренность, либо выбирать другой вариант. Первый вариант я уже выполнить в срок не могу, времени не хватает. Приходится на турприют через день или больше — бессмысленно.

Другой вариант... Но какой? Вырисовывался такой план: выходить в «населенку» и, пытаясь на транспорте объехать горный массив Караби и Демерджи, выбраться на трассу Алушта–Симферополь. Между прочим, остается три дня до поезда! И неизвестно, как и где нам встречаться. «На всякий пожарный» других договоренностей у нас просто не было. Есть одна обнадеживающая деталь — в моих руках вся походная касса нашего большого коллектива. Но дорога на этот Алексий не просматривается, восстановить точное свое местоположение не могу, лишь приблизительно понимаю, где я нахожусь. Вокруг меня горный массив, скальные бугры яйлы.

Этот случай, считаю, много мне дал для роста опыта как руководителя. Готовых схем у меня в голове не было, в такие ситуации я не попадал. Понимаю, что главное — спасти ребят, вывести их в более безопасные условия, а там уже и пытаться воссоединиться. Выбираю второй вариант. Но в нем гораздо больше неизвестных, решения придется принимать «с колес». А уже вечереет, вокруг скальные склоны. Нахожу более или менее подходящее место для ночлега. Снег к вечеру идти перестал. И в округе полно сухого тонкого орешника — замечательное топливо! Мы вместе с Петро моментально организуем лагерь, теплый ночлег. Петька — молодец! Настроение повышается.

Утром пасмурно, снег не идет, но наше местонахождение для меня пока очень приблизительное. Решаю двигать на восток, на трассу на побережье, на Приветное. Теперь генеральное направление уже не запад, а восток. Постепенно горный массив выполаживается, идем по лесу и через пару часов выходим на трассу — грунтовку. Радости не было предела!!! И табличка на дороге — «Красноселовка»! Ура, понимаю, где я. Оказывается, сошел с яйлы и нахожусь далеко на востоке от нее. Стоит заметить, что тогда ни навигаторов, ни мобильных телефонов еще не было. Тут же остановка автобуса и расписание: автобус через двадцать минут! Садимся, ждем. И тут выходит из какого-то домика женщина и разочаровывает: никакие автобусы на побережье давно не ходят. Вот и «облом»!

- Крутой обрыв был скользким и неудобным.
- Ты все время не добегаешь, а я все время перебегаю!
Давай бежать вместе!
- Как же я мог его обогнать, если он все время впереди!
- Я сегодня первая среди третьих мест.

Пытаемся поймать машину. Останавливаю грузовик с кузовом, почти до верха заполненным щебнем. Водитель согласен везти нас в Приветное. Самых мелких сажаем в кабину, остальных в кузов. Как-то умудряемся разместить рюкзаки и себя, любимых, в кузове, в промежутках между бортами и горой щебня. Мужественный Петро встает на подножку снаружи борта кузова, хватается за борт и объявляет всем, что он поедет так. Ах, мой мужественный рейнджер Петька! Но на это водитель имеет альтернативное мнение: он высовывается из кабины, окидывает строгим взором всю нашу честную компанию и несколькими крепкими выражениями убеждает Петро, что он не совсем прав, ему надлежит быть поближе к коллективу и залезть в кузов.

Едем через перевал, холодрыга еще та, машину качает... романтика! Приезжаем в Приветное... ветерок. И кушать уже очень хочется. Захожу в какой-то кафетерий, прошу пустить немного погреться. Заходят мои «мумики» и... Тут стоит описать: все мои юные путешественники весьма маленького роста, одеты в одинаковые черные болоньевые штаны и анораки. И, конечно, чумазые. Ну вылитые парижские гавроши! Когда работницы кафетерия увидели этих «чукчей», они моментально прослезились и бесплатно напоили нас чаем с булками! Такие были времена!

А дальше на улицу и вперед! Из Приветного автобусы не ходят никуда и никогда! Нам предстоит дойти до Рыбачьего, а это чуть больше двадцати километров! Уже часа 3–4, надо идти. Встаем на асфальтовое шоссе и вперед. Через пару часов «мумики» начинают «подвывать» — ноги у них сильно болят. Чаще делаем привалы, Петро на ребят покрикивает, чтобы не ныли. Стемнело, легкая пурга, в полной темноте идем по заледенелому асфальту. Машины ходят крайне редко. Мы прошли этот путь героически...

Уже «никакие» приходим в Рыбачье. Где ночевать-отдыхать? Ветер холодный, пурга, метет на море. Газовых горелок, примусов у нас не было. Палатки ставить не хочется, да и негде поблизости.

И тут следует открыть еще одну тайну... В ту ночь, когда мы ночевали на Чигинитре, трех наших старших ребят мы отправили в магазин за какими-то продуктами. Один из них — Петька. И... прождали их всю ночь. Не спали часов до четырех утра. Можете себе представить наши с Машей переживания... Приходит эта троица утром, часиков в семь. Говорят, заблудились и переночевали в поселковой котельной... И тут в ночном Рыбачьем к Петрухе приходит прекрасная идея — снова пе-

- Куда бы я ни бежала, везде неожиданности разной формы.
- Тренировка убедила меня, что соревнования лучше!
- Сколько надо найти КП, чтобы выглядеть умным?
- Я могу доказать, что бегал один!
Мишка, скажи, что это так!

реночевать в котельной! Петро быстренько приводит нас в котельную, котельщик узнает его и охотно соглашается пустить переночевать нашу «банду». А там тепло...

Но опять хочется есть, готовить негде, магазины давно закрыты, костер же в котельной не развести... Пошел я по дворам и одна женщина подарила почти целый батон замороженной вареной колбасы. Гораздо удобнее эту колбасу было не есть, а гвозди ею заколачивать. Размораживал я эту колбасу в котельной на горячей трубе. Успешно. Ночевали великолепно.

Рано утром — на автобус. Снег все идет. Пока ждали автобус на Алушту — прыгали, пытаюсь согреться, а из ближайшего домика выбежал мужик в одних трусах и кинулся в море... Нам сразу стало холоднее... Ну ладно, доезжаем до Алушты, прыгаем в троллейбус и едем в Перевальное. В мучительных раздумьях я выбрал эту деревню, где наше воссоединение наиболее вероятно. Это к северо-западу от Караби и Демерджи.

Доезжаем до Перевального. Выходим, возле остановки я оставляю ребят в кафе, а сам знакомлюсь с местным жителем, который называет себя спасателем. Он хочет помочь мне в поисках нашей второй половины группы. Мы с ним пошли искать по знакомым моего «спасателя». У одного из знакомых мой спасатель злоупотребил спиртными напитками, и я начинаю понимать, что этот спасатель никакой мне не спасатель, а скорее «мешатель», с ним я только теряю время. К тому же неизвестно, как там поживают мои малыши. Может, они уже по мне соскучились? Бросив спасателя, бегу обратно на остановку, в кафе, но... моих там нет!!! Где они?! Где мой верный Петька?! Душа в пятки...

А вот и Петька! Он рассказывает «потрясающую» историю: «мумикам» надоело меня ждать и они пошли искать себе убежище и «ночлежище». Каким-то образом они нашли пожилую пару, которая сжалилась над ними и пустила их к себе переночевать. И это в отсутствие всяких взрослых! Но до этого за кем-то из «мумиков» погнался пьяный местный житель с ножом, но мальчишка от него убежал.

И вот теперь мой верный «ординарец» Петруха чинно и благородно ведет меня, своего руководителя, на место, уже определенное ими, детьми, в качестве ночлега. Приводит к сельскому дому, где меня встречают улыбающиеся старичок и старушка, которые с радостью приглашают в дом. Я улыбаюсь и благодарю за гостеприимство, прохожу в дом, раз-

уваюсь, иду в большую комнату и вижу просто умирительную картину: сумрак... на полу расстелен ковер, на котором сидят все мои разомлевшие, румяные, счастливые «мумики», смотрят телевизор, трескают за обе щеки хозяйские свежееиспеченные пирожки и запивают это то ли чаем, то ли кофе. Это к вопросу о том, на что способны дети... Таким образом, этот вечер я прожил так, что только «плыл по течению», и мою жизнь организовывали мои подопечные. Но расслабляться нельзя — завтра поезд в Москву! А ночь в спальниках в этой прекрасной комнате была замечательной!

Утром, оставив малышей в гостеприимном доме, расспрашиваю на улицах прохожих, и один из них говорит, что что-то слышал про засыпанную туристскую группу, которую спасли солдаты, рывшие канаву в окрестностях Перевального. Меня провожают до этой воинской части, где долго водят от одного сержанта-дневального к другому и наконец подводят к одной из казарм для «опознания». На одном дыхании открываю дверь... и вот они, мои дорогие! Радости нашей не было предела! Выясняю, что, утопая в снегу, на второй день наша опытная «половина» вышла к солдатам, которые их и отвели в теплую казарму. Во время этого «героического» перехода к ним еще и маленькая собака прибилась. В общем, разговоров, эмоций, впечатлений и рассказов было еще на целый день! На поезд в Москву мы успели. Повторюсь, эти события много дали мне для опыта, понимания, как действовать в экстремальных ситуациях. Может, сейчас, с высоты времени и опыта та ситуация и не кажется такой экстремальной. Но по молодости и неопытности воспринималось все гораздо острее и критичней.

P.S. Я иногда списываюсь с той «старой гвардией». У Пети уже растет восьмилетний Петр Петрович. Недавно опять вспоминали тот поход. И Петр сейчас, спустя уже 28 лет, рассказал дополнительные любопытные подробности: оказывается, когда мы шли по обледенелой дороге в Рыбачье, то один из малышей отстал, выпал из моего поля зрения, но это не ушло от зоркого глаза Петрухи. Этот малыш лег на дорогу и сказал, что дальше идти не может. В ответ Петро палкой, которую таскал весь поход, пару раз «двинул» по малышу, но без особого рвения, а в глазах было одно: «Ты пойдешь!». Ну и потом несколько раз лупанул этой палкой по его рюкзаку. В общем, страху нагнал. Ну, парень и пошел. Проблема была устранена...

Есть что вспомнить!

- *Смотри лучше в свою карту, а то рассеешься не в том направлении.*
- *Что мне делать со своим компасом? Он опять не в своей тарелке!*
- *Все болота на одно лицо.*

- *Я потерялся потому, что помогал мальчику не потеряться.*
- *Ты на какой минуте стартуешь? – Не знаю! Я финишировал!*
- *Компас показывал, что пора возвращаться домой.*
- *Я правильный ребенок. Немного отклонился в сторону, но это не беда, я на правильном пути.*

Воспитание характера

В 1992 году осенью — поход в Крым по маршруту от Бахчисарая до Ялты. Очень красивый и разнообразный маршрут, прямо реклама Крыма и туризма! И снова интересная группа: младшие ребята, среди которых опять же Ваню-Петро. И старшие, среди них я и старшеклассники. На этот раз Мария Юрьевна ставит педагогический эксперимент: у младших все организовано как у полностью самостоятельной группы, есть командир и все обязанности распределены. Девиз один: мелкие делают все самостоятельно, у них все хозяйство в наличии. Командиром у мелких на этот раз выступает Ваню, 11 лет. Это тот самый Ваню-Петро, только Ваню!

Расскажу один любопытный эпизод: уже стемнело, а мы идем по дороге, смотрим по сторонам и ищем место для ночлега. Вдруг слева видим уютную полянку, у командира заблестели глаза и он радостно командует, что его «честная компания» здесь ночует. Разумеется, все предполагают, что ночуем все вместе. И тут наш главный предводитель Мария Юрьевна предпринимает необычный ход — во всеуслышание заявляет: «А мы тогда пойдем дальше, еще немного пройдемся, попозже встанем». Глазки у Ваню забегали и он тут же заявил, что тогда они тоже пойдут дальше. Понять можно — страшно, все-таки всего 11 лет и первый опыт командирства... На это Мария Юрьевна ему жестко заявляет, что он уже принял решение как командир и отменять его нельзя. И твердо заявляет, что они будут ночевать там, где уже решил Ваню. И тут я вижу в глазах у Ваню страх и слезы. Но Мария Юрьевна непреклонна и намекнула, что надо не слезы лить, а собирать дрова, разводить костер, ставить палатки, готовить ужин...

Мы, старшие, посидели несколько минут и пошли дальше по дороге. Но, разумеется, прошли метров сто и, тихо скинув рюкзаки, как разведчики вернулись обратно и посмотрели, как там мелкие. Оказалось, что слезы уже высохли, у кого они были, и костер уже почти горит, все деловито ставят лагерь. Ну и мы неподалеку встали своим лагерем, а мелкие переночевали самостоятельно в своем! Хотя мы и рядом были.

Такое воспитание характера...

Приключение на Селигере

1999 год. Мой второй набор воспитанников. Достаточно сказать, что группу нам передала их прежний педагог, которая в туризме больше всего любила краеведение и психологию, а эти ребята и девчонки

- *Сегодня на завтрак – разжигание костра.*
- *Я не повторяю ошибок, это просто карта другая.*
- *Побегу быстрее быстрого и прямее прямого!*
- *Я истратил все силы на дистанции и поэтому на последнем КП не отметился!*

больше любили спорт, экстрим и препятствия — то, что больше любили и мы, три взрослых руководителя. И вот запланирован летний поход по Верхневолжским озерам и Селигеру. И тут беда — у меня не идет второй руководитель, то есть заместитель. Отменять поход страсть как не хочется, иду на риск и решаю вести в одиночку.

У меня 14 парней и одна девочка. Эта девочка с очень громким голосом «строила» всех мальчиков весь поход! Прямо командирша! Ребятам от 14 до 17 лет. Взял еще двух шестиклассников-новичков. На второй день похода они жестко запросились домой, туризма им хватило. Что делать? Запасных дней нет. Решаюсь сам проводить их на поезд в Москву, а остальных старших самостоятельно отправить по маршруту. В общем, конечно, теория и методика походов с детьми это запрещает. Но я рискнул! Дал им карты, компас, все рассказал.

Утром я с этими младшими — на автобус и на станцию. Довез, позвонил родителям, предупредил, чтобы встречали, передал проводникам, попросил, чтобы проследили, ехать до Москвы всего 12 часов.

Точка нашего воссоединения — деревня Руно. Иду на автостанцию — и, счастье! Автобус отходит до д. Руно, сажусь и еду. Приезжаю в деревню Руно, осматриваюсь, а моих архаровцев нет! Как же так? И тут из расспросов местных жителей узнаю страшную правду: это не деревня Руно, а поселок Рунский, в расписании так написано для краткости. А искомая деревня Руно находится в 15 километрах! А уже часа четыре вечера, если не больше.

Карта у меня была. Ну что же, ноги в руки и пошел. Шел долго, лесами, полями, мимо заброшенных деревень. Одна деревня запомнилась тем, что во всей деревне только один жилой дом. Иду я по деревне, а из этого дома выходит мужик, увидел меня и в ужасе бросился от меня прямо в речку! Но я вроде не леший, не дракон о шести головах... Оказалось, что в этих местах обычно никто не ходит и он просто сильно испугался, увидев человека!

Шел я долго, часов до 12 ночи. И вот почти в кромешной темноте захожу в нежилую деревню. Везде темно. На фоне звездного неба виднеются темные дома-призраки. Обхожу все дома, верчу головой по сторонам. И вот у дальней окраины деревни замечаю чуть более светлое место. Подхожу и... радости моей нет предела: моя «банда»! Устроили возле дома-призрака бивак, расположилась на ночлег, горит костер. Оказалось, что они успешно дошли и выполнили план сегодняшнего дня. А еще

- *Я забыла «беговую», можно стартану под чужой фамилией?*
- *Сегодня я превзошел себя! Я бегал столько же, сколько и лидер! Правда, штрафу нахватался!*
- *Куда ни глянь, всюду видения из ориентировщиков.*

в этой деревне они нашли немецкую каску времен войны, термос и что-то еще из военного снаряжения. Ребята даже успели снять небольшой «художественный» видеоролик на военную тему: разделились на «наших» и «немцев», надели найденное снаряжение и устроили постановочную «войнушку». Конечно, «наши» победили.

Потом в этом походе были и ураган на берегу Верхневолжского озера, и еще другие приключения. Ну вот, например. Идем по асфальтированной дороге, двое-трое моих ребят идут сзади. Ненадолго выпускаю их из поля зрения. И тут с удивлением вижу, как по дороге нас обгоняет мотоцикл с коляской, только вместо коляски у мотоцикла деревянная платформа. На этой платформе сидят мои детишки и с радостным улюлюканьем, хоть и на небольшой скорости, но все же обгоняют нас на повороте дороги и, несмотря на мои требования остановиться, исчезают за поворотом. Когда мы проходим поворот, то видим достаточно несмешную картину: мотоцикл лежит на обочине, а все стоящие рядом потирают ушибленные места. Ничего серьезного с ребятами не случилось, но «всыпал» я им хорошенько. В будущем этот эпизод все называли просто «коляска»!

Повторюсь, это событие с расставанием и встречей закалило и сделало опытнее и меня и моих ребят.

Пашин узел + судейская логика = спортивная справедливость

Я только набрал группу ребят и через год занятий, весной, впервые принял участие со своими воспитанниками в окружном туристском слете Северо-Восточного округа. Когда мы готовились, изучили все условия. В программе среди прочих был и конкурс узлов. Всем узлам, которые я знал, научил своих юных туристов, поэтому за узлы я был спокоен. И вот мы участвуем в слете, подходим к этапу «Узлы», начинаем вязать... Почти все узлы завязали, и тут нам объявляют: «А завяжите-ка Пашин узел».

У меня глаза лезут на лоб, вроде все книжки прочитал, но такого узла не встречал. А судьи объясняют, что все, кто организует этот слет, прекрасно этот узел знают. Этот узел мы, разумеется, завязать не можем, так как банально не знаем. После объявления результатов подаю шибко умный протест, где указываю, что в самой широко известной литературе этот узел не описан и знать я его не должен. И мой протест удовлетворяют! Ура!

- *«Маркир» пытался меня запутать. Но я умный, я с него не сходил!*
- *У меня собака съела ЧИП, что мне теперь – с ней бежать?*
- *Много ты нашла КП? – Всего понемножку.*
- *У меня, как и у многих детей, недержание опыта.*

Но история имеет продолжение.

Осенью того же года участвуем в таком же слете, опять узлы и опять мы все узлы связываем успешно, и опять — кроме «Пашина» узла. Опять пишу протест, а мне его отклоняют! И объясняют, что отклоняют потому, что за время между слетами я мог бы его и выучить!

И еще. Участвуем в конкурсе туристского быта. У нашей и еще четырех команд — ноль штрафных баллов. Вывешивают протокол. Как вы думаете, какое у меня место? Не угадали — пятое! Никто из судей объяснить мне, почему такое место, не смог.

Вот такая была логика!

Что туризм животворящий делает...

Когда мы выпускали второй набор наших ребят, устроили небольшой выпускной вечер. Это было в 2000 году. И один парень сказал мне: «Спасибо вам за то, что вы меня научили решать все проблемы в жизни мирным путем». Я, признаться, сильно удивился, ведь сознательно не ставил себе такой задачи. Но бессознательно получилось как-то так. В любом случае это было небанально!

Но самое удивительное, что через 10 лет на таком же выпускном вечере примерно те же самые слова мне сказала одна девочка. Я сначала удивился, а потом вспомнил историю десятилетней давности и понял, что две случайности — это уже закономерность...

Нарочно не придумаешь

Очень часто в походах путешественники произносят разные фразы, которые в обычной повседневной жизни они вряд ли скажут. Причины могут быть разные: может, человек расслабился и говорит первое, что приходит в голову, и не задумывается о смысле сказанного. Иногда это происходит от усталости. Самое главное, чтобы рядом был человек, который сохраняет способность при всех походных катаклизмах вникать в смысл сказанного окружающими и вовремя выявлять всякие «перлы». Ну и очень важно это сразу записать, чтобы не забылось. Вот несколько фраз, сказанных в разных походах:

- Одну съел, другую хочет!
- Я хочу... знаешь что... пойдём, погуляем? — Чего мне гулять, я и так в походе!
- Не надо петь, я покусая тебя сейчас! — Ну и кусай, мне теплее будет!

- *У меня повредилось направление.*
- *Настя, принеси мне мою «беговую» или лучше ту, которая высохла.*
- *Я берегу время на перегонах, а растрачиваю его на КП. Может, лучше бежать без КП?*

- Где ты была, пока я там бегала?
- Света, не одевайся, вставай!
- Ты за что меня сегодня била?
- Я больше, чем никогда, похожа на капусту.
- Я совсем издохла.
- Света ушла куда-то в лес и с борщом.
- Если ты меня не научишь, я тебя убью.
- У меня два пакета потерялись... — Ну и шут с ними! — В них ботинки лежали.
- Вот бы вас сейчас снять, как мы здесь засели.
- Может, носки отжать? — Не надо, сразу окочуришься!
- Света, ты там не падай, сначала спустись, а потом упали.
- Я уже со второй миски опухла.
- Я нагреем горячей воды и рожу.
- Я совсем с ума сошел, не заметно разве?
- Дай мне сахарочек... Ну не один же!... И Катьке еще!
- Давай, Илья, сюда сухари, на родину.
- Катя, отдай Свете резинку. — Ее нет, она ушла в подполье.
- Я себе сжег уши. — Это еще что, я себе рожу сожгла.
- Ну вот, оседлал меня рюкзак.
- Дай компас, а то рожка очень грязная. (Имелся в виду компас с зеркалом).
- Катя, до тебя совсем ничего не доходит! — Да, я знаю, но мне тепло.
- Если ты сейчас с меня не слезешь, у меня селезенка через рот вылезет!
- Я засыпаю где-то там, далеко.
- До полдевятого еще ехать и ехать.
- Я не умею на лодке плавать.
- Ты по-честному обнаглела.
- Илья заснул — бобер помер.
- Не волнуйтесь, уж свою задницу я не забуду.
- Своими костяшками всю руку истоптала.
- Это я заметил, что они сгорели, иначе бы они совсем сгорели.
- Света, мы сегодня в шапке спим? — Ты что, обалдела, я в футболке сплю.
- Я люблю либо замачивать, либо не замачивать.
- Здесь влажно, но сухо.

- *Я заблудился из-за мальчика! Он попросил меня не мешать ему ориентироваться.*
- *О! Привет! Ты как тут оказался? — Не знаю! Наверно, прибежал!*
- *Если ты рубишь наши дрова, то и носи их к нашему костру!*

- Мне так стыдно выходить из-за стола, ведь придут люди и скажут: «Здесь сидели свиньи».
- Нельзя так питаться — набьешь живот за пять минут и ходишь как беременный таракан.
- Я умру... Можно мне умереть?
- Я дошла до такого состояния, когда можно мордой в лужу.
- Ой, кто-то мне уронил что-то на голову. — Это дерево.
- Зачем брать каски, которые не каски?
- У меня или зуб выпал, или новый растет.
- Дай сухари! — Белые? — Нет, которые вкусные.
- Если попробовать не отравиться, йогой надо быть.
- Вы зря так быстро торопитесь!
- Отдайте собаке кусочек шкурки от колбасы, она с удовольствием съест, по себе знаю!
- Я на этом вокзале совсем одомашнилась!
- Мы тебя отдерем, причешем, умоем, и ты станешь похож на человека!
- Миски за тобой нет?... Ну еще за тобой!
- Носки — не роскошь, а средство передвижения!
- Я хочу в Крым! — На тебе крем!
- У меня меньше не помещается!
- (Следующая фраза была произнесена на ночлеге в учебно-тренировочном походе горной школы средней туристской подготовки) — Лиза, перестань курить в стенах школы!!!
- Ах, это твоя анорака, а где же тогда мои брюки?
- Надень каску! — Когда опущусь, тогда и надену!

Кормление «птенцов»

Вместо послесловия от автора-составителя

Уважаемый читатель! К глубокому сожалению приходится констатировать: за последние десятилетия издания по вопросам туристско-краеведческой деятельности, спортивно-оздоровительного туризма можно сосчитать по пальцам, да и то на одной руке. А ведь такая литература очень востребована, особенно молодыми, начинающими туристскими организаторами, да и просто туристами.

Почти все рассказы, представленные в этом сборнике, имеют и педагогическую направленность, ведь любое взаимодействие ребенка и взрослого человека, особенно в походных условиях, — это процесс воспитательный. У каждого педагога, занимающегося с детьми туризмом, существуют свои методы, которые он использует в походах. Это и приемы, почерпнутые из методической литературы, крупницы опыта учителей и коллег, собственные наработки, основанные на жизненном опыте и походной практике. Возможно, иногда они могут показаться спорными или даже противоречащими официальным нормативным документам, но в конкретной обстановке, с конкретными детьми их используют, потому что они действуют.

Мне повезло с учителями, так как они учили меня не только туризму, но и жизни. Неназойливо, своими поступками, поведением они формировали мой характер, давали полезные навыки, закладывали основы педагогики.

Один из примеров.

Учусь в одиннадцатом классе. Поход по Карелии. Дневка, стоим на бугре недалеко от озера. Солнце, тепло, нет комаров, разморило, все просто балдеют. Руководитель, Донара Аркадьевна Шенкман, обращается ко мне: «Юра, возьми ведро и принеси, пожалуйста, воды из озера». Сразу возникает мысль: «Все просто так лежат, но почему за водой должен идти именно я?» Озвучиваю эту мысль. Донара: «Ну, тогда придется пойти мне», — и направляется к ведру. До сих пор помню охватившее меня чувство стыда, поднимаюсь и бегу, хотя в мой адрес не было больше ничего сказано, никаких нотаций и нравоучений. Сам потом применял этот прием в работе с кружковцами, причем всегда успешно.

Кстати, позже, уже несколько лет работая руководителем кружков, совершив походы с несколькими составами кружка, сделал для себя интересный вывод. В большинстве детских групп, особенно начинающих, среди детей действует принцип: «Есть обязанности, нормы, их надо

выполнять, но главное — не переработать, не сделать больше других». И я старался всегда учитывать это обстоятельство.

Когда начинал обучение приготовлению пищи на костре, говорил: «Показываю только один раз, как это делается. Главное — поддерживать огонь и помешивать, чтобы пища не подгорела. В противном случае — будете дежурить еще, пока не научитесь». Вроде бы это нелогично, так как в этом случае будет страдать вся группа, но дежурные, зная что им придется снова готовить (то есть — переработать), ни на минуту не оставляли костер без присмотра. И за много лет не припомню случая, когда что-нибудь подгорело.

В походе приходится не только хвалить и поощрять, но и применять меры наказания за совершенные нарушения, которые могут привести к несчастному случаю или отрицательно повлиять на состояние группы. И весьма действенным наказанием становится наряд вне очереди. Чаще всего это мытье и чистка общественной посуды — ведер. Такое наказание воспринимается ребятами как необидное и не унижающее их достоинство в глазах товарищей. В самом начале своей педагогической деятельности был свидетелем одного диалога. В многодневном походе на Кольском два нарядника драют на берегу ведра, и один спрашивает: «У тебя какое ведро на счету?» — «Четвертое». — «Пацан! Я уже за свою туристскую карьеру девятое ведро получил!». Причем это звучит без всякой обиды и даже с гордостью.

А вообще в походной жизни старался не обращать внимания на несерьезные мелочи-нарушения, не влияющие на безопасность, иначе поход окажется пресным, нечего будет вспомнить. Важно во всем сохранять золотую середину.

Почти у каждого педагога-туриста, работающего с детьми, есть какие-то свои приемы, проверенные на практике, и жаль, что о них мало известно. Еще в детстве, занимаясь в кружке, испытал на себе способ организации купания, которым пользовались мои руководители. Группа выстраивается, рассчитывается на первый-второй, распределяется по парам. Всем дается общее время на купание, например двадцать минут. Как ребята в паре будут его использовать, в какой очередности — это их дело. Главное — в воде может находиться только один человек, другой сидит на берегу и «пасет» товарища. За крики, ныряние и другие шалости пара лишается купания. Лучшего надсмотрщика, чем сидящий на берегу, я не встречал. Система работает безотказно.

- *Кто забыл ничейную футболку?*
- *Если все время оглядываться назад, то и побежишь тогда назад.*
- *Уборку надо делать незаметно, чтобы никто не видел, что я нашел.*

- *Ой, какая сложная дистанция, а чья это карта? Ой, моя!*
- *У меня судьба такая. Либо правая нога в болоте тонет, либо левая.*
- *Если ты у меня сегодня выиграешь, то я тогда не скажу, где лежит твой бутерброд.*

В походе руководитель выполняет роли мамы и папы, а в случае заболевания ребенка — еще и доктора. И приходится, несмотря на официальные запреты, оказывать первую помощь, заниматься профилактикой заболеваний. Здесь часто используешь опыт своих коллег, опираешься и на свою практику. Апробированными в походах рецептами пользуюсь и в обыденной жизни.

Например, на стоянке приходит участник похода и жалуется на то, что у него болит живот. Установить диагноз я не могу, но что-то надо делать. Когда-то меня научили: взять щепотку сухой заварки чая, пожевать до выделения обильной слюны, заварку выплюнуть, а слюну проглотить. Практически всегда минут через десять боль отступает.

Однажды в зимнем походе сразу у нескольких человек начался сильнейший насморк, пришлось использовать способ, которым лечили в походах и меня. Зубчик чеснока мелко крошат, закладывают в обе ноздри и удерживают там некоторое время ваткой или носовым платком. Обжигает, терпеть сложно, но это лучше, чем постоянно хлюпать носом. Через несколько минут «подопытный» начинает чихать, его прощипывает полностью. Обычно эту процедуру повторять уже не приходится — помогает.

Чеснок вообще имеет чудодейственные свойства, поэтому, выходя в поход зимой или в ненастную погоду, когда велика вероятность подхватить простуду, рекомендуем каждому участнику выдать порцию зубчиков чеснока, желательнее с сухариками из черного хлеба, чтобы во время переходов их можно было жевать.

Однажды один из уважаемых мной педагогов-ветеранов сказал, что, исходя из его опыта, в туристской группе для хорошей атмосферы должно быть не более трех девочек. Если их четыре и больше, через некоторое время у них складываются два мини-коллектива, по-своему противоборствующих, перетягивающих на свою сторону мальчишек, и в группе начинается раздрай. Но если девочек трое, то они держатся вместе, незаметно руководят внутренней атмосферой в коллективе, и через них легче влиять на группу.

За восемнадцать лет непосредственной работы с кружком у меня сменилось шесть составов. После армии с первым составом кружка занимался туризмом и ориентированием, девочек было больше и они были более

результативными (одна — чемпионка СССР среди девушек, другая — чемпионка РСФСР среди учащихся). Потом был период, когда в группе были одни мальчишки, чем они гордились, а их коллектив просто отторгал девочек, несмотря на все мои старания их привлечь, так как без девочек нельзя выставить полную команду на соревнованиях. И только последний коллектив, с которым я занимался одиннадцать лет, начиная с первого класса (в котором учился мой сын) и класса до девятого, сложился смешанным. Идеальным коллективом кружок стал тогда, когда, уже в старших классах, девочек осталось (с небольшими усилиями с моей стороны) именно трое, через них я исподволь и ненавязчиво продвигал свои мысли и предложения. Конечно, это спорный вопрос, но моя практика подтвердила правоту педагога-ветерана.

Работая директором Федерального центра детско-юношеского туризма и краеведения почти тридцать лет, часто задумывался, почему педагоги так уважительно относятся к наградам: знакам, грамотам и дипломам, спортивным разрядам своим и своих воспитанников. Однажды, глубокой ночью закончив рисовать спортивную карту, я несколько часов сидел и просто любовался результатом своего труда. И до меня дошло: токарь, художник, пекарь и представители многих других профессий могут увидеть результат своего труда, потрогать его. А педагог лишен этого, ведь специфика нашей деятельности — опосредованный результат. Отдавая всю душу своей работе, педагог результат ее — успешного, воспитанного и здорового человека — имеет шанс увидеть только через годы.

В середине 1980-х мне пришлось быть в командировке в Приморском крае, где знакомился с постановкой туристско-краеведческой работы в школе-интернате небольшого поселка на границе с Китаем. Руководил этой работой туристский организатор — учитель начальной военной подготовки, который создал великолепный детский туристский клуб, школьный музей и привлек к разным формам туризма практически всех учеников школы-интерната. Поздно вечером на железнодорожную станцию меня провожал Владимир Иванович — директор школы, а вез на своей машине учитель физкультуры. Директор начал расхваливать туристского организатора, физкультурник сначала молчал, а потом вдруг вмешался в наш диалог: «Чего вы, Владимир Иванович, нашему московскому гостю баки забиваете? Он, наверное, обратил внимание, что в музее дипломы и грамоты различных организаций, начиная от ЦК

- У КП три стороны, поэтому его хорошо видно в окружающей среде.
- Я на четвертый КП бежал через необитаемый лес.
- У большого камня я встретил всех своих друзей. Они тоже искали КП в воронке.

- Я первый КП не нашел, потому что заблудился на старте.
- Деревья в лесу растут так непонятно, что карта становится еще непонятней.
- Как там, в лесу? — Не знаю. Видел только КП и Серегу.
- Боюсь заблудиться. Куда ни глянь, везде три сосны.

ВЛКСМ и кончая РОНО, но не знает, что у Александра Васильевича, турорга, нет ни одной благодарности или грамоты от директора школы!» Директор побагровел, некоторое время сидел молча, а потом запальчиво высказался: «Вас, мужиков, в школе всего двое, и вы холостые, можете все отдавать детям. Весь остальной коллектив — тридцать пять женщин, у которых семьи, огороды, скотина. И я как руководитель не могу позволить себе вносить разлад, выделяя и противопоставляя вас всему женскому коллективу».

Этот диалог стал для меня своего рода открытием, ведь по роду своей деятельности я имел дело с такими же педагогами-туристами и не задумывался об их месте в школе. Чаще всего отношение к учителю-туристу даже в среде коллег-учителей неоднозначное, ведь водят детей в походы, к сожалению, энтузиасты-одиночки. И дети, как правило, любят их больше других педагогов.

Для себя сделал вывод: важно все время стараться поддерживать в педагоге его самооценку, авторитет различными наградами, выделять его. Чтобы дать почувствовать педагогу-туроргу его значимость, показать, что у него много единомышленников, что он не одинок, проводятся все-российские туристские слеты педагогов, в которых спортивные результаты являются второстепенными. И не надо жалеть добрых слов, грамот и дипломов для учителей, которые средствами туризма и краеведения выполняют задачи воспитания детей. Ведь всем хорошо известна истина: «Кадры решают все!»

О литературе

Рекомендую обратиться к творчеству следующих писателей, чьи книги можно назвать классическими художественными произведениями о путешествиях и туризме.

Карамзин Николай Михайлович (1766–1826)

Видный российский историк, литератор. «Письма русского путешественника» (1792) — рассказ о путешествии автора в 1789–1790 гг. по Пруссии — Саксонии — Швейцарии — Франции — Англии.

Цитаты из книги: «Приятно, весело, друзья мои, переезжать из одной земли в другую, видеть новые предметы, с которыми, кажется, самая душа наша обновляется, и чувствовать неоцененную свободу человека, по которой он подлинно может назваться царем земного творения» ... «Одним словом, друзья мои, путешествие питательно для духа

- *Я уже научился ориентироваться без компаса. Главное – не отставать от соперника.*
- *Сейчас моя очередь финишировать.*
- *Я забыл сменку. Можно босиком? – Нельзя! – А в носках?*
- *Не мешайте думать! А то я забуду, про что.*

и сердца нашего. Путешествуй, ипохондрик, чтобы исцелиться от своей ипохондрии! Путешествуй, мизантроп, чтобы полюбить человечество! Путешествуй, кто только может!»

Джером Клапка Джером (1859–1927)

Английский драматург, писатель-юморист. Автор романа «Трое в одной лодке, не считая собаки» (1889), повествующем о водном походе с комическими ситуациями, в которые попадали приятели, сплававшие на лодке по Темзе. Велосипедное путешествие тех же героев по Германии описано в романе «Трое на четырех колесах» (1900).

Марк Твен (1835–1910)

Американский писатель, юморист. Великолепно написанные книги «Простаки за границей, или Путь новых паломников» (1869) и «Пешком по Европе» (1880) до сих пор могут служить путеводителями для путешествующих за рубежом.

Арсеньев Владимир Клавдиевич (1872–1930)

Русский военный путешественник, писатель, исследователь. Известен своими приключенческими книгами «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала», рассказывающими о его экспедициях на Дальнем Востоке. Среди других литературных произведений — повести «Сквозь тайгу» и «В горах Сихотэ-Алиня». Книга «Дерсу Узала» дважды экранизирована (1961, 1975 гг.).

Федосеев Григорий Анисимович (1899–1968)

Советский писатель, инженер-геодезист. Произведения, рассказывающие о работе геодезистов в экспедициях по неосвоенным регионам Сибири, основаны на реальных событиях, на дневниках первопроходца. В них практически нет вымышленных имен, личности геодезистов воспроизведены с биографической точностью. Многократно издавались произведения: «Мы идем по Восточному Саяну» (1950), «В тисках Джугдыра» (1956), «Тропю испытаний» (1957), «Глухой неведомой тайгой. Записки путешественника» (1960), «Смерть меня подождет» (1962), «Последний костер» (1969). Произведение «Злой дух Ямбуя» (1966), написанное в детективном жанре, экранизировано в 1978 г.

Рыбаков Анатолий Наумович (1911–1998)

Повесть «Бронзовая птица» (1956) в приключенческом жанре рассказывает о пионерском палаточном лагере, работающем на основе самоу-

- *Миша, тебя долго не было. Покажи, где был, как бежал? – Не могу! Я только сейчас понял, что это финиш.*
- *Мне на север бежать? Или куда-то еще?*
- *После финиша: Скажите, а мой дом где? А как мне идти домой? Я здесь в первый раз!*

правления и самообслуживания в далеком 1927 году. Повесть экранизирована в 1974 г.

Голицын Сергей Михайлович (1909–1989)

Советский детский писатель, автор популярных, многократно переизданных книг о жизни советских пионеров, о детском туризме и краеведении: «Сорок изыскателей» (1959), «Городок сорванцов» (1963), «Полотняный городок» (1961), «Тайна старого Радуля» (1972), и другие. Им написаны также историко-краеведческие книги: «Сказание о белых камнях» (1969), «Ладьи плывут на север» (1985), «До самого синего Дона» (1986), «Сказание о земле Московской» (1991) и др. Автор произведений методического характера: «Хочу быть топографом» (1953), «Мы читаем «зеленую книгу» (1959), «Туризм в школе: книга руководителя путешествия» (1983).

Читайте сами и рекомендуйте своим друзьям и воспитанникам!

ТУРИЗМ – ДЕЛО БОГОУГОДНОЕ

*На туристском маршруте.
г. Ростов Великий*

Содержание

К читателям	3
Тёмкин Вениамин Яковлевич	
Макаренко Антон Семенович	
Случай в походе	5
Ротштейн Людмила Марковна	
О Валентине Михайловиче Куликове	11
Туристский лагерь Костяшкина	18
Это случилось в походе	21
Поход на Кольский полуостров, Хибины, 1964 год	30
Приполярный Урал, 1966 год	33
Мне вспоминается	36
Невыдуманные истории	43
Из походных дневников	53
Говорят посетители туркабинета	54
Остапец-Свешников Александр Александрович	
Страшное наказание	56
«Посмотрим, что получилось»	57
Девочки объявляют голодовку	58
Англичане едят одну овсянку	61
Диплом за сожженную школу	62
Ночь на полонине	66
Съеденный пирожок	69
Дихтярев Виктор Яковлевич	
Педагогический прием	72
Командор	75
Каждый за кем-то идет	82
Приключение или ЧП?	95
Не пройденный перевал	106
Томсон Борис Юрьевич	
До и после полуночи	115
Бороздинский Евгений Михайлович	
О риске оправданном и неоправданном	121
Вспоминая прошлое	126
По страницам водных отчетов	130
Захочешь — не придумаешь	131
Фразы	132
Бестолковый словарь	135
Этимологический словарь	135

По поводу и без	137
Кроме шуток	139
Смехоралли	140
Объявления	143
Суровиков Валерий Яковлевич	
Юные россияне на II Всесоюзном туристском слете-соревновании школьников (Белоруссия, 1976 г.)	145
Ключников Михаил Юрьевич	
И пламень сердца, и мотор... ..	149
Константинов Юрий Сергеевич	
В школе инструкторов	152
Сила приказа	154
На соревнованиях по ориентированию:	159
Селигерские страдания	160
Слет в Карпатах	166
«Овсянка, сэры!»	171
Происшествие на Великой	172
Камень Пушкина	175
Конкурс туристской кухни	177
На Главном Кавказском хребте	178
Из книги «Ориентирование как образ жизни, или с улыбкой об ориентировании»	183
Суровцев Геннадий Николаевич	
Путораны-81	186
Фалевский Сергей Владимирович	
У костра	189
На боне	191
Алексеев Алексей Александрович	
Об общественной работе и местном колорите	195
Обращаясь к истории: в далекие шестидесятые	196
Собаченька	199
Миндель Александр Яковлевич	
Случай на маршруте	204
«Тогда я еще курил!»	207
На маршрутах всякое случается	209
«Смотрите — чукчи!»	210
Хороший инструктор	212
Алюминиевая миска	213
Рыбалка	214
Гонки на одеялах	215

«Иди, я тебя потом догоню!»	217
Кавказское гостеприимство	217
Отцовская педагогика	219
Как тесен мир!	219
Чего не сделаешь с испуга!	221
Историческая высадка десанта	222

Хренов Сергей Николаевич

Самая непроходимая река	224
На Байкал с англичанами	231
Педагогический прием, или «Абрис» на реке Вуокса	235

Минхаиров Фарит Фатхиевич

«Маленькие еще...»	239
Ориентирование по... пупку	240
Ну, корова, погоди!	241
Ради команды... в прорубь	242
Охотник в засаде	244
Бородатая наживка	244
Пешком по облакам	247
Слабый дождь	248

Митраков Валерий Константинович

Радоновые источники	252
Где деньги?	253
Вспоминает педагог	254

Яшин Сергей Васильевич

Случайный юмор	256
----------------------	-----

Митрахович Сергей Стефанович

Что славянину хорошо, то немцу	261
--------------------------------------	-----

Панов Илья Игоревич

Крымские гуляния	266
Воспитание характера	272
Приключение на Селигере	272
Пашин узел + судейская логика = спортивная справедливость	274
Что туризм животворящий делает... ..	275
Нарочно не придумаешь	275

Вместо послесловия от автора-составителя

О литературе	282
--------------------	-----

.....

Ходили мы походами. Невыдуманные рассказы о туризме: сборник
Автор-составитель **Константинов Юрий Сергеевич**

Редактор **Ю.С. Константинов**
Корректор **Е.Д. Зоркова**
Дизайн и верстка **А.С. Лосев**

Сдано в набор **01.11.2021**. Подписано в печать **23.11. 2021**.
Формат **60x90/16**. Усл. печ. л. **18**
Печать цифровая. Отпечатано с оригинал-макета.

Отпечатано в типографии «**OneBook.ru**»
ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом **42**, корп. **5**,
«Технополис Москва».
www.onebook.ru
Тираж **500 экз.**